РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЭТИМОЛОГИЯ
1991–1993

Ответственный редактор
академик
О.Н. ТРУБАЧЕВ

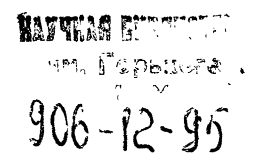
МОСКВА "НАУКА"
1994

ББК 81
Э 90

Редакционная коллегия:
Ж.Ж. Варбот (ответственный секретарь),
Л.А. Гиндин, *Г.А. Климов, В.А. Меркулова, В.Н. Топоров,*
О.Н. Трубачев (ответственный редактор)

Рецензенты:
доктор филологических наук *Г.Н. Лукина*
кандидат филологических наук *Т.В. Невская*

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (№ 94-06-19110-а)



Этимология. 1991–1993 / Ин-т рус. языка РАН. – М.: Наука,
Э 90 1994. – С. 192.
ISBN 5-02-011173-2

Очередной том сборника включает в свой состав исследования отечественных и зарубежных ученых в области славянской, русской, индоевропейской, картвельской и тюркской этимологии. В центре внимания находится лексика русского и других славянских языков, к исследованию широко привлекается диалектная лексика, предлагается много новых этимологических решений, освещаются вопросы истории славянской культуры.

Критико-библиографический отдел составляют рецензии на новые публикации в области этимологии и исторической лексикографии.

Для этимологов, историков языка, историков культуры.

Э $\frac{4602000000\text{-}306}{042(02)\text{-}94}$ 398-94, I полугодие **ББК 81**

ISBN 5-02-011173-2

© Коллектив авторов, 1994
© Российская академия наук, 1994

СТАТЬИ

О.Н. Трубачев

ПРАСЛАВЯНСКОЕ ЛЕКСИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛЕКСИКА ДОПИСЬМЕННОГО ПЕРИОДА

1. Нижеследующие заметки носят характер **предварительных тезисов** и содержат некоторые общие соображения, подкрепляемые конкретными примерами, без претензий на полноту. Это, скорее, подходы к структуре соответствующей главы в более крупной работе по русской исторической лексикологии, чем сама структура. Разумеется, что-то из предлагаемого мной можно было бы использовать и при непосредственной работе над главой о праславянском наследии. И все же сейчас кажется важнее обратить особое внимание на трудности раскладки "по полочкам", порой превышающие саму надобность подобной раскладки. Поэтому уместно говорить о широте, о необходимости широкого (не узкопрофессионального) подхода. Меня поддерживает надежда, что только на этом пути можно обрести новизну и свежесть взгляда, которых иные скептики, похоже, уже не ждут от русской исторической лексикологии.

В самом деле, существуют привычные антитезы, и я могу понять людей, неплохих работников, которые работают в привычном русле и не очень склонны усложнять себе свою научную жизнь. Но, с другой стороны, опыт этой самой жизни и работы порой взывает взломать блокаду условностей, ибо все границы и противопоставления условны. Это в полной мере относится к тем, с которыми работаем и будем работать мы. Позвольте перечислить. **Историческое – описательное** (корректное описание порой содержит больше **истории,** чем "исторический очерк" с примерами разной датировки, очень часто статичными или эволюционно далеко не полными). Далее, **лексикология и лексикография** (их практическое противопоставление искусственно, в сущности перед обеими стоит цель корректного описания значений, все остальное – детали). Противопоставление **исторической лексикологии** и **этимологии** в значительной степени – терминологическая избыточность (и этимология давно интересуется не одним корнем, а всем словом, его употреблением, семантическим и словообразовательным развитием). Также в немалой степени искусственно противопоставлять **историческую лексикологию** и **историческое словообразование** как разные дисциплины (каждый, кто серьезно занимается одним, обязательно занимается и другим). То, что противопоставление **литературного** и **диалектного** в

исторической лексикологии во многом снимается, думаю, понятно (хотя на практике – далеко не всегда, причем ряд слов диалектных, иногда – жаргонных, просторечных рискует пропасть из поля зрения исследования). Здесь уместно вспомнить и противопоставление **дописьменное – письменное,** вспомнить с тем, чтобы попытаться смягчить его остроту, безусловную в глазах специалистов по исторической лексикологии. Постулат единой и непрерывной истории языка и слова для нас все же важнее. Дальше нам еще придется возвращаться также к этой условности. Определенная толерантность в том, что касается перечисленных далеко не абсолютных понятий и терминов, думается, сделает нас восприимчивее к опыту других дисциплин и вообще ко всему тому, что зовется интердисциплинарным обменом.

2. Проблема адекватности описания значения, включая риск, вызванный неудачной записью значения слова, занимает меня давно. Вот первый пример, когда дефектность описания, неполное знание лексического гнезда приводят к тому, что и лексиколог, и лексикограф теряют слово, кстати сказать, слово живое и притом – в условиях современной богатейшей письменности: *косýля*, название малого оленя. В словаре Даля нет *косуля*, есть *козуля*, явный плод ложной этимологии (или – неверной записи?) в связи с *коза*, с которым наше *косуля* как раз не связано, оно родственно глаголу *чесать*, что применительно к малому оленю значило ‘счесывать (сбрасывать) рога’ (4-томный словарь дает *косуля* ... см. *козуля*). Этой лексикографической лакуны не избежал и Этимологический словарь Фасмера, в нем отсутствуют и *косуля*, и *козуля*, и наш Этимологический словарь славянских языков (ЭССЯ), и только в дополнениях и исправлениях ко 2-му изданию Фасмера (Фасмер^2 III, 830) я смог исправить свою ошибку, о чем и сообщаю также сейчас, поскольку речь идет о старом, по-видимому, еще праславянском слове, входящем в словарный состав также современного русского языка, но в силу ряда негативных обстоятельств крайне скудно засвидетельствованном (СлРЯ XI–XVII вв. (7, 376) отмечает тоже только омонимичное *косуля* ‘вид сохи’).

3. Говоря о праславянском периоде, условимся не поддаваться смешению двух терминов – “праславянский”, относящийся к соответствующей эпохе, и “общеславянский”, относящийся к распространению во всех славянских языках, несмотря на словоупотребление влиятельной книги А. Мейе “Общеславянский язык” и аналогичный англо-американский термин. Следует иметь в виду, далее, что праславянский период отнюдь не поддается четкому выделению, и с прогрессом науки (признание изначальной сложности языка) дело оборачивается даже труднее. Собственно, удручать это не должно, потому что все опыты историколингвистической периодизации имеют, к сожалению, по большей части не языковую, а общественно-историческую, хронологическую основу. Здесь уместно повторить, что язык непрерывен, и почти с тем же успехом мы могли бы принять, что праславянский период никогда не кончался, ибо диалекты существовали всегда (а не с какого-то определенного момента, которым было бы удобно датировать окончание

праславянского периода и появление этих диалектов...), просто с течением времени древние диалекты перегруппировались в исторические славянские языки. Остается чисто условно (и не очень настойчиво) придерживаться хронологической близости праславянского и дописьменного.

4. Наши знания о праславянском словарном составе имеют вынужденно опосредствованный характер, поскольку праславянский язык прямо не засвидетельствован. Подобные знания неизбежно подвержены постоянной корректировке и пересмотрам. Определенная умозрительность представлений выражалась еще и в том, что с относительно древней датировкой существования праславянского языка (полторы-две тысячи лет назад) условно связывали не только невысокий уровень культуры праславян, но и сравнительно небогатый словарный состав, с небольшим развитием отвлеченной лексики высокой культуры. Конечно, это ходячее представление априорно в своей сути и отдает определенной недооценкой, так что возможность серьезных научных поправок здесь велика. Вместе с тем весь основной спектр человеческих знаний (иначе говоря – слов-понятий) наличествовал, и это безусловно относится и к праславянскому наследию в древнерусской лексике, бо́льшую часть которой допустимо квалифицировать как праславянскую, имея в виду при этом продолжающееся функционирование, скажем, в дописьменном, дохристианском древнерусском (древневосточнославянском) в принципе все того же совокупного словаря, охватывающего все те же лексико-семантические группы: человек и все, что связано с человеком, его жизнью, родом, обществом; дом, жилье, простейший хозяйственный обиход, одежда, пища, питье; окружающий мир, природа, животные и растения (дикие и культурные); земледелие, скотоводство, ремесло; представления о времени, пространстве, количестве; религиозные представления. Этот обобщенный перечень, разумеется, лишь приблизительно очерчивает праславянский фонд русской и древнерусской лексики и при специальном рассмотрении подлежит дальнейшей детализации.

5. Праславянский лексический фонд русского языка не пребывал неизменным; он жил, "изменялся, оставаясь самим собой", как и сам язык. Его продуктивность, выразительные потенции не исчерпаны и сейчас. Несмотря на постоянные контакты с другими языками и воздействие этих последних и стоящих за ними культур, фондовые понятия до сих пор нередко обозначаются лексемами еще праславянской древности. При этом среди них мы находим и такие русские термины высокоразвитой культуры, как *наука, завод, станок, самолёт, поезд, палуба, судно, корабль*. Все это праславянские слова. Ясно, что палуба современного лайнера не имеет ничего общего ни с лубом, ни с лубяной будкой; масштабы семантической эволюции этих слов замечательны. Какая-то аналогия при этом может быть проведена с тем обстоятельством, что специальные отрасли современной науки и техники нередко черпают свои термины из лексики народных говоров. Ограничусь примером слова *колт*, которым археологи обозначают ископаемые женские украшения-подвески. Ср. диалектное (север., печор., псков.) *ко́лтки, колтки́* мн. 'металлические серьги с подвесками (или удлиненной формы)' (СРНГ 14,

195), производное от диалектного же *колта́ть* 'болтать'. Случай показался мне интересным, потому что это одновременно и лексика праславянской древности.

6. Вспомогательная (разумеется, не единственная) методика определения, выявления праславянского лексического фонда в словарном составе древнерусского языка может быть следующей. Мы имеем возможность сейчас соположить существующие словари древнерусского языка и наш **Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд** (уже вышел 21 выпуск от A до N, недостающая часть алфавита представлена в картотеках соответствующего академического отдела). Стремление историков языка рассматривать в качестве древнейшей ту часть древнерусской лексики, которая отражена в древнейших русских письменных текстах, по-человечески понятно, но такую точку зрения нельзя абсолютизировать, потому что это было бы в лучшем случае наивностью. Приходится многократно повторять, что факт письменной фиксации слова – это сплошь и рядом случайность. Первая фиксация и возникновение слова совпадают крайне редко, хотя в научной литературе часто исходят как раз из презумпции единства этих двух актов. Целесообразно поэтому говорить о праславянской основе русского словарного состава в целом.

7. Воззрения на праславянский язык и его словарный состав постепенно меняются. До недавнего времени господствовало мнение, что к праязыку возводимо только то, что засвидетельствовано во всех или нескольких родственных языках. Собственно, этим и объясняется предпочтение предыдущих поколений ученых, отдававшееся термину общеславянский, ныне устаревшему. Исподволь накапливались наблюдения и доводы в пользу того, что праславянский язык вообще не мог существовать как бездиалектный, если понимать его как реально существовавший живой язык. Так возникла идея праславянского лексического диалектизма, к которой причастен и автор этих строк. Это была нужная идея, сразу либерализовавшая и научную мысль, и активизировавшая значительный фактический материал, который, как в таких случаях бывает, уже имелся в немалом количестве, но как бы лежал под спудом. Ведь фактически действовал своеобразный запрет на то, чтобы считать праславянизмом очевидно древнее образование, если оно известно только из одного языка или (боже, упаси) только из части диалектов этого одного-единственного языка. Сохранилось воздействие теории родословного развития. Все это искусственно упрощало наши теоретические представления о неизмеримо более сложной языковой действительности. Признание изначальной полидиалектности в рамках любого языкового (в том числе – праязыкового) единства многое поставило на свои места. В этой ситуации естественно прозвучало и положение об автономности праязыковых состояний лексики каждого славянского языка в отдельности и о праславянском лексическом диалектизме. Сказанное прямо относится к вопросу о праславянском лексическом наследии в (древне)русском словарном составе. Потребовались дополнительные критерии, необходимость регулярного привлечения данных сравнительного языкознания, этимологии, поскольку праславянский лексический диалектизм

(локализм, регионализм) ограниченного распространения, не будучи подтвержден данными других славянских языков, обнаруживал нередко подтверждения (этимологические соответствия), а иногда – полные лексические тождества в других родственных индоевропейских языках. Это направление сулило не только этимологические находки, но (что, пожалуй, не менее важно) новые подходы к интересующей нас здесь проблеме: **состав праславянского словаря**[1] и внутри этой общей проблемы – более специальная, о **праславянских диалектизмах русского словаря.** Тогда, тридцать лет назад, я сделал первую предварительную выборку этимологических случаев этого рода на основе словаря Фасмера. В этот перечень из нескольких десятков лексем, не претендующий, как это сейчас очевидно, на исчерпанность и полноту, вошли слова: *бýга* 'низкий берег реки', *бугóр, вазнь* (др.-рус.) 'счастье, удача', *вéблица* 'червь', *верпу* (др.-рус.) 'рву, граблю', *волмина* (др.-рус.), название дерева, *ворóбы, вóроб* 'мотовило', *глýда* 'глыба, ком', *глудкий* 'гладкий, скользкий', *дук* 'ямка', *éмины* 'запас хлеба', *ёрш, жень* 'бортнические ремни', *зуд, клёк* 'лягушачья икра', *клыпáть* 'хромать', *кóмель, лѣкъ* (рус.-цслав.) 'остаток', *лепестóк, лигозить* 'путать нити при тканье', *мизгúрь* 'паук', *мышелъ* (др.-рус.) 'стяжание', *овúн, плень* 'гниль', *пóлба, приют, ютúть, уют, ружь, ружа* 'наружность', *свигáть* 'гоняться, спешить, бегать', *угрюмый, ýдить* 'зреть, наливаться (о зерне)', *услó* 'начатая ткань', *ушь* (др.-рус.) 'чертополох', *шест, шýстрый, щёлок, яглый.* Как видно, здесь представлены слова общенародного русского языка, древнерусские слова и слова диалектные, для краткости никак не выделенные. Семантический спектр приведенных слов весьма разнообразен. Остается сказать, что неменьший перечень в упомянутом докладе дан по праславянским диалектизмам белорусской лексики, а это имеет прямое отношение к праславянскому фонду лексики древнерусского языка, общего предка русского, белорусского, украинского языков. Совершенно очевидно, что, поставив вопрос о праславянских диалектизмах украинского языка, мы тоже, как говорится, вернулись бы не с пустой сетью. В украинском словарном составе, в старых текстах и народных говорах, тоже немало праславянских древностей, взять хотя бы такую крупную находку того же времени, как древне-юго-западнорусское (общее для староукраинского и старобелорусского) *зеремѧ* 'бобровая колония', при всей своей изолированности в славянском, уверенно реконструируемое как праслав. диал. **zerdmę/-mene* (корень тот же, что в *зарóд-зорóд*) и даже – как и.-е. **ĝherdh-men-*. Важность этой лексической изоглоссы повышается тем обстоятельством, что собственно великорусскому слово *зеремѧ* неизвестно. Нехудо иметь в виду положение, что "восточнославянский ареал в большей своей части – типичная зона экспансии; следовательно, априори здесь надо предполагать в первую очередь сохранение [периферийных] архаизмов"[2]. Интересный праславянский диалектный случай, объединяющий все восточнославянские языки, представляет собой рус. *коромы́сло* (диал. *корóмы́сел*),

укр. *коро́мисел*, блр. *каро́мысел* – слово, неизвестное другим славянским языкам, но безусловно древнее, даже этимологически трудное. Не так давно обнаружили своеобразное соответствие, с другой ступенью корневого гласного, в остатках языка балтийских славян – кашуб. *čarmëslë* 'деревянные коромысла', то есть на другой периферии славянства.

Разумеется, и сравнительно-лингвистический (этимологический) метод не всемогущ, и не всякий диалектизм, даже старый, обязательно восходит к праславянской древности. Все это необходимо иметь в виду, решая задачу **реконструкции праславянского состояния прарусской лексики.** Не могу не упомянуть здесь с теплым чувством о том поистине молодом энтузиазме, с которым откликнулся на идею автономности праславянского состояния лексики каждого славянского языка и идею праславянского лексического диалектизма Ф.П. Филин в последние уже годы своей жизни. Любовно изданная посмертная подборка его работ под названием "Историческая лексикология русского языка. Проспект"[3] – хорошее тому свидетельство. Разумеется, это явилось лишь продолжением собственных давних интересов Ф.П. Филина к исторической диалектологии и древней диалектной лексике, которой в его капитальной книге "Происхождение русского, украинского и белорусского языков"[4] отведена добрая сотня страниц.

8. Резервы самой богатой древней письменности исчерпаемы, в особенности, если интересы исследователя обращены в дописьменное время. Здесь вступают в силу косвенные резервы, в том числе письменность на других языках. Правда, возможности углубить историю древнерусской лексики таким путем довольно скудны, и случаи вроде глоссы *rex Boz*, которую можно прочесть как *rex* (лат. 'король, царь') =**vožь*/**vo3ь* (прарус. 'вождь') (Иордан, Getica, о владыке антов, упомянуто в связи с готско-славянской войной IV в.), встречаются редко. Гораздо более информативен другой резерв реконструкции древнего состояния лексики – ономастика всякого рода (топонимия, гидронимия, антропонимия, этнонимия). Замечено, что восточнославянская топонимия и гидронимия славянского происхождения обнаруживает репертуар лексических основ, подчас отсутствующих в известной восточнославянской апеллативной лексике[5]. Это наводит на мысль, что первоначально эти лексические основы имелись и в древнерусском нарицательном лексическом составе, но потом выбыли из него и сохранились лишь на такой периферии словаря, каковой является; ономастика.

Метод реконструкции утерянных на апеллативном уровне слов, ориентирующийся на выявление их следов в топо- и гидронимии, систематически применяется в языкознании других славянских стран. Так, например, праславянское слово **sosna* отсутствует в словарном составе южнославянских языков[6]. Однако это слово обнаруживается на южнославянском ономастическом уровне – в македонской топонимии[7]. И таких случаев, когда в ономастике удается обнаружить все еще живые остатки лексем праславянского и старославянского (древнеболгарского), там немало. Аналогичную ситуацию мы встречаем и в восточнославянском. Наибольший интерес представляют случаи вроде нижеследующего.

Исследователи обратили внимание на топоним *Плота* в Воронежском крае, одновременно указав, что соответствующий апеллатив в местных говорах русского языка не отмечается, хотя в словаре Даля зафиксировано *плотá в* значении ‘овраг’ с пометой “воронежское”[8]. В действительности местное и водное название *Плота* распространено несколько шире – также в орловских и тульских местах, ср. довольно многочисленные случаи в Верхнем Поочье: *Плота, Старицкая, Ржавая, Долгая, Сорочья, Черемоченская Плота*[9].Сюда еще речные названия *Бутежская Плата, Лещинская Плота, Гнилая Плота,* в бассейне Сейма. Употребление в сочетании с различными определениями (см. выше) свидетельствует о былом апеллативном статусе названия Плота; о том [illegible]оей стороны, говорит речное название *Двеплота* (сочетание с числительным) в Верхнем Поочье. Так что перед нами былой апеллатив *плотá*, в существовании которого и Даль был не очень уверен, снабдив его, с одной стороны, ударением, а с другой стороны – знаком вопроса. Хотя ареал этого исчезнувшего слова несколько шире Воронежского края, все же очевидна его региональность. Относящееся явно сюда же речное название *Пополта*, тоже в Верхнем Поочье, позволяет поставить вопрос о реконструкции для нашего **плота* праславянской формы **plъta* и включении его в лексическое гнездо слова *плот* ‘средство передвижения по воде’, с дальнейшим родством с *плыть, плыву*, что в общем естественно для обозначения водного тока или русла. Таким образом, внимательное рассмотрение ономастического случая привело нас к выявлению потенциального праславянского диалектизма **plъta*, без которого было бы неполным гнездо **plъtъ* (плот), гнездо достаточно архаическое и разрушающееся (так, для мотивировки отнесения к нему слова *плоть*, **plъtь* требуется уже этимологический комментарий: ‘тело, кожа’ из первоначального ‘наплыв, наплывшее, натек’).

9. Проблема **разрушения лексических гнезд** чрезвычайно интересна для исторической лексикологии, но прежде чем уделить внимание различным ее случаям, я бы хотел кратко указать на интереснейший район, куда нас привел случай *Плота*: Окско-Донская равнина, средний Восток Древней Руси, неизменно притягивавший шахматовскую интуицию. Оставаясь в рамках проблематики исторической лексикологии, нужно сказать, что именно на Верхнем Дону (отчасти – на Северском Донце) наблюдается некоторое скопление определенно древнерусских, славянских гидронимов древнего вида, но без опоры в существующей апеллативной лексике: *Снова* (также в Посемье), *Калитва, Идолга, Щигор, Иловай, Московая Ряса, Излегоща, Разлатая* (балка), *Толотый, Стубло* (последние два – по Северскому Донцу)[10]. Украинско-русская чересполосица здесь для нас неактуальна; речь идет об образованиях общей древности, хотя и выразительно региональных.

Таким образом, в большую программу русской исторической лексикологии, в разделе о праславянском наследии, должны войти также этимологически выверенные сведения о **фондовой ономастике** (топонимии, гидронимии, антропонимии, этнонимии). Можно спорить об объеме поня-

тия фондовая ономастика, хотя в целом оно представляется интуитивно достаточно ясным. Речь может идти об архаичном, непродуктивном слое образований. Как уже было показано, ономастика здесь важна не сама по себе, а как резерв для выполнения основной задачи. Разрушающиеся лексические гнезда оказываются подчас на стыке апеллативной лексики и ономастики. К упомянутой выше фондовой ономастике принадлежат, например, названия *Москва, Тула,* являющиеся исконно славянскими (другие этимологические версии для *Москвы* вызывают у меня сейчас сомнение) и вместе с тем – региональными, вятичскими включениями в восточнославянский ономастический ландшафт. Случайный факт довольно поздней хронологии письменной фиксации названий *Тула, тульские украины* не мешает нам принципиально увязывать это название с приходом вятичей (исход I тыс. н.э.) и с древним лексическим гнездом *тул* 'футляр для лука', *тыл* 'задняя (мясистая) часть'. Гнездо это чрезвычайно разветвлено семантически, самобытно в плане словообразования, фонетики, морфологии. С названием южновеликорусской Тулы связывают – более или менее корректно исторически и этимологически – первоначальную идею прибежища, укрытия ('место, где можно притулиться'). Можно справиться у Фасмера, на слово *Тула*. Безответственные публичные рассуждения историка Л.Н. Гумилева о том, что название города Тулы – от имени татарской ханши Тайдулы (так!)[11], с наукой ничего общего не имеют, к сожалению. Далее, сюда же, помимо *тулить* 'укрывать, помещая, втискивая куда-либо', принадлежат *туловище*, др.-рус. *тулово*, но также и *тулуп/б*, *тульй́* (головного убора), старое префиксальное сложение *сутулый*. Основная идея заполнения емкости, разрастания плоти представлена в глаголе *тыти*, при всей самостоятельности семантики и огласовки бегло перечисленных нами образований на *-л-*, достаточно хорошо известных разным славянским языкам и не перестающих удивлять своим словообразованием, ср. сюда др.-рус. *тылѣснь, тыльснь* — о тупом конце оружия*.Но проблем, связанных с этим гнездом, гораздо больше. Здесь довольно много – тоже древней – лексики, произведенной иными способами от того же корня, ср. *тук* (с суф. *-к-*), откуда *тучный*, далее – *отава*, с древним словообразовательным удлинением корневого гласного. Наше замечательное корневое гнездо, оказывается, содержит также бессуффиксные производные весьма архаического вида и выразительно региональные, как,например, *това* в смоленском тексте конца XVII в.: четыре лыка сухие рыбы *товы*[12]. Назову еще два важных этимологически затемненных случая, также принадлежащих к рассматриваемому гнезду (оба они включены в дополнения ко 2-му изданию словаря Фасмера, т. IV): *тволага*, рус.-цслав. 'телка', прежде признававшееся темным, теперь достаточно вероятно объясняется (**tv-ol-*) как этимологически родственное *тул, тыл, тыти* ('тучное животное'); предложенная этимология

---

* Ср. также *тылье*: изрежь толщиною в кожевое *ты*ˡ*е* (Артикул поварнич., нач. XVIII в., ркп. ГПБ. – Пример сообщила мне Л.Ю. Астахина).

перспективна, поскольку может быть распространена и на широко известное, но необъясненное этимологически слово *тюлень*, первоначально, видимо, **твелень* (ср. форму редкой русской фамилии *Твеленев*). Нельзя не согласиться с тем, что *тюлень* тоже ‘толстяк’! Заметим, что этимологический комментарий позволяет констатировать в словах *тволага, тюлень* лексические диалектизмы праславянского образования (иную точку зрения представляет И.Г. Добродомов, который, вслед за О. Прицаком, видит в *тволага* тюркизм, что осложняется, однако, гипотетичностью некоторых тюркских промежуточных звеньев, а также наличием апофонии *тволага*: **твелень* на славянской почве). Ну, и последний небольшой, но явно поучительный пример, один из тех, мимо которых легко пройти не заметив, тогда как он имеет прямое отношение к реконструкции утерянных лексем, явно расположился на стыке ономастики и апеллятивного лексикона и прежде всего – относится к тому же замечательному гнезду с корнем *тул-*. Среди гидронимии Окско-Донской равнины мое внимание привлекло название *Волчья Тулава* (материал диссертации Панина, см. выше). Зная польский глагол *tułać się* ‘бродить, бродяжничать, ходить без пристаница’, нетрудно заметить, что *Тулава* имеет вид отглагольного производного, но такого глагола **тулать* в русском нет. Можно высказать осторожное суждение, что либо глагол этот первоначально существовал в языке восточных славян, либо (как и ряд других элементов, включая местное название *Тула*) он был занесен на Окско-Донскую равнину давними ляшскими предками вятичей.

Выпадение слова из словарного состава складывается порой причудливо; легче его констатировать, нежели объяснить. И если бы не недвусмысленные показания ономастики, мы бы потеряли все следы слова, хотя речь иногда идет о слове как будто заметном и конкретном, стоящем в четком словообразовательном ряду, как, например, **обиток* (ср. известное *обиход*), восстанавливаемое нами на базе местного названия *Обиточная коса*, на северном берегу Азовского моря, сюда же речка *Обыточка* на Среднеднепровском Левобережье (см. соответствующее дополнение в русских изданиях словаря Фасмера).

10. Таким образом, как и в нашей убыточной экономике, главная проблема, объемлющая все, пожалуй, остальные, – это наши потери и как им противостоять. При этом масштабы этих потерь могут незаметно перерастать рамки узкопрофессиональных интересов и оборачиваться нашими общекультурными потерями. Это бывает, когда средства массовой информации, в сущности поощряемые поверхностностью наших филологических суждений, занимаются дальнейшим тиражированием наших ошибок, нашего не очень точного словообразовательно-семантического истолкования слова. Таков случай, постигший нас с хорошим древнерусским и праславянским словом *изгои*. Известно, с каким значением в первую очередь слово *изгои* ассоциируют современный журналист, политик, вообще – “масса” грамотных людей. Уверен, что все они, в согласии с современной лексикографией русского языка, назовут значение ‘отверженный, отщепенец’. Сказался, безусловно, авторитет

Даля, см. 2-е изд., т. II, 19: *изгóй* м. стар. 'изверженец? исключенный из счету неграмотный попович; князь без княженья, владенья; проторговавшийся гость (банкрут), не платящий подателей'. В сущности, Далю нельзя отказать в корректности, свое толкование 'изверженец' он дает под вопросом, как увидим, оправданно. Срезневский в своих "Материалах" слишком краток. СлРЯ XI–XVII вв. (вып. 6, 138) достаточно осторожен, но в целом созвучен с Далем, акцентируя значение отрыва от своего сословия. Я уже писал о том, что при описании значения (а заодно и при семантико-этимологической реконструкции) слова *изгои* целесообразно пойти по пути более внимательного учета семантики непосредственно мотивирующих глаголов – др.-рус. *изжити* 'потратить, израсходовать на существование', рус.-цслав. *иждивитися* 'израсходоваться'. Похоже, что изгойство означало определенное обеспечение, иждивение. Ведь и далевское толкование информативно в указанном смысле, на что мало обращали внимания: "не платящий податей" заключает в себе момент иждивения, как бы льготу, а не отвержение прежде всего. Конечно, нельзя не видеть того, что *изгой* – слово книжное, не народное, хотя и построенное по древней модели, с *-о*-вокализмом корня. До конца трудно исключать влияние образца греческих ἐκ-τρέφω 'выкармливать', ἐκ-τεϑραμμένος 'вскормленный'[13].

11. Извечная проблема соотношения письменной истории слова и его полной истории, вопрос о том, какая часть этой полной истории осталась (состоялась) за пределами собственно письменного отрезка, позволяет и понятие "дописьменности" применять более гибко, индивидуально и притом иногда – к словам поздних периодов. Так, слово *Домострои* засвидетельствовано только в качестве названия известной книги, кодекса домашнего хозяйства и права. Есть основания предполагать фигуральное употребление первоначального нарицательного имени деятеля **домострои* (не засвидетельствовано), слишком напоминающего кальку с греч. οἰκονόμος 'домохозяин' и функционально отличного от известного *домостроитель*. Ср. аналогичную судьбу – от имени деятеля (апеллатив) к названию книги: *Назиратель*. Конечно, здесь речь совсем уже не идет о праславянских образованиях, но навыки, приобретенные при анализе последних, могут принести пользу и в случаях с более поздними новообразованиями.

12. Размышляя над контрастивным (сопоставительным) определением задач исторической лексикологии, конкретно – над сравнением исторической лексикологии и, скажем, истории культуры по данным языка, сразу видишь подтверждение тому, что историческую лексикологию отличает принципиальная установка на возможно более полную инвентаризацию лексического состава в его развитии и функционально-семантической классификации. В то время как история культуры нацелена на раскрытие духа культуры и – при более выборочной установке в отношении лексического состава – на выявление ключевых слов[14].

Полная инвентаризация словарного состава в обозначенных параметрах – это программа-максимум, но, спрашивается, какую другую достойную задачу должна выдвигать академическая русская историческая

лексикология. Тем более что до сих пор такая задача не только не решалась, но и не ставилась – ни книга Черных, ни книга Кипарского, ни какая-либо другая не преследовали эту цель в полном объеме. Книга П.Я. Черных "Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период" (МГУ, 1956) была представлена самим автором как первый опыт русской исторической лексикологии, по заключению рецензентов, добавим, – малоудачный опыт. "Очерк" Черных целиком принадлежит своему времени с его комплексами: боязнь заимствований, отсюда (а также по другим причинам) – много ошибочных этимологий, явно недостаточный учет мировой славистической литературы. Автору свойственны ошибочные прямолинейные суждения, в духе тех, которые мы уже разбирали выше, скажем, форма **вѣта* (при производном *ветка*) не существовала, потому что не засвидетельствована в письменности (но ср. укр. *вíта*, говорящее о реальности прарусского **вѣта*!). Коротко говоря, это не был мировой уровень и для своих, 50-х, годов нашего века[15]. В остальном следует отметить в книге большой раздел "Общеславянский словарный фонд и его развитие в древнерусскую эпоху", после чего словарный состав рассматривается по главным семантическим группам (человек, люди, терминология родства, животный мир, природа, труд, материальная и духовная культура), сообщаются определенные сведения об отличиях восточнославянской лексики от лексики остальных славянских языков и о лексических отличиях древнерусских диалектов.

К сожалению, слишком схематичным и потому неудовлетворительным справочником оказалась и гораздо более близкая к нашему времени книга Кипарского, если говорить, так сказать, об основных вехах[16]. "Развитие словарного состава" – так назвал Кипарский свою историческую лексикологию – занимает объемистый том III его "Русской исторической грамматики". Главную свою задачу автор, судя по всему, усматривал в охвате материала, что привело к чрезмерной, "алфавитной" (как, помнится, заметил по этому поводу Ф.П. Филин) манере изложения, обеспечивающей обозримость, но почти без аппарата. Материал распадается на главные рубрики: Исконные слова. Заимствованные слова. Новообразования на русской почве. Суффиксальные образования. Префиксальные образования. Сложения. Раздел исконных слов начинается с "русских слов индоевропейского происхождения (возраст – около 3500 лет)", далее идут "русские слова балто-славянского происхождения (возраст – минимум 2500 лет)", "русские слова праславянского (общеславянского) происхождения", и читателю как бы предлагается однозначно поверить и в существование балто-славянского единства и в эти абсолютные даты, абсолютность которых не очень правдоподобна. Внутри каждого такого подраздела членение однотипно: Тело человека. Родство и половая жизнь. Явления природы. Животный мир. Растительный мир. Виды деятельности. Свойства и отвлеченные обозначения. Материальная культура. Техника. Облегченность до школьного уровня объясняется не только стремлением охватить всю историю русской лексики до современности, но и – главное – адресованностью этого вузовского учебника нерусскому читателю. Автор не без гордости

включил также непристойную лексику, которая, как он специально отмечает, не была допущена даже в русском издании "Этимологического словаря русского языка" М. Фасмера, а сейчас, как мы знаем, прорывается и в беллетристику, и на сцену, и в кинематографию. Табу в отношении этих русских слов у нас все же кое-где еще соблюдается, поэтому, например, наш Этимологический словарь славянских языков дает эту русскую лексику латиницей, дабы не оскорблять нравы, но и не поступиться академической полнотой (речь идет о древних образованиях языка).

Если верить Кипарскому, индоевропейских слов в русском – 454, "балто-славянских" – 300, праславянских – 420 (здесь сообщается и возраст последних – "минимум 1500 лет"), но поскольку индоевропейские слова одновременно – праславянские (*сидеть, рыть*) все цифры сомнительны. Несколько обстоятельнее в книге трактуются заимствованные слова (поздние заимствования, иностранные слова нашего столетия не учитываются). Суммарно рассматриваются германские, иранские, тюркские, старославянские, греческие, финноугорские, балтийские элементы, а также польские и некоторые другие, более поздние. Краткость изложения усилила неизбежный субъективизм и односторонность суждений, при всем том, что автор был выдающийся лексиколог с огромной эрудицией, знанием языков и литературы. Безжалостного устарения не избежала также и эта, в целом полезная работа, получившая много откликов (среди них – трудолюбивая рецензия нашего покойного Г.Ф. Одинцова[17]). Интересно, что половина книги Кипарского посвящена словообразованию, причем автор насчитывает более двухсот русских суффиксов (среди них, правда, немало дублетов или незначительных вариантов вроде *-анин, -янин, -чанин* или таких суффиксов, которые, собственно, нельзя считать, особенно с позиций исторического словообразования, ни славянскими, ни русскими: *-абельный-, -изация*), а также семьдесят (!) префиксов (цифра тоже неумеренно завышенная, если учесть, что в "русские" префиксы у Кипарского попадают даже компоненты молодых сложений *прод-, пром-*).

Главное наблюдение, которое мы вправе сделать, – это то, что Кипарский представляет себе как бы одномерное – вертикальное "развитие русского словарного состава" от индоевропейской основы и до заимствований нового времени (верхним пределом ему чисто условно служит 1900-й год). Иной стратиграфией автор в сущности не занимается: вклад диалектов бегло признается, но в поле зрения автора находится практически исключительно лексика письменного, литературного языка. В наших глазах это концептуальный недостаток, и в предыдущем изложении мы уже наметили иной подход, опирающийся на постулат изначальной диалектной сложности, праславянские лексические диалектизмы, а также положение об ограниченности письменных свидетельств и пути по преодолению, восполнению этой ограниченности. Вертикальную стратиграфию словарного состава надо, в сущности, дополнять горизонтальной стратиграфией, подразумевая под ней постоянную установку на изучение древнедиалектных компонентов. Подход это новый, поэтому опереться на прецеденты да еще в масштабе,

сравнимом с исторической лексикологией русского языка, затруднительно по той причине, что полных аналогов нет. Есть, правда, аналогичные новые разработки в области ранней восточнославянской топонимии[18].

Этот путь малохоженый не для нас одних. В сравнимых очерках исторической лексикологии других языков мы находим в основном все ту же вертикальную стратиграфию. Это можно видеть и по работе такого опытного этимолога и лексиколога, как О. Семереньи. Работа, которую я имею в виду: O. Szemerényi. An den Quellen des lateinischen Wortschatzes. Innsbruck, 1989. Несколько выборочный метод изложения (авторские новые находки, а не фронтальное исследование латинской исторической лексикологии), тем не менее, обнаруживает привычную схему: древние унаследованные элементы и древние заимствования (из греческого, кельтского, семитского). У Семереньи ход мыслей заведомо ограничен латинским письменным материалом, тогда как именно специфика раннелатинского языкового развития принципиально означает поглощение практически всех других древнеиталийских диалектов, с переходом (включением) части лексики последних в латинский словарный состав. Иными словами, горизонтальная стратиграфия для латинской исторической лексикологии особенно актуальна, и в то же время она недооценивается, как и в других известных случаях.

13. Собственно говоря, объективный материал постепенно накапливается; я имею в виду выявление древних диалектизмов лексики. Другого пути просто нет. Хранилищами такой недостаточно пока исследованной лексики по различным соображениям могут оказаться в первую очередь не центральные по своему положению произведения письменности, лексика которых претерпевала определенный отбор, а как бы периферийные продукты этой письменности. Общий закон преимущественного оседания архаизмов на периферии проявляется и здесь. Такой периферийной сферой оказывается письменность на бересте, в первую очередь новгородские берестяные грамоты (о других периферийных ресурсах, уже полностью за рамками письменности, мы с некоторой подробностью выше говорили на примере русской ономастики). В целом ряде новгородских берестяных грамот чтение выделило особый диалектный деловой термин древнего происхождения – *намъ* ‘проценты, лихва’, отсюда прилагательное *намьныи*, с индоевропейскими связями корня[19].

Конечно, сложность берестяных текстов способна сыграть злую шутку и с опытнейшими исследователями, следствием чего могут оказаться неверное членение на слова, ошибочное чтение и ложные объекты лексикологии и лексикографии – слова и имена людей, которых, скорее всего, не было на свете. Для поучительности – один такой отрицательный пример. Речь идет о новгородской грамоте № 481, относимой к XIII в.:

поклонъ. ѿловцакоѡстаѳиипослиграмотуѡжекуны. насѣть. инаимиту. арожекаковъ. зѣидубодастьловъта. ковъ. змуть. Опуская здесь первую, относительно однозначно читаемую часть текста, задержимся на второй, которую издатели членят и читают: “А роже, каковъ Зеиду бо(гъ) дасть ловъ, тако възмуть” – “а что касается ржи, то ее возвращение зависит от

того, какой бог даст Зеиду улов"[20]. Чтение нельзя назвать удачным, поэтому в свое время было предложено другое, кажется, более натуральное и в смысле конструкции, и в плане реалий: ... а роже (им. мн.) како възѣиду(ть) бо(гъ) дасть ловъ тако възмуть 'а рожь как взойдет, бог даст лов, так возьмут'. – Календарный смысл ссылки на время появления всходов ржи, четкий гипотаксис (*како...*, *тако*) – все здесь ясно, ничего лишнего. В число лишних домыслов попадает и "непашенный ловец Зеид" вместе со своим мусульманского вида именем, не подтверждаемым источниками [21]. В отличие от века нынешнего, когда и на Новгородской земле можно встретить всякого рода "ловцов", включая мусульман, в XIII в. это было там маловероятно.

14. Из предшествующего изложения в целом видно, как различаются в вопросе сохранения архаизмов и древних (праславянских) диалектизмов центр и периферия, причем именно последняя нередко оказывается резервом сохранения названных элементов словаря. Однако оппозиция центр – периферия не только и не столько пространственная (нагляднее всего эти отношения, действительно, наблюдаются в лингвистической географии, откуда и взято данное понятие), сколько общеязыковая. Это означает, естественно, что под понятие периферии подпадают различные непрестижные, низовые формы языка и речи, в их числе лексические, а также такие, которые, по ходячему представлению, не имеют достаточно шансов на собственную историю, преимущественно ассоциируются с поздней производностью, с лексикой современного быта. Два разных примера подобных недооцениваемых периферийных элементов я хотел бы кратко рассмотреть.

Стоит назвать первое из этих двух слов – *киря́ть* 'пьянствовать', то есть 'пить систематически', ясно, что нормальной ответной реакцией будет недоверчивая улыбка: нашли, мол, праславянский элемент. Репутация у этого слова плохая, достаточно справиться в СРНГ 13, 225: *киря́ть* 'пьянствовать' (пенз., с пометой собирателя "из воровского арго"). Лексика воровского арго считается в основном сформировавшейся из новогреческих, финских, цыганских слов, древние исконнославянские элементы для нее не характерны. Но это суждение слишком огульно, поэтому в ЭССЯ 13, 268 отнеслись к этому слову-парии внимательно, не пошли на поводу у ходячего предубеждения, и основания для этого у нас были, ср. блр. *ке́рiць* 'кутить, пить' и польск. *kirzyć* 'пить; мочиться'. Я позволю себе процитировать и далее оттуда: "Ссылки на бытование в арго, при всей их возможной справедливости, приобретают дезориентирующий характер в том, что касается этимологии, заставляя искать источник... в новых заимствованиях... У Фасмера пропущено. Между тем, одного указания на соответствие рус. *-р'-* мягкого и польского *-rz-* < *r'* достаточно, чтобы поставить вопрос о довольно старых отношениях, возможно, исконнородственных, праславянских. По нашему мнению, представляет собой продление первоначально нулевого вокализма..., связанного чередованием с **kuriti* 'курить, дымить'. Последнее значение вполне подходило для экспрессивного называния действия 'пить, пьянствовать'. В арго попало (спустилось) вторично".

Другой пример – слово *орýдовать,* слово современного обиходного языка, внешне прозрачное и потому, казалось бы, малоинтересное. Интерес к его истории гасится убеждением, что это – отыменный глагол от современного же существительного *орýдие*. Внешне все правильно: figura etymologica *орудовать орудием*, в смысле 'манипулировать инструментом'. Однако нужно и тут приглядеться внимательно. Глагол *орудовать* ведет себя все-таки не совсем так, как подобает прямому производному от *орудие*. Налицо формальные отличия, а потом этот не очень уловимый отвлеченно-иронический оттенок глагола *орудовать*: 'обделывать свои делишки'. Кстати, словари его передают плохо: 'производить действие, выполнять работу при помощи орудия, предмета; распоряжаться, управлять; проявлять деятельность, действовать' (4-томный словарь русского языка). Похоже, тот, кто составлял эту статью, проникся уверенностью, что основной является производность от *орудие* 'инструмент', ср. и порядок значений. Правда, у Даля, который даже поместил, следуя своим принципам, глагол *орудовать* внутрь статьи *орудие*, подозрительно возрастает, сравнительно с современным словарем, едва проглядывающая в последнем отвлеченность глагольного значения: "делать что, управлять чем, действовать; начальствовать". Дальше делается понятно, что Даль ориентировался на язык древней книжности. Ср. *орудовати* 'действовать' (Срезневский II, 708), 'обратиться по делу' (СлРЯ XI–XVII вв. 13, 71, в обоих словарях один и тот же пример XIV в.). Здесь, как видим, нет и тени значения 'действовать орудием, инструментом'. Впрочем, нельзя не обратить внимания на то, что древнейшим и первым, по сути, значением также слова *орудие* в наших памятниках оказывается 'дело', далее, следом – 'судебное дело' и только более позднее – 'орудие, инструмент'; наличие среди последних отвлеченных словоупотреблений типа *орудие дьяволе* тоже несколько усложняет картину. Эту картину окончательно усложняют (а может быть, вносят в нее ясность?) инославянские данные, особенно – такие красноречивые, как польские, где имя, этимологически тождественное нашему *орудие*, – *orędzie* имеет только отвлеченные значения – 'обращение, весть, поручение' и, что важно, имеется также этимологическое соответствие нашему *орудовать* – *orędować* 'действовать, обращаться в чью-либо пользу, ходатайствовать, посредничать'. Это подкрепляется и в общем известным этимологическим родством слов *орудие* и *ряд*, последнее также – 'договор' (Фасмер III, 154). Несомненна праславянская древность слова *орудие*, при этом любопытно, что и у тех славян, у кого праслав. **orǫdьje* (или **obrǫdьje*) получило значение 'орудие, инструмент', оно раньше имело значение более общее 'дело' (Brückner 381). Для нас же сейчас не менее важна закономерная констатация, что и в слове *орудовать* представлено праславянское образование, история которого насчитывает не одну тысячу лет.

15. Говоря об истории слова, мы не раз уже имели случай убедиться, что полную историю слова и его значений дописывает этимология. Нам чуждо желание сколько-нибудь умалить важность письменной истории слова, но, что касается фондовой лексики, которая нас интересует здесь в

первую очередь, то есть лексики древнейшей, сплошь и рядом ее семантическая история оказывается в основном состоявшейся в дописьменный период, а на письменный период приходится в таком случае период относительного покоя[22]. В самом деле, трудно отрицать у письменности ее роль стабилизирующую, т.е. импульс если не остановки семантического развития, то некоторого замедления его все же от письменности, от кодификации человеческих знаний исходит. Если мы усвоим это понятие универсальности и преемственности развития, мысль о том, что в истории языка преобладали не абсолютные утраты, а переосмысления, не покажется нам такой уж неестественной. Во всяком случае поиски якобы утраченного явно обещают быть в отдельных случаях плодотворными; "утраченное" языком обретается при этом под иной личиной в языке же. Так, точку зрения об отсутствии в славянском родственного соответствия латинскому *creō, -āre* 'создавать, творить', *crēscō* 'расти' возможно существенно оговорить со ссылкой на поведение глагола **kresati*, особенно в древнем словосочетании **kresati ognь*, которое следует, по-видимому, толковать (читать) не 'выбивать, высекать огонь, искру', а 'создавать, делать огонь'. Это предположение подкрепляется изучением всего славянского лексического гнезда, ср. **krěsъ*, обозначение летнего солнцеворота как 'возрождения', откуда производное **krěsiti* 'оживлять', вновь создавать, воскрешать'. С именем **krěsъ* связано древним чередованием имя **krasa*, не вообще 'красота, красивость', а 'цвет жизни' прежде всего, т.е. применительно к человеку, который был мерой всех вещей всегда, – это 'здоровый цвет лица, румянец', с переносом (по-видимому, весьма древним) – 'цветение растений' (так в украинских и белорусских диалектах)[23].При этом имеет смысл вернуться к вечному вопросу об истории значения русского прилагательного *красный* из первоначального 'красивый' (это одновременно относится и к старому названию *Красная площадь,* в Москве). Свои рассуждения выше о слове *краса* мы считаем необходимым распространить и на его производное *красный*, древним значением которого было не просто (абстрактно) 'красивый', а 'наделенный румянцем'. Специфика случая русского прилагательного *красный* – в его древнем синкретизме значения, в том, что оно не столько семантическая инновация (в других славянских языках продолжения праславянского **krasьnъ* имеют **только** значение 'красивый, прекрасный'), сколько архаизм ('красный' в изначальном смысле 'цвета жизни, румяный, краснощекий').

Нелишне повторить, что возможно точная запись значения и употреблений слова – главная точка опоры для необходимых дальнейших экскурсов в предписьменное состояние. Избыточное лексикографическое описание, когда факту наличия в действительности надписи в **одно** слово на гнездовской корчаге X в. противостоят **четыре самостоятельных словарных** позиции в древнерусском словаре XI–XIV вв. (*гороунща* (?), *гороухща* (?), *гороушна* (?), *гороуща* (?), причем зафиксированы дефектные чтения, а наиболее вероятное – посессивное *гороуня* – отсутствует),

не могут вызвать одобрения, ибо нарушено элементарное правило: не следует умножать сущностей.

Максимальное использование свидетельств письменности не исключает надобности того, что можно назвать эмансипацией лингвистического исследования от рамок письменности. Рабская зависимость от этих рамок, боязнь за них выглянуть чревата ошибками, как и, в свою очередь, неучет письменных данных. Тут уместно напомнить неверные суждения старых исследователей (Черных 1956: не существовало, потому что не засвидетельствовано) да и у новых, молодых исследователей подобных ошибок предостаточно. Я вкратце упомяну свой спор с чешским исследователем В. Шауром, поучительный, думаю, еще и потому, что речь шла там о таком специфическом разделе лексической реконструкции, как **реконструкция глагольного слова**[24]. Нельзя так безоговорочно отождествлять, как это делает молодой чешский коллега, относительную хронологию языковых форм и "хронологию засвидетельствованных форм", ведь в последней всегда возможен элемент случайного. Скажем, из факта, что *избавити* зафиксировано раньше, чем **baviti*, нельзя делать вывод, что образования **baviti*, **traviti*, **otaviti* – сплошь вторично депрефигированные образования. Для этого надо – как минимум – в упор не видеть в них производных на *-iti* от имен **bava*, **trava*, **otava*. Функциональная вторичная взаимосвязь глаголов (например, каузативизация **traviti* в его отношении к **truti* и т.п.) не должна заслонять первичных словообразовательно-этимологических отношений. Узкий, предвзятый взгляд на вещи способен заслонить нам многое, тогда как широта взгляда, так необходимая для исторической лексикологии ввиду особого положения последней, делает восприимчивее к новому в общей теории языка, например к тезису Куриловича, который прозвучит здесь кстати – о том, что "отглагольный глагол всегда отыменен по происхождению".

Резюмируя, напомню, что вначале мы обратили внимание на некоторую условность привычных антитез: историческое – описательное, лексикология – лексикография, историческая лексикология – этимология, историческая лексикология – историческое словообразование, литературное – диалектное, дописьменное – письменное. Сквозь эти частные антитезы необходимо видеть, что языкознание едино и объект у него один. Универсально актуальной признается адекватность описания значения. После небольших терминологических уточнений (праславянский – общеславянский) обсуждается характер наших знаний о праславянском и жизнь праславянского фонда в русском словаре вообще. Ввиду естественной неполноты наших знаний о праславянском уточняются методы выявления праславянского, такие научные понятия, как праславянский лексический диалектизм, и резервы реконструкции, в их числе – ономастика. Интердисциплинарная проблема разрушения лексических гнезд выводит нас на обшую проблему потерь в лексике и семантике. Индивидуальный подход к слову позволяет говорить об индивидуальной "дописьменности" слова, в том числе позднего. Правомочно говорить об установке исторической лексикологии на полную инвентаризацию, однако при этом стратиграфия вертикальная

(собственно историческая) должна дополняться горизонтальной (разнодиалектной) стратиграфией. Концепция исторической лексикологии одного лишь литературного языка излишне стерильна и нежизненна. Неуклонное объективное накопление материала склоняет к более жизненной концепции в рамках всего языка. Эти более широкие рамки несут не усложнение, а более широкое видение, более адекватное применение положений общей теории языка, включая такое важное, как языковой центр и языковая периферия (последняя – как резерв сохранения лексических архаизмов). Эмансипация от младограмматического взгляда на литературный язык как на искусственное построение, принятие альтернативного взгляда на органичное единство **всех** структур языка, в том числе – литературной, эмансипация от излишне негативного догмата письменной формы языка, продуктивное сращивание исторической лексикологии и этимологии – такими кратко видятся задачи.

Список слов и форм, упоминаемых или объясняемых в тексте (русское особо не выделяется)

**bava*, праслав.
**baviti*, праслав.
Boz, вождь антов
буга, диал.
бугор

вазнь, др.-рус.
веблица, диал.
верпу, др.-рус.
**вѣта*, прарус.
ветка
віта, укр.
волмина, др.-рус.
Волчья Тулава, водное название
воробы, *вороб*, диал.

глуда, диал.
глудкий, диал.
гороуня, др.-рус.
гороунща (?), др.-рус.
гороухща (?), др.-рус.
гороушна (?), др.-рус.
гороуща (?), др.-рус.

Двеплота, водное название
Домострои, др.-рус.
домостроитель, др.-рус.
дук, диал.

емины, диал.
ёрш

жęнь, диал.

завод
зарод/зород, диал.
**Зѣидъ* (?), др.-рус.
земемѧ, др.-рус. диал.
зуд

Идолга, водное название
иждивитися, рус.-цслав.
избавити, ст.-слав., рус.-цслав., др.-рус.
изгой
изжити, др.-рус.
Излегоща, водное название
Иловай, водное название

Калитва, водное название
кирять, жарг., диал.
kirzyć, польск.
клёк, диал.
клыпать, диал.
козуля
колт
комель
корабль
коромысло, *коромысел*

косуля
**krasa*, праслав.
Красная площадь
красный
**krasьnъ* праслав.
creō, -āre, лат.
**kresati*, праслав.
crēscō, лат.
**krěsiti*, праслав.
**krěsъ*, праслав.

лѣкъ, рус.-цслав.
лепесток
лигозить, диал.

мизгирь, диал.
Москва
Московая Ряса, водное название
мьшелъ, рус.-цслав.

Назиратель, др.-рус.
намъ, др.-рус. диал.
наука

**обиток*
Обиточная коса, местное название
овин

orędować, польск.
orędzie, польск.
**orǫdovati*, праслав.
**orǫdьje*, праслав.
орудовать
орудие
отава
**otaviti*, праслав.

палуба
плень, диал.
плот
плота, диал.
Плота, Плата, водное название
плоть
поезд
полба
Пополта, водное название

Разлатая, водное название

ружь, ружа, диал.

самолёт
свигать, диал.
Снова, водное название
**sosna*, праслав.
станок
Стубло, водное название
судно
сутулый

Твеленев, фамилия
тволага, рус.-цслав.
това, др.-рус. диал.
Толотый, водное название
**trava*, праслав.
**traviti*, праслав.
**truti*, праслав.
тук, тучный
тул
Тула
tułać się, польск.
тулить
туловище
тулово, др.-рус.
тулуп/б
тулья
тыл
тылѣснь, тыльснь, др.-рус.
тыти, др.-рус., рус.-цслав.
тюлень

угрюмый
удить, диал.
усло, диал.
ушь, др.-рус.

čarmëslë, кашуб.

шест
шустрый

щёлок
Щигор, водное название

ютить(ся)

яглый, диал.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]*Трубачев О.Н.* О составе праславянского словаря. Проблемы и задачи // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963. С. 159–196.

[2]*Трубачев О.Н.* Регионализмы русской лексики на фоне учения о праславянском лексическом диалектизме // Русская региональная лексика XI–XVII вв. М., 1987. С. 21.

[3]*Филин Ф.П.* Историческая лексикология русского языка. Проспект. М., 1984.

[4]*Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.

[5]*Трубачев О.Н.* Заметки по славянской ономастике // Onomastica Jugoslavica 9, 1982. С. 159 и сл.

[6]*Kopečný F.* Základní všeslovanská slovní zásoba. Praha, 1981. S. 337: "chybí v jsl."

[7]*Стаматоски Т.* Македонска ономастика. Скопје, 1990. С. 223.

[8]*Дьякова В.И.* Местные географические термины и их роль в топонимии Воронежского края // Воронежское краеведение: опыт и проблемы. Воронеж, 1990. С. 142.

[9]*Смолицкая Г.П.* Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.

[10]Материал см.: *Панин Н.И.* Лексико-семантический и формантный анализ русских наименований текучих вод Окско-Донской равнины и прилегающих территорий. Канд. дисс. М., 1982; *Маштаков П.Л.* Список рек Донского бассейна. Л., 1934.

[11]*Гумилев Л.Н.* Меня называют евразийцем... // Наш современник 1991, № 1. С. 136.

[12]Цит. по кн.: *Борисова Е.Н.* Лексика Смоленского края по памятникам письменности. Смоленск, 1974. С. 142.

[13]*Трубачев О.Н.* Праславянская лексикография // Этимология 1983. М., 1985. С. 15.

[14]См.: *Трубачев О.Н.* Славянская этимология и праславянская культура // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 301.

[15]*Трубачев О.Н.* [Рец. на:] *Черных П.Я.* Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., МГУ, 1956 // Кратк. сообщ. Ин-та славянов. АН СССР, 25. 1958. С. 89 и сл.

[16]*Kiparsky V.* Russische historische Grammatik.Bd. III. Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg,1975.

[17]*Одинцов Г.Ф.* [Рец. на:] *Kiparsky V.* Russische historische Grammatik.Bd. III. Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg,1975 // ВЯ 1977, № 1. С. 134–140.

[18]См. на укр. яз.: *Трубачов О.М.* Етимологічні спостереження над стратиграфією ранньої східнослов'янської топонімії // Мовознавство 1971, № 6. С. 3 и сл.: выделение в восточнославянской топонимии общеславянских, восточнославянских элементов, а также других славянских элементов, имеющих подтверждение только в южнославянском и только в западнославянском.

[19]*Зализняк А.А.* Наблюдения над берестяными грамотами // Вопросы русского языкознания. Вып. V. МГУ, 1984. С. 101 и сл.

[20]*Арциховский А.В., Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте. М., 1978. С. 74–76; чтение сохранено без поправок и в издании: *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте. М., 1986. С. 277, см. там ЛИ *Зѣидъ* в Словоуказателе.

[21]См. *Трубачев О.Н.* Языкознание и история // Л.А. Булаховский и современное языкознание. Киев, 1987. С. 120.

[22]См. специально об этом: *Трубачев О.Н.* Историческая и этимологическая лексикография // Теория и практика русской исторической лексикографии. М., 1984. С. 23 и сл.

[23]*Trubačev O.N.* Aus slavischen Etymologien: **kresati*, **krasa*, **krěsъ* // Festschrift für H.Bräuer zum 65. Geburtstag. Herausgeg von R. Olesch und H. Rothe. Köln; Wien, 1986. S. 641 и сл.

[24]См. подробнее: *Трубачев О.Н.* Приемы семантической реконструкции // Теория лингвистической реконструкции. М., 1988. С. 221.

К.Т. Витчак*

ИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРАСЛАВЯНСКОЙ РЕЛИГИИ. 1: НОВГОРОДСКОЕ *РЪГЛЪ* И ВЕДИЙСКОЕ *RUDRA*

Эта работа преследует цель аргументированной идентификации древнерусского божества Ръглъ с ведийским Рудрой, богом дикой, необузданной и зловещей силы природы, в особенности – сокрушительной бури. Настоящее сближение носит характер исследовательской гипотезы, поскольку предлагаемая здесь идентификация влечет за собой несколько трудных моментов интерпретации. Во-первых, существование древнерусского божества остается под знаком вопроса; во-вторых, характер самого этого божества не подтверждается источниками; в-третьих, выведение данного теонима (др.-рус. *Ръглъ*) из праслав. **Rъdlъ* (= др.-инд. *Rudráḥ*) нуждается в обосновании и обстоятельном комментарии; в-четвертых, соответствие, обнаруживаемое между др.-рус. *Ръглъ* и др.-инд. *Rudráḥ*, нуждается в изучении для ответа на вопрос, имеем ли мы дело с заимствованием или с общим наследием.

Ниже мы рассмотрим один за другим только что поставленные вопросы.

1. Название божества *Ръглъ* и проблема наличия данного божества в древнерусском пантеоне

Анализ проблематики, связанной с восточнославянским божеством по имени *Ръглъ,* весьма усложняется по причине скудости источников. Это имя фигурирует в памятниках древнерусской литературы только в трех случаях. О восточнославянском боге *Ръглъ* дважды упоминает "Слово некоего христолюбца" (XII в.), сообщая в одном отрывке, что некоторые язычники верят "въ Перуна и въ Хърса, и въ Сима, и въ Рьгла", а в другом месте – о том, что некоторые "моляться подъ овиномъ огневи и вилам и Мокоши, Симу, Рьглу и Перуну, и Волосу скотью богу"[1]. Теоним *Рьглъ* появляется в искаженной форме в известии об упорядочении языческого пантеона Владимиром Святым (Повесть временных лет, XII в.). Источник гласит (под 980-м годом) следующее[2]:

И нача княжити Володимеръ въ Кыевѣ единъ и постави кумиры на

* © Krzysztof Tomasz Witczak, 1992 г.

хълмѣ, вънe двора теремьнаго: Перуна древяна, а главу его сьребряну, а усъ златъ, и Хорса Дажьбога и Стрибога и *Сѣмарьгла* (правильно: *Сѣма Ръгла*) и Мокошь, И жьряху имъ, наричюще я богы, и привожаху сыны своя и дъщери, и жьряху бѣсомъ, и осквьрняху землю требами своими; и осквьрнися крвьми земля Русская и хълмъ тъ.

В течение долгих веков *Ръглъл* оставался (принимая во внимание состояние источников) одной из самых таинственных фигур древнерусского пантеона, несмотря на то, что исследователи XIX и начала XX века выдвинули множество гипотез о его происхождении, функциях и внешнем виде, гипотез умозрительных, а нередко и фантастических. Значительная часть религиологов отрицала существование восточнославянского божества по имени *Ръглъ,* ссылаясь на свидетельство Повести временных лет (ПВЛ), которая передает только форму род. ед. *Съмарьгла* (в [illegible] сводах фигурируют варианты *Симарьгла, Симаръгла, Семарьгла*). Целостную концепцию *Сѣмарьглъ* как двучленного образования приняли такие исследователи, как В.Ягич, А. Соболевский, Л. Нидерле[3], Н.М. Гальковский[4], А. Калмыков[5], К.В. Тревер[6], Р. Якобсон[7], А.А. Зализняк[8], В.И. Абаев[9], В.В. Иванов и В.Н. Топоров[10], Б.А. Рыбаков[11], К.К. Менгес[12], В. Ворт[13], Х. Ловмянский[14], А. Гейштор[15], М.А. Васильев[16]. "Псевдобожествами" считает *Сема* и *Ръгла* Е.Гонсовский[17]. З. Загурский[18] высказывается осторожнее: "Эти имена писались в разных текстах по-разному: 1. слитно.., что могло бы предполагать, что существовал культ божества *Семаргл/Симаргл*; 2. раздельно..., из чего можно бы было заключить, что почитались два бога или, скорее, демона под названиями *Сем/Сим* и *Ръглъ".* В. Ягич обращает внимание на то, что в тексте Повести временных лет отсутствует разделительный союз между *Сема/Сима* и *Ръгла,* делает отсюда вывод, что речь идет об одном божестве *Сѣмарьглъ (Симаръглъ).* Точку зрения этого исследователя критикует не без основания А. Брюкнер[19], констатируя, что "в тексте Нестора нет союза и в сочетании Хорс Дажбог, и, тем не менее, это два названия, а не одно; точно так же и *Симаргл,* признавая невозможность такого славянского слова, мы делим на два слова ..., в согласии с явными свидетельствами всех прочих источников, которые всегда разделяют оба слова (в *Сима* и *Рогла, Симу* и *Роглу*) и в соответствии со столь же красноречивым свидетельством славянских топографических названий". По следам полемики между Ягичем и Брюкнером С. Урбанчик приходит к убедительному заключению: "мы не знаем в точности, существовали ли два божества *Сем* и *Ръглъ* или одно – *Семаргл,* так как писцы не оставляли пробелов между отдельными словами"[20].

Принимая существование двух древнерусских божеств – *Сема* и *Ръгла* – в пантеоне Владимира, я обращаю внимание на следующие факты:

(1) "Слово некоего христолюбца", древнерусский проповеднический памятник XII в., является источником, во всех отношениях современным Повести временных лет (начало XII в.), не обнаруживая вместе с тем никакой зависимости от ПВЛ – ни прямой, ни косвенной. В связи с этим трудно согласиться с устоявшимся мнением, что это сочинение не представляет никакой ценности как источник;

(2) "Слово" упоминает оба божества – *Сем* и *Ръгла* – два раза, более того – в разных падежных формах (род. ед. *Сима, Рьгла*; дат. ед. *Симу, Рьглу*), в связи с чем их наличие нельзя квалифицировать как недоразумение. С другой стороны, Повесть временных лет упоминает однократно форму род. ед. *Сѣмарьгла* (или Симаръгла), которую можно истолковать как сращение (ср. ниже);

(3) поскольку переписчики ПВЛ не разделяли слов, нельзя исключать такого варианта, что написание *Сѣмарьгла* (род. ед.) представляет собой "случайную искусственную ономастическую спайку"[21], возникшую от слияния двух отдельных форм *Сѣма + Ръгла,* употребленных точно так же в родительном падеже единственного числа;

(4) против чтения *Сѣмарьгла* говорит и тот факт, что оно необъяснимо этимологически (см. примеч. 16);

(5) "Слово некоего христолюбца" представляется более надежным источником еще и потому, что религиозная тематика является в этом сочинении преобладающей, в то время как в летописи Нестора она выступает лишь на фоне историографической тематики.

Отсюда мы можем заключить, что, поскольку нельзя обосновать первичность гапакса *Сѣмарьгла* (род. ед.) и поскольку, далее, можно этот "теоним" с успехом объяснить как сочетание типа *Сѣма + Ръгла* (и то и др. – род. ед.), приходится по методологическим соображениям принять версию, в пользу которой говорили бы независимые данные или сведения других современных источников. "Слово некоего христолюбца" демонстрирует нам, что может претендовать на реальность единственно версия о существовании двух отдельных восточнославянских божеств *Сема* и *Ръгла.* Резюмируя, можно сказать, что признание божества по имени *Ръглъ* адекватно такой точке зрения, которая не отрицает ценности ни одного из источников (а также их данных), а также не отбрасывает "противоречивой" информации и дает возможность простого согласования сведений, на первый взгляд взаимоисключающих.

2. Характер *Ръгла* в свете научных гипотез

Древнерусские памятники иногда сообщают подробности о компетенции некоторых божеств (напр., *Волосъ скотии богъ* в цитированном выше фрагменте "Слова некоего христолюбца") или выявляют характер определенных божеств посредством греческих параллелей (*Дажьбогъ = Гелиос; Сварогъ = Гефест*[22]). К сожалению, в них ничего прямо не говорится о характере таких божеств, как, напр., *Сѣмъ, Ръглъ, Мокошь.* В такой ситуации исследователи славянской религии пытались извлечь коекакую информацию об этих божествах на основе этимологии. А. Брюкнер, веско высказавшийся за разграничение двух божеств, постулирует и для *Сема*, и для *Ръгла* славянские этимологии. В *Семе (Симе)* он видит божество-покровителя рода и семьи, ср. праслав. **sěmьja*. Что касается теонима *Ръглъ,* А. Брюкнер[23] предлагает два альтернативных этимологических решения: первое из них сближает *Ръглъ* с праслав. **rъžь* 'рожь', ср. польск. *rżysko* 'поле, на котором сжата рожь', др.-рус. *ръжь,*

лит. *rugỹs*, др.-исл. *rugr* 'рожь' (*Ръглъ* "был бы в таком случае божком ржи, сельского хозяйства, хлебных злаков". Там же), согласно другому, для сближения привлекается лит. *rūgti* 'киснуть (отрыгивать)', др.-рус. *рыгати* ("*Ръглъ*, возможно, был какой-то закваской"). Иначе говоря, бог *Ръглъ* (или **Ръгълъ*) приобретает в интерпретации Брюкнера смысл либо покровителя мира растений, либо божества ферментации. Из этих интерпретаций особенно первая получила признание и поддержку со стороны ряда исследователей, начиная с В. Пизани[24] и кончая В. Шафранским[25].

Х. Ловмянский прокомментировал приведенные выше этимологические сближения в свойственной для него манере: "Это домыслы, спорные с этимологической точки зрения, сомнительные с точки зрения семантики (ржаной бог!) и не подкрепленные источниками в том, что касается характера божества, то есть это – бумажные концепции"[26]. Эти замечания не лишены определенных оснований. Оба толкования Брюкнера остаются типичными "Wurzeletymologien", лишенными доказательной силы и малоприемлемыми. Во-первых, потому, что связь с корнем **rūg-* 'киснуть, бродить' неприемлема фонетически (теоним, производный от этого корня, имел бы вид ***Рыглъ*, а не *Ръглъ*). В свою очередь, второе сближение сомнительно с морфологической точки зрения, потому что данный теоним – если бы он действительно служил названием "ржаного божества" – должен был бы иметь вид ***Rъžanъ* (из первоначального ***Rughyōnos*, ср. и.-е. **rughi-* или **rughyo-* '*рожь*'[27]).

Остается добавить, что эти этимологии Брюкнера уязвимы также с семантической точки зрения. Вместе с тем ошибочность этимологических сближений (по крайней мере тех, что касаются имени *Ръглъ*) ни в коем случае не перечеркивает справедливости догадки о существовании двух особых богов (ср. п. 2). Следует при этом отметить, что сомнения Х. Ловмянского, связанные с недостаточностью источниковедческой базы, представляются в данном случае неуместными, так как любая другая интерпретация оказывается равным образом не подтвержденной со стороны источников[28]. Единственной точкой опоры при исследовании характера и компетенции данного божества может (и даже должна) быть компаративистика, основанная на достижениях сравнительного языкознания и религиологии.

3. Др.-рус. *Ръглъ* и др.-инд. (вед.) *Rudráḥ*: опыт сопоставления

Насколько мне известно, сравнение древнерусского и ведийского божеств до сих пор не было предложено, несмотря на то, что фонетическая близость обоих теонимов довольно значительна. По известным обстоятельствам не удается проверить, насколько близок характер обоих божеств. Мы можем здесь лишь сказать, что др.-инд. *Rudráḥ* – это божество дикой и опасной (причем не только для человека) природы, а особенно – грозной, разрушительной бури. Впрочем, необходимо

добавить, что, наряду с преобладающими зловещими чертами, Рудра обнаруживает и определенные благодетельные особенности.

Этимологически ведийский теоним толкуется как субстантивированное (скорее всего, уже на базе индоевропейского праязыка) прилагательное **rudlós* 'дикий, буйный, агрессивный'. Это прилагательное сохранилось в индоарийских языках (ср. пали *rudda-, ludda-* 'жестокий, свирепый, суровый, строгий', пракр. *rudda-* то же, сингал. *rudu* 'terrible, fierce, cruel, big'[29], а также в латинском, напр. *rullus,* прилаг. 'дикий, неотесанный, грубый' (наряду с *rudis* 'сырой, грубый, дикий'), ср. сюда же субстантивированное римское прозвище (cognomen) *Rullus,* по происхождению тождественное ведийскому имени бога *Rudráḥ* (< и.-е. **rudlós* м.р. – Pokorny; Mayrhofer III, 66–67). Как из этого видно, характер Рудры полностью согласуется с этимологическим значением его имени ('дикий, буйный, агрессивный (бог)').

Нельзя исключить возможность того, что из одной и той же праформы и.-е. **rudlós* следовало бы выводить не только ведийское имя бога *Rudráḥ*, но и древнерусское имя божества *Ръглъ* (при условии, если оно из праслав. **rъdlъ*). Конечно, такая гипотеза влечет за собой принятие постулата о происхождении этого божества из новгородского пантеона. Этот постулат весьма вероятен как с языковой, так и исторической точки зрения. Как известно, развитие **dl* > *gl* присуще только северной периферии восточного славянства (тогда как на остальной территории Руси группа согласных **dl* подвергалась упрощению в *l*[30]), ср. диал. сев.-рус. *жерегло́,* псков. *жерогло́,* наряду с рус. *жерело́* 'отверстие, устье, пасть' (< праслав. **žerdlo,* ср. польск. *źródło*, чеш. *zřídlo* и т.д.). С другой стороны, не следует забывать, что Владимир Святой, прежде чем воссесть на киевском престоле, княжил в Новгороде. Там должен был зародиться и замысел языческого пантеона[31], который Владимир стремился перенести на землю киевских полян вскоре после того, как он овладел Киевом, ср. текст сообщения в п. 2 (примеч. 2).

Итак, сравнение древнерусского имени *Ръглъ* с ведийским *Rudrá-,* именем бога неистовой и разрушительной бури, становится безукоризненным с лингвистической точки зрения при условии принятия тезиса о севернорусском (а конкретно – новгородском) генезисе не только божества по имени *Ръглъ* (др.-рус., новгор. *Ръглъ* < праслав. **rъdlъ* = др.-инд. *Rudráḥ*), но и всего пантеона Владимира.

Настоящее сопоставление позволяет также пересмотреть представления о характере восточнославянского божества. Надо полагать, что *Ръглъ* – в соответствии с этимологией его имени и в итоге сопоставления с ведийским божеством – идентифицируется как божество дикой, неистовой и необузданной силы природы, в частности – божество бури и ее зловещего вида.

4. *Ръглъ* и его индоевропейский генезис

Обнаружив связь новгородского *Ръгла* с ведийским *Рудрой*, необходимо решить вопрос о характере этой связи. У нас имеются в распоряжении две возможности: либо новгородский *Ръглъ* представляет собой божество, заимствованное из какого-то индоиранского источника, либо – это элемент общих индоевропейских верований. Первая из названных возможностей представляется крайне умозрительной, так как заимствование из индийского источника не входит в расчет по географическим причинам, а с другой стороны – иранское влияние на славянские верования, приведшее в определенный период истории (предположительно – при участии скифов) к изменениям в области славянской религиозной терминологии[32], придется тоже исключить в данном случае, поскольку у иранских народов мы не находим никаких следов наличия бога по имени ***Rudra-*. При этом нельзя забывать, что выведение из арийского источника требует дополнительного обоснования, в частности того, что на славянской почве имела в таком случае место прогрессивная диссимиляция *r – r*> *r – l*. Ясно, что это усложняет приемлемость вышеупомянутого толкования.

Все эти трудности устраняются при выведении новгородского теонима *Ръглъ* прямо из праслав. **rъdlъ*, а последнего, в свою очередь, – из индоевропейской праформы **rudlós*, ср. лат. *rullus* 'дикий, неотесанный', пракр. *rudda-*. В такой ситуации остается единственно принять, что на почве славянского и индийского независимо сохранилось и.-е. **Rudlós*, имя божества, наличие которого в индоевропейском пантеоне дополнительно обосновывается как со стороны этимологии, так и прочего сравнения[33].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Цит. по Аничкову (*Аничков Е.В.* Язычество и Древняя Русь // Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета. 1914. С. 374 и 377) и Мансикке (*Mansikka V.J.* Die Religion der Ostslaven, 1: Quellen. Helsinki, 1922. S. 131); ср. также Урбанчик (*Urbańczyk S.* Siemargł // Słownik starożytności słowiańskich / Pod red G. Labudy i Z. Stiebera. T. 5. Wrocław etc., 1975. S. 164–168.

[2]ПВЛ 95 (год 980-й), Н.П. Лет. 128. В переводе Ф. Селицкого (*Sielicki F.* (ed.) Kroniki staroruskie. Warszawa, 1987. S. 55) этот отрывок звучит следующим образом: "I począł władać Włodzimierz w Kijowie sam jeden, i postawił bałwany na wzgórzu za dworem teremnym: Peruna drewnianego z głową srebrną i wąsem złotym, i chorsa Dadźboga, i Strzyboga, i Simargła (sic!), i Mokosza".

[3]*Niederle L.* Život starých Slovanů, díl II, sv. 1: Víra a náboženství. Praha, 1916.

[4]*Гальковский Н.М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси, т. 1. Харьков, 1916. С. 31–32.

[5]*Kalmykov A.* Iranians and Slavs in South Russia. Journal of the American Oriental society, vol. 45, 1925. P. 69.

[6]*Тревер К.В.* Собака-птица. Сенмурв и Паскудж. Из истории докапиталистических формаций. Изд. 2-е. М.; Л. 1955. С. 324 и след.

[7]*Jakobson R.* Slavic mythology // Funk and Wagnalls Standard dictionary of folklore, mythology and legend. Vol. II. New York, 1950. P. 1025–1028.

[8]*Зализняк А.А.* Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // ВСЯ. Т. VI, 1962. С. 28–45.

[9]*Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965. С. 116–117.

[10]*Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы: древний период. М., 1965. С. 26.

[11]*Рыбаков Б.А.* Русалии и бог Симаргл – Переплут // Советская археология. Вып. 2. С. 91–116; *Он же.* Язычество древних славян. М., 1982; *Он же.* Язычество древней Руси. М., 1987.

[12]*Menges K.H.* Altaische Wörter im Russischen und ihre Etymologien // ZfslPh, Bd. XXXVII, H. 1. 1973. S. 19.

[13]*Ворт Д.* Div-Simurγ // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. С. 131.

[14]*Łowmiański H.* Religia Słowian i jej upadek. Warszawa, 1979. S. 123.

[15]*Giejsztor A.* Mitologia Słowian. Warszawa, 1982. S. 142–144.

[16]*Васильев М.А.* Боги Хорс и Семаргл восточнославянского язычества // Религии мира. Ежегодник 1987. М., 1989. С. 139–148. Следует заметить, что написание Сѣмарьглъ необъяснимо этимологически, так как ни одно из предложенных решений не имеет достаточного обоснования. Догадка об искусственном возникновении данного названия путем контаминации библейских имен 'Ασεμάϑ и Νεργέλ (2 Царств 17,30), как думали, между прочим, В. Ягич, А. Соболевский и Л. Нидерле, представляет лишь исторический интерес. Последний из них, признавая как культ, так и сам теоним заимствованными ("греческо-ближневосточными"), не исключает возможности того, что это могли быть всего лишь пустые названия, не имеющие соответствия в реальном культе какого-либо божества на Руси (*Niederle L.* Op. cit. S. 124–125), ср. Загурский (*Zagórski Z.* Rgieł i Siem // Słownik starożytności słowiańskich, t. 4, cz. 2, 1970. S. 496), Урбанчик (*Urbańczyk* S. Op. cit. S. 167–168). Широко распространенное сближение с ир. **saina- mərəga-, букв. 'птица Сайна' (ср.-перс. sēnmurv*, перс. *sēmurg-, sīnmurg* 'сказочная птица, гриф', ср. авест. *mərəγō saenō*), неприемлемо ни с фонетической, ни с формальной точки зрения, ср. комментарий Ю. Речека (*Reczek J.* Najstarsze słowiańsko-irańskie stosunki językowe. Kraków, 1985, c. 43) по этому вопросу: "Относительно другого имени божества древнерусского пантеона – *Семарьглъ*, выводимого, как я уже упоминал, из названия демонического существа ср.-перс. *Senmurv*, ср. авест. *mərəγo saeno* 'птица Саина', Абаев полагает, что было бы лучше производить его из скиф. **Sen-marγ*. К сожалению, это имя не засвидетельствовано в осетинском, который даже не знает слова **marγ* 'птица', чтобы реконструкция выглядела сколько-нибудь реальной. Иранскую этимологию *Симарьгла* доказывал также Менгес (*Menges K.H.* Op. cit., c. 19). Точно так же, как Якобсон, он усматривает здесь ср.-перс. *sēnmurv* → н.-перс. *Sīnmurg* → *Sīmurγ* 'какая-то сказочная птица, возможно, орел или сокол'. Совершенно анекдотично звучит объяснение нашего имени у Иванова—Топорова (*Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Указ. соч., с. 26): *Семарьглъ* < **Semor-gol(v)ъ* < **sedmor(o)-golvъ*. При такой этимологизации можно доказать всё, что угодно".

[17]*Gąssowski J.* Rgieł i Siem // Mały słownik kultury dawnych Słowian / Pod red. L. Leciejewicza. Warszawa, 1972. S. 327–328.

[18]*Zagórski* Z. Op. cit. S. 496.

[19]*Brückner A.* Mitologia słowiańska. Kraków, 1918, 92; *Idem.* Mitologia słowiańska i polska. Warszawa, 1980. (Wyd. 2 1985). S. 157.

[20]*Urbańczyk S.* O rekonstrukcję religii pogańskich Słowian // Religia pogańskich Słowian. Sesja naukowa w Kielcach w 1967 r. Kielce 1968. C. 32.

[21]*Szafrański W.* Prahistoria religii na ziemiach polskich. Wrocław etc., 1987. S. 360–361.

[22]Об этих глоссах, вставленных в славянский перевод хроники Иоанна Малалы, ср. Вайнгарт (*Weingart M.* Byzantské kroniky v literatuře církevněslovanské. Přehled a rozbor filologický 1. Bratislava, 1922. S. 23), Мансикка (*Mansikka V.J.* Op.cit. S. 71 и след.), Ловмянский (*Łowmiański H.* Op. cit. S. 92).

[23]*Brückner A.* Mitologia słowiańska, c. 93. = *Idem.* Mitologia słowiańska i polska, c. 158.

[24]*Pisani V.* Il paganesimo balto-slavo // Storia delle religioni (ed. P. Tacchi Venturi), t. 2. Torino, 1949. P. 55–100.

[25]*Szafrański W.* Op. cit. S. 350–351; *Idem.* Religia Słowian // Zarys dziejów religii. Warszawa, 1986. S.457.

[26]*Łowmiański H.* Op. cit. S. 123.

[27]Целесообразно указать для аналогии, что имя индоевропейского бога дуба **Perk*^{w}*ūnós* (ср. лит. *Perkū̃nas*, др.-прус. *Percunis*, лтш. *Perkôns*, др.-исл. *Fjǫrgunn*, а также – с испорченной формой – др.-рус. *Перунъ*) этимологически мотивировано и.-е. термином **perk*^{w}*us* ‘дуб’, ср. лат. *quercus, -us* ж.р. (основа на *-u-*) то же.

[28]Такого подтверждения не имеет также иранская гипотеза, за которую ратует Х. Ловмянский, утверждающий, что *Семаргл* – это "какой-то иранский мифологический образ" (*Łowmiański H.* Zagadnienie politeizmu słowiańskiego. Przegląd historyczny, t. LXXV, zesz, 4, c. 686), а точнее "крылатое чудовище (перс. *sīmurg*, сказочная птица, гриф)" (*Słowmiański H. Religia* słowian i jej upadek. Warszawa, 1979. S. 123), ср. примеч. 16.

[29]*Turner R.L.* A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages. London, 1966. P. 623, N 10776.

[30]Что касается развития групп согласных *-dl-* и *-tl-* на восточнославянской почве, ср. Филин (*Филин Ф.П.* Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 181–188), а также Штибер (*Stieber Z.* Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Warszawa, 1979, [wyd 3 – Warszawa; 1989]. S. 81–83).

[31]Х. Ловмянский (*Łowmiański H.*Religia Słowian i jej upadek. Warszawa, 1979. S. 113 и сл.) считает, что языческая "религиозная реформа" Владимира является фикцией второго редактора ПВЛ, печерского игумена Никона. Ученый ссылается на пребывание Никона в Тмуторокани в 1062–1067 годах, во время которого он будто бы столкнулся с каким-то местным языческим пантеоном и, редактируя свой свод, "переносил названия божеств из Тмуторокани на почву русской мифологии" (Там же, с. 121). Настоящая гипотеза представляет собой домысел, вызывающий сомнения не только исторического, но и филологического свойства (сообщение о божествах Владимира наверняка имелось уже в своде Нестора, и не исключено, что в редакции Никона оно лишь подверглось частичной порче: **Сѣма Ръгла* > *Сѣмарьгла*). С другой стороны, вероятность "реформы" Владимира легко обосновать на исторической канве. Так, Ярополку, великому князю киевскому в 972–979 годы, приписывают (неизвестно, правильно или нет) склонность к христианству. Если верно, далее, что Ярополк был продолжателем дела своей бабки Ольги, первой распространительницы христианства на Руси, находя при этом поддержку в среде сторонников христианского богослужения, то вполне возможно равным образом, что Владимир, сводный брат Ярополка и тогдашний новгородский князь, выдвигая претензии на киевский престол, должен был искать сторонников в противоположной партии. "Религиозная реформа" Владимира, таким образом, была бы языческой реакцией против христианства. Оплотом языческого культа должен был быть в таком случае новгородский двор. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в пантеоне

Владимира можно обнаружить местные (то есть северорусские, новгородские) божества.

[32]Взаимные иранско-славянские контакты в сфере религиозных верований подтверждаются такими лексическими инновациями, как, напр., (а) праслав. **divъ* ‘злой дух, демон, чудище’ наряду с иран. **daiva-* ‘ложное божество старой веры, демон, злой дух’ < и.-е. **deiwós* ‘бог, небесное существо’, ср. др.-инд.*deváḥ* ‘бог’, лат. *deus*, др.-лат. *deiuos*, лит. *diēvas*, др.-прусск. *deywis*, лтш. *dìevs* и т.д., ср. Славский (*Sławski F.* Z mitologii słowiańskiej // Opuscula Polono-Slavica Munera linguistica St. Urbańczyk dedicata. Wrocław, 1979. S. 370–371.; (б) праслав. **bogъ* наряду с ир. **baga-* ‘бог’ < и.е. **bhágos* ‘наделяющий, податель’, ср. др.-инд. *bhágaḥ* то же (Там же, с. 369).

[33]По данным языкознания и сравнительной мифологии можно воссоздать десятка полтора образов индоевропейского пантеона, в том числе (1) *Äisis*, божество врачевания; (2) *Äusōs* (основа на *-os-*), богиня утренней зари; (3) *Bhágos* (см. примеч. 7);*Dyēus* или *Dyēus pätér*, бог ясного дневного неба; (5) *Dhaunos*, бог пастушества?; (6)*Ĝhwērn̥tíyā*, богиня-покровительница животных; (7) *Kóbeiros*, бог благополучия; (8)*Kr̥ṣnoṣ*, бог магии?; ср. греч. Κρόνος, др.-инд. *Kr̥ṣnaḥ*, слав. *čьrnъ (bogъ)*; (9) *Neptūnos*, бог текущих вод; (10) *Opís*, хтоническое божество плодородия и растений; (11) *Perkʷūnós*, бог дуба; (12) *Prowyos*, бог плодородия, ср. др.-исл. *Freyr*, слав. **Provjь (=Proue*, божество старогардской земли, Полабье); (13) *Päwsōn*, бог путей и пастушества; (14) *Säwēliyos*, бог солнца, (15) *Sīlvānos*, бог лесов; (16) *Tr̥Hnþ-s*, бог грома и молнии; (17) *Westā* или *Westiā*, богиня домашнего очага; (18) *Wēyús*, бог ветра (сюда, возможно, принадлежит Вий, образ украинской народной демонологии, приводимый у Гоголя); (19) *Wl̥kānos*, бог ремесла и кузнечного искусства; (20) *Wórwn̥Hos*, или *Ym̥yós*, бог ночного звездного неба; (21) *Yagsós*, бог плодородия и произрастания; (22) *Ym̥Hós*, или*Ym̥yós*, владыка подземного мира, покровитель умерших. Этот перечень может быть расширен за счет дальнейших менее надежных сближений. Возможный индоевропейский генезис двух божеств – ведийского Рудры и новгородского Ръгла – обретает дополнительную аргументацию в виде аналогии других божеств индоевропейского пантеона.

Л.В. Куркина

СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ
(ю.-слав. **traръ*, слав. **sěpati*, **pelestь*)

Ю.-слав. **traръ*

В словарном составе славянских языков несколько обособленное положение занимает ю.-слав. **trapъ* с выделяемым для него в качестве основного значением 'яма': серб.-цслав. трапъ fovea (XIV в., Mikl. LP), с.-хорв. шток., чакав., хорв.-кайк. *trȁp* 'яма для хранения зимой картофеля, овощей', болг. *трап* 'яма, ров'. Ю.-слав. слова не имеют надежной, убедительной этимологии. При отсутствии сев.-слав. соответствий трудно решить вопрос об исходной форме слова. Выбор одной из равновероятных форм **torpъ* или **trapъ* предопределен соотнесением ю.-слав. слов с тем или иным рядом индоевропейских соответствий. Из сближения с этимологически не совсем ясными балтийскими формами – лит. *trapùs* 'хрупкий, ломкий', *trapė̃t* 'становиться мягким, гнилым' – вытекает реконструкция исходной формы **trapъ*. Но по существу эта версия, не подкрепленная доказательствами, ограничивается лишь констатацией чисто внешнего сходства ю.-слав. и балт. слов и потому представляется очень неубедительной. Проблематично и предложенное Скоком без этимологического обоснования сближение ю.-слав. слов с греч. τρύπη 'fovea < и.-е. **trūp-*, с другой ступенью чередования и.-е. **troup-* > слав. **trupъ*. Но в то же время Скок допускает и связь с греч. τάφρος 'яма' < τράφος 'fossa, vallum, Zaun aus Feldsteinen, mocira', н.-греч. τράφα (Skok III, 491), из чего следует, что он не исключает возможности исходной формы **torpъ*.

В этимологической литературе наибольшее признание получило введенное еще Й. Шмидтом[1] сближение ю.-слав. слов с лит. *tárpas* 'промежуток', *tarpẽklis* 'ложбина, ущелье' (Младенов 637; RJA XVII, 533)[2], для которых, между прочим, допускается генетическое тождество с упомянутым выше лит. *trapùs* (Pokorny I, 1073; Fraenkel 1112). Были попытки расширить состав индоевропейских соответствий за счет тох. А *tarp-* 'болото, озеро', 'рыбный садок (stagnum, lacus, piscina)'[3], а также осет. *tærfæ* 'ложбина, низина, долина', фрак, **tarpa-* в топ. *Tarpo-dizos*, первую часть которого И. Дуриданов сравнивает с лит. *tárpas,* а вторую – с иран. *daiza-* 'крепость', т.е. 'долинная крепость'[4]. В таком окружении ю.-слав. **trapъ* < **torpъ* предстает как праславянский лексический архаизм ограниченного распространения, унаследованный из эпохи диалектного развития индоевропейского языка. Но при всей внешней убедительности и даже эффектности выявляемой таким образом балто-слав.-фрак.-скиф. изоглоссы, на которую опираются при реконструкции древней карты Европы, нельзя не заметить, что осталось этимологически недоказанным базовое звено этой изоглоссы – балто-славянское соответствие. Френкель, отклоняя идею родства балт. и слав. слов, отмечает, что принятое сравнение безупречно лишь в фонетическом отношении, в семантике сравниваемых слов наблюдаются различия. Но

Френкель не раскрывает, какой характер носят семантические различия, не приводит конкретного материала в подтверждение своего вывода. Между тем значения, которые принимаются во внимание этимологами, – 'яма' и 'лощина, ущелье' как будто бы не препятствуют сближению названных слов. Более того, эти значения взаимосвязаны. Известно немало случаев использования лексемы со значением 'яма' для обозначения ущелья и т.п.: ср. укр. *яма* 'углубление на вершине горы', 'долина, котловина'[5],с.-хорв. *Vojvodina-jama,* село в Черногории (RJA IV, 446) и т.п. Сам факт типологически устойчивой связи названных значений может служить аргументом в пользу соотнесения слав. и балт. слов. Но нельзя не отметить, что эти значения не покрывают всей семантики и слав., и балт. слов. При этимологизации оставлены без внимания многие значения, свойственные ю.-слав. **trapъ*, лит. *tárpas*. Для выяснения этимологии важно изучить слово во всей совокупности его семантического содержания, чтобы определить первоначальный семантический признак, который и должен объяснить все существенные значения, восстановить отдельные этапы семантической эволюции сравниваемых слов.

Как показывает предварительный анализ лексики, сближение слав. и балт. слов строится на семантике производной. Значения, характеризующие сравниваемые слова, входят в разные цепочки семантических преобразований, при этом некоторое сближение значений наблюдается лишь на заключительном этапе развития, предшествующие ступени преобразований мотивированы разной исходной семантикой. Так, для лит. *tárpas,* как и родственного ему лтш. *starpa*, *starps* 'между, меж, среди', следует признать основным значение 'промежуток во времени и в пространстве', отсюда – 'пробел, зазор, пролет' и 'перерыв во времени', в сочетании с предлогами – 'среди, между, внутри' (*iš* + gen., *į* + Acc., *tamè ~ e*), предлог *tarp* 'меж, между'. В определенных контекстах на базе основной семантики развивается значение 'межа, разделяющая два поля' в лит. *tar̃pežs* 'узкое пространство' в лит. диал. *tarpinė* и, наконец, – 'ущелье, лощина' в производном *tarpẽklis* (Niedermann. – Senn – Brender–Salys 604–605). Как видим, это последнее значение связано отношением производности со значением 'промежуток', 'разрыв в пространстве'. Дальнейшее углубление семантической реконструкции крайне затруднено по причине невыясненности генетических связей лит. *tárpas*. Литовское слово сближают с лтш. *tà̄rps* 'червяк' и на этом основании предполагают исходную основу со значением 'тереть, бурить, сверлить' (Pokorny I, 1073), Френкель считает наиболее вероятным предложенное Шпехтом сравнение с лат. *termen, termō, terminus* 'граница, конец, цель', греч. τέρμα 'цель, конец, вершина', τέρμων 'граница', которые далее связываются с и.-е. **ter-* 'одолевать, пересекать, переходить, переправиться, чтобы достичь цели на противоположной стороне' (Pokorny I, 1074–1075; Fraenkel 1061–1062).

Этимологизируя ю.-слав. слова, имеют в виду только одно значение – 'яма', характерное в основном для современных языков. Было замечено,

что в одном из старосербских текстов (Proroštvo despota St. Lazarevića) словом *трапъ* обозначается то, что можно перепрыгнуть (ср. *прескочи трапъ*), т.е. яму, ров или то, что можно развалить, разрушить (ср. *трапъ развалаютъ, трапъ развалитъ*[6]). Шафарик переводил *трапъ* словом яма (= Rille, Schlucht, Höhlung, Graben)[7]. По данным Загребского словаря и многочисленных диалектных словарей в сербохорватском языке достаточно широко распространено *trȁp* в значении 'яма, в которой зимой хранят картофель, овощи'. Но в некоторых диалектах *trap* функционирует как земледельческий термин, которым обозначается перекопанная и перепаханная земля (RJA XVIII, 533), земля раскорчеванная под посев и посадки[8], земля, приготовленная под виноградник (Hraste-Šimunović I, 1250; Skok III, 491), отсюда – 'молодой виноградник' (Вук), 'бахча', с переносом названия на плоды – 'дыня, арбуз и т.п.', ср. еще *трапјевине = крчевине* (СЕЗб XLVIII, 45). Связанный с этим гл. *träpiti* в простом виде и в сочетании с преф. *iz-, po-* характеризуется значениями: 'копать, перекапывать; окапывать, окучивать; корчевать; полоть' (RJA XVIII, 533), 'корчевать землю под посев или посадки'[9].

Вук приписывает гл. *тр̏апити,* представленному в одном тексте из Черногории, значение 'сажать виноград': Ти не пијеш млаћеницу батом бивену, / Него вино кратошију куком *трапљену* (Вук 310, 323, 770). Но такое определение значения не совсем точно. Ближе к пониманию смысла, передаваемого гл. *трапити,* подошел Х. Шуман, предположив, что в приведенном тексте этот глагол имел значение 'обрабатывать, возделывать виноградник с помощью деревянного орудия' (*кȳка* 'деревянный крюк')[10].

В описании семантики с.-хорв. слов уже содержится указание на способ обработки земли: земля копается, корчуется, перепахивается, разными способами освобождается от дерна, кустарника и т.п. При освоении новой земли, расчистке от леса, кустарника мест под пашню применялся тяжелый труд. В одном из текстов, приводимых Загребским словарем, как бы особо выделяется поле, обрабатываемое таким трудоемким способом: Ako ko s *trȁpa* što ukrade, t.j. sa zemļe, koje je s osobitom trudom urađena, s namjerom prodati plodove, tad je krađa (Дубровник).

Исходная семантика ('копать, рыть') в несколько стертом виде присутствует и в болгарских словах, что явствует хотя бы из описания значения: *трап* – 'ископ, ров' (Бернштейн), 'изровено, *вдлъбнѫто мѣсто*' (Геров 5, 351), т.е. словом *трап* обозначается то, что вырыто, выкопано, выдолблено.

В одном из болгарских диалектов отмечен гл. *натрáпим* в значении 'делать борозды для оттока дождевой воды'; Изора̀ме го и го *натрапӣ ме* (М. Младенов. Из лексиката на Кюстендилско. БД VI, 145). В этом отыменном глаголе присутствует старая семантика имени *трап*: первоначально это – углубление, канавка, сделанная на поверхности земли каким-то роющим орудием.

В одном из архаичных болгарских диалектов–родопском засвиде-

тельствованы производные от этого имени в качестве обозначения особенностей рельефа местности: *страп* 'крутое место', *трапан,* прилаг. 'крутой, глубокий', *трѐпно* 'круто' (Т. Стойчев. БД II, 273, 282). Перенос названия осуществляется по той же семантической модели, что и в случае рус. *рвать > ров, обрыв.* В словаре Герова (Геров 3, 232) находим гл. *натрáпѫ,-ишь* сов. от *натрáпвамь* и *натрáпꙗвамь* в значении 'навязывать, всучивать, налагать', *~мся* 'навязываться, н а б и в а т ь с я, налагаться'. В данном случае, видимо, имеет место переосмысление первичной семантики, след которой сохраняется в одном из значений – 'набиваться', производном от 'бить, ударять'.

Старую семантику слав. **trapъ* сохраняют заимствованные из ю.-слав. языков рум., алб. *trap* (Skok III, 491). Непосредственно связаны с исходной глагольной семантикой 'копать, рыть, долбить' значения, характеризующие алб. *trap*: 'канавка, борозда, ров', 'узкое и глубокое русло', 'большое углубление в земле; яма (для картофеля)','межа, рубеж, граница между полями', 'тропа в горах и лесу', 'лодка, выдолбленная из одного ствола дерева' и т.д.[11] Исходный семантический признак 'углубление' лежит в основе значений рум. *trap* 'канавка; долина, ров' и *traf* (с *f* < *b*) 'ligne de demarcation entre deux vignes, prȇsika' (Жумберак) Скок ошибался, когда писал, что значения, свойственные рум. *trap,* неизвестны ю.-слав. языкам. На наш взгляд, рум., алб. *trap* семантически ближе к той линии развития, которая представлена в болгарском языке и его диалектах[11].

Как показывает приведенный материал, не совпадают пути семантического развития соотносимых балт. и ю.-слав. слов, сближаются семантически неродственные слова в их производных значениях, мотивированных разными семантическими признаками. Если этимология, удовлетворительно объясняя форму, вступает в противоречие с семантикой слов, то это может служить сигналом ошибочности этимологии.

Исходя из семантики, Х. Шуман высказал предположение о принадлежности ю.-слав. слов к гнезду слав. **trepati*[12], но, к сожалению, эта идея осталась незамеченной. Между тем весь лексический материал говорит в пользу такого понимания внутренней формы ю.-слав. **trapъ*. Семантически емкий гл. **trepati* (< и.-е. **trep-* 'трясти') входит в разные лексико-семантические группы (ср. гл. **trepati* и его производные в составе терминов прядения[13]). На славянской территории в некоторых диалектах, не только южнославянских, этот глагол выполняет функцию термина земледелия. В этой связи привлекает к себе внимание отмеченное в русских говорах Сибири отглагольное имя *трепач* в значении 'деревянная борона' и производный от него гл. *трепачить* 'обрабатывать землю деревянной бороной'[14]. В ю.-слав. **trapъ* представлено удлинение корневого гласного по отношению к слав. **tropa*, связанному чередованием регулярного типа с гл. **trepati*. Ю.-слав. **trapъ*, сложившееся на базе гл. **trepati*, следует рассматривать как диалектное новообразование праславянской эпохи, и, следовательно, для него исключено участие в приведенном выше балт.-фрак.-скиф. изоглоссе. В разветвленном,

продуктивном гнезде слав. **trepati* находим материально тождественные гл. на *-iti*, которые имеют различия в семантике и построены по разным моделям. Мы имеем в виду уже упоминавшийся отыменный ю.-слав. гл. **trapiti* в функции земледельческого термина и связанный с гл. **tropiti* (: **trepati*) (чеш. *tropiti* 'возбуждать спор, ссоры' и т.п.) чередованием в корне гласных *o*: *ō* гл. **trapiti*: ср. с чеш. *trápiti* 'мучить', польск.*trapić*, словен. *trápiti* то же[15], а также, видимо, болг. диал. *тра́пен* 'не пришедший в себя (от испуга)' (Бернштейн), 'растерянный, не пришедший в себя после болезни от волнения, удара и т.п.', без достаточных оснований связываемое с рус. *торопить*[16].

Слав. **sěpati*

В этимологической литературе выделяют в самостоятельное гнездо рус. диал. *си́пать* 'дергать' (зап.), 'тянуть рывками' (дон., Даль[2] III, 187) вместе с укр. *сíпати* 'дергать', польск. *siepać* 'трясти' (Фасмер III, 626). Оперируя ограниченным числом примеров, словари (ср. еще Brückner 489; Machek[2] 537) лишь вычленяют названные слова из общего словарного состава славянских языков и тем самым намечают контуры этимологического гнезда, генетические истоки которого остаются неясными. Между тем, как показал В. Борысь[17] в одном из недавних исследований, предполагаемое гнездо охватывает значительно больший лексический материал. В. Борысь ищет объяснения на путях традиционного сближения слав. слова с лит. *šaipýtis* 'ухмыляться, усмехаться' в гнезде и.-е. **k'eip-* 'вилять, махать, кривиться, морщиться'. Традиционное объяснение сопряжено со многими трудностями, о которых речь пойдет ниже. Вновь обращаясь к рассмотрению слав. **sěpati*, мы хотим продолжить поиски этимологического решения, основываясь на возможности внутренней реконструкции. Но прежде чем обратиться к выяснению этимологии, следует как можно полнее представить круг славянских соответствий, внимательно изучить значения и употребления всех относящихся к этому гнезду славянских слов.

Обширный материал по слав. **sěpati* представляют зап.-слав. языки:

польск. *siepać, siepnąć* 'дергать, терзать, теребить, рвать; начать драку; сорвать, разорвать; бросить, кинуть; махнуть, стукнуть, ударить, грохнуть; выдергивать нитки по краю', *~się* 'дернуться,осыпаться, сечься', с префиксами *o-, na-*: *osiepać* 'оборвать, обтрепать, ободрать; укротить (о молодых лошадях)', *nasiepać* 'наработаться'; отглагольные имена: диал. *siepka* 'корпия', т.е. перевязочный материал, нащипанные из тряпок нитки, которые употреблялись прежде вместо ваты, 'черпак для воды', *siepacz*, диал. *siepak* 'палач' (Варшавский словарь VI, 105; III, 845; 160); причастные формы в сочетаниях *kamien siepiący* (XVI в.) 'calculus', *rozsiepane osiadłości* (u Reja) (Brückner 489);

возможно, кашуб.-словин. *sëpnąc są* 'пуститься в путь, *sëpk* 'постоянно спешащий человек' (Sychta V, 36);

н.-луж. *sepaś* 'колотить, стучать, трепать; бить, биться', диал. '(о птице)

клевать, хватать, щипать клювом' (Muka II, 403), в.-луж. *sepić* = *sapać* 'метать искры' (Pfuhl 626, 630);

словац. диал. *sepat'se* экспр. 'ковылять, идти', с префиксами *do-, pri-*, ср. *prisepat'se* экспр. 'прийти'[18], глаголы на *-kati*: *sepkat'* обл. 'трясти, дергать; поскакивать', *s.sa* 'трястись' и производные *sepkavý*, *sepkom* 'бегом' (SSJ IV, 59).

На восточнославянской территории слабо засвидетельствованы продолжения слав. **sěpati*. Помимо уже упомянутого рус. диал. *си́пать*, с корневым вокализмом *и* в донских говорах представлен гл. *сепа́ть* [*сипать*], употр. в 3 л. 'клевать (о рыбе)': харашо рыба *сипаить* на-червей (Донск. словарь III, 114). В украинском языке находим *сі́пати* 'дергать', *сі́патися* 'дергаться, дернуться; подергиваться, подернуться; рваться, рвануться', *сіпо́ну́ти* 'с силой дернуть', с префиксом *на- насі́пати* 'надергать, натомить дерганием', отглагольные производные: *сіпуга* = *сіпака* 'злой и придирчивый начальник, полицейский, взяточник; вообще бранное прозвище всякого администратора', *сіпани́на* 'дергание; придирки административные и судебные; тягание по судам', *сі́пом* 'дергая', межд. *сіп* 'дерг! хват!' (Гринченко IV, 127). На белорусской территории отмечены гл. *се́паць* 'дергать; тяжело дышать, говорить зло, кричать', *се́пнуць* 'ударить, дернуть; шмыгнуть', с префиксом *насе́пацца* 'утомиться, умориться' (Янкова 323, 209), *се́пацца* 'сердиться' (Расторгуев 238).

У южных славян этот глагол, по нашим наблюдениям, представлен в болгарском языке и его диалектах: *сѣпамь* 'задержать, мешать, подставить ногу; осаживать, сдерживать', *~мся* 'спотыкаться; отступиться; (о воде) убывать, отступать, пропадать' (Геров V, 311), *се́пвам* нес. 'пугать, заставлять вздрагивать; вразумлять,' *~се* 'пугаться, вздрагивать; пробуждаться (внезапно); приходить в себя', *сепна* сов. 'испугать, заставить вздрогнуть; вразумить', *~се* 'испугаться, вздрогнуть; пробудиться (внезапно), прийти в себя' '(Бернштейн), диал. (костур.) *се́на* нес. 'мешать, стоя рядом' (БД VIII, 306), прилаг-ное елен. *се́пнът* 'испуганный, обеспокоенный' (БД VII, 129).

В круг продолжений слав. **sěpati* В. Борысь включает с.-хорв. диал. *се́па се, се́ба се* 'вздрагивать (во сне, от страха, гнева); приходить в себя, спохватываться' и т.п., объясняя появление формы с корневым *b* влиянием местоимения.

Слав. **sěpati* характеризует широкий круг значений, во многих случаях далеко отстоящих друг от друга. Связывает, объединяет семантически разошедшиеся образования общее исходное значение 'делать резкие, отрывистые движения' > 'трясти', 'дергать'. Семантическое развитие шло в следующих направлениях: 'дергать' > 'дернуть, ударить, бить, колотить' (ср. н.-луж., блр.), 'дергать' > 'придираться', 'сердиться', 'говорить, зло кричать' (ср. укр., блр.), 'дергать' > 'дернуться' > 'споткнуться, оступиться' > 'задержаться', 'отступиться' (ср. болг.), 'дергать' > 'дернуть, рвануть' > 'достать' > 'зачерпнуть', 'дергать', >

'дергать' > 'дернуть, рвануть' > 'достать' > 'зачерпнуть', 'дергать', > 'дернуться' > 'вздрогнуть' > 'пробудиться' и 'испугаться' (ср. болг.), 'дергать' > 'рвануть, быстро побежать' (ср. словац.), 'дергать', 'трясти' >- 'тяжело дышать' (ср. блр.).

Внутриславянские связи гл. **sěpati* стерты и трудно поддаются восстановлению. Продвижению вглубь помогают отмеченные в славянских диалектах единичные образования с иным вокализмом в корне, семантически неотделимые от гл. **sépati*. Мы имеем в виду уже называвшийся рус. диал. гл. *сúпать*, а также болг. диал. *сúпка* ж.р. 'птичка-трясогузка' (Д. Сакъов. БД III, 335), вероятно, производное от несохранившегося гл. ***сипати* со значением 'трясти', 'дергать'. К этому типу образований с вокализмом *i* в корне должно быть отнесено и отмеченное в болгарских народных песнях *сыпвамся* в значении 'встрепенуться', 'пробудиться': *Сыпнѫся* мома събуди, / Лютомь си вѣтьръ кльнише (Геров V, 304). Гл. *сыпвамся*, совпадающий по значению с *сѣпамся,* включен Геровым в словарную статью гл. *сыпвамся* 'рассыпаться'. На наш взгляд, объединяются омонимичные глаголы, этимологически никак не связанные между собой. В случае *сыпвамся* 'встрепенуться', 'пробудиться' мы имеем дело с гиперкорректной формой (с графическим *ы* вместо *и*), появление которой обязано совпадению в болгарском *y* и *i* и утрате мотивирующих этот глагол связей. Все эти примеры дают основание предполагать существование глагольных основ **sip-* < **seip-*: **sěp-* < *soip-* с чередованием *e*:*o*.

Следующий шаг к восстановлению внутриславянских связей позволяет сделать предположение Р. Якобсона о родстве рус. диал. *сúпать* и *сипеть* с производными от него образованиями, которые в словаре Даля (Даль[2] IV, 187–188) получают следующее толкование: *сип, сипа* моск., *сипак* м.р. пенз., *сипачка* ж.р. яросл., волог. 'грубый невежа, необразованный мужик, мужичка, деревенщина', *сипýга* ж.р. или *сипýха* ряз., тамб. 'волокуша, буран низом; при сухом морозном ветре, хотя сверху и не снежит, снег несется пылью, со свистом по земле, наметая сувои на кочках и сугробы на прибоях', *сипун, сипуха* 'кто сипит, хрипун', *сипóвка* 'тростниковая, бузинная, ивовая (из снятой коры), дуда, дудка', юж. 'сопелка'.

Слав. **sipěti* имеет значение 'сипеть, хрипеть': ср. блр. *сіпéць*, цслав. **осипнѫти** 'осипнуть', болг. *осúпнувам* 'хрипну', чеш. *sipěti, sipati* 'сипеть, хрипеть', слвц. *sipiet'* 'шипеть' и т.д. Принимая во внимание семантику производных от этого глагола рус. диал. *сипýга, сипýха*, обозначающих метель, поземку, поднимаемый ветром снег с поверхности земли, мы включаем в число продолжений слав. **sipěti* с.-хорв. чакав. и шток. *sípiti* (Вук, RJA XV, 49), *sīpȉt, sīpin* 'моросить (о дожде)' и чак. *sīpȁt, sīpon* 'дремать', первонач. 'сопеть'[19]. С.-хорв. *sípiti* 'моросить' необоснованно толкуется в литературе как локальное отражение на славянской почве и.-е. **seip-*/**seib-*'лить, течь', 'цедить': ср. др.-в.-нем. *sib,* англос. *sife* 'сито', *sīpian*, ср.-в.-нем. *sīpen* 'капать' и т.д. (Pokorny I, 894; Skok III, 241). Скок допускает возможным для с.-хорв. слова сближение с греч. ὕεω 'идти (о

дожде)', которое восходит к и.-е. *seu- с тем же значением (Skok III, 241–242).

Идея, высказанная Р. Якобсоном в самом общем виде, открывает новые ориентиры в этимологических поисках. Гл. *sipěti вместе с многочисленными производными образует самостоятельное гнездо, в рамках которого существуют образования с корневым вокализмом, тождественным вокализму гл. *sěpati. Заслуживает внимания тот факт, что в польском сосуществуют формы *sipieć* и *siepieć* в значении 'хрипеть', 'моросить (о дожде)', а в диалектах находим форму *siepełki* (Варшавский словарь VI, 119, 105) с вокализмом *ě* в корне в качестве обозначения украинского музыкального инструмента (ср. приведенное выше рус. диал. *сипо́вка* в значении 'дудка', 'сопелка'). В чешском параллельно с формами *sipati, sipěti*, являющимися основными, в диалектах отмечены глаголы с иным корневым вокализмом: ган. *septět*, ляш. *s'apět* 'сипеть, издавать сиплые звуки' (Machek[2] 543). Параллелизм форм с корневыми *i* и *ě* в гнезде *sipěti и *sěpati служит формальным доводом в пользу сближения данных глаголов. В литературе гл. *sipěti обычно определяется как звукоподражательное образование, и такое понимание базируется на устойчивой связи глагола с определенным звуковым образом. Опыт изучения звукоподражательных образований показывает, что далеко не всегда эти образования восходят к звукообозначению[20]. При более широком охвате материала с учетом всей семантики, фонетических и морфонологических вариантов, в ряде случаев удается установить, что в основе глаголов, относимых к разряду звукоподражательных, лежит не звукоподражание, а корень, передающий какое-то конкретное действие. Идея генетической близости гл. *sipěti и *sěpati позволяет преодолеть изолированность слов и на новой основе подойти к восстановлению семантических процессов, приведших к распаду некогда единого этимологического гнезда.

Некоторые общие соображения позволяют думать, что семантика гл. *sipěti, в основе которой лежит представление о шуме, неизначальна. Обозначению шума предшествовало обозначение действия, основные характеристики которого присутствуют в семантике гл. *sěpati. Семантика гл. *sipěti, связанного чередованием гласных с *sěpati, сужена. Сфера употребления глагола ограничена обозначением определенного физического состояния – состояния болезни, когда человека трясет, лихорадит, появляется тяжелое, неровное дыхание (ср. словен. *sípiti* 'тяжело дышать', *sípati* 'кашлять'). Далее, видимо, имел место перенос обозначения с физического состояния на явления, сопутствующие болезни, – хрипы, сипение, шумы, возникающие при кашле, тяжелом, болезненном дыхании. В результате для гл. *sipěti основной становится функция звукообозначения. Происходит формальное и семантическое обособление глаголов *sipěti и *sěpati.

Все попытки определить генетические истоки гл. *sipěti, *sěpati не дали положительного результата. При более внимательном рассмотрении оказывалось, что соотнесение или сравнение с тем или иным рядом индо-

европейских слов основано на чисто внешних признаках сходства, при отсутствии необходимой аргументации выводы о внешних связях выглядит неубедительными и маловероятными. Так, гл. **sipěti* обычно сравнивают с лат. *sībilō*, *-āre* 'свистеть, шипеть', *sībilus* 'шипящий, нов.-перс. *siflīden* 'свистеть, щебетать, чирикать, петь', но эти образования с исходным и.-е. корнем **sue̯i̯-*, **su̯i-* 'свистеть, шипеть' (Pokorny I, 1040; Walde[2] 708) во всех отношениях ближе слав. **svistъ* (Фасмер III, 580–581). Также маловероятно сравнение с гот. *hiufan* 'сетовать', истоки которого в гнезде и.-е. **kāu̯-*, **kēu̯-*, **ku-* 'выть, реветь' (Pokorny I, 535–536). Махек настаивает на сближении с лит. *šiẽpti* 'разевать, раскрывать рот; скалить зубы', полагая, что семантическое развитие шло в направлении 'открывать рот' > 'тяжело дышать ртом' > 'сипеть' (Machek[2] 544). В. Борысь исходит из того, что по вокализму ближе лит. итер. *šaipýtis* 'ухмыляться, усмехаться'. Но литовское слово не имеет определенной этимологии. Френкель принимает для лит. *šiẽpti* объяснение, предложенное Бугой: лит. *šiẽpti* восходит к и.-е. **kseip-* (и.-е. *ks* > лит. *š* наряду с **sk-* в лит. *skiẽpas*) и родственно рус. *шип*, с.-хорв. *šȋp* 'шип, острие', луж. *šip* 'стрела' (Fraenkel 981). А в словаре Покорного лит. *šiẽpti* отнесено к продолжениям и.-е. **k̑eip-* 'вилять, махать', 'кривиться, морщиться' (ср. еще др.-инд. *śiprā* 'усы', авест. с метатезой *srifa-* 'ноздри' и т.д. – Pokorny I, 543). Нельзя признать убедительным ни одно из предложенных объяснений слав. **sipěti*.

Столь же неясны истоки гл. **sěpati*/**sipati*. Фасмер, признавая сомнительным сравнение рус. *сúпать* с осет. *sewun* 'косить' или на основе чередования с рус. *шип*, допускает родство для русского слова с др.-инд. *kṣipáti* 'бросает, швыряет', *kṣēpáyati*, кауз., *kṣipráḥ* 'быстрый' (Фасмер III, 626; со ссылкой: Zupitza BB 25, 93), которые в словаре Покорного сближаются с рус. *шибать* 'бросать', *шибкий* и возводятся к и.-е. **kseip-*, **kseib-* 'бросать, швырять' (Pokorny I, 625; Mayrhofer Lief, 6, 432). Но в этом сближении остается немало труднообъяснимых моментов. Др.-инд. *kṣiprá-* 'быстрый' вместе с авест. *xšuuiβra-* 'быстрый, стремительный', как полагают, восходят к индо-иран. **kšuaip*(?) с последующим устранением лабиального элемента через диссимиляцию перед *b* (Mayrhofer Altind. 6, 437). Сомнительно, чтобы процесс диссимиляции параллельно проходил в разных группах индоевропейских диалектов. Но даже в случае выбора исходной формы **kseip-* мы стоим перед необходимостью объяснить соотношение в анлауте и.-е. *ks* и слав. *s*. Здесь на помощь приходят наблюдения из области отражения в индоевропейских языках форм с усложненным анлаутом. При регулярном преобразовании и.-е. **ks* в слав. *x*, *š* отмечены формы, для которых допускается преобразование

начального *ks* > *s* в славянских и индоевропейских языках: ср. др.-инд. *kṣárati* 'течет, струится': *sárati* 'течет, спешит', др.-инд. *kṣaram* 'вода': слав. **sěra*[21]. Предполагается, что в анлауте индоевропейских форм возможно появление подвижного компонента, не только *s*, но и *u̯*, задненебного, зубного. С принятием такого объяснения для др.-инд. *kṣipáti*: слав. **sěpati*/**sipati* возникает необходимость еще в одном допущении. Мы должны предположить, что в плане относительной хронологии упрощение группы *ks* > *s* произошло в более раннюю эпоху, до развития *ks* > *x* или *š* в праславянском. Как видим, при таком подходе славянское слово оказывается вне тех обязательных позиционных условий, в которых только и возможны изменения регулярного типа. Это обстоятельство сильно ослабляет надежность истолкования слав. **sěpati*/**sipati*.

Завершая обзор этимологий, мы остановимся еще на попытке Махека соотнести польск. *siepać*, укр. *сínати* с чеш. *sápati* 'дергать, рвать', морав. *cápat se*, вал. *chápat sa*, н.-луж. *capaś*, а также чеш. *osopiti se* и болг. *сóпвам се* 'огрызаться' и далее – нем. *sappen*. Махек относит всю эту группу слов к экспрессивной лексике, практически не имеющей истории (Machek[2] 537). Если отношение начальных *s*-: *c*-: *x*- можно объяснить как экспрессивную субституцию, то значительно сложнее понять различия в корневом вокализме.

Выпадает из вышеприведенного ряда польск. *siepać*, укр. *сínати*, их объединяет с приведенными выше словами только сходство семантики. Есть основания думать, что чеш. *sápati, cápat se, chápat sa* представляют собой основанные на звукоподражании экспрессивные варианты, различающиеся анлаутом (ЭССЯ 3, 171–172).

И, наконец, следует отметить представленное в словаре Брюкнера ошибочное сравнение польск. *siepać* и *sępić*, последнее вместе с цслав. **осѫпѣти** 'оробеть', чеш. *posupiti* 'омрачить' и т.д. связано чередованием корневых гласных с **sępъ*: ср. с.-хорв. *cȅn* 'коршун' (Фасмер III, 48).

Как видим, оказались безуспешными поиски индоевропейских соответствий для слав. **sěpati*, **sipěti*. Допустимо видеть в славянских глаголах древнее новообразование праславянской эпохи. Не исключено, что генетические истоки славянских слов в гнезде и.-е. **sei*-: **si*- 'бросать', 'сеять' (Pokorny I, 889–890). В составе этого достаточно разветвленного этимологического гнезда для одних образований определяющим является значение 'сеять' (ср. слав. **sějati, *sěmę, *sito*), для других – значение 'бросать, метать, швырять' (ср. др.-инд. *sáyaka* 'предназначенный к броску', *sāyika* 'кинжал', *sēna* 'метальный снаряд'). Оба значения взаимосвязаны и являются конкретной реализацией более общего значения 'делать резкие, отрывистые движения'. В слав. **sěp*-: **sip*-, сложившемся на базе и.-е. **sei*- с расширителем -*p*, присутствует та же семантика, но в несколько преобразованном виде. Эта основа дала начало самосто-

ятельному этимологическому гнезду с очень разветвленной семантикой. В истории праславянского по семантическим причинам произошло расщепление этого гнезда, выделение двух групп родственных образований с основами *sěp- и *sip-.

*pelestь, *pel'ustь

В словаре Махека (Machek[2] 443) к этимологически неясным словам отнесены чеш. *pelest', pelest* ж.р. 'спинка кровати, стенка кровати; скамейка, на которой сидят гребцы' (Kott II, 524), диал. 'боковые доски постели' (v Podkrkonoši), зап.-морав. 'края каменного корыта', с ними соотнесены блр. *пéлесць* ж.р. 'ручка у корыта (для стирки) и толстые концы у корыта (для кормления скота)', 'пласт, кусок' (Носович 397), *пéлесць* (*пéлiсьць*) 'поперечный край корыта (для стирки)' (Юрчанка Нар. вытвор. слова 158), а также близкие по значению образования в ином суффиксальном оформлении – польск. диал. *peluść*, блр. *пелющы* pl. tant. 'закраины у корыта для стирки' (Блр.-русск. 653), диал. *пéлюсьцi* мн. то же (Народнае слова 40). Дополняет эту группу родственных образований болг. родоп. *пéлест, пелест'ŏ* 'выдвинутая вперед часть дома, навес, на котором сушат одежду, зелень, фрукты и т.д.' (Т. Стойчев. – БД V, 196) и рус. диал. *пéлисть* ж.р. 'ручка корытца (паланки) для очистки зерна' (новосиб., Филин 25, 331). Как видим, засвидетельствованные в разных частях славянской территории слова **pelestь, *pel'ustь* обозначают выступ, край, выступающую часть постройки, боковую поверхность. Без особого труда в составе этих образований можно выделить корневую морфему **pel-* и суф. *-estь, -ustь* явно вторичного происхождения. Место этих образований в гнезде слав. **pelti, *pelvǫ* 'полоть', продолжающего и.-е. **sp(h)el-* 'колоть, расщеплять' (ср. лит. *spãliai* 'очески льна', др.-инд. *phá̦lati* 'лопается, трескается', нем. *spalten*)[22]. В гнезде слав. **pelti, pelvǫ,* достаточно хорошо засвидетельствованного в славянских языках, имена имеют семантику, явно производную от основного значения глагола 'полоть, дергать, чистить', не нуждается в каком-то специальном обосновании значение 'мякина, шелуха, сорняк' (семантически ср. *драть*: *дранка, обдирки, чесать*: *очесы* и т.п.), характеризующее слав. **pely, -ъve, *pelvelъ* (Фасмер III, 227, 312). Также понятно появление у именных образований значения 'планка, доска' (ср. *колоть*: *кол,* слав. **ščipati*: с.-хорв. *штап* 'палка'): ср. слав. **polъ* ~ др.-инд. *phálakam* 'доска, планка', др.-исл. *fiǫl* ('половица, доска, планка', слав. **polica,* произв. с суф. *-ica* от **polъ*, в рус. диал. *полúца* 'посудная полка на стене', с.-хорв. *пòлица* 'стенная планка', словен. *políca* 'доска в стене; отвал плуга' и т.д. (см. Фасмер III, 306, 310). Собственно, слав. **pelestь*, **pel'ustь* обозначают часть целого, деталь в виде планки, доски. В русских диалектах представлено еще одно образование с той же корневой морфемой, но расширенной другим суффиксом *-ena*. Мы имеем в виду диал. *пéлена* 'стреха соломенной крыши', которое Фасмер оставляет без объяснения, отклоняя предложенное Преображенским сближение с близким по

значению диал. *пелёда*, заимствованным из балтийских языков (Фасмер III, 229). В "Словаре русских народных говоров" это слово ошибочно сближено с омонимичным *пелена́* 'пеленка', 'кусок ткани' и рассматривается вместе с ним в одной словарной статье (Филин 25, 326–327). В русских диалектах интересующее нас *пе́лена* отмечено в следующих значениях: 'нижний, свисающий край (соломенной) крыши; стреха' (курск., тамб., ворон., орл., ряз., рост.), 'скат, полотно крыши' (орл., курск., ряз., тамб.), 'верхняя, суживающаяся часть, откос скирда, стога' (орл., курск., тамб. и др.), 'обрешетина кровли' (орл., курск.), *пе́лены* мн. 'продольные жерди на столбах, подпорах в сарае для хранения корма (пелевне)' (тамб.), *пелена́* 'доска, удерживающая солому в нижней части ската' (ряз., тул.), *пелены́* мн. 'стропила' (южн. Горьк.), 'вертикальная плоскость, поверхность стены, боковая поверхность скирда, стога' (Даль), *пеле́ница, пелёница* и *пеле́нница, пелённица* ж.р. 'жердь, придерживающая нижний слой соломы на крыше' (ряз.) (Филин 25, 327–328), а также *пе́лина* ж.р. 'бревно, балка' (Азерб. ССР) (Там же 331). Нетрудно заметить, что основную часть сооружений, именуемых словом *пе́лена*, составляет жердь или балка, доска, т.е. название ската крыши, откоса стога и т.д. по основной детали, несущей или удерживающей, придерживающей крышу, сток и т.п. Махек очень близко подошел к пониманию внутренней формы чеш. *pelest*, сблизив его с диал. (ган.) *peliska* (< *pel-iska*) 'ступенька, на которую встают, когда залезают на печь' (Machek[2] 443). Как видим, в семантике целого ряда именных образований, оформленных разными суффиксами, присутствует основное и изначальное для них значение 'жердь, доска, балка'.

Некоторых пояснений требует блр. диал *пе́люсьць* 'жерло печи' (Народнае слова 12), *пе́люсць* ж.р. 'устье печи' (Сцяшковіч 364), которые материально тождественны приведенному выше блр. *пелющы*, но не совпадают с ним по значению. Махек вводит в гнездо чеш. *pelest* отмеченное в диалектах *peliska* 'жерло печи' (Machek[2] 443). В семантике этих образований находит отражение преобразование исходного значения 'полоть, дергать' в направлении 'щель, отверстие' (ср. семантически рус. *щель*: лит. *skélti, skeliù* 'раскалывать', рус. *дыра*: *драть* и т.д.).

На территории сербохорватского языка засвидетельствована еще одна группа образований. Видимо, этимологически тождественны слав. **pelti*, **pelvǫ* и необъясненные Скоком (Skok II, 633), с.-хорв. *peleš peliš* в значении 'край, рант, рубец' (ср. *peliš* krstionice=kamenice, oko mlina=*peleš šinje*) и 'ручка кастрюли, котла', ср. *pèliješ* (Лика)-*pélīš* м.р. (Лика)-*peleš* (Хорватия), а также *peleš nica* (Левач, Сербия) 'drven polukrug u vrata, utvrđen za direk, u koji se zavlači petica'. По мнению Скока, употребление с.-хорв. *peleš* в качестве обозначения ручки котла, каната, края и т.п. явилось результатом метафорического переосмысления *peleš* (Вук, Срем) 'коса, косичка (на голове мужчины)' *pelešav* (Лика), 'лохматый, взъерошенный, растрепанный, косматый', 'паршивый, шелудивый'. Но в таком предположении нет необходимости. Эти два ряда значений, мотиви-

рованные общей исходной семантикой глагола, могли сложиться и развиваться параллельно и независимо друг от друга: 'полоть' > 'полоть, дергать по краю' > 'полоса, рубец' (ср. с.-хорв. *pèleš̃* 'косичка на голове мужчины') и 'край, рант' (ср. блр. диал. *пéліна* 'подол'[23]) и 'полоть, дергать' > 'очесы, мякина' > 'космы, патлы' и 'лохматый, растрепанный' (ср. укр. *пéлех* 'клочок волос, шерсти' – Гринченко III, 106), 'полоть, дергать' > 'нечто мелкое, дробное; кусочки' (рус. диал. *пелёсток* 'четвертая часть кочана капусты' –(Новосиб. словарь 378; *пелю́шки* 'пряники' – Расторгуев 206; чеш. *pel* 'мелкая пыль' – Kott II, 524). Последнее значение в несколько измененном виде представлено в болг. диал. *пелéшкъ̀* 'мясистая сережка на шее животного под ухом'[24], *пилéшки* мн. то же, *пéлиш* фольк. 'подарок' (Ралев. БД VIII, 153), *пелешки* 'мелкие монеты, нашиваемые на шнур, вплетаемый женщиной в косы; монисто' (Геров IV 21), 'металлические украшения' (Горов. БД I, 124), *п'éлеш'* 'монета, которая дарится новорожденному' (Стойчев БД II, 233), *пелеш* то же (Геров IV, 21).

Данные образования имеют структуру производных с суф. *-ešь*. Параллельно в том же значении 'нечто мелкое, куски' и т.п. представлены образования на *-ustъ*: укр. *пелю́стка* 'капустный лист; кушанье: сваренные капустные листы с мясным фаршем; в прическе гуцульской девушки: прядь, шестая часть волос, идущая на косу; широкий зубец, находящийся с каждой стороны ряда тонких зубьев в прядильном гребне' (Гринченко III, 106), рус. диал. (брян.) *пелю́стка* 'небольшие кусочки теста (пшеничного или гречневого) квадратной формы для вареников' (Расторгуев 206).

Нетрудно заметить симметрию отношений **pelestь* – **pel'ustь* в семантическом ряду 'полоть, дергать' > 'доска, планка' > 'выступ' и 'полоть, дергать' > 'нечто мелкое, кусочки'.

Приведенный лексический материал существенно расширяет представления о составе и структуре гнезда слав. **pelti*, **pelvǫ*. К этому же гнезду может быть отнесено чеш. *pelichati* 'терять перья (о птице); менять шерсть, линять', которое в словаре Махека (Machek² 443) неубедительно объясняется из **perie lichati* с последующим ослаблением *rie-li*, при этом *lichati* понимается как вариант *línati* с расширителем *-ch-*. Как будто бы отсутствуют препятствия для понимания чешского глагола как производного на *-ichati* от основы гл. **pel-ti*.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. *Schmidt J.* Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus II. Weimar, 1875. 139, 331.

[2]*Брандт Р.* Об этимологическом словаре Миклошича // РФВ XVIII, 1887, 26; *Mladenov St.* Element im Slavischen // AfslPh XXXVII, 1916. 131.

[3]*Георгиев В.* Балто-славянский и тохарский языки // ВЯ 1958. № 6. 19.

[4]*Абаев В.И.* Thraco-scythica // В чест на акад. Вл. Геогиев. 109.

[5]*Марусенко Т.А.* Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов) // Полесье. М., 1968. 255.

[6]*Kalužniacki.* Zusätze zum Artikal ueber die Bedeutung des altserb. *трапъ* // AfslPh 1891, B. 13. 319–320.

[7]*Šafařík.* Slowanský narodopis. 3. Aufgabe 160.

[8] *Dulčić J.* i *Dulčić P.* Rječnik bruškoga govora // HDZb. Knj. 7, sv. 2. Zagreb, 1985. 696, 478.
[9] Там же.
[10] *Šuman H.* Etymologische Erklärungsversuche // AfslPh 1909, B. XXX. 306–307.
[11] *Svane G.* Slavische Lehnwörter im Albanischen. Acta Jutlandica LXVIII. Humanistische Reihe 67. Aarhus university press 1992. 38–39.
[12] *Šuman H.* Op. cit. 307.
[13] *Трубачев О.Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966. 77.
[14] Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Изд. 2-е. Красноярск, 1988. 386.
[15] *Šuman H.* Op. cit.; *Варбот Ж.Ж.* Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984. 31, 39.
[16] *Леков Ив.* Към историята на някои думи в българския език // Език и литература. XI. 1956. № 6. 444–445.
[17] *Boryś W.* Студиjе из српскохрватске и словенске етимологиjе // ЈФ XLVII, Београд, 1991. 69–82.
[18] *Orlovský J.* Gemerský nárečový slovník. 1982. 296.
[19] *Dulčić J.* i *Dulčić P.* Op. cit. 653.
[20] *Варбот Ж.Ж.* О семантике и этимологии звукоподражательных глаголов в праславянском языке // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. М., 1988. 66–78.
[21] *Трубачев О.Н.* Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // Этимология 1968. М., 1971. 40–42.
[22] *Куркина Л.В.* Славянские этимологии // Этимология. 1981. М., 1983. 15–16.
[23] Матэрыялы для слоўніка Мінска-маладзечанскіх гаворак. Пад. рэд. М.А. Жыдовіч. Мінск, 1970. 102.
[24] *Попов К.* Говорът на с. Габаре, Белослатинско // Изв. Ин-та за български език. Кн. IV. С., 1956. 163.

В.В. Сырочкин

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

1. Праслав. **sěno*, лат. *fēnum*

Как будет показано ниже, лат. *fēnum* ‘сено’, скорее всего, не имеет генетической связи с праслав. **sěno* ‘сено’ (вопреки распространенному мнению). Ясно, что праслав. **sěno*, лит. *šiẽns*, лтш. *šìens*, греч. κοινά ‘сено’ (Фасмер III, 601) допустимо возводить к и.-е. **k’ᵉ/oi̯nom* или **k’ᵉ/oi̯ənom* (учитывая акут. лит. диал. *šíenas*)[1]. Чисто формально и.-е. **k’ei̯nom/*k’oi̯nom* могло бы рассматриваться как производное от глагола и.-е. **k’ei̯*- ‘лежать, покоиться’. Примечательно, что данное сопоставление вполне допустимо и с точки зрения семантической типологии. Ср. в качестве аналогии рус. диал. *лóга* ‘скошенная трава для сушки; сенограб; участок скошенной травы; трава скошенная, но не убранная в кучи или в стога; грабли для сена’, которое восходит к праслав. отглагольному имени, производному от праслав. **legt’i, *ležati* (ЭССЯ 15, 246). Приведенный пример доказывает реальность семан-

тической модели ‘лежать’ → ‘скошенная трава’ → ‘сено’. Итак, вполне допустимо видеть в праслав. **sěno* рефлекс и.-е **k’ei-* ‘лежать, покоиться’.

Далее, ясно, что лат. *fēnum* допускает чисто формальное сопоставление с др.-инд. *ā-dhā́nam* ‘заклад’, *ni-dhā́nam* ‘запас’, континуантами и.-е. **dhēnom,* производного от и.-е. **dhē-* ‘класть, ставить’. В плане семантической типологии это сравнение вполне правдоподобно, ибо расхождение в семантике между лат. *fēnum* ‘сено’ и др.-инд. *nidhā́nam* ‘запас; хранение, сбережение; сокровище, клад’ практически такое же, как и между взаимно родственными словен. *klâja* ‘корм скоту’ и рус. *кла́жа* ‘сбережения, накопленные деньги’, континуантами праслав.**kladja* ‘кладь’, производного от глагола праслав. **klasti*, **kladǫ* ‘класть’ (ЭССЯ 9, 178). Аналогия с приведенными славянскими словами доказывает реальность модели ‘кладь’ → ‘корм для скота’. Что же касается возможности семантического перехода ‘корм’ → ‘сено’, то хорошей аналогией может служить др.-инд. *ghāsá-* ‘корм, пища; се н о’, связанное с др.-инд. *ghasi-* ‘пища’, *ghasanam* ‘корм’, *ghásati* ‘ ‘ест, питается’, и.-е. **ghos-* ‘поедать’ (ЭССЯ 7, 68). Ср. также словен. *kŕma* ‘пропитание, корм для скота, с е н о’, континуант праслав. **kъrma* ‘корм, пища’ (Фасмер II, 329). Итак, лат, *fēnum* вместе с др.-инд. *dhā́nam* допустимо возводить к и.-е. **dhēnom* ‘кладь’, производному от и.-е. **dhē-* ‘класть, ставить’.

2. Праслав. **sirъ*

Праслав. **sirъ* ‘сирый, осиротевший’, лит. *šeir̃ys* ‘вдовец’, *šeir̃ė* ‘вдова’ иногда сравнивают с лат. *hērēs* ‘наследник’, греч. χῆρος ‘осиротевший’, предполагая здесь наличие древнего анлаутного и.-е. **k’h-* (Фасмер III, 627). Однако для приведенных балтославянских форм фонетически регулярна все же лишь праформа и.-е. **k’ei̯-r-*. Как мы сейчас убедимся, праслав. **sirъ* допустимо связывать в конечном счете с и.-е. **k’ei-* ‘лежать, покоиться’ на основании семантической модели ‘лежать’ → ‘покинутый, оставленный’ → ‘вдовый, осиротевший’. Прежде всего, прекрасной аналогией может служить англ. *quit* ‘оставлять, покидать, бросать (напр., семью)’, которое через ст.-франц. *quite* заимствовано из лат. *quiētus* ‘спокойный’. Далее, следует обратить внимание на др.-инд. *rámate* ‘отдыхает’, *virámate* ‘перестает, прекращает; о т к а з ы в а е т с я (о т ч е г о - л и б о)’, *uparama-* ‘прекращение, о т к а з (о т п р а в, п р и в ы ч к и и т.п.)’, которые родственны гот. *rimis* ‘спокойствие’, греч. ἠρεμία ‘покой, неподвижность’. Этот пример также весьма важен, поскольку значения ‘отказываться’ и ‘покидать, оставлять’ тесно связаны друг с другом. Ср. как аналогию др.-инд. *tyájati* ‘оставляет, покидает; отказывается’, *sannyāsa-* ‘оставление, покидание; отказ, отречение’, *muñcáti* ‘оставляет, отказывается’, *mokṣa-* ‘отказ, освобождение’ (сравните семантику англ. *quit* ‘освободившийся’). Что же касается возможности семантического перехода ‘покидать, оставлять’ → ‘вдовый, сирый’, то в качестве аналогии можно сослаться на греч. χηροῦν ‘лишать; делать вдовым;

оставлять, покидать', χήρειος 'овдовевший, осиротевший', которые родственны др.-инд. *jahāti* 'оставляет, покидает', *hānam* 'оставление, отказ', *hīna-* 'покинутый, лишенный', *parijahā́ti* 'бросает, покидает, отказывается' (следует еще раз обратить внимание на связь между значениями 'покидать' и 'отказываться').

3. Праслав. **mostъ*

Популярная гипотеза, трактующая праслав. **mostъ* 'мост; плотина' как чисто славянское производное от глагола праслав. **metǫ, *mesti, *metati* 'метать', довольно правдоподобна во всех отношениях. Ср., к примеру, англ. *pitch* 'бросать; мостить брусчаткой', *throw* 'бросать; наводить (мост)'. Однако есть возможность и иного осмысления **mostъ*. Обратим внимание на ф о р м а л ь н у ю   б л и з о с т ь   между праслав. **mostъ* и лит. *mastýti* 'плести, сплетать; (текст.) сновать', лтш. *mastīt* 'вя з а т ь; плести', которые связаны с лит. *mèsti, metù* 'метать; (текст.) сновать', лтш. *mest, metu* 'метать', *aizmest* 'з а в я з а т ь   (напр., узел); закинуть', праслав. **metati* 'метать' (Фасмер II, 664). Сопоставление праслав. **mostъ* с лит. *mastýti*, лтш. *mastît* вполне допустимо и в семантическом плане, поскольку расхождение в семантике между праслав. **mostъ* 'мост; плотина' и лтш. *mastīt* 'вязать' точно такое же, как и между взаимно родственными др.-инд. *sétu-* 'мост; плотина' и др.-инд. *prasinóti* 'вяжет', *sinóti* 'связывает', лтш. *siet, sienu* 'вязать, связывать' (Фасмер III, 614). Особенно следует обратить внимание на семантику приводившегося выше лтш. *aizmest* 'завязать' (ср. др.-инд. *sétu-* 'завязка; мост'). Изложенная реконструкция, по мнению автора этих строк, предпочтительнее, чем традиционная, поскольку в большей степени учитывает формально-фонетический аспект проблемы.

4. И.-е. **en-men-* 'имя'

По мнению О.Н. Трубачева, в слове и.-е. **en-men-* 'имя, название' допустимо выделять предлог-приставку и.-е. **en-* 'в-, внутри-' (ЭССЯ 8, 227–228). Принимая эту точку зрения, автор настоящих заметок считает допустимым связывать рассматриваемую лексему с глаголом и.-е. **men-* 'думать; помнить'. Хорошей формальной аналогией может служить праслав. **ęzykъ*, правдоподобно истолкованное О.Н. Трубачевым как континуант и.-е. **en-g'hū-*, являющегося производным с вышеуказанной приставкой от глагола и.-е. **g'heu-*'взывать' (ЭССЯ 6, 74–75). В семантическом плане прекрасным примером служит лит. *praminìmas* 'прозвание, название', *pramiñti* 'прозвать, назвать'. Эти слова родственны лит. *miñti, menù* 'помнить', лтш. *minēt* 'упоминать' и восходят к и.-е. **men-* 'думать; помнить'. Особенное внимание следует обратить на лит. *suminė́ti* 'упоминать; п о и м е н о в ы в а т ь'. Ср. также лтш. *minēt vārdā* 'назвать' (лтш. *minēt* 'упоминать' и лтш. *vārds* 'имя'). На основании двух последних

примеров можно предположить, что первоначально и.-е. *en-men- имело значение ‘упоминаемое; называемое вслух’. Ср. как аналогию др.-инд. *atipáṭhati* ‘называет’, *páṭhati* ‘читает (вслух)’, *paṭhanam* ‘упоминание; чтение вслух’. В заключение отметим, что варианты и.-е. **nŏ mn̥-* и др., может быть, возникли чисто аналогическим путем из более древнего варианта и.-е. **en-men-* по образцу и.-е. пар с закономерным чередованием полноты и краткости в корне и суффиксе (основы I и II по Бенвенисту[2]).

5. Праслав. **krotiti, *krotъkъ*

Как мы увидим, праслав. **krotiti, *krotъkъ* допустимо связывать с лит. *kretė́ti* ‘трястись’, *kratýti* ‘трясти; стлать, трусить (солому и т.п.)’, лтш. *kratīt* ‘трясти’. Обратим особенное внимание на семантику лит. *pakrataĩ* ‘подстилка’, *pakratýti* ‘посыпать’, *apkratýti* ‘осыпать, устилать’, *įkratas* ‘засыпка’. По аналогии мы можем для праславянского состояния реконструировать ***krot-* ‘трясти; натрушивать; устилать, осыпать (натрушивая)’. Покажем, что из подобных значений вполне могла развиться семантика, близкая к семантике и.-е. **ster-* ‘расстилать, рассыпать; простирать’. В самом деле, великолепной аналогией являются лит. *draikýti* ‘трепать; рассыпать, раструшивать’, *draikaĩ* ‘подстилка; труха’ (ср. с лит. *pakrataĩ* ‘подстилка’), *draikýtis* ‘стлаться (напр., о дыме)’, *drìekti* ‘растягивать; с т л а т ь, р а с с т и л а т ь (напр., лен)’, *dryksóti* ‘расстилаться; тянуться; л е ж а т ь р а с т я н у в ш и с ь’, *padraikýti* ‘рассыпать; раструсить (сено, солому)’, *pãdrikas* ‘разбросанный (о соломе); растянутый (о ткани); р а с п р о с т е р т ы й (о ч е л о в е к е)’ (о происхождении этих слов см. ЭССЯ 5, 221). А теперь обратим внимание на семантику лат. *sternere* ‘стлать, усыпать; у н и м а т ь, у с п о к а и в а т ь; у б и в а т ь’, греч. στορνύναι ‘стелить; у с п о к а и в а т ь, с м и р я т ь, п о д а в л я т ь; в а л и т ь (на з е м л ю)’, στορεστής ‘у с м и р и т е л ь, у к р о т и т е л ь’, восходящих в конечном счете к и.-е. **ster-*. Эти слова семантически близки одновременно и к праслав. **krotiti* ‘укрощать, смирять, покорять; убивать’ и (как было показано выше) к лит. *kratýti*. Таким образом, имеются достаточно серьезные основания предполагать родство между праслав. **krotiti, *krotъkъ* и лит. *kratýti, kretė́ti*. В заключение отметим, что предполагаемая О.Н. Трубачевым связь между праслав. **krotiti* и праслав. **krǫtiti, *krętati* вполне допустима и в рамках вышеизложенной концепции. Сравните, к примеру, в качестве аналогии др.-инд. *ghū́rṇati* ‘вертит, вращает; потрясает’ или лат. *vibrāre* ‘трясти, сотрясать; завивать, извивать(ся)’.

6. Праслав. **čitъ*

Ягич сопоставлял праслав. **čitъ* ‘целый, невредимый’ с лит. *kíetas* ‘твердый’, лтш. *ciets* ‘твердый’ (Фасмер IV, 367). Данную этимологию

можно обосновать с помощью семантической модели ‘целый’ → ‘твердый’. Ср. как аналогию лат. *solidus* ‘целый, весь; т в е р д ы й’, которое связано с лат. *salvus* ‘целый, невредимый’ (сравните семантику праслав. **čitъ*), лат. арх. *sollus* ‘целый, полный’, греч. ὅλος ‘целый, весь’, др.-инд. *sárva-* ‘целый, весь’. Семантика и.-е. соответствий указывает на первичность здесь значения ‘целый’. Следует обратить внимание на семантическую близость между лит. *kietımas* ‘твердое тело’ и англ. *solid* ‘твердое тело’, заимствованным в конечном счете из лат. *solidum.*

Покажем, далее, что праслав. **čitъ*, лит. *kíetias*, лтш. *ciets* допустимо сопоставлять с др.-инд. *cīti-* ‘с о б и р а н и е’, *cinóti, cáyati* ‘собирает’, авест. *čayeiti, činvaiti* ‘выбирает’ (Фасмер IV, 363). В качестве аналогии здесь можно сослаться на греч. ἀθροίζειν ‘собирать’, ἄθροισμα ‘собрание, скопление; с о в о к у п н о с т ь, ц е л о е’, ἀθρόος ‘собранный; н е п р е р ы в н ы й, с п л о ш н о й’ (ср. англ. *solid* ‘сплошной, целый’). Ср. еще др.-инд. *samudita-* ‘собранный, объединенный’, *samudaya-* ’собирание’, *samudāya-* ‘в с е , ц е л о е’. Таким образом, в семантическом отношении праслав. **čitъ* ‘целый’, лит. *kíetas*, лтш. *ciets* ‘твердый’ вполне соответствуют др.-инд. *cīti-* ‘собирание’, *cáyati* ‘собирает’.

Остановимся еще на гипотезе Миклошича, предполагавшего связь праслав. **čitъ* ‘целый’ с праслав. **čьtǫ*, **čisti* ‘читать, считать, ценить’ (Фасмер IV, 367). Обычно праслав. **čьtǫ*, **čisti*, лит. *skaitýti* ‘читать, считать’, лтш. *skaitīt* ‘считать, читать’ *šķist* ‘казаться , полагать, думать, мнить’ связывают только с др.-инд. *cétati* ‘понимает, постигает; замечает, наблюдает’, *cití-* ‘понимание’, *cítti-* ‘мышление, понимание, намерение’, *cikitvān* - ‘понимающий’, авест. *čisti* ‘мышление, познание, понимание’, *čikiϑwā* ‘мудрый’ (Фасмер IV, 350, 375). Однако, как это ни поразительно, все вышеперечисленные слова можно связать также и с др.-инд. *cinóti, cáyati* ‘собирает’ на основании семантической модели ‘собирать’ → ‘читать, считать; понимать’. Прежде всего, следует обратить внимание на семантику др.-инд. *avacaya-* ‘срывание, собирание (напр., плодов, цветов); с ч и т ы в а н и е, ч т е н и е’, связанного с др.-инд. *avacinóti* ‘собирает’. Далее, можно в качестве аналогии сослаться на греч. λέγειν ‘собирать’, λέγεσθαι ‘считать, пересчитывать’, лат. *legere* ‘собирать; ч и т а т ь’, *colligere* ‘собирать; п е р е ч и с л я т ь; и с ч и с л я т ь’. Очень хорошей аналогией служат также лтш. *lasīt* ‘собирать (ягоды, грибы и пр.); ч и т а т ь’, *izlasīt* ‘прочесть’, лит. *lasýti* ‘собирать’, которые родственны гот. *lisan* ‘собирать’, нем. *lesen* ‘собирать (плоды и т.п.); ч и т а т ь’. Что касается возможности развития значения ‘понимать’ из значения ‘собирать’, то ср. как аналогию лит. *vókti* ‘убирать (урожай); п о н и м а т ь, с о о б р а ж а т ь’, *suvókti* ‘убирать (урожай); п о н и м а т ь, п о с т и г а т ь, в о с п р и н и м а т ь; с м е к н у т ь’, *suvokìmas* ‘в о с п р и я т и е’

при лтш. *vākt* 'собирать', *ievākt* 'собирать; убрать (с поля)'. Ср. также англ. *pick* 'собирать', *pick out* 'понимать, схватывать смысл'.

7. Праслав. **gъrbъ*

Каралюнас показал, что реальна семантическая модель 'раздуваться, пухнуть' → 'дохнуть, погибать, околевать'. В частности, названный автор приводит в качестве примера лит. *paũpti* 'дохнуть, околевать' и лтш. *paũpt* 'набухать', родственные между собой[3]. Ср. также лит. (разг.) *bam̃bti* 'вздуваться, опухать; околевать', которое, видимо, связано с лит. *bámba* 'пуп', лтш. *bamba* 'мяч, шар' (об этих словах см. ЭССЯ 2, 230). Основываясь на указанной модели, можно праслав. **gъrbъ* 'горб, выпуклость, вздутие' сопоставить с лит. (разг.) *gur̃bti* 'чахнуть, хиреть; крепнуть, поправляться', *išgur̃bti* 'изнежиться', *nugur̃bti* 'чахнуть, сдыхать, околевать', предполагая при этом, что в перечисленных литовских словах осуществился семантический переход по схеме Каралюнаса. В данном случае нет необходимости в проверке соответствия интонаций, поскольку речь идет о словах с экспрессивной семантикой. Мы можем реконструировать балто-слав. **gurb-* 'расти, вздуваться, пухнуть'. Сюда же допустимо отнести и не имеющие до сих пор убедительной этимологии лит. *garbė̃* 'честь, почет, слава', *gárbinti* 'почитать, прославлять, поклоняться', *ger̃bti* 'уважать, почитать' (иногда лит. *ger̃bti* истолковывается как метатеза по отношению к праслав. **bergt'i*). Ср. в качестве аналогии взаимно родственные лит. *áugti* 'расти', *áukštinti* 'восхвалять, превозносить', лтш. *augons* 'нарыв, опухоль' (ср. семантику праслав. **gъrbъ*), греч. αὔξειν 'взращивать; чтить, уважать; прославлять, превозносить', лат. *augēre* 'увеличивать, растить; (культ.) чтить, славить', *ad-augēre* (культ.) 'приносить (делать подношения) во славу', *auctitāre* 'прославлять, возвеличивать'. Можно сослаться также на др.-инд. *vr̥dhá-* 'поклонение', восходящее к и.-е. **u̯erdh-* 'расти'. Отметим, что на реальность семантической модели 'вздуваться, расти' → 'поклоняться, почитать' указывал В.Н. Топоров[4]. С лит. *ger̃bti* 'уважать, почитать; (диал.) убирать; наряжать; чистить', несомненно, связаны лтш. *ģērbt(ies)* 'одевать(ся)', *ģērbs* 'платье, одежда, наряд, костюм'. Ср. как аналогию лат. *cultus* 'почитание, поклонение, уважение; одежда, наряд'.

Далее, обратим внимание на тот факт, что, как отмечал Э. Хэмп, традиционное сопоставление праслав. **žerbę* 'жеребенок' с др.-инд. *gárbha-*, авест. *garəva-* или даже с греч. βρέφος наталкивается на серьезные затруднения, поскольку др.-инд. *gárbha-* восходит к и.-е. *g^{u}*olbho*–, а греч. βρέφοζ, возможно, продолжает и.-е. *g^{u}*rebh*– (а не *g^{u}*erbh*–)[5]. В то же

время, аналогия со ср.-ирл. *brommach* 'жеребенок', восходящим, по мнению Э. Хэмпа, к и.-е. **bhreu-s-* 'набухать'[6], позволяет связать праслав. **žerbę* с реконструированным нами балтослав. **gurb-* 'расти, пухнуть'. Первоначально **žerbę* могло означать 'плод, детеныш'. Семантическое расхождение между раннепраслав. **žerbę* 'плод, детеныш' и праслав. **gъrbъ* 'горб' совершенно такое же, как и между в з а и м н о р о д с т в е н н ы м и лтш. *auglis* 'п л о д, з а р о д ы ш (напр., ч е л о в е к а); плод, фрукт' и лит. *auglỹs* 'опухоль'. Ср. еще в качестве аналогии факт взаимного родства между др.-инд. *toká-* 'ребенок; потомство' и лтш. *tūkums* 'опухоль' *tūkt* 'пухнуть'.

Что касается и.-е. истоков праслав. **gъrbъ*, то обычно это слово довольно умозрительно соотносят с и.-е. **ger-* 'поворачивать, крутить'. Однако, как это ни поразительно, реконструированное нами балтослав. **gurb-* 'расти' допустимо связать с праслав. **žerbьjь* 'жребий', нем. *kerben* 'делать насечку', греч. γράφειν 'царапать, вырезывать, чертить', продолжающими и.-е. **gerbh-* 'резать'. Великолепной аналогией здесь служат взаимно родственные лит. *žem̃bti* 'кроить, резать', *žémbėti* 'пускать ростки, произрастать', *žámbėti* 'прорастать', праслав. **zębti*, **zębati*, **zębiti*, **zębnǫti* 'расти, прорастать' (Фасмер II, 111). Ср. также в качестве аналогии удивительную связь между значениями 'расти' и 'резать' в семантике др.-инд. *vardhaka-* 'увеличивающий; отрезающий', *vardhanam* 'рост, увеличение; отрезание', восходящих к и.-е. **u̯erdh-* 'расти'. По-видимому, реальны обе модели – и 'резать' → 'расти' и прямо противоположная 'расти' → 'резать'.

В связи со всем вышеизложенным будет уместно привести следующее высказывание В.Н. Топорова: "...пренебрежение семантическими тонкостями приводит к разъединению и изоляции единых по происхождению элементов, несмотря на то, что эти элементы безупречно соответствуют друг другу с фонетической точки зрения..."[7]

8. Праслав. **sъtъ*, **sъto*, **syta*, **sytъ*

Миккола сближал праслав. **sъtъ* 'медовый сот' с праслав. **suti*, **sъpǫ* 'сыпать', а Ильинский – с праслав. **syta* 'вода с медом'. Горяев же сравнивал **syta* с праслав. **sytъ* 'сытый' (Фасмер III, 728, 820). Как мы сможем убедиться, все три гипотезы весьма правдоподобны. Обратим внимание на праслав. **suto* 'много', **sutъ* 'обильный', стар. прич. прош. страд. от **suti*, **sъpǫ* (Фасмер III, 811). По аналогии можно допустить существование раннепраслав. ***sъto* 'много', ***sъtъ* 'обильный', первоначально прич. прош. страд. от раннепраслав. **sъpti* 'сыпать', соответствовавшего лит. *sùpti*, *supù* (Фасмер III, 818). В связанном виде ***sъtъ*, возможно, уцелело в составе словен. *dósta, dósti* 'достаточно' (Фасмер III, 821). С реконструированным нами ***sъto* 'много' допустимо связать праслав. **sъto* 'сто', фонетически не соответствующее лит. *šim̃tas*, и.-е. **k̑m̥tom* 'сто'. С точки зрения семантической типологии ср. др.-инд.

çatám 'сто; о ч е н ь м н о г о'. Можно предположить, что несохранившееся раннепраслав. ***sęto* 'сто; очень много' (к о н т и н у а н т и.-е. **k̑m̥tom*) было с у б с т и т у и р о в а н о (возможно, по мотивам табу) близким к нему по звучанию и семантике раннепраслав. ***sъto* 'много'. Аналогично и праслав. **sytъ* 'сытый', фонетически не соответствующее лит. *sótus*, и.-е. **sāt-* 'сытый', можно связывать с раннепраслав. ***sъtъ* 'обильный'. В плане типологии сравните лат. *satur* 'сытый; о б и л ь н ы й'. Раннепраслав. ***satъ* 'сытый' могло быть субституировано близким к нему по звучанию и семантике раннепраслав. ***sъtъ* 'обильный' с одновременным продлением в последнем корневого гласного (возможно, под влиянием долготы в исходном и.-е. **sāt-*). Покажем, далее, что с раннепраслав. ***sъtъ* 'обильный' допустимо также связывать праслав. **sъtъ* 'медовый сот', **syta* 'вода с медом'. Прежде всего уточним возможную семантику ***sъtъ*. Во-первых, по аналогии с блр. *сумо* 'много; г у с т о' (Фасмер III, 811) можно для ***sъtъ* реконструировать значение 'г у с т о й'. Далее, учитывая, что после исчезновения славянского континуанта и.-е. **sāt-*/**sət-* семантика ***sъtъ* должна была стать близкой к семантике лат. *satur* 'сытый; обильный; густой (цвет); о т к о р м л е н н ы й, т у ч н ы й, ж и р н ы й' (продолжает и.-е. **sət-*), можно для ***sъtъ* реконструировать также значение 'жирный, упитанный'. Итак, раннепраслав. ***sъtъ* могло означать 'сытый; обильный; г у с т о й; жирный'. Из подобных значений вполне могло развиться значение 'медовый'. Ср. как аналогию лат. *pinguis* 'жирный, толстый, упитанный; г у с т о й; обильный; насыщенный (цвет); и з о б и л у ю щ и й м е д о м; м е д о н о с н ы й'. Значение 'медоносный' здесь развилось, вероятно, из значений 'густой'. В качестве аналогии можно сослаться на нем. *Seim* 'мед; патока; густой сок', *seim* 'густой, тягучий'. Таким образом, праслав. **sъtъ* 'медовый сот' допустимо рассматривать как субстантивацию раннепраслав. ***sъtъ* 'сытый; обильный; густой'. Аналогично праслав. **syta* 'вода с медом' может быть истолковано как ранняя субстантивация праслав. **sytъ* 'сытый; обильный; густой'. В плане типологии ср. семантику взаимно родственных лат. *mel, mellis* 'мед', *mella* 'вода с медом', греч. μέλιτος 'мед', μελίττων 'пчелиный сот'.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Иллич-Свитыч В.М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963. 153.

[2] *Бенвенист Э.* Индоевропейское именное словообразование. М., 1955. 181, 201–203.

[3] *Каралюнас С.* К выражению противопоставления 'раннее' – 'позднее (время дня)' (соотв. 'утро' – 'вечер' в балтийских и некоторых других и.-е. языках) // Этимология 1984. М., 1986. 74–75.

[4] *Топоров В.Н.* Из славянской языческой терминологии: индоевропейские истоки и тенденции развития // Этимология 1986–1987. М., 1989. 32.

[5] *Хэмп Э.* Заметки // Этимология 1981. М., 1983. 37.

[6] Там же.

[7] *Топоров В.Н.* Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам // Этимология 1972. М., 1974. 18.

Ж.Ж. Варбот

К ЭТИМОЛОГИИ СЛАВЯНСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'БЫСТРЫЙ'. II

(прилагательные с корнем **vъ/ьrk-*; рус. *сверкать*)

Происхождение болг. *врькатыи* 'летучий; борзый, прыткий' (Геров I, 159) выясняется путем сопоставления с болгарскими же глаголами *врькнѫ* 'полететь; вспыхнуть, вспылить; уходить' (там же), *врьчѫ*, *-ишь* 'летать, парить, носиться по воздуху; быстро проходить (там же, 164), диал. (родоп.) *вѣркам* 'улетать, исчезать'[1], (гюмюрджин.) *вѣркъм* то же[2], (дедеагач.) *вѣрчъ* то же[3]. Ближайшими соответствиями для этих болгарских глаголов являются с.-хорв. *vŕknuti* 'улететь' (Iveković-Broz II, 750) и *v̏rcati* 'устремляться', *v.se* 'метаться туда-сюда' (там же 745). Бернекер (Berneker I, 410) и Скок (Skok I, 698; III, 620) истолковали эту глагольную группу как звукоподражательную по происхождению, что подтверждается как будто вариантными глагольными формами типа с.-хорв. *frknuti* 'вспорхнуть, улететь' (там же) и болг. *хвърчá* 'лететь; быстро двигаться', *хврѣквам, хврѣкна* 'полететь; пронестись, промелькнуть в воздухе' (БТР 1075). Однако, как уже было показано в одной из моих прежних статей, участие звукоподражаний в формировании этих лексем могло иметь характер вторичного влияния (вплоть до контаминации) на исходную основу совсем не звукоподражательного происхождения (ср. вторичное образование болг. *хвѣргам* на базе праслав. **vergti, *vьrgǫ* (Младенов 667). Соответственно было высказано предположение о вхождении данной глагольной группы в гнездо праслав. **vъ/ьrk-* с комплексной семантикой 'драть' и 'крутить' → 'бросать'; бросаться' → '(у)летать', в которое включены глаголы с.-хорв. *vr̀čati* 'чесать (лен)', *vrkati* 'крутить' и отглагольные имена существительные **vъrkočь* 'коса' (← *'кудель'), русск. диал. (ростов., яросл.) *вéркáло* 'праща', с.-хорв. *vrka* 'опухоль, отек (как след удара)', болг. диал. *вѣрца* 'шарообразная опухоль'[4] (**vъ/ьrk-* генетически параллельно праслав. **vьrg-*: это однокоренные основы с вариантными расширителями, ср. и.-е. **u̯er-* с расширениями *u̯er-g-* и *u̯er-k-*, Pokorny I, 1152, 1154, 1155). Это предположение подкрепляется, кажется, во-первых, существованием вариантов, отражающих влияние звукоподражаний, и для значений 'крутить': ср. с.-хорв. *фр̀кати* 'вертеть, вращать, крутить' (Толстой[1] 1034); во-вторых, наличием болг. диал. *въркáлям* 'катать по земле' (с производными *въркóлест* 'круглый', *въркола́гест* 'круглый, овальный'), которое в болгарском этимологическом словаре толкуется как следствие контаминации *вѣргам* 'бросать' и *търкáлям*' катать, толкать' (см. БЕР I, 211), но формально явно сопоставимо с болг. *върча, въркам* '(у)летать', а семантически – с с.-хорв. *vrkati* 'крутить', так что этот диалектизм может служить связующим звеном между рассматриваемыми болгарскими

глаголами и гнездом праслав. **въ/ьrk-*. Интересным структурным соответствием для болг. диал. *въркáлям* 'катать по земле' представляется русск. диал. арханг. *воркуля́ть* 'смотреть' (СРНГ 5, 101), соотношение семантики которого с семантикой гнезда **въ/ьrk-* ('крутить →) 'бросать' аналогично связи *(*съ)motriti* с **metati*.

Итак, болгарское прилагательное *връкат* 'летучий, борзый, прыткий' вводится этимологически, при посредстве болг. *връкам, върча* '(у)летать', в праславянское гнездо глаголов с основой **въ/ьrk-* и семантикой 'драть', 'крутить' → 'бросать' → '(у)летать'. Структура этого прилагательного не дает оснований для отнесения его к древнему слою славянской лексики, тем более, что и точных соответствий в других славянских языках оно не имеет. Но родственные и семантически близкие, хотя и структурно отличные, славянские образования, кажется, есть. Прежде всего, таковым является, вероятно, польск. диал. *warko* 'быстро' (Sł.gw.p. 6, 71; Варшавский словарь VII, 462), которое может предполагать существование бессуффиксального прилагательного **vъrkъ(jь)* (правда, нельзя совершенно исключить возможность появления *warko* вследствие упрощения группы согласных в *wartko*, но это все-таки не обязательно). Еще одно прилагательное, потенциально родственное с болг. *връкат* 'летучий, быстрый', – чеш. диал. (морав.) *švrnčný* 'быстрый, проворный', с вариантом *ščrčný* 'настырный, быстрый, живой' (Kott III, 850). Это слово В. Махек связал с диалектным (морав.) глаголом *švrknút*: *ušvrknút* 'улететь', *vyšvrknút* 'взлететь', который он считал звукоподражательным (Machek[1] 520; во втором издании словаря прилагательное охарактеризовано как неясное, см. Machek[2] 632). Ф. Безлай сопоставил с чеш. *švrknút* (и прилаг. *švrnčný*) словенский глагол *švŕkniti* 'хлестнуть'[5], а А.А. Шахматов еще ранее генетически отождествил словен. *švŕkati* 'хлестать, прыскать' с рус. *шва́ркать*, исходя из реконструкции корневого **ъr*[6]. Учитывая это толкование корневого вокализма, к данной группе следует присоединить еще рус. *швыря́ть, швырну́ть,* диал. (костр.) *швырка́ть* 'кидать вдаль, швырять' (Опыт 264) и болг. *шви́рва, шви́рне* 'бурлить, устремляться' (БТР 1115). Совершенно очевидно, что вся эта группа очень близка и формально, и семантически к рассмотренным выше болг. *върча, връкам* '(у)летать', с.-хорв. *vŕknuti* 'улететь', *vȑcati* 'устремляться' и вместе с ними может быть возведена, как отражение варианта с *s*-mobile, к вышеупомянутому гнезду праслав. **въ/ьrk-*'драть', 'крутить' → 'бросать' → 'улетать'. Соответственно к производным лексемам с семантикой быстроты: болг. *връкат,* польск. *warko,* чеш. *švrnčný,* – присоединяется полесск. *швы́рныј* 'шустрый, проворный'[7].

Наличие нескольких лексем, отражающих семантику быстроты и потенциально вводимых в глагольное праслав. гнездо* *въ/ьrk-* 'драть', 'крутить' → 'бросать', 'бросаться' → '(у)летать', свидетельствует о тенденции к развитию в этом гнезде, на базе глагольной семантики, адъек-

тивного значения ‘быстрый’. Однозначно определить, какой именно из элементов семантики глагольной основы является непосредственной базой для адъективного ‘быстрый’, вряд ли возможно. Однако, учитывая разнообразие структур именных лексем, наибольшую вероятность их позднего (в истории отдельных славянских языков) образования и соотносительность большинства из них с глаголами в тех же славянских языках (ср. болг. *връкат – въркам, вырча*; чеш. *švrnčný – švrknút*; полесск. *швырньíj* – русск. *швыркáть, швырнýть,* укр. *швиргáти* (Гринченко IV, 489), блр. *швыргáць* (Носович 708), можно утверждать, что преобладающую роль в возникновении адъективного значения ‘быстрый’ сыграли вторичные значения глаголов с основой **vъ/ьrk-*, а именно – ‘бросать’ и ‘летать’. Вероятность этих двух типов мотивации достаточно очевидна с точки зрения логической и реальной обоснованности, они отражены в формировании лексем с семантикой быстроты в других славянских этимологических глагольных гнездах: ср. (на базе значения ‘летать’) рус. *летучий,* польс. *lotny* (Варшавский словарь II, 766), рус. задать *лататы́* и диал. *лататóй* ‘быстроногий, резвый’ (СРНГ 16, 287)[8]; (на базе значения ‘бросать’) рус. диал. (волог.) *кидкóй* ‘горячий, торопливый’ (СРНГ 13, 200) (гнездо **kydati*), укр. *меткúй* ‘шустрый, проворный, скорый’ (Гринченко II, 420), праслав. **motorьnъ(jь)* ‘быстрый, проворный’ (гнездо **mesti, *metati*), чеш. *mrštný* ‘быстрый, проворный’ (ср. чеш. *mrštiti* ‘швырнуть, бросить’), словац. *vrhký* (ср. словац. *vrhat’* ‘бросать’, Machek[1] 574), рус. диал. (псков.) *брóско* ‘скоро, поспешно’ (СРНГ 3, 197, к рус. *бросать,* праслав. **brъsati*). Эти типы мотивации обозначений быстроты известны и другим индоевропейским языкам: ср. ирл. *dīan* ‘скорость’ – санскр. *dī-* ‘летать’, греч. δίω ‘бежать’; голл. *vlug* ‘быстрый’ – голл. *vliegen* ‘летать’; лит. *skubùs* ‘спешный’ – гот. *af-skiuban* ‘отбрасывать’ (Buck 967–969). Таким образом, прилагательные с семантикой ‘быстрый’, возводимые к глагольному гнезду **vъ/ьrk-*, соответствуют достаточно распространенным моделям формирования лексем с этой семантикой на базе глаголов со значениями ‘бросать’ и ‘летать’.

* * *

Выше было обосновано предположение о принадлежности к праслав. гнезду **vъ/ьrk-* ‘драть’, ‘крутить’ → ‘бросать’ → ‘(у)летать’ ряда глаголов с начальным *š*: чеш. *švrknút* ‘полететь’, словен. *švŕkniti* ‘хлестнуть’, рус. *швáркать, швыря́ть,* диал. *швыркáть,* которые могут быть истолкованы как продолжения вариантных основ с *s*-mobile, а появление *š* вместо *s* – как следствие изменений экспрессивного характера. При этом допущении достаточно перспективным представляется рассмотрение вопроса об отражении подобной основы с *s-mobile* из гнезда **vъ/ьrk-* в русских глаголах *сверкать, сверкнуть* ‘ярко блестеть, сиять переливчатым светом’ (Ушаков 4, 73) и др.-рус. *сверкáть* (губами) ‘шлепать’ (Домострой, см. Фасмер III, 574).

Гипотезу Потебни о происхождении второго *сверкать* (‘двигать гу-

бами') из *$сьркати$ с вторичным *в*[9] Фасмер вполне обоснованно определил как недостоверную (там же); однако непонятно скептическое отношение Фасмера к предложенному Преображенским генетическому отождествлению двух глаголов *сверкать* со значениями 'блестеть' и 'шлепать' (Преображенский II, 257): сославшись на мнение Преображенского, Фасмер тем не менее охарактеризовал *сверкать* 'блестеть' как неясное (Фасмер III, 574). Но реальность семантики движения для глагола *сверкать* подтверждается русским диал. *просверкну́ть* 'быстро пробежать' (Сл. Сред. Урала V, 33), а связь семантики блеска с семантикой движения несомненна, поскольку определяется самой спецификой блеска, сверкания как переливающегося, меняющегося, движущегося света. Развитие значения 'блестеть' из семантики движения обнаруживается и в славянских, и в других индоевропейских языках: ср. рус.- цслав. **свепетати** 'качаться, двигаться туда-сюда', словен. *svépati* 'качаться' – словен. *svepèt* 'мерцание', *svepetáti* 'колебаться, мерцать' (Фасмер III, 573); лат. *mico* 'сверкать, блистать; шевелиться, дрожать, трепетать; бить ключом'; франц. *briller* 'сверкать, блестеть' – ст.-франц. *briller* 'двигаться, колебаться', ст.-итал. *brillare* 'вертеться' (Buck 1047)[10].

Если рус. *сверкать* в двух значениях: 'блестеть' и 'двигаться' – генетически один и тот же глагол, то представляется вполне вероятным его происхождение как основы с *s*-mobile из праславянского глагольного гнезда **vъ/ьrk-*, поскольку в семантике глаголов этого гнезда присутствует несколько составляющих, которые могли стать базой для значения 'сверкать, блестеть': это вся цепочка 'крутить' → 'бросать', 'бросаться' → '(у)летать'. При учете преобладания, в приведенных выше семантических параллелях, мотивации по колебательному, разнонаправленному движению, особенно перспективным как источник значения 'сверкать' в гнезде **vъ/ьrk-* представляется значение 'крутить' с потенциальным развитием в 'бросаться; метаться туда-сюда' (см. выше с.-хорв. *vȑcati se*; ср. также родственные глаголы с другим расширением: рус. диал. *ве́рзить* 'бросить', *ве́ржить* 'бросаться в глаза' (СРНГ 4, 146).

Приведенный выше анализ материала и предложенные этимологические толкования болг. *вр̀ъкат*, чеш. *švrnčný*, полесск. *швы́рныj* 'быстрый', польск. *warko* 'быстро' и рус. *сверкать* как производных праслав. гнезда **(s)vъ/ьrk-* 'драть', 'крутить' → 'бросать; бросаться' → '(у)летать' приводят к заключению о независимом, параллельном развитии на базе глаголов, обозначающих быстрое движение, производных с семантикой 'быстрый' и производных с семантикой 'блестящий' (поскольку реально существует производное от глагола *сверкать* причастие *сверкающий*). В то же время известны случаи сочетаемости подобных значений как следствия внутриадъективных семантических процессов (хотя бы и обусловленных планом реалий): ср. продолжения праслав. **bystrъ(jь)* в славянских языках, типа с.-хорв. *bȉstar* 'чистый, светлый', диал. 'блестящий' при преобладающей семантике 'быстрый' (Słownik prasłowiański I, 480–481)[11]. Принципиальное различие этих двух

типов генезиса со сходными результатами свидетельствует о необходимости этимологического, генетического анализа для подтверждения реальности параллелизма в каждом случае так называемых семантических параллелей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Стойчев Тодор*. Родопски речник // БД II. София. 1965, 141.

[2] *Бояджиев Тодор*. Речник на говора на с. Съчанли, Гюмюрджинско // БД VI. София, 1971. 16.

[3] *Он же*. Из лексиката на с. Дервент, Дедеагачко // БД V. София, 1970. 226.

[4] См.: *Варбот Ж.Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VI // Этимология. 1976. М., 1978. 32–35.

[5] *Bezlaj F*. Jezikovne priče slovenske etnogeneze. Ljubljana, 1967. 154.

[6] *Шахматов А.А.* К истории звуков русского языка. Замена долгих плавных слоговыми и третье полногласие // ИОРЯС. Т. VII. Кн. 2. СПб., 1902. 335.

[7] *Климчук Ф.Д.* Специфическая лексика Дрогичинского Полесья // Лексика Полесья. М., 1968. 76.

[8] См. об этимологии на базе праслав. * *let-* 'летать': *Варбот Ж.Ж. Задать лататы* // Русская речь. 1986. № 1.

[9] *Потебня А.А.* К истории звуков русского языка. Этимологические заметки. Варшава, 1880–1883. 100.

[10] См. также: *Dauzat A., Dubois J., Mitterand H.* Nouveau dictionnaire étymologique et historique. 3-me éd. Librairie Larousse. Paris, 1964. 110.

[11] См. также: *Варбот Ж.Ж.* Связи значений и семантическая реконструкция в этимологии // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Bd. 38, 1992. 234.

И.П. Петлева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. XVIII (ПО МАТЕРИАЛАМ РЯДА НОВЫХ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЕЙ ПРИЗРЕНСКО-ТИМОКСКОЙ И КОСОВСКО-РЕСАВСКОЙ ЗОН)

В последние годы сербская лексикография пополнилась целой серией диалектных словарей, в том числе отражающих лексику призренско-тимокской и соседствующей с ней косовско-ресавской зон.

В данной статье интерпретируются некоторые из наиболее интересных с этимологической точки зрения примеров, представленных в следующих словарях: 1. призренско-тимокская зона: *Богдановић Н.* Говори Бучума и Белог Потока // СДЗб XXV, 1979, 149–164 (далее – Б.); *Ћирић Љ.* Говор Лужнице // СДЗб XXIX, 1983, 125–164 (далее – Ћ.); *Живковић Н.* Речник пиротског говора. Пирот, 1987, 1–178 (далее – Ж.); *Динић J.* Речник тимочког говора. Београд, 1988, 15–316 (далее – Д.); *Он же*. Додатак речнику тимочког говора // СДЗб XXXVI, 1990, 384–422 (далее – Д. Додатак); 2. косовско-ресавская зона: *Марковић М.* Речник народног говора у Црној Реци // СДЗб XXXII, 1986, 260–494 (далее – М).

Архаичный характер штокавских говоров, которые нашли отражение в данных словарях, повышает вероятность выявления уникальных образований, требующих этимологического истолкования, а также лексем

исконного характера, демонстрирующих древние словообразовательные элементы, старую огласовку корня или оригинальную семантику, учет которых в ряде случаев предопределяет этимологическое решение. Особый интерес как для лингвогеографии, так и для этимологии представляют случаи регистрации лексем славянского происхождения, распространенных в других славянских языках (рус., болг. и др.), но не отмечавшихся в сербском, либо фиксировавшихся в нем лишь в осложненной аффиксами форме или с отличающейся семантикой, а также констатация внутриславянских (словообразовательно-) семантических изоглосс.

Так, чрезвычайно любопытно представленное в ряде рассматриваемых словарей адвербное образование *наповйрице* 'вдвоем': Нóсе чебəр *наповйрице* (Б. 157), *наповйрице* 'когда вдвоем несут какую-н. вещь на палке' (Д. 162), *наповйрице* 'когда котел, ушат или что-н. еще несут вдвоем, повесив на палку': Че га однесéмо *наповйрице* (Ж. 95). Оно обнаруживает соответствие в блр. диал. наречном *напóверкі, напóверку* 'укрепив груз на середине палки, нести ее вдвоем, взяв за концы или положив их на плечи' (Юрчанка. Мсцісл., 141). **Na poviricę*, **na poverъku* трактуется как "сочетание предл. *na* и адвербиализованного префиксально-суффиксального производного от гл. **verti*, **vьrǫ* (см.) и **virati* (см.)" и определяется как лексическая и этнографическая серб. диал.—блр. диал. изоглосса (ЭССЯ 22). Семантика данных образований должна быть, очевидно, связана прежде всего с такими значениями, как 'совать, вкладывать' (рус. *верáть*), 'кладу, вставляю' (болг. *за-врá*), 'вставлять, продевать (нитку), запирать' (лит. *veriù, vérti*), 'жердь (в заборе)' (лит. *vãras),* представленными в и.-е. гнезде **u̯er-*(слав. **ver-, vir-*), (Фасмер I, 293; 350; II, 71–72). Интересно отметить факт существования структурно и семантически близкого к *на-по-вйр-ице* сербского диалектного наречия *на-по-вйл-ице* 'нести вместе (вдвоем) груз в ушате на плечах' (М. 375), а также *по-вйлице* 'когда несут ушат на плечах вдвоем' (М. 401). Следует еще сказать, что структурно сопоставимые с *на-по-вйр-ице* и (*на*)-*по-вйл-ице* образования типа *на-леђ-ицē* 'на спине, навзничь', напрямую связанные с сущ. (в частности, *лéђа* 'спина'), побуждают предполагать, что и анализируемые лексемы могут восходить непосредственно не к глаголу, а к какому-то родственному ему существительному, однако поиски последнего результатов пока не дали.

Как известно, слав. **gněvati*, **gněviti* употребляются обычно со значением 'сердить' (ЭССЯ 6, 169–170), однако в анализируемых нами словарях данные глаголы приведены со значением 'жалобить, печалить': *гњéва* 'жалобить, печалить кого-н., раздражать' (Д. 49), *огњéва се* 'опечалиться, загрустить' (Д. 175), *разгњéва се* 'опечалиться' (Д. 240), *огнёви се* 'загрустить, пригорюниться' (М. 383), см. еще прилаг. *гнёван* 'невеселый, грустный, печальный' (М. 287). Аналогичное значение ('жалобить, опечаливать, доводить до слез') представлено и в рус. диал.: *гневúть невэ́сту* 'петь невесте обрядовые песни перед свадьбой': Подруги нивесту *гневют*; нивесте косы расплетают, она плачет, а подруги песни поют,

значит, невесту *гневют* (Иванова, Подмоск., 84). Следовательно, выявляется серб. (диал.) рус.(диал.) семантическая изоглосса.

Обращает на себя внимание прилаг. *то́њ-ав* 'медленный, медлительный, вялый' (М. 456), которое не вошло в этимологический обиход (оно отсутствует и в Этимологическом словаре П. Скока) и нуждается в истолковании. По-видимому, слово должно сопоставляться с восстанавливаемым В. Меркуловой глаголом **tęti* 'тянуть', а также 'идти' (← 'тянуть') и отглаг. **tonь* 'движение, ход' (см. блр. диал. *тонь* 'движение, ход, ритм') – к и.-е. **ten-* 'тянуть, натягивать'[1]. Значение 'медленный, медлительный' в нашем случае может быть интерпретировано как 'который "тянет"', т.е. 'делает что-л. медленно': ср., в частности, рус. *тяну́ть* 'медлить, мешкать или волочить, длить, долго не кончать (тянуть дело, решение)' (Даль[2] IV, 452). Объединение серб. диал. *то́њав* 'медленный' с **tęti* 'тянуть' поддерживается уникальным черногорским образованием с идентичным значением 'медленно' – *тетко* (Ровинский. Черногория, 679), которое является непосредственным производным с суф. *-ък-* от гл. **тети* (слав. *tęti*), сохранившим характерную глагольную *е*-огласовку корня, тогда как в прилаг. *то́њав* представлена именная *о*-огласовка.

Гл. *утро́и се* 'задохнуться, потерять голос от плача': Детéво *се утро́ило* од рова́ња (Д. 297) – также не нашел отражения в этимологической литературе (в Этимологическом словаре П. Скока тоже не представлен) и нуждается в интерпретации. Форма и семантика анализируемого глагола дают основание сопоставлять его с рус. диал. *заре́ять* 'запыхаться' (яросл.), *заре́яться* 'запыхаться' (волог., новгор., яросл.) (Филин 10, 383), *зари́ять, -ся* 'задохнуться', *ре́ять* 'запыхаться, устать' (яросл.) (Мельниченко 74, 175), *ре́яться, обре́яться, заре́яться,* 'задыхаться, страдать одышкою' (черепов.) (Герасимов, 77) и др., а также с серб. диал. (Вране) *за-б-рѐјати се* 'задохнуться, запыхаться' (РСА V, 521) (< **за-об-рејати се*) на базе корневого чередования **rei̯-//*roi̯-*[2], далее – к **rinǫti, rěka* и др[3]. Что касается определения характера *т* в составе глагола *утро́и се*: если оно не вставное, то могло появиться в результате отпадения *о* в приставке *от-*: **у-от-роити* > *утроити*. С серб. диал. *утро́и се,* очевидно, может быть сближено любопытное рус. диал. *трои́ть* 'лить, цедить' (Ярослав. словарь (*с-тятя*), 118). Что касается формальной стороны дела (проблемы интерпретации *т*), то аналогичная картина наблюдается, видимо, в случае с серб. диал. *тро́ним* 'крошить, лущить (зерна кукурузы с початка)' (Ж. 156) (< **от-ронити*?) – ср. с.-хорв. *ро̀нити* 'проливать; нырять', рус. *рони́ть, роня́ть,* диал. *порони́ть* 'повалить, срубить (о дереве)' (Сл. Сред. Урала III, 99), *ро́нка* 'делянка для вырубки леса' (Там же, 85) и *отро́н* 'отрезок ствола' и др. знач. (Там же, 89). И хотя с.-хорв. гл. *ро̀нити* значит 'проливать' (а не 'осыпать' или 'крошить'), следует учитывать возможность сосуществования у одного и того же слова значений 'лить, пролить' и '(о)сыпать': сочетание их представлено у родственного глаголу **roniti* греческого ῥαίω 'окропляю, осыпаю', а также у с.-хорв. *су̏пати* 'сыпать, лить' и болг. *су̏пвам* 'сып-

лю, лью'. Ср. еще с начальным *д* (по-видимому, из приставки *от-*) укр. диал. *дрійну́ти* 'толкнуть, лягнуть' (Гринченко I, 445) (< **ot*(ъ)*rinǫti*?).

Уникальную семантику демонстрируют серб. диал. *глу̑ми се* 'разрастаться, расширяться, разветвляться (о бурьяне, кустарнике, ветвях, деревьях), глуша остальные растения вокруг' (Ж. 20), *углу̑ми се* 'врасти в кустарник, бурьян' (Ж. 161), *углу̑мен* 'вросший в кустарник, траву' (Там же), *глу́мес, -та, -то* 'имеющий шарообразную форму' (Д. 48) (т.е. 'пышно разросшийся'?). Столь отличаясь от общераспространенной 'шутить, насмехаться, забавляться, шутка, дурь и т.п.' (см. ЭССЯ 6, 147–150: **gluma*/**glumъ,* **glumiti* (*sę*) и др.), данная семантика находит поддержку в ряде значений, представленных у слов с корнями **glup-* и **glux-,* позволяя поддержать мысль о родстве (с учетом определенных оговорок) **glum-,* **glux-* и **glup-* (ЭССЯ 6, 147): см. чеш. диал. *hlupiti* 'затенять' (Фасмер I, 416–417), словен. *glupíti* 'глушить', блр. диал. *глу́пы* 'глухой' (ЭССЯ 6, 151; 152), а также рус. *сорная трава глушит хлеб* (Даль[2] I, 359).

В рассматриваемых словарях чрезвычайно многочисленны примеры с корнем **lat-* непосредственно в значении 'летать' (тогда как обычно лексемы с **lat-* отмечались со значениями 'подстеречь, поймать; схватиться, приниматься за что-л., браться, приняться' (ЭССЯ 14, 48, 49), см., в частности: *ула́ти* 'улететь' (Д. 292), *дола́ти* 'долететь' (Д. 63), *изла́ти* 'вылететь' (Д. 105), *одла́ти* 'отлететь' (Д. 178), *обла́тим* 'облетать' (Ж. 103), *прола́тим* 'пролетать' (Ж. 130), *сла́тим* 'слетать' (Ж. 146) и др. Выявление примеров с корнем **lat-* в значении 'лететь' делает излишним семантическое обоснование родства слов с *lat-* и **let-*(*lět-*) 'лететь', что, однако, было необходимо, когда для **lat-* констатировались лишь значения 'поймать, схватить; взяться, приняться' (см. ЭССЯ 14, 48; 49). Заметим, что болг. диал. *латя̀* 'стремиться к работе и богатству', которое предположительно производят от *ламтя̀* (БЕР III, 325), что едва ли убедительно, вероятно, также следует включить в анализируемое гнездо **lat-* (**lot-,* **let-,* **lět-*): ср. идентичную болгарскому глаголу семантику у соответствующих словен. и с.-хорв. глаголов.

Чрезвычайно важно при этимологизации учитывать редкие лингвистические факты и явления, в частности, лексемы с архаичными префиксами *ко-, ка-, ку-*, в ряде случаев вступающие в отношения своеобразного чередования с *че-, чо-, ча-, чу-* и др., см., например, *ко-пр̀шка се* 'копаться в пыли' (Д. 125) – *чо-пр̀шка се* то же (Д. 307), *за-ко-вр́љи* 'обессилеть; упасть; разболеться' (М. 310) – *чо-вр́љи* 'искривлять, кривить' (М. 482); см. еще и глаголы, очевидно, с "вставным" *-та-/то-/-ту-*: *на-та́-врим* (*се*) '(при) нарядиться' (Ж. 96) – ср. *на́-врем* 'натянуть, надеть, напялить' (Ж. 89), *оп-то-ту́ли* 'заткнуть все отверстия' (Д. Додатак, 405) – ср. *за-ту-ту́љ-ити* 'замотать; спрятать, скрыть', (РСА VI, 499) и *за-ту́љити* 'затворить, заткнуть дыру (нору); скрыть спрятать' (Там же, 494), *po-túliti se* 'скрыть, спрятать' (Skok III, 520–521). Причем, в ряде случаев выявление и введение в научный обиход фактов такого рода определяет

этимологическое решение или вообще позволяет свести процесс этимологизации к элементарному словообразовательному анализу. Так, в Этимологическом словаре П. Скока отсутствует интерпретация диал. (Лика) лексемы *nakàvalica* ж. 'множество гостей': svaki dan imam и kući *nakavalice* (Skok II, 500), см. также диал. *накàвалица* ж.р. 'множество гостей; приход гостей' и др. (РСА XIII, 772). Помимо слов *нава́лица* 'наплыв народа, давка' (Д. 154), диал. *нàвалица и на́валица* 'массовый приход; появление чего-л. во множестве' (РСА XIII, 438) и *нава́ли* 'нагнуть, накривить на одну сторону' (Д. 154), *нава́лити* 'появиться в большом количестве; неожиданно появиться' (РСА XIII, 435–438), обнаруживается и гл. *на-ка-ва́ли* 'навалиться, напасть, нагрянуть во множестве' (Д. 159) – все вместе приведенные примеры с архаичным префиксом *ка-* (и без него) позволяют однозначно интерпретировать сущ. *на-ка-вал-ица*. Любопытно отметить существование рус. диал. (волог.) прилагательного *не-у-то-вальный* 'неуклюжий, нескладный' (Волог. словарь (Н), 107), где *-то-* является как бы чередующимся с *-ка-* в серб. *на-ка-вали, на-ка-вал-ица*, ср. подобные же случаи: серб. диал. *на-ко-мр̏штӣт се* 'наморщиться, нахмуриться' – *на-то-мр̏штӣт се* то же (Стиjовић. Вас. 253, 258), *с-ко-ви́тли* 'схватить; скрутить' (Д. Додатак 416) – *за-то-ви̏тлӣт–за-витлати* 'замахнуться, нацелившись' (Стиjовић. Вас. 187) и др.

Большим достоинством обозреваемых словарей является тот факт, что в них нашла широкое отражение лексика, относящаяся к народным обычаям, обрядам, верованиям и суевериям. Причем важно, что здесь часто дается краткое описание того или иного обряда. Слова данного семантического круга относятся обычно к тому пласту лексики, который отражает древнейшие народные представления. В этом отношении привлекает внимание выражение *обе́ре тра́гови* (= *обере поље*) 'говорят, когда колдунья (ведьма) совершит колдовство', т.е. 'оберет (соберет) следы': Са́л што ме jе стри́нка научила, / Те сам њѐму тра́гов обра́ла. (Д. 172). Манипуляция со следами человека, производимые во зло ему, – древнейшая магия, бытовавшая не только у славянских народов. Вот что пишет о "чарах на след", в частности, И. Сахаров: "В селениях чары на след употребляются: в любовных интригах, в размолвке соседей, в явной, непримиримой вражде. В первых двух случаях будто они нагоняют только вечную тоску, отвращение от занятий и неизбежную смерть; в последнем же случае, кроме тоски, иссушают человека до последней возможности и доводят нередко до самоубийства... Поселяне, предпринимающие совершить чары на след, стараются подметить след проходящего человека, своего непримиримого врага. Заметивши след, они закрывают его, чтобы посторонние не истребили. Чародеи считают те только лучшими следы, которые были напечатлены: на песке, пыли, грязи, росе, снеге, и в особенности те, на которых есть волосы животных и людей... Призванный чародей так искусно отделяет след, что он представляет как бы слепок со ступни... Над снятым слепком тайно читают заговоры..."[4] См. еще *на́мер* 'головная боль со рвотой, которая вызвана тем, что человек наступил на "сугреби" – следы змея' (Б. 157), *сугре́би* м. мн.

‘земля, взрыхленная, раскопанная собакой; болезнь кожи, чесотка’ (М. 452). Отметим также целый ряд старых названий таинственных существ, злых духов, вампиров и вурдалаков: *ðсењ* м.р., *ðсења* ж.р. ‘вампир’ (Д. 188), *óпсења* ‘привидение, призрак’ (М. 388), *óмаја* ж.р. ’вампир, вурдалак’ (Д. 182), *нéведа* ж.р., которое может значить ‘неизвестное, таинственное существо (демон, злой дух)’ (Ж. 98) – ср. еще *нéведа* ж.р. ‘несчастье, злая сила’: Нек га нóсе áле и *нéведе* (Д. 167), *нéжит* м.р. ‘злой дух’ (Д. 168) и другие, многие из которых требуют интерпретации.

В завершение еще раз отметим, что в рассмотренных словарях представлен чрезвычайно богатый лексический материал, который должен стать объектом подробных исследований для лингвистов разного профиля и прежде всего для этимологов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Меркулова В.А.* И.-е. **ten-* ‘тянуть, натягивать, плести’ в славянских языках // Этимология. 1975. М., 1977. 52–63.

[2] О семантическом диалектизме **za-rějati* (*sę*) ‘задыхаться’ (рус. диал. – серб. диал.) см.: *Петлева И.П.* Этимологические заметки по славянской лексике. VI // Этимология 1975. М., 1977. 42–44.

[3] Убедительное обоснование перечисленных русских глаголов со знач. ‘запыхаться, задыхаться‘ см.: *Меркулова В.А.* К истории становления народной медицинской терминологии // Slawische Wortstudien. Bautzen, 1975. 133–134.

[4] *Сахаров И.* Сказания русского народа. Т. I. Кн. 2. Изд. 3. СПб., 1841. 37.

О. Младенова

ИЗ БОЛГАРСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ. IV.*

(13. *синцú;* 14. *пáлам*; 15. *стрéми*)

13. В болгарских диалектах имеет широкое распространение слово *синцú* ‘бусы’ (БДА I, к. 250, II, к. 253; III, к. 282). Считается, что оно произведено при помощи суф. *-ьць* от *син* ‘синий’ (Младенов, 580). Поскольку бусы бывают не только синими, но и любого другого цвета, эта этимология выглядит довольно произвольной. С другой стороны, правдоподобность такой внутренней формы как будто бы подтверждается русской параллелью: согласно Р. Якобсону, *бýсы* происходит от прилагательного тюркского происхождения *бусый* ‘темно-серый, пепельный’[1].

Представляется, что есть возможность предложить альтернативную этимологию, столь же вероятную с формальной точки зрения и лучше обоснованную семантически.

Болг. *синцú* может быть производным от др.-болг. синъ ‘нить’[2]. На древнеболгарское слово обратил внимание Р. Айтцетмюллер[3]. По его мнению др.-болг. синъ находит ближайшую параллель в лтш. *pasainis*

'шнур' и вместе с др.-болг. **сило, сѣть**, греч. ἱμάς 'ремень', др.-в.-нем. *seil* канат' восходит к и.-е. корню **sēi-/sī-* 'связывать; веревка, ремень'. Как возможное продолжение в современных славянских языках приводится рус. диал. *сине́ль* 'бархатный шнур для бахромы и т.п.', объясняемое Фасмером (Фасмер 3, 624) иначе.

Если болг. диал. *синцú* образовано от др.-болг. **синъ** 'нить' при помощи суффикса *-ьць*, следует реконструировать такую эволюцию значения: 'нитка' > 'нанизанные на нитку бусы' > 'бусы', ср. рус. *нитка жемчуга,* рум. *şir de mărgele.*

14. Ареал распространения праславянского итератива **palati* к **pelti, *pelję* как будто ограничивается в последних исследованиях восточными и западными славянскими языками, ср. польск. *pałaç, opałaç* 'очищать зерно от примеси в ковше путем встряхивания', чеш. *pálati, opálati* 'очищать зерно от примеси: зерно набирается в деревянный ковш, быстрым движением встряхивается – и ветер сдувает плевела, сор', словац. *opálat'* 'провеивать зерно; махать; качать; подбрасывать ногой или рукой; сплетничать', рус. диал. *пала́ть* 'вывеивать зерно, подбрасывая его в корытце', укр. *палати* 'провеивать', блр. *палаць* то же, *палать ребенка* 'качать больного ребенка перед раскаленной печью'[4]. Между тем, в болгарских диалектах употребляется точное формальное соответствие *пáлам* 'искать; стараться дотянуться рукой' (Геров IV, 7), 'искать' (Леринско; Воденско; Емборе, Ракита Кайлярско)[5] 'трогать' (Мариовско), 'трогать, искать' (Шишковци, Бобошево, Кюстендилско), 'спешить, проявлять нетерпение' (Самоков Брезнишко). Болгарское слово относят вслед за Ст. Младеновым (Младенов, 408) к гнезду слова *палец* и далее к др.-в.-нем. *fuolen* 'чувствовать, ощущать', лат. *palpare* 'гладить, льстить'.

По-видимому, установить общее происхождение всех перечисленных славянских слов помешали расхождения в семантике. Семантическая же эволюция, пройденная болг. *пáлам* 'встряхивать; провеивать' > 'искать', находит параллель в *тъ́рся* 'искать' < **tręsiti,* древний итератив к **tresti*, откуда, напр., болг. *треса́* 'качать, трясти', рус. *трясти́* и т.д. (см. Vaillant, Gramm. comparée 3, 412).

15. В болгарских говорах употребляется слово *стре́ми* 'пашет землю, разбивая грядки' (Бобоштица, Корчанско[6]), отмеченное и в словарях литературного македонского языка, ср. *стре́ми* 'копает глубоко' (Конески 3, 338)[7]. Слово это как будто не подвергалось этимологическому анализу. Несмотря на отличия в семантике, оно явно относится к гнезду праслав. **strьmĕti*: др.-болг. **стрьмити** 'стремиться' (Slovník Jaz. Stsl. 38, 187), болг. *стремя́ се,* с.-хорв. чакав. *zastrmi* наст. 3 ед. 'остановиться, задержаться' (RJA 22, 440), словен. *strméti* 'возвышаться; цепенеть (от изумления); смотреть пристально', рус. *стреми́ться* 'быстро нестись; порываться, стараться попасть куда-л.', чеш. *strměti* 'возвышаться' , словац. *strmiet'* то же. Славянские формы, которые как будто

предполагают праслав. **strьmiti,* вероятно, являются результатом преобразования из **strьmětі,* так как для праслав. основ на *-iti* не характерен корневой вокализм в ступени репродукции. В славянских языках зафиксированы и формы без s-mobile (ст.-польск. *trzmić* 'торчать', Варшавский словарь VII, 151, чеш. *třměti* 'выситься, выступать', PSJČ VI, 301, словен. диал. *trméti* 'уставиться, выпучить глаза', Pleteršnik II, 693), позволяющие реконструировать праслав. **trьměti,* (Bezlaj Eseji, 150[8]). Кроме этих форм с редуцированным корневым гласным и с корневым гласным в ступени удлинения редукции (праслав. итератив **trimati* > польск. *trzyma* 'держать', чеш. *třímati* 'держать, сжимать', словац. *trímat'* то же), славянским языкам известны и лексемы, отражающие ступень *е* (ср. с.-хорв. *стре̏ме̄н* м., *стре̏ме* с., словен. *stréme* с., *strémen* м., чеш. *třemen* м., уст. *stremen* м. из прасл. **(s)tremę/*(s)tremenь* м., род. **(s)tremene,* формы, параллельные **(s)trьmę/*(s)trьmenь* м., род. **(s) trьmene,* 'стремя ' первоначально 'ступенька; лестница') и ступень *о* корневого гласного, ср., напр., каузатив **stromiti* (откуда укр. *стромúти* 'воткнуть; всадить', Гринченко IV, 218, словен. *stromiti* 'поднимать', Pleteršnik II, 594), рус. диал. *стрóмкій* кур., тамб., симб. 'высокий, крутой; громоздкий, высоким ворохом' (Даль[2] IV, 342), укр. *стрíмкúй* 'стоймя стоящий (о пахоте)' (Гринченко IV, 217), польск. *stromy* 'высокий, крутой'.

Для болгарского диалектного слова следует предположить исходное **stremiti*[9] с первоначальной семантикой 'поднимать', откуда развилось 'копать, пахать', ср. рус. *поднять* 'вспахать (пар, целину)', болг. диал. *дúгъм* 'копать штыковой лопатой'[10]: болг. литер. *дúгам* 'поднимать'. Значение 'поднимать' засвидетельствовано и старинным славянским заимствованием в румынском *a stîrni* 'поднять, взметнуть; вызвать, возбудить; вспугнуть, поднять на ноги; разжечь' < **strьmnǫti*[11].

Значения лексем этого праслав. гнезда группируются вокруг идеи ориентации (движения, распространения) от некоей точки в пространстве вверх и вниз по вертикали. В индоевропейском есть гнездо **ster-* 'шириться' (Pokorny, 1029–1030), охватывающее лексику, как будто объединенную идеей распространения по горизонтали. Если допустить, что и.-е. **ster-* первоначально выражало лучеобразное движение в любом направлении, можно возвести праслав. **strem-/*strom-/*strьm-* к и.-е. **ster-* с расширением *-m-*. Традиционно рассматриваемое здесь праслав. гнездо относят к и.-е. **strem-* из **(s)ter-* 'быть неподвижным, оцепенелым' (Persson 1912, 1, 430) вместе с н.-нем. *stram* 'тугой, жесткий'(Kluge – Mitzka[21] 754; Falk–Torp 2, 1176) и греч. στερέμνιος 'жесткий, крепкий' (Frisk 2, 791). Впрочем, принятое здесь толкование подкрепляет существующие попытки связать и.-е. корни **ster-* 'шириться и **(s)ter-* 'быть неподвижным' (Pokorny, там же).

ПРИМЕЧАНИЯ

[*] Предшествующие статьи этой серии см.: Этимология 1986–1987. М., 1989; Български език 41/4, 1991; Этимология 1987–1990. М., 1991.

[1] См.: *Jakobson R.* Selected Writings II. Word and Language. The Hague, 1971, 625.

[2] Ср. синъ στῆμων Weberzettel (*Невструев К.И.* Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII века. М., 1868, 10); ıако синъ ὥσπερ σχήματι, конъектура Р. Айтцетмюллера: ὥσπερ νήματι (*Бодянский О.М.* Шестоднев, составленный Иоанном Экзархом Болгарским. // Чтения ОИДР 1879/3, л. 166 с.).

[3] *Aitzetmüller R.* Lexikalisches // WdS 3/4, 1958, 388–390.

[4] *Куркина Л.В.* Славянские этимологии // Этимология 1981, М., 1983, 11.

[5] Все болгарские диалектные слова, источник которых не указан, извлечены из Архива Болгарского диалектного словаря в Институте болгарского языка (София).

[6] См. *Младенов М. Сл., Радева В.* Сборник с текстове и задачи по българска диалектология. София, 1986, 57, 176.

[7] См. также *Томић М.* Македонско-румански речник. Скопје; Bucureşti, 1986, 966.

[8] *Boryś W.* Przyczynki do geografii wyrazów słowiańskich // SOc 36, 1979, 28–30.

[9] В говоре села Бобоштица регулярным рефлексом совпавших *-rъ-/-rь-* и *-ъr-/-ьr-* является *-ар-*, ср. *фарлúме* ‘мы бросили’ < **xvъrliti* в тексте, приведенном у Младенова и Радевой (Указ. соч., 57). К параллелизму **stremiti* и **stromiti* см., напр., **drebiti*: **drobiti* (Słownik prasłowiański 4, 243–245).

[10] *Петков П.Ив.* Еленски речник // БД 7, 33.

[11] Эта этимология была предложена еще Чихаком (*Cihac A.* Dictionnaire d'étymologie dacoromane. Éléments slaves, magyars, turcs, grecs-moderne et albanais. Francfort s/M., 1879, 369), но не была воспринята в последующей литературе (ср. хотя бы Dicţionarul explicativ al limbii române. Bucureşti, 1975, 895), по-видимому, из-за неразработанности ее семантической стороны.

Т.В. Горячева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ

**orztorpъ*

В русском языке есть слово *расторон;* в смоленских говорах оно значит ‘грязное время, распутица’ (есть также форма *растрон* ’весенняя распутица’) (Добровольский 786), в колымских – ’весеннее бездорожье, благодаря натаявшей воде и снежным зажорам’ (Богораз 125). Даль дает также *расторонь* ’распутица, весенние и осенние грязи, рóстополь’ (Даль[2] IV, 78). В могилевских говорях Белоруссии записано слово *растарон* в значении ’половодье, разводье’[1], в северозападных белорусских говорах *растаропа* имеет значение ‘слякоть’ (Слоўн. паўн.- заход. Беларусі 4, 285); Янковский приводит в своем словаре *растарóп, растароп'е* в значении ’много грязи (весной, осенью), дождь или снег, бездорожье, хáлепа’ (Янкоўскі III, 107).

Дериват с суф. *-ица – расторóпица* приводится в Опыте областного

словаря с пометой *смол.* и в значении ‘большая грязь в весеннее или осеннее время’ (Опыт 189) и в словаре Даля – с пометой *казан., смол.* и в значении ’распутица, весенние и осенние грязи, рóстополь’ (Даль[2] IV, 78). В Дополнении к Опыту областного великорусского словаря *расторопица* с пометой *казан.* приводится в значении ‘дурная, грязная дорога’ (Доп. к Опыту 230). В белорусских северо-западных говорах есть также *расторóпица* в значении ‘слякоть’ (Слоўн. паўн.- заход. Беларусі 4, 285).

На основании приведенных выше примеров (русских и белорусских) можно реконструировать праслав. **orztorpъ* (*ь*) и **orztorpica*. Эти слова еще не этимологизировались. Праслав. ***torpъ*(*ь*), на наш взгляд, можно считать родственным лит. *tárpas* ‘промежуток, пробел, пропуск, расселина’, *trapùs* ‘хрупкий, легко ломающийся’, лтш. *trapjš, trapans* ‘мягкий, трухлявый’, *trapains* ‘гнилой, ломкий, выветрившийся’, *trapêt, trepêt* ‘выветриваться, становиться гнилым, мягким’ и восходящим к и.-е. **terp-, trep-* ’тереть’ и далее, к **ter* - ‘тереть’. Сюда же относится и ст.-слав. **трапъ** ‘яма’ (< **torp-*) (Pokorny I, 1073). Этой этимологии как будто не противоречит семантика праслав. ***torpъ*: значения ‘слякоть, распутица, половодье, грязь, грязная дорога’ могут восходить к значению ‘нечто мягкое, растертое, раздавшееся, образовавшее ямы в результате таяния снега, разжижения дождем земли, давшее полую воду от таяния снега’.

К и.-е. **terp-* (точнее **t̥rp-*, нулевая ступень вокализма) О.Н. Трубачев, а вслед за ним и А.Е. Аникин относят лит. *tir̃pti*, лтш. *tìrpt* ‘таять; растекаться’, а также лит. *tirpýti* ‘таять’, лит. *tirpìmas* ‘таяние’, *tirpùmas* ‘плавкость; растворимость’, *tirpùs* ‘легко тающий’, лтш. *tārpenis* ‘южный ветер’, обосновывая семантическую эволюцию ‘тереть’ → ‘таять’[2]. Эта эволюция может быть подтверждена, в частности, донск. *растотóриться* ‘развезти (о погоде)’ Рана вясной *растаторица фсё, грязь, снех* (Донск. словарь III, 88), восходящее (с экспрессивным усилительным префиксом *то-*) к **terti* ‘тереть’, т.е. ‘погода размякла, дорога растерлась’ → ‘развезло’.

К приведенным выше балто-славянским примерам, восходящим к и.-е. **terp-* ‘тереть’, возможно, относятся также новгор. *затрóпать* ‘загнить’ (< **trop-*) (СРНГ 11, 107), череп. *тропить* ‘мочить, примачивать’ (Герасимов 86), если это не из *кропить* (*к*/*т*).

Праслав. **orztorpъ*(*ь*) встает в один ряд с такими образованиями, как **orzgręzь* (рус. *розгрязь* ‘дорога немного грязная’ – Дополнение к Опыту, с. 232), **orzkvasь* (блр. диал. *рóсквась* ‘половодье’ – Слоўн.паўн. -заход. Беларусі 4, 304; укр. *рóсквась* ‘распутица’ – Гринченко IV, 66), **orztalь* (рус. донск. *рóсталь* ‘распутица’ – Донск. словарь 3, 97; укр. *рóсталь* ‘оттепель’ – Гринченко IV, 78), **orztopь* (рус. забайк. *рáстопь* ‘распутица, грязь’ – Элиасов 355), **orzdręga* (рус. яросл. *раздря́га* ‘распутье, бездорожье’ – Мельниченко 172), **orzkalь* (укр. *рóскаль* ‘распутица’ – Гринченко IV, 65) и т.д.

В белорусских говорах записан глагол *растарóплюваца* в значении ‘рассветать’ Уставайце, бо ужэ *растарóплюецца* (Янкова 308). Это слово еще не привлекало внимание этимологов и, на наш взгляд, может иметь несколько этимологических версий.

I. Оно может восходить к праслав. **orztorpiti* < **torpiti* ‘торопить’ и иметь, как и другие глаголы несовершенного вида подобного типа, оттенок "интенсивной длительности". К праслав. **torpiti* ‘торопить’ возможно, относятся болг. диал. *растрòпен* ‘растревожен’, *растрòпувам* несов., *растрòпим* ‘растревоживать, будить’, *растрòпувам* – ‘пробуждаюсь, меня охватывает беспокойство’[3].

Может быть, здесь переход значений ‘торопиться’ → ‘пробуждаться’ → ‘рассветать’? Или же – ‘торопиться’ → ‘быть ранним’ → ‘светать’. Ср. блр. *ранак* ‘утро’. Как пишет об этом Каралюнас, "противопоставление ‘ранний (рано)’ – ‘поздний (поздно)’ во многих случаях восходит, по-видимому, к более древнему семантическому противопоставлению ‘скорый, быстрый (скоро, быстро)’ (ср. лит. *ankstì* ‘рано’: др.-инд. *áñjaḥ* ‘быстрый, скорый’) – ‘медленный, нескорый, продолжающийся, долгий (о времени) (медленно, нескоро, долго); долгий, длинный, большой, широкий, просторный (о пространстве)’ (Buck 960–962)"[4]. Интересно в связи с этим украинское выражение *на брязкý* в значении ‘вот-вот, сейчас’, которое авторы Этимологического словаря украинского языка считают неясным (ЕСУМ I, 272). О.Н. Трубачев, считая также его неясным, относит это выражение к праслав. **brězgъ* II ‘рассвет’ (ЭССЯ 3, 12). Здесь мы предполагаем обратное развитие значений ‘на рассвете’ → *рано’ → → ‘вот-вот, сейчас’ (< ‘быстро’).

II. В индоевропейских языках известна также семантическая модель ‘быстро двигаться’ → ‘светить, сверкать’, в данном случае ‘торопиться’ → ‘рассветать’. Ср. представленные в белорусских говорах Дрогичинского Полесья выражения *бы́стра погóда* ‘ясная солнечная погода’, *бы́стрэ сóнцэ* ‘очень яркое солнце’[5]. Интересно также блр. диал. *падскóчыць* ‘взойти (о солнце)’ (Слоўн. паўн.- заход. Беларусі 3, 320).

III. Есть еще одна возможность объяснения происхождения этого слова: возведение его к праслав. *orztorpiti sę* в значении ‘растираться, раздираться, образовывая просвет’, которое трансформировалось в значение ‘рассветать’. Такой семантический переход подтверждается материалом славянских и других индоевропейских языков. Ср. словен. *dan pǫ̂ka* ‘рассветает’ (Хостник 21), *napòk, -pǫ́ka* ‘трещина’, *napôk jutra* ‘рассвет’ (Там же, 130), блр. диал. *пудрíзуватыся* ‘рассветать, светать, заниматься утру’[6], укр. диал. *подимáєца сторонá* ‘светает, начинается день’ (Лисенко 165), англ. *break* ‘прорыв, ломать(ся)’ и ‘рассвет, светать’. Ср. противопол. рус. (псков., твер.) *замыкаться* ‘потухать, гаснуть (о заре)’ (СРНГ 10, 269). Значение ‘тереть, драть, образуя просветы’ может также трансформироваться в значение ‘становиться ясным, безоблачным (о небе)’. Ср. рус. диал. *продрать* ‘стать ясным, безоблачным (о небе)’: О, батенька мой, *продрало* и пролупило всё (Приамур. словарь 225),

яросл. *раздыря́ло* безл. ‘показались просветы между облаками, прояснилось’ (Мельниченко 172).

А.Е. Аникин, возводя праслав. **torpiti sę* (рус. *торопиться,* укр. *торопити(ся)* ‘пугаться, робеть’, польск. (< в.-слав.) *toropić* ‘мучить’, ‘беспокоить’ к и.-е. **ter-(p)-* ‘тереть’ (‘проникать’, ‘достигать’), обосновывает семантический переход ‘тереть’ → ‘торопить’, ‘подгонять’ так: "Это подтверждается, например, семантической параллелью итал. *fretta* ‘поспешность, торопливость’, *affrettarsi* ‘торопиться’, ‘спешить’, *affrettare* ‘торопить’ [< **frictiāre* ‘тереть’, фреквентатив от **fricāire* (Meyer–Lübke, S. 301)]. Семантическая схема ‘тереть’ > ‘торопить’, ‘подгонять’ поддержи-валась бы также такими фактами, как болг. *тиря* ‘гнать’, чеш. *tirati* ‘тереть’, ‘бежать’, словен. *tîrati* ‘подгонять’ (< **tirati,* итератив **terti*), возможно, рус. диал. *тереть* ‘сбежать’ (Фасмер IV, с. 48) и проч."[7] Итак, праслав. **torpiti* вполне могло иметь и значение ‘тереть’, которое перешло в значение ‘торопить’. Ср. блр. *растаро́пный* ‘расторопный’ и ‘разбитый (о дороге)’ (Байкоў–Некрашэвіч 276). Ср. также блр. диал. *тарапо́м* ‘не тесно, не плотно’ Сена ні таптаі, *тарапом* у брыку накідалі; *во́тарап* ‘не плотно (про солому, сено, одежду)’[8]. В брянских говорах записано противоположное по значению *не́тороп* ‘глушь’: Заішли ф таку́ју *нетърън*[9] (< праслав. **netorpъ*; т.е. *глушь беспросветная,* без просвета, п л о т н а я). Любопытно, что рус. зап. *торпа* ‘промежуток; прясло хлебного стога, пространство между двумя столбами’ заимствовано, по мнению Розвадовского и Карского, из лит. *tárpas* ‘промежуток’, *tar̃p* ‘между’ (Фасмер IV, 87).

Рус. *обырять*

В словаре Даля приводится арханг. *обыря́ться*? со знаком вопроса к форме и в значении ‘ободряться, утешиться; о погоде разгуляться, проведреть’ (Даль[2] III, 638). М. Фасмер, взяв слово только в значении ‘разгуляться, проясниться (о погоде)’, трактует его как образование от *и́рей* (Фасмер III, 112).

Словарь русских народных говоров, расширяя сведения о семантике *обыря́ться,* приводит еще значение ‘успокоиться, прийти в нормальное состояние’ (записано в архангельских говорах в 1976 году – СРНГ 22, 288). Здесь же дается глагол *обыря́ть* в значениях: (онеж., арханг., кемер.) ‘опомниться, прийти в себя’, (арханг.) ‘успокоиться, утихнуть’, (арханг.) ‘прекратиться (о дожде, ветре и т.п.)’: Дождь заситит, заситит да *обырят,* либо ветер *обырят*; (арханг.) ‘разгуляться, проясниться (о погоде)’: Всю неделю туман стоял, ноне *обыряло* только время (Там же). Зафиксирована также форма *обыреть* – (арханг.) ‘прийти в себя, в чувство, отдышаться’: Утром *обырела,* очунела, значит в чувство пришла, ‘успокоиться’: Ну, говорят, наругалась, больше все, *обырела*; (вят.) ‘привыкнуть к обстановке’, (арханг.) ‘успеть что-либо сделать, управиться с чем-либо’: С этим еще не *обырела* – не пристроен; ‘остановиться, натолкнувшись на

препятствие': Трави за сваю. Трави. Драй смертно. *Обырела* – в берег пошла. *Обырел* паром; (олон.) 'пропасть' (?): Станут брить да буйну голову, ... *обырей* ты, мое рожденье ... (причит.) (Там же).

В белорусских говорах есть соответствие русскому *обыряться* – *абырацца* 'быть бодрым, ясным (о погоде)', которое приводят авторы "Этимологического словаря белорусского языка" наряду с *абыраць* 'привыкнуть к плохим обстоятельствам'. Они предполагают образование от *абвыраць*. – "К *абвыраць*? См. *вырай* 'полуденная райская страна', сравн. Фасмер 3, 112". Считая все же эту версию неудовлетворительной с семантической точки зрения, они склоняются к более вероятной этимологии ("особенно для белорусского языка"): *абыраць* < тюрк. *абыр* 'покой, мир, согласие' (со ссылкой на Севортяна 1, 59, 60, Рясянена 2) (ЭСБМ 1, 65). Соответствия русскому *обырять(ся)* в белорусских говорах, однако, не исчерпываются этими двумя примерами – есть (стрешин.) *абы́раць* 'стать непослушным, упрямым': Іш ты яго! *Абыраў* і панімаць нікога ні хоча[10]. Сюда же, вероятно, блр. диал. *абы́ріцца* 'опуститься'[11], *разбырэць* 'стать распущенным, своевольным, непослушным, беззаботным, безразлично относиться к делу'[12], а также, возможно, укр. диал. *абúрить* 'разбогатеть' и *абúрить* 'разбогатеть' и *абúрить* 'узнать' (Лисенко 23).

Итак, можно на основании приведенных выше русских и белорусских примеров реконструировать праслав. **o-byr'ati (sę)*, которое могло быть образовано от праслав. **byrati, byrajć*, связанного с **buriti* и имеющего следующие продолжения в славянских языках: н.-луж. *byraś -ram* 'бросать, метать, опускать, швырять', в.-луж. *byrać* то же, сербохорв. диал. *bȉrati -ram* 'стараться что-либо узнать и понять, пробовать, испытывать, заниматься чем-либо, дрессировать (о коне)', 'случиться', цслав. *бырати -раю* 'блуждать, errare', др.-русск. XIV в. *бырати -раю* 'блуждать, бродить' (Słownik prasłowiański I, 476). Здесь же приводится сравнение с рус. диал. *бырúть* 'течь быстро, с шумом, журчать на мелком и каменистом месте (о воде) '(волог., калуж.), 'плыть, образуя волны при движении на мелком месте (о рыбе)' (ворон.), с оговоркой, что это может быть результатом вторичной субстантивации от рус. диал. *бырь* 'быстрина на реке; мелкое место на реке, где вода течет по камням быстро, с шумом', "закрут вихря" (Даль); 'место наибольшей силы огня на пожаре' (Там же).

Ср. н.-луж. *byraś* 'бросать, метать, опускать' и блр. диал. *абыріцца* 'опуститься', укр. *абúрить* 'узнать' и с.-хорв. *birati -ram* 'стараться что-либо узнать и понять...' Значения *obyr'ati(sę) 'опомниться, успокоиться, разгуляться (о погоде); привыкнуть к обстановке' восходят, как нам кажется, к первоначальному противоположному значению 'блуждать', возможно, перешедшему в значение 'беспокоиться (о человеке, природе)'. Префикс **о-* в этом случае придает смысл окончания быстрого движения, беспокойства и перехода к покою, ясности – в душе и в погоде. Ср. русск. *охирять* 'поправляться, выздоравливать' (СРНГ 25, с. 30), где также префикс *о-* придает глаголу противоположный смысл – окончания болезни, выздоровления.

Здесь также нужно отметить, что значение ‘разбогатеть’ укр. диал. *абúрить* и ‘разгуляться (о погоде)’ рус. *обыряться* также близко связаны друг с другом. Ср., например, *абодье* ‘красный день и у д а ч а н а л о в у’, *абодная пора* ‘ясная, красная; у д а ч н а я , с ч а с т л и в а я’ (Даль[2] I, 2).

В русских говорах зафиксированы также глагол *обурéть* (с корневым вокализмом *-и-*) в значениях: (арханг.) ‘прийти в себя, опомниться; успокоиться, утихомириться; отдохнуть’, (перм.) ‘привыкнуть’, (тульск.) ‘зазнаться’ (СРНГ 22, 252–253) и *обурять* – (перм.) ‘оправиться от болезни; протрезвиться’, свердл. ‘повеселеть’ (там же, 253). Интересно блр. диал. *разбуры́цца* ‘разродиться’[13], которое мы тоже относим сюда.

Рус. *сулит*

В.И. Даль приводит в своем Словаре новгор. *сулит* в значении ‘сувой, сугроб, снежный занос’ и с вопросом к форме слова (Даль[3] IV, 630). Это слово еще не этимологизировалось и, на наш взгляд, может иметь несколько этимологических объяснений. Прежде всего можно предположить, что оно образовано с помощью префикса *су* (<*sǫ-*) и краткого субстантивированного причастия от глагола *лить*. Интересно отметить, что сугробы в русских диалектах носят такие, например, названия, как *струя* – ‘длинный сугроб’ (Сл. Сред. Урала VI, с. 70); соликам. *заструйка* значит ‘снежная гряда’ (Соликам. словарь 192), *струистый снег* – ‘снег, лежащий на поле и имеющий много сугробов, нанесенных ветром’ (Бурнашев 300). Возможно, что глагол *лить* в данном случае имел значение ‘сыпать’, ср., например, зап., смол. *залитовать* в значениях ‘запаять, залить смолой (сосуд)’, ‘занести, засыпать что-либо, чем-либо’. "*Залитовáло* песком зеленые луга" (СРНГ 10, 209–210). Ср. также болг. *сóспа* ‘сугроб’ (Геров V, 221).

Возможно также, что слово *сулит* связано с глаголом *сулúть, сулять,* который в тамбовских, уральских и казанских говорах значит ‘совать, толкать, пихать, двигать’ (Даль[3] IV, 630), в донских говорах *сулáться* значит ‘толкаться’ (Донск. словарь 3, 148), сарат. *сулять* – ‘толкать’[14], префиксальные также – *насулять* ‘насовать’ (Мордов. словарь М–Н, 100), оренб. урал. *засýливать, засулять* ‘засовывать, задвигать что-либо’ "*Засуливай* (болт в ставни окна) с вечера" (СРНГ 11, 74), яросл. *отсýливать* ‘отталкивать’ (Мельниченко 138).

Этот глагол отмечен также в украинских и белорусских говорах: укр. диал. *сулáти* ‘не попадать в ушко, протягивая нитку в иголку’[15], *сусулáти* ‘идти ощупью; то же, что *суляти*’[16], блр. диал. *суленуць* ‘сунуть’, *суліць* то же, *суляць* ‘совать’ (Тураўскі слоўнік 5, 116), *засуляць* ‘заколоть’: Того воўка гэўжэ *засулялі* жэрдзем (Там же 2, 125), *засуліць* ‘сделать что-нибудь плохое’: Ён мне такое *засуліў*, што ўсё жыццё плачу і плáчу[17]. Сюда же, вероятно, можно отнести сербохорв. *сỳљати, -љāм* ‘валить, вырываться (о пламени, дыме и т.п.); нагребать, подгребать землю

палкой'; ~ *се* 'скользить' (Толстой[3] 577), *на̀суљати се, -љам се* 'налететь, наскочить' (Там же 291), болг. диал. *иссулвам* (*са*), *исулвам* (*са*), несв. (возвр.), *иссу̀ла(са), иссу̀лна(са), ѝсула(са), ѝсулна(са)* сов. (возвр.) 'выбираться, соскальзывать, спускаться, падать из чего-либо'[18], *иссу̀л'о̄м(съ),* несов., *иссу̀лъ(съ)* сов. 'спускаться, сползать, падать (о брюках, штанах, трико), ударять (палкой)'[19], польск. *sulać* 'мять, давить, стискивать' (Варшавский словарь 6, 509), *usulać ciasto* 'месить тесто' (Там же 7, 383).

Праслав. **suliti,* **sul'ati,* реконструируемое на основе приведенных выше примеров и связанное с глаголом **sunǫti,* имело, вероятно, первоначальные значения 'совать, пихать, толкать'. Ср. с семантической точки зрения рус. диал. *субой* 'сугроб' (Даль[3] IV, 611).

Есть еще одна возможность этимологизации новгор. *сулит* 'сугроб': образование от постулируемого **сулити* 'сыпать', которое может восходить к праслав. **suti* 'сыпать' (– через причастие на *-l,* как "словен. *rúliti* 'реветь, выть' восходит к праслав. **r'uti* ..."[20] Ср. рус. диал. (смол.) *задули́ть* 'задуть, занести': "Снегом дорогу *задулило*" (СРНГ 10, 71), восходящее к *задуть* 'занести'. Глагол **сулити* не отмечен в русском языке, однако в словенском есть *suliti* в значении 'сыпать'; *s.se,* qualmen: *krop, hiša se suli* (Pleteršnik II, 601; с примечанием: "первоначальное *suti* ?"). *Сулит* в таком случае –'снежная насыпь', ср. упомянутое выше болг. *соспа* 'сугроб'. Л.В. Куркина приводит в своей докторской диссертации "Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики" ряд славянских продолжений праславянского **sup-tь* (:**suti, sъpǫ* 'сыпать'), с формантом *tь*: с.-хорв. *osut* 'мусор' = *osutak* м.р. 'оспа', чакав. *u-sȭt-ina* 'шелуха' и, вслед за В. Борысем, относит сюда же польск. диал. *suć* 'перелесок, сосновый бор' (перв. 'опавшая хвоя, сухие ветки'), ст.-польск. *sucica* 'холм, курган' (XV в.), чеш. *sut'*, *ssut'* ж.р. 'груда мусора, щебня, осыпь, гравий', *sutina, ssutina* 'осыпь', 'хвоя и листья вместе с землей, собранные в лесу', словац. *sut'* и *sutina* 'осыпь'[21]. Сюда же, вероятно, можно отнести рус. диал. *су́тьё,* в контексте: И стару́ха полятéла по пéнью, по корéнью, по *су́тью* – тóлько рёбра трешá́т! (Сказка) (Меркурьев 109, s.v. *пéнье*). Слово *сутьё* здесь может значить – 'опавшая хвоя, сухие ветки'.

Рус. *забрындеветь*

В.И. Даль в Словаре приводит арханг. *забрындеветь* со знаком вопроса и в значении 'засиять, заблестеть': Рано солнышко из-за лесу *забрындевело* (сказка) (Даль[3] I, 1986). Очевидно, это экспрессивный вариант со встаным *-д-* глагола **забрыневеть,* восходящего к *забру(ы)-неть* [ср. урал., ульян. *забрунеть, забрюнеть* 'начать созревать; покраснеть, пожелтеть (о плодах, о зерновых культурах)' – СРНГ 9, 276–277] и, далее, к *бру(ы)неть (бронеть)* в значении 'рдеть' (Даль[3], 321) < праслав.

**broněti (sę)*, глагола состояния на *-ěti*, производного от прилаг. **bronъ* 'светлый, красный и т.д.' (ЭССЯ 3, 41–42). Ср. словац. диал. *bron(i)et'(sa)* 'алеть, разгораться (о заре, восходе солнца, распаляться (от гнева); сгорать (со стыда)' (Там же).

В Этимологическом словаре болгарского языка приводится глагол *забрѝндям се* 'краснею от усталости, от стыда' (Кесарево, Горнооряховско), *забрѝндявам се* 'становлюсь красивее, толстею' (Еленско). Здесь же дается производное *забрунден* 'имеющий большие красные щеки' (Чирпанско). В качестве сравнения приводится с.-хорв. *брȳнда* 'бронза' (БЕР 1, 571). В этой этимологии сомневался уже О.Н. Трубачев, отмечая, что "труднo поверить в это сближение"[22]. Представляется вероятным проэтимологизировать болг. глагол *забрѝндям се, забрѝндявам се* как родственный рус. *забрындеветь* и восходящий к праслав. **broněti(sę)* с колебанием в вокализме (*o/u*) и экспрессивным *-д-*, как и в русском глаголе. Значение 'толстеть' болг. *забрѝндявам се* находит свое соответствие в значениях, например, родственного рус. *бру(ы,е)неть* 'наливаться, пухнуть, грубнуть', соседствующих со значениями 'рдеть, седеть, плаветь, белеть, мреть, мерцать, мельтешить' (Даль[3] I, 321).[23]

Рус. *прúнуть*

В забайкальких говорах русского языка записан глагол *прúнуть* перех. 'нагреть, согреть': Солнце и то всех *принуть* не может; неперех. 'нагреться, согреться': Крыша железна так *принует*, что на чердаке не усидишь (Элиасов 332).

Ж.Ж. Варбот, этимологизируя это слово, относит его к гнезду **pariti – *prěti*. Она также обосновывает возникновение при исходном **prěti* производного *prinǫti* аналогическим воздействием глаголов типа **rějǫ* (по морфонологической модели *ě(j)*: *i* в парах типа **rějǫ – *rinǫti*)[24].

Однако, признавая всю весомость предложенной Ж.Ж. Варбот этимологии *прúнуть*, мы не можем не указать на еще одну, пусть менее вероятную этимологическую версию. В болгарских говорах записан глагол *припнѝвъ* (несоверш.), *прúпнъ* (соверш.) в значении 'нагреть, напечь (о солнце)': Къд *прúпнъ* сѝнцъ, чъ съ соблъчѐш[25]. Этот префигированный глагол, восходящий к праслав. **pьnǫti* 'натягивать, д а в и т ь' может быть соответствием рус. *прúнуть*, утратившему *-п-* в сочетании *-пн-*.

Это подтверждается, на наш взгляд, некоторыми семантическими аналогиями в славянских языках: н.-луж. *słyńco se spěra* 'солнце упирается, д а в и т, жарит' при *spřéś* (ст.-слав. **sъprěti, spřěć*) 'сжиматься, упираться' (Muka II, 182), словен. *solnce pritíska* 'солнце палит' (при *pritískati* 'давить, прижимать') (Хостник 245), кашуб.=словин. *pχac* '(о солнце) припекать' (при *pχac* 'толкать, пихать') (Sychta IV, 65). Ср. также рус. диал. *припор*: Изба их стоит на самом *припоре* – 'на припеке солнца' (Даль[2] III, 433), болг. *прúпор* (стб. **припоръ**) 'крутое место на припеке'[26], рус. (псков.) *вприпóр* 'жарко(?)': Печка тóпицца *фприпóр*" (Псков. словарь 5, 27). Ср.

противоположное семантически блр. диал. *вóльны* 'холодный, чистый, свежий' и 'не круто скрученный' (Слоўн. паўн.-заход. Беларусі 1, 326).

В забайкальских же говорах записано слово *поприн* в значении 'березовый хомутик, с помощью которого борону прикрепляют к оглоблям': *Поприн* лопнул, и бороньба остановилась (Элиасов 320). Возможно, это слово связано с глаголом **pripьnǫti* в значении 'прикрепить, прижать' и здесь мы имеем также упрощение *пн* > *н*.

Укр. спорщити

В украинских говорах (галицких лемков) И. Верхратским записан глагол *спорщити*: *воду мороз спорщиў* – кед уж на воды люд дрібний, крупнистий, искроватий; *спорщена вода*; *вода спорщит* "як подрібнится люд на ріцы"[27]. Этот глагол еще не этимологизировался. В украинском языке есть глагол *порскáти, порьскати* 'брызгать', в русских говорах ему соответствует глагол *пóрскать,* записанный Далем с пометой "яросл." и в значении'вспрыснуть розгами, сечь', сюда же новг. *порснуть* 'сильно ударить, хватить, хлестнуть' и, далее, *пóрскать, порскнуть* 'фыркнуть от смеха, внезапно разразиться неудержимым хохотом, лопнуть со смеха, еле, едва удержаться' (Даль[2] III, 322). Фасмер в качестве соответствий приводит также блр. *порскаць* 'фыркать, чихать, хихикать', с.-хорв. *пр̏скати* 'брызгать', словен. *pŕskati,* чеш. *prskati* 'брызгать, прыскать; фыркать', словац. *prskat'* 'брызгаться, сопеть; фыркать', в.-луж. *porskać*, н.-луж. *porskaś*. Все эти славянские примеры возводятся им к праслав. **pъrskati,* которое, по его мнению, связано чередованием гласных с **porskati*: в.-луж. *próskać* 'трещать, лопаться' и родственно лит. *pur̃kšti, purkščiu* 'фыркать, брызгать, моросить' (Фасмер III, 333–334). Укр. диал. *спорщити,* возможно, восходит к праслав. **sъpъrščiti,* связанному с **pъrskati* в первоначальном значении 'брызгать', которое дало значение 'хлестать' и затем, вероятно, 'бить, хватать'. *Мороз спорщиў воду* – мороз, вероятно, с х в а т и л ее, превратив в лед.

Сюда же, к праслав. **pъrsknǫti* можно отнести и рус. диал. (олон.) *запóрскать* 'пойти сильно (о дожде)' (СРНГ 10, 347), олон. *запóрщить* 'о позыве к тошноте, рвоте' (Там же, 348), в украинском языке сюда же относится *порощáти* (<**porsk-*) 'о дожде, снеге: барабанить по окнам, стенам; кричать, торопясь в гневе (о человеке)' (Гринченко III, 354), *пороснýти* (<**porsknǫti*) 'рассыпаться, посыпаться; броситься бежать, побежать; о дожде: сразу политься, брызнуть' (Там же, 351), возможно, сюда же блр. диал. *парúшчыты* 'хлестать (о дожде)'[28].

В польском языке, в варменских и мазурских говорах записано слово *parszczyk* в значении 'мелкий дождь'[29]. Вероятнее всего оно образовано от глагола *parskać* 'фыркать, шипеть, потрескивать'; *płomień parska* 'огонь потрескивает', *parskać się* 'рваться, обтрёпываться, сыпаться (о материи)' разг.[30], который также является продолжением праслав. **pъrskati.*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Матэрыялы да абласнага слоўніка Магілёўшчыны. Мінск, 1981, 81.

[2]*Аникин А.Е.* Опыт семантического анализа праславянской омонимии на индоевропейском фоне. Новосибирск, 1988, 68.

[3]*ШапкаревИ.К., Близнев Л.* Речник на самоковския градски говор // БД III, София, 271.

[4]*Каралюнас С.* К выражению противопоставления 'раннее' – 'позднее (время дня)' (соотв. 'утро' – 'вечер') в балтийских и некоторых других и.-е. языках // Этимология 1984. М., 1986, 73–74.

[5]*Климчук Ф.Д.* Специфическая лексика Дрогичинского Полесья // Лексика Полесья. М., 1968, 21.

[6]*Сігеда П.І.* Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Брэстчыны // Народная лексіка. М., 1977, 84.

[7]*Аникин А.Е.* Указ. соч., 73, 75.

[8]*Салавей Л.М.* З лексікі вёскі Навасёлкі Мядзельскага раёна // Народная словатворчасць. Мінск, 1979, 14, 7.

[9]Картотека Брянского областного словаря. Л. Выписки В.А. Меркуловой.

[10]*Рагаўцоў В.І.* З лексікі стрэшынскіх гаворак // Жывое слова. М., 1978, 113.

[11]*Яшкін І.Я.* З лексікі сярэдняга Пасожжа // Народная словатворчасць. Мінск, 1979, 74.

[12]*Яўневіч М.* З лексікі вёскі Кліны // Матэрыялы для слоўніка. Мінск, 1960, 46.

[13]Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак / Пад рэд. М.А. Жыдовіч. Выд. БДУ імя У.І. Леніна. Мінск, 1977, 95.

[14]Труды МДК. Свод материалов, собранных Комиссией. Словарь к ответам на программу по Саратовской губ. // РФВ LXVI, 1911, 206.

[15]*Паламарчук Л.С.* Словник специфічної лексики говірки с. Мусіївки (Вчорайшенського району Житомирської обл.) // Лексикографічний бюлетень, VI. Київ, 1958, 32.

[16]Там же.

[17]*Аляксейчык Г.М.* Да слоўніка Навагрудчыны // Жывое слова. М., 1978, 10.

[18]*Хитов Х.* Речник на говора на с. Радовене, Врачанско // БД IX, С., 1979, 259.

[19]*Ралев Л.* Говорът на село Войнягово, Карловско // БД VIII, С., 1977, 133.

[20]*Куркина Л.В.* Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Дис. докт. филол. наук. М., 1987.

[21]Там же.

[22]*Трубачев О.Н.* Рец. на "Български етимологичен речник" Съст. Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев. Свезка VIII: журжукалец-зярвам. С., 1971 // Этимология 1972. М., 1977, 180.

[23]См. так уже М. Рачева (без рус. *забрындеветь*): *Рачева М.* Лексика из книги "Видрица" в историко-этимологическом аспекте // Этимология 1988–1990. М., 1992, 73–74.

[24]*Варбот Ж.Ж.* Заметки по этимологии русской диалектной лексики (забайкальские говоры) // Этимологические исследования. Свердловск, 1984, 19–20.

[25]*Младенов М.Сл.* Говорът на Ново село, Видинско. Принос към проблема за смесените говори // Трудове по българската диалектология 6. С., 1969, 267.

[26]*Кабасанов Ст.* Говорът на с. Момчиловци, Смолянско // Известия на Института за български език 4. С., 1956, 83.

[27]*Верхратський І.* Про говір галицьких лемків. Львів, 1902, 469.

[28]*Климчук Ф.Д.* Специфическая лексика Дрогичинского Полесья // Лексика Полесья. М., 1968, 55.

[29]*Kupiszewski W.* Słownictwo meteorologiczne w gwarach i historii języka polskiego // Prace językoznawcze 57. Wrocław etc., 1969, 29.

[30]*Гессен Д., Стыпула Р.* Большой польско-русский словарь. Москва; Варшава, 1967, 440.

М.А. Осипова

УКР. *ШУЛЯК* 'КАПУСТА, НЕ ВЫРОСШАЯ В КОЧАН; ПОЧАТОК КУКУРУЗЫ' И ДР. < СЛАВ. **ŠUL-*

Укр. *шýля́к, шýлик* 'капуста, не выросшая в кочан', *шýля́к, шýльóк, шулка* 'початок кукурузы' (Гринченко IV, 518, 517) и под., как будто пропущенные в этимологических словарях, рассматриваются Н.И. Толстым в связи с укр. *шýля́к, шулíка* 'коршун', рус. диал. *шуля́к, шули́к* то же[1]. Н.И. Толстой видит здесь восточнославянизм, производный от **šujь* 'левый' > 'плохой, поганый', откуда 'плохая птица' и 'плохая, непригодная капуста, кукуруза'. Между тем украинские слова связаны с лексикой, распространенной и за пределами восточнославянских языков, а ее специфика вынуждает пересмотреть предложенную этимологию.

Прежде всего обратимся к ботаническим наименованиям. Приведем имеющийся материал, отчасти пересекающийся с данными Н.И. Толстого: укр. *шýля́к* 'капуста, не выросшая в кочан', *шýля́к, шýльóк, шулка* 'початок кукурузы' (см. выше), диал. *шýляк* 'капуста, не переросшая в вилок, капустные листья' (Паламарчук, 35), *шуля́к* 'кочан молодой капусты' (Лисенко, 237), *шуля́к,* 'капуста, не завязавшаяся в кочан; пустая головка; вообще что-л. пустое' (Ващенко, 105), *шýльок* 'початок кукурузы с зерном'[2], *шýлька* 'початок кукурузы'[3], *шулéк* 'капуста, которая не свернулась в кочан'[4], *шул'ýк* 'вылущенный (невылущенный) початок кукурузы'[5]; блр. диал. *шýля́к* 'пустой кочан капусты' (Тураўскі слоўнік 5, 339), *шуля́к* 'капуста, плохо завившаяся в кочан'[6], *шуля́к, шулéкь* 'незавившийся кочан капусты' (Слоўн. паўн.-заход. Беларусі 5, 505).

Далее, в Общекарпатском диалектологическом атласе наряду с укр. *шульок* приводится словац. *šulek* 'кукурузный початок, очищенный от зерен'[7], что выводит наше слово за рамки восточнославянских языков. В словацком отмечаются также *šúľok: kukuričný šúľok* 'колос с утолщением, кукурузный початок' (SSJ IV, 471), диал. *šúle* pl. '(экспр.) большие початки кукурузы', *šúlok, šúľok* 'початок кукурузы; шишка'[8], *šúľ*', *šúlek* 'вылущенный початок кукурузы' (Ripka, 216). Нет оснований отделять от этих слов и с.-хорв. *šúļ, šȖļ* 'шишкообразное водное растение; шляпка желудя', *šúlac* 'название растения; вид капусты (finochio marino; crambe tataria)', *šúļak* 'шелуха на зерне; пустой желудь, лесной орех без ядра; засохший плод; засохшая слива' (RJA XVII, 871), семантически близкие предыдущим. Очевидна и связь с.-хорв. *šȖļak* 'засохший плод' с чеш. морав. *šolístka, šulístka* 'засохший фрукт' (Bartoš II, 430,435), приводимыми Махеком как неясные (Machek[2], 630). Как кажется, наличие корневых имен типа словац. *šúľ* 'вылущенный початок кукурузы' говорит о вероятном отсубстантивном происхождении производных с суффиксальным *-k-*. В то же время объяснение этих наименований на почве оценочного понятия 'плохой' (**šujь*) малоинформативно. Здесь можно усматривать скорее

семантические акценты ‘нечто округлое’ (как с.-хорв. *šul̥*, *šȗl̥* ‘шишкообразное водное растение’, *šul̥ak* ‘пустой желудь, лесной орех без ядра’) и, с другой стороны, ‘кочерыжка, стебель’ (что реализуется в украинских говорах как ‘незавившийся кочан капусты, початок кукурузы’). Связь этих значений легко установить, если принять во внимание укр. диал. *шульок* ‘палка; макогон; невылущенный початок кукурузы; шишка’: семантика ‘палка’, очевидно, первична, а ее метафорическое осмысление дает ‘стебель (с утолщением)’ > ‘утолщение (нечто округлое)’.

Такое развитие засвидетельствовано множеством примеров, ср. хотя бы укр. *пáлка* ‘палка; шишка (на болотных растениях); стебель без колоса’ (Гринченко III, 89), рус. *пáлочник* ‘растение Typha; рогоз или рогоза; початки’ (Даль^2 III, 13), *пáлка*: *пуховые пáлки* ‘растение Typha L., семейство рогозовых; рогоз’ (Филин 25, 173), чеш. *palka, palička* ‘шишка елки, стебель цветка с бутоном; головка булавки, спички, шляпка гвоздя; цветок клевера, коробочка льна, маковка’ (Bartoš II, 278), польск. *pałka* ‘палка; палочка с утолщением; голова человека; головка гвоздя; головка цветка; пестик в ручной ступе; утолщенный конец веретена’ (Варшавский словарь IV, 25) <**palъka* – очевидно, от **paliti* ‘жечь’ (ср. Machek^2, 429 s.v. *palice*) как ‘палка’ = ‘то, что жгут, что обожжено’, что доказывает вторичность значения ‘утолщение’.

В таком случае рассматриваемый круг слов можно расширить за счет словац. диал. *šúlok, šúľok* ‘шишка у хвойных деревьев’, *šúlki* бот. ‘дикие бобы, фасоль, Lupinus polyphyllus’, чеш. *šúľ* ‘сорт картофеля’[10], диал. *šulek, šuľec, šuľ* ‘маленький круглый камень; сучок, узелок’ (Bartoš II, 434), польск. диал. *szule* ‘сорт картофеля’ (Karłowicz 5, 326).

Принимая значение ‘палка’ за исходное, естественно обратиться к семантически смежным с.-хорв. *šúl̥, šȗl̥* ‘пень, колода’ (также ‘шишкообразное водное растение’ и др., см. выше), *šul̥ak* ‘пень’ (RJA XVII, 871). Укр. *шýла* ‘столб в заборе (...)’ (Гринченко III, 517), блр. *шýла* ‘колода, столб’ (Носович, 718), зап.-рус. *шýла, шýло* ‘столб, колода; толстая дубовая стойка’ (Добровольский, 1008; Расторгуев, 291) признаются заимствованиями через польское или литовское посредство (польск. *szuło* ‘деревянный столб’, *лит. šùlas* ‘столб’) др.-в.-нем. *sûl* ‘колонна’[11]. Все же наличие сербохорватского слова позволяет реконструировать слав. **šul-* – по мнению А.С. Мельничука, восходящее к и.-е. **(k̑)seul-* и в таком случае родственное, в частности, лит. *šùlas* ‘столб’, фонетически точно соответствующему греч. ξύλον ‘дерево, брус’ < и.-е. **(k̑)sŭl-*[12]. Однако, поскольку соответствие славянского слова с той же апофонией корня отсутствует, а продолжения вариантов **(k̑)seul-* в ботанических и смежных значениях в других индоевропейских языках неизвестны, напрашивается иная интерпретация нашего материала.

Здесь можно предположить связь с гнездом слав. **sovati, *sujǫ* (преобразование незасвидетельствованного ***suti*) < и.-е. **sk̑eu-*, о котором см.

Pokorny I, 954–955; Fraenkel 13, 969; Machek[2], 592. Фонетические варианты слав. **šu-* и **su-* закономерно отражают чередование корневых дифтонгов **eu*/**ou* (**sk̑eu* - > **seu-* > **šu-*). К семантике 'совать' > 'то, что суют, орудие' ср. из того же гнезда рус. *сова́ч* 'шест (...)', *совня́* 'сулица, рогатина (...)' (Даль[2] IV, 254), а также рус. *сула́* 'клюшка, которую мальчишки, играя, бросают вскользь по льду', *сули́ца* 'метательное копье', отражающие **sula* или **sudla* < ***suti* или **suno̧ti* (ср. материал в Machek[2], 591 s.v. *sudlice*; Фасмер III, 799, 801) <**sk̑ou* -.

Именное производное с *-l-* суффиксальным (<**sk̑eul–*) представлено в фонетически тождественном славянской основе лит. *šiaulỹs* 'охотник, стрелок', ср. также топоним лит. *šiauliaĩ* – из лит. **šiáuti* (также не сохранилось и слав. **šuti) при современном лит. *šáuti* 'пихать, толкать; стрелять' (<**sk̑ou-*). Следы того же чередования гласных в корне (и.-е. **eu*/**ou*) отражены, например, и в относящихся к рассматриваемому гнезду лит. *šiáutuvas* 'ткацкий челнок; задвижка'/*šáutuvas* то же, *šiaudỹklė*, *šiaudyklẽ* 'ткацкий челнок'/ *šaudyklà* 'тир'[13].

Предположим, далее, что с именами гнезда **šul-* связаны глаголы с.-хорв. *šuḷati* 'кусать, щипать, давить, толочь, валять' (RJA XVII, 872), словен. *šúliti* 'скрести, царапать', *šúliti se* 'шнырять, шмыгать' (Pleteršnik II, 650), польск. *szulać* 'совать, пихать' (Варшавский словарь VI, 684), укр. диал. *шуля́ти* то же (Словн. укр. мови XI, 560), *шул'а́ти, шул'е́ти* 'колоть (о боли)'[14]. Отношения этих глаголов не имеют в этимологической литературе удовлетворительного объяснения: Скок объединяет с.-хорв. *šuḷati* со словен. *šúliti (se)*, объясняя их как звукоподражания (Skok III, 422); Безлай производит словен. *šúliti se* из экспр. **kheu̯ -t-lo*, что фонетически неправдоподобно[15], в то время как Брюкнер связывает польск. *szulać* с рус. *шляться* (Brückner, 557 s.v. *szuler*): но последнее, очевидно, из **sьlěti (sę)* < и.-е. **sel-* 'двигаться'[16].

Можно думать, что здесь представлены отражения итератива **šul'ati*, образованного от соответствующего каузатива – **šuliti*. Отыменная природа последнего раскрывается в толковании укр. *шули́ть* 'в игре в *шул* бросать палку так, чтобы один конец ее подсунулся под другую, лежащую на земле палку' (Гринченко IV, 517). Тот же тип отношений, по-видимому, связывает и рус. *сула́* 'клюшка (...)', *сули́ца* 'метательное копье' с *суля́ть, су́лить* 'совать, толкать, пихать, двигать' (Даль[2] IV, 359–360), *суля́ться* 'толкаться' (Донск. словарь 3, 148), *суля́ть* 'вкладывать, двигать, кидать' (Опыт, 220), ср. еще укр. *суля́ти* 'не попадать в ушко, вдевая нитку в иголку' (Паламарчук, 32).

Здесь уместно отметить органическое родство значений 'пихать, давить и под.' и 'валять' (что демонстрируется, например, у Даля: ср. толкование *валить, валять* 'повергать, толкать, бить, ворочая и опрокидывая с боку на бок, мять, катать, бить, холостить' – Даль[2] I, 161). Последнее представлено, кроме с.-хорв. *šuḷati* (см.), у польск. диал. *szulać*

‘болеть, быть слабым (= ‘валяться, метаться’. – *М.О.*); класть, совать’ (Варшавский словарь VI, 684), чеш. диал. *šulit’*, ср. также *šúl’at* ‘мять, скатывать пальцами что-л. мягкое (тесто, глину)’ (Bartoš II, 435), *šúlat* ‘делать катушки из теста’ (Malina Mistř., 125), словац. *šúl’at’* ‘катать; валяя, придавать чему-л. цилиндрическую форму’, *šúl’at’ sa* ‘кататься, валяться; красться’ (SSJ IV, 470), диал. *šúlat’ sa* ‘неуклюже ходить, слоняться’ (Ripka, 108). В связи со сказанным выше вряд ли возможно, вслед за Махеком, объяснять эти глаголы как преобразования исходной формы вроде словац. диал. *švalat’* ‘делать катушки’ <*val’at’*, где развитие *šu-* < *šva-* обусловлено влиянием *šústati* ‘тереть руками’ (Machek[2], 630).

Рассматриваемому гнезду принадлежат также чеш. диал. *šulan, šulanec, šulánek* ‘катышек из теста, грязи и под.’ (Malina Mistř., 125), *šúl’ance, šulánky* ‘продолговатые клецки из картофельного теста’ (Bartoš II, 434), словац. *šúl’anec* ‘кусок теста, которому валянием придана цилиндрическая форма’ (SSJ IV, 470), диал. *šulki* м.р. pl. ‘гемерское кушанье, шарики’[17], ср. также с.-хорв. *šul̥ci* pl. ‘клецки или лапша из теста’ (RJA XVII, 872). По-видимому, словацкие (или чешские) заимствования отражены – с закономерным здесь переходом *š* > *s* – распространенными в оравских и подгальских говорах польк. *sulka,* pl. *sulki* ‘шарики (например, клецки, скатываемые руками и используемые для кормления гусей); мелкие экскременты (ребенка, овцы); продолговатая картофелина’, *sulać* ‘мять, скатывать’ (Karłowicz 5, 262)[18].

Возвращаясь к орнитологическому наименованию укр. *шуляк* ‘коршун’, отметим напрашивающееся сопоставление с укр. *шулькати* ‘кидаться, бросаться’, *шулькнути* ‘шмыгнуть’ (Гринченко III, 518), ср. еще словац. экспр. *šul’kat’* ‘мять, валять, скатывать’ (SSJ IV, 471), продолжающими производное с суффиксальным *-k-* от **šul’ati*. Тогда, как предположил еще Ильинский, значение птицы объясняется как ‘тот, кто бросается’ (см. Фасмер IV, 485).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Толстой Н.И.* Из великорусской диалектной семантики // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971. 259–266.

2 *Прокопенко В.А.* Областной словарь буковинских говоров // Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972. 475.

3 *Онишкевич М.Й.* Словник бойківських говірок. Київ, 1984, II, 391.

4 *Корзонюк М.М.* Матеріали до словника західно-волинських говірок // Українська діалектна лексика. Київ, 1987. 264.

5 *Дзендзелівський Й.О.* Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської области УРСР (Лексика). Ч. II // Ужгородський державний університет. Наукові записки. Ужгород, 1960, VLII, № 206, 207.

6 Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак / п.р. М.А. Жыдовіч. Мінск, 1974, 182. Польск. мазов. *szulak* ‘ястреб; небольшой кочан капусты’ (Karłowicz 5, 326), судя по географии и семантике, заимствовано из украинского.

7 Общекарпатский диалектологический атлас. М., 1981. 72 (вопр. № 425).

8 *Orlovský J.* Gemerský nárečový slovník. Martin, 1982, 343; *Matejčík J.* Lexika Novohradu. Vecný slovník. Martin, 1975. 102.

[9]*Бернштейн С.Б., Иллич-Свитыч В.М., Клепикова Г.П., Попова Т.В., Усачева В.В.* Карпатский диалектологический атлас. М., 1967, I. 220.

[10]*Kott Fr.* Příspěvky k česko-německému slovníku, zvláště gramaticko-fraseologickému. Pr., 1906, III. 334. Можно было бы также предположить, что в данном случае мы имеем дело с отражением диалектных форм, соответствующих ср.-в.-нем. *schale, schal, schâl,* ср.-н.-нем. *schale, schelle, schille* 'шелуха, кожура, скорлупа; оболочка фрукта, овоща; стручок; картофель и под.', связанных с *schällen,* ср.-в.-нем. *scheln* 'лищить, крошить, щипать, дергать и др.'. Ср. и относящиеся к тому же гнезду ср.-н.-нем. *schulle, schülle,* ср.-в.-нем. *scholle* 'ком, шишка, нарост, узел стебля и под.' (Grimm VIII, 2060–2065; IX, 1955, 1453; Kluge–Mitzka[21], 675 s.v. *Scholle,* 633 s.v. *Schale* < и.-е. **skel-* 'резать; колоть'), причем *u*-вокализм славянских слов мог бы объясняться и как точное отражение *u*-вокализма диалектных немецких слов, и как диалектная передача *o*-вокализма языка-источника. Однако славянские связи словац. *šúlok* и др. представляются более реальными, ср. ниже.

[11]См. с дальнейшей литературой: *Мельничук А.С.* Корень **kes-* и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков // Этимология. 1966. М., 1968. 213.

[12]Там же. 204–205, 212–213.

[13]Литовский материал см.: *Fraenkel* 13, 969, 967; *Otrębski J.* Gramatyka języka litewskiego: Nauka o budowie wyrazów. W-wa, 1965, II. 105.

[14]*Прокопенко В.А.* Указ. соч.

[15]*Безлай Ф.* Рец. на: *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I, A–J. Zagreb, 1971 // Этимология. 1971. М., 1973. 378.

[16]*Трубачев О.Н.* Славянские этимологии. 1–7 // Вопросы славянского языкознания, № 2. М., 1957. 36–37.

[17]*Orlovský J.* Op. cit. 343.

[18]Ср.: *Herniczek-Morozowa W.* Terminologia polskiego pasterstwa górskiego. Wrocław etc., II–III. 161: здесь диалектные польские формы рассматриваются как принадлежащие гнезду **sovati, *sujǫ.*

А.А. Калашников

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ СИНОНИМОВ

Синонимия привлекает к себе значительное внимание лингвистов, исследующих это явление с разных точек зрения. В частности, изучение синонимии важно для разработки семантической стороны этимологической процедуры, построения типологии семантики[1]. При этом используется метод семантических параллелей, основанный на регистрации регулярных семантических изменений (переходов). По мнению Ж.Ж. Варбот, наибольшей доказательностью обладают параллели из одного и того же языка или близкородственных или территориально близких языков, а особенно надежны данные этимологических гнезд, основанных на исходно синонимичных лексемах, одного или нескольких близкородственных языков[2].

В последнее время появились исследования, в которых в качестве синонимических единиц рассматриваются целые словообразовательно-этимологические гнезда[3]. Такая постановка вопроса вполне оправданна. Во-первых, синонимия, в одном из вариантов, предполагает частичное пересечение значений и употреблений единиц. Во-вторых, такое понимание применимо не только к лексемам, лежащим в основе подобных гнезд, так как, благодаря определенной регулярности словообразо-

вательных процессов и параллелизму семантических изменений, значительная часть семантики гнезд оказывается совпадающей[4]. Наконец, в-третьих, следует считаться с явлением синонимии в разных языках и диалектах[5]. Так, родственные языки могут предпочитать в одном и том же значении формы, входящие в разные гнезда, основанные на исходно синонимичных корнях (лексемах). Особым вопросом является интерпретация древнейших синонимов в плане заимствований (ингредиентов), ср. работы В.В. Мартынова[6]; такой анализ существен для выяснения проблем славянского глотто- и этногенеза.

Поскольку известно, что синонимия – явление, свойственное языку на разных этапах его истории (ср. определения "исходное", "реконструируемое" для характеристики значений опорных глаголов синонимичных гнезд), интересно проследить бытование какой-л. группы синонимичных гнезд во времени. Этому и посвящена предлагаемая статья, в которой рассматриваются гнезда, основанные на глаголах с исходным значением 'вязать, плести': праслав. **plesti, *verti, *verzti* и **vęzti*. Это не все глаголы с таким исходным значением, ср. слав. континуанты и.-е. **(s)ner-* 'крутить, вить, плести', **sneu-* 'крутить, связывать' (Pokorny I, 975–977) и т.д. Однако именно эти гнезда засвидетельствованы довольно широко и позволяют делать различные обобщения, в отличие от других, представленных в славянской лексике, как правило, лишь реликтами. Анализируются глаголы и существительные указанных четырех гнезд; собранный материал, как правило, ограничен апеллативной лексикой.

Рассмотрим и.-е. истоки анализируемых гнезд.

Праслав. **plesti, *pletǫ* помещено Ю. Покорным в статью **plek̑-* 'плести' (Pokorny I, 834–835). Слав. формы интересны зубным расширителем (ср. др.-греч. πλέκω 'плету'), характеризующим еще только италийский и германский, причем предложена интерпретация этих форм как совместной инновации перечисленных языковых групп[7]. С другой стороны, сделана попытка объяснить праслав. форму наст. вр. "кентумной инфильтрацией", так как закономерной формой было бы ***plestǫ*, инфинитив же объясняют аналогией с **gnesti* и под. (Преображенский II, 74). В этой связи интересны слав. диалектизмы, сохраняющие форму корня без расширения и с "кентумной" рефлексацией, вроде рус. диал. *оплёка* 'паз, с помощью которого доски скрепляются замком; гнездо; тот, кто много болтает или врет' (СРНГ 23, 261)[9] или словен. диал. *plęka* 'маленькая плетеная калитка' (Pleteršnik II, 55)[10]. Праслав. **plesti,* по объяснению В.В. Мартынова, является италийским ингредиентом в праславянском. Этот глагол занял место глагола **pęti,* утратившего первичное терминологическое значение, сохраняющееся в балтийском (лит. *pìnti* 'плести') и германском (гот. *spinnan* 'прясть', англ. *to spin* то же)[11]. По мнению О.Н. Трубачева, термин **plesti* первоначально относился к плетению из гибких, тонких побегов, прутьев и веток дерева. Праслав. **plo(k)tъ,* обозначавшее решетчатый борт воза, возможно, сплетенный из веток, является образованием и.-е. времени, ср. герм. параллель ж.р. **flahtō*[12].

Чрезвычайное семантическое многообразие материала, предполагающего и.-е. корень **uer-*, побудило Ю. Покорного дать в своем словаре тринадцать соответствующих статей (Pokorny I, 1150 sqq). Некоторые из группировок материала в семантическом отношении значительно удалены от приведенного под 1. *uer-* 'связывать, присоединять', однако в ряде случаев речь идет о несомненно генетически родственных образованиях. Так, в результате чрезмерной дробности в подаче материала рус. *воронка* 'сосуд' оказалось в статье 1. *uer-*-, а польск. *wrona* 'отверстие' – в статье 7. *uer-* 'разрывать, царапать', или: рус. диал. *верать* 'совать, втыкать' – в статье 1. *uer-*, а рус. диал. *завор* 'gesperrter Durchgang' (собственно, 'запор') – в специальной статье 5. *uer-* 'запирать, крыть; оборонять, защищать', причем в обоих случаях оговаривается возможная принадлежность к 3. *uer-* 'вертеть, гнуть'. В современных славистических исследованиях материал, мотивированный значениями 'связывать', 'совать, втыкать' и отчасти 'вертеть, гнуть', рассматривается как единое гнездо с семантически емким корнем **ver-*[13]. Уже в праиндоевропейскую эпоху лексика с корнем **uer-* была сильно дифференцирована в семантическом отношении, и праславянский унаследовал это разнообразие, что доказывается наличием и.-е. соответствий вроде праслав. **vьrvь*: лит. *vir̃vė* 'веревка', праслав. **vorъ* (ср. рус. диал. *вóры* 'запоры, засовы, жерди, преграждающие вход куда-л.' (СРНГ 5, 129), укр. *вір, вóру* 'ограда из жердей' (Гринченко I, 239) и т.д.): лит. *vãras* 'жердь в ограде' и др.

И.-е. корень **uerĝh-* интерпретируется как расширение 3. *uer-* 'вертеть, гнуть'; как предполагается, он характеризовался семантикой 'вертеть, сжимать, давить' (Pokorny I, 1154). В слав. языках основным значением является 'вязать, связывать', выводимое и из 'крутить', и из 'сжимать, давить'. Учитывая возобладавшую семантику 'вязать', особенно интересно отметить лексику, сохраняющую, как представляется, старую семантику кручения, например, с.-хорв. *vŕsti se, vŕzati se* 'крутиться, вертеться': Tri *se* žene oko kuće *vrzaju* (RJA XXI, 539–540, 585), *vȑza, vrzalo* 'вертун' (RJA XXI, 585).

И.-е. истоки праслав. **vęzti*, в отличие от трех предшествующих случаев, не установлены однозначно. Существует ряд версий происхождения этого обширного гнезда: 1) и.-е. корень **anĝh-*, представленный в лат. *angō, angustus*, др.-греч. ἄγχω 'душить, давить', не знал чередований гласных; закономерными продолжениями этого корня стали слав. формы серии **(v)ǫza*, а все славянские глагольные формы с корневым вокализмом **e* являются вторичными (Vaillant. Gramm. comparée I, 185; III, 147); 2) предполагается и.-е. корень **enĝh-* с перфектом **onĝh-* (Skok III,

584); 3) предполагается контаминация синонимичных корней *u̯erĝh- и *anĝh-[14]; 4) корень *vęz- (*venz-) является продолжением формы *verz- с заменой r на n[15]; 5) реконструируются и.-е. *veik̂- и *veiĝ-, удвоение заднеязычного дало в слав. *viĝĝ- → *vęz-, ср. лат.*vik̂k̂- → vinc- (vincīre 'связывать') (Machek² 679). Есть и другие толкования (см. лит.: Фасмер I, 374). В данной работе мы не ставим задачи однозначного решения вопроса о происхождении слав. *vęzti, хотя имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет предполагать, что гнездо слав. *vęzti формировалось, вероятнее всего, на основе и.-е. *anĝh-, подвергшегося каким-то воздействиям. В пользу того, что воздействие оказывалось со стороны синонимичного *u̯erĝh-, свидетельствуют факты слав. лексики: 1) рус. диал. *перевясло* × *повересло* → *перевесло*; 2) чеш. *provaz* 'веревка', при ст.-чеш. *povraz*, словац. *povraz* то же, иллюстрирующие взаимодействие производных *vęzti и *verzti. Указанное взаимодействие объясняет начальное v-[16], но не может однозначно объяснить корневой вокализм.

Таким образом, праславянский язык унаследовал лексику, входящую в и.-е. гнезда *plek̂-, *u̯er-, *u̯erĝh- и *anĝh-, причем степень устойчивости этой лексики (и формальной, и, как будет показано ниже, количественной) оказалась различной.

Рассмотрим основные черты праславянской истории гнезд.

Наиболее значительным процессом праслав. периода было формирование гнезда *vęzti на основе и.-е. гнезда *anĝh- под воздействием синонимичного *verzti (*u̯erĝh-), а также, возможно, еще каких-то факторов. За гнездом *plesti искони была закреплена семантика изготовления чего-л. единого, плетения из веток и под. (см. выше), сохранились также некоторые древние термины ткачества (см. ниже о праслав. *platъ). Семантически емкое гнездо *verti сохраняло свои многообразные значения (ср. выше о трех основных сферах семантики этого гнезда). Генетически связанное (производное на и.-е. уровне) с ним гнездо *verzti, преобладающей семантикой которого является 'связывать', сохранило и значения, соответствующие и другим значениям *verti, а именно – 'совать, втыкать', ср. с.-хорв. *ȑsti* 'вставить, вдеть (ремень)' (RJA XXI, 539), *uvráziti* 'вдеть (нитку в иголку)' (RJA XX, 205) и под. Под влиянием *verzti формируется крупное гнездо *vęzti, причем значения 'сжимать, давить, теснить' (ср. др.-греч. ἄγχω 'душить, давить; мучить', нем. *Angst* 'страх') сохраняются в серии прилагательного *ǫzъkъ. Это прилагательное для праславянского уровня может считаться лишь соотносительным с *vęz(a)ti, но указанная семантика обнаруживается и в таких именах с

корневым *o, которые правомерно рассматривать как производные от праслав. *vęz(a)ti, о чем свидетельствуют их значения и форма (особенно префиксальные образования). Ср. континуанты праслав. *(v)ǫza, например, с.-хорв. ȕza 'веревка, путы; тюрьма, темница; неволя, плен' (RJA XX, 228–231). Продолжения праслав. *obǫza редко демонстрируют материальную семантику, ср. в этой связи блр. диал. абу́за 'грузило, привешиваемое к нижней тетиве сети'[17], чаще в славянских языках представлены продвинутые, метафорические значения, ср. н.-луж. ḥobuza 'ноша, груз; беспокойство, досада, раздражение, печаль, забота, шутка, проделка, вред; раздосадованный, неприятный человек, меланхолик' (Muka I, 385).

Гнездо *verzti оказывается в целом наименее объемным, однако славянская территория, и это единственный яркий случай такого рода в рассматриваемой группе гнезд, членится, с точки зрения сохранения и развития этого гнезда, на две неравные части. Дело в том, что в болгарском языке возобладала форма въ́ржа, вытеснившая продолжения праслав. *vęz(a)ti, но обязанная своим нынешним обликом воздействию на *vьrze- именно со стороны *vęže- (см. об этой контаминации Vaillant. Gramm. comparée III, 148). На остальной славянской территории данное гнездо в праслав. эпоху было распространено гораздо шире, чем сейчас, ср. хотя бы распространение континуантов *povorzъ: ц.-слав. повразъ 'lobus, penna' (Miklosich LP 585), с.-хорв. pȍvrāz 'веревка, завязка; перевязь на сумке; ручка, дужка (у котла, кастрюли)' (RJA XI, 290), словен. povràz 'веревка, завязка', póvraz 'ручка, дужка (у котла, корзинки)' (Pleteršnik II, 199), чеш. provaz 'веревка, канат; фитиль' (Kott II, 1199), словац. povraz 'веревка, канат' (SSJ III, 376), польск. powróz 'веревка' (Варшавский словарь IV, 864), кашуб.-словин. povròz 'веревка, жгут' (Sychta IV, 152), укр. по́вороз 'шнурок, бечевка; завязка' (Гринченко III, 226), – с распространением (точнее, сохранением) континуантов соответствующего глагола *poverzti: ст.-слав. поврѣсти 'связать' (Miklosich LP 586), с.-хорв. povrsti[18] 'связать, скрепить что-л.' (RJA XI, 295).

Ниже мы остановимся на наиболее важных с формальной и семантической точки зрения образованиях в каждом из гнезд.

При определении контуров гнезда *plesti ключевым является вопрос о природе праслав. *platъ, обозначавшего кусок ткани, и считающихся родственными этому слову *plata, *platiti (куски ткани применялись как средство платежа, см. Фасмер III, 274–275). Обычное сближение с праслав. *poltьno не является единственным объяснением этих форм (см. против Machek[1] 372; лит. см. Фасмер III, 274). Наиболее убедительной нам представляется гипотеза Ж.Ж. Варбот о принадлежности *platъ к гнезду *plesti как имени с корневым вокализмом *ō и этимологическим значением 'сплетенное'[19]. Помимо приводимых ею примеров, о реальности таких имен в данном гнезде свидетельствуют: 1) кашуб.-словин. platk 'гнездо сороки' (Lorentz. Pomor. I, 632), ср. рус. диал. оплёка 'гнездо' (СРНГ 23, 261); 2) словен. platník 'вид плетеного улья' (Pleteršnik II, 52), ср. словен. plet̑ȩr 'улей из соломы' (Pleteršnik II, 59); 3) словен.

plâtek 'колдовство', *oplâtki* 'сглаз' (Pleteršnik II, 50; I, 836), ср. кашуб.-словин. *oplǫtac* 'околдовать' (Sychta IV, 82): словен. *oplatẹ̑ti od koga* 'быть околдованным кем-л.' (Pleteršnik I, 835)[20]. Еще один старый термин ткачества в этом гнезде – **plety, *pletene*[21].

Представлены названия частей телеги. Это прежде всего **o(b)ple(t)nъ*/**o(b)ple(t)nь,* обозначавшее крепежную перекладину у повозки или саней, ср. болг. диал. *ѝплѐн* 'перекладина, в которую забивают чеки у телеги' (БД I, 258; III, 126), с.-хорв. *ȍplen* 'перекладина, держащая копылья саней' (RJA IX, 73), словен. *oplẹ̀n* 'планка, крепящая перекладины бортов повозки' (Pleteršnik I, 836), чеш. *oplen* 'соединительная перекладина у телеги; перекладина, соединяющая полозья саней' (Kott II, 387), рус. диал. *оплён, оплёнь* 'верхняя перекладина, соединяющая копылья саней' (СРНГ 23, 262), укр. *оплíн, оплíнь* 'деревянная подушка, лежащая на оси, на ней лежит кузов; перекладины, положенные на копылы в санях для связки полозьев' (Гринченко III, 58). Праслав. **naplatъ* обозначало колесный обод или его часть, ср. болг. *нáплатъ* 'косяк колесного обода' (Геров III, 198), с.-хорв. *náplatak* 'часть колесного обода' (RJA VII, 494).

Ряд существительных обозначал части тела. Ср. **pletje* 'плечо', т.е. 'плечевой сустав' (осмыслено как место соединения нескольких костей)[22], а также **ple(t)smo,* реконструируемое, в частности, на основе словен. *plésmọ* 'подъем ноги' (Pleteršnik II, 57) (осмыслено как место соединения стопы и голени)[23]. Реальность указанных толкований (а это не единственные объяснения данных слов) подтверждается данными других гнезд глаголов с исходным значением 'вязать, плести', где представлены аналогичные анатомические термины (см. ниже).

Существительные гнезда **verti* могут быть представлены в виде нескольких серий. Это 1) названия веревки, завязки, ср. **vьrvь*, **ob(v)ora,* **sъvora* и т.д.; 2) названия цепочки, ср. **veriga,* **veruga*; 3) многочисленные названия жердей различного назначения, ср. **povora,* **povorъ,* **pověrъ*; **zavorъ* 'запор, засов'; **vьrdlo*; **verěja* 'воротный столб' и т.д.; 4) названия плетня, ограды, стены или целого строения, ср. **vora,* **vorъ,* **ob(v)ora,* **zavora*; в этом же ряду обычно рассматривают и **vorta* (Pokorny I, 1160; Фасмер I, 354–355), хотя возможна и принадлежность этого имени к гнезду и.-е. **u̯ert-*; 5) названия пробки, затычки, втулки, ср. **vorna,* **vornъ,* **vornь*; 6) названия соединительных элементов в повозке, телеге: дроги́, шкворня и под., ср. **orzvora,* **sъvora,* **sъvorьn'ь,* **sъvorьnikъ* и др.; 7) названия плетеных изделий, например, **vern'a,* ср. блр. диал. *верэ́ня* 'плетеная корзинка' (Тураўскі слоўнік 1, 116), рус. диал. *верéнька* 'корзинка' (Даль[2] I, 182); 8) анатомические термины, которые можно было бы объединить под рубрикой 'место соединения нескольких костей; соединительная кость', например, **jьverъ*, ср. с.-хорв. диал. *ȉvȇr* 'коленная чашечка' (RJA IV,103), словен. *ivẹ̑r* то же (Pleteršnik I, 300)[24], или болг. диал. *свѝркъ* 'кость между кистью и локтем; кость между

лодыжкой и коленом' (БД VII, 129). Особое развитие получила в этом гнезде лексика, восходящая к *vьrati и *varati, обозначающая обман, хитрость и под.[25]

В гнезде *verzti представлены названия веревки, завязки, жгута, ср. *vorza (укр. воро́за 'веревка или ремень в кнуте, которыми бьют', Гринченко I, 255), *pavorzъ (рус. диал. па́вороз 'шнурок, завязка', СРНГ 25, 112), *povorza, *povorzъ, *uvorzъ (ст.-польск. uwroz 'веревка', Варшавский словарь VII, 420), *verzslo (с.-хорв. vrijèslo 'веревка и т.д.', RJA XXI, 514), *obverzslo, *poverzslo и др. С формальной точки зрения интересно болг. въ́рзоп 'пакет, тюк, узел, кипа' (БТР 113). Это слово имеет целый ряд толкований: суф. *-opъ[26], позднее образование от връ̀звам по образцу сноп (БЕР I, 210), – но наиболее убедительно объяснено Е. Русеком[27], реконструировавшим праслав. *vȓzobъ с редким суф. *-obъ, ср. производные болг. диал. (родопск.) варзо̀бал' 'сетка из бечевки, в которой перевозят на животных травяной фураж' (БД II, 136), варзо̀беў 'пряжа с большим количеством узлов' (БД V, 160) и рум. заимствования со звонкой финалью: диал. hirzób, vîrzób (БЕР I, 211). В правосточнославянских диалектах распространены образования с префиксальными элементами *ka-, *ko-, ср. *kavьrza. См. также о формах, проявляющих формальное и семантическое своеобразие: Vaillant. Gramm. comparée III, 411.

В гнезде *vęz(a)ti следует иметь в виду известную двойственность формы с.-хорв. zauziti 'завязать' (RJA XXII, 535), oduzìti 'отвязать' (RJA VIII, 699), которые удовлетворительно объясняются как десубстантивные от ȕza (ср. uzati 'navrći uzu końu ili oglav, надеть недоуздок', RJA XX, 244), но не исключают и интерпретации в качестве редких рефлексов собственно глагольных форм с корневым вокализмом *o.

Представлены многочисленные названия веревки, шнура и под.: *(v)ǫza, *(v)ǫzъ, *(v)ǫže, *vęzъ, *vęzslo, *povęzslo и т.д.; словом *pri(v)ǫzъ, вероятно, обозначался соединительный ремень у цепа, ср. рус. диал. приу́з 'сыромятная привязь цепа, связь била с держалкою' (Даль[2] III, 465). Ряд слов обозначал жерди различного назначения, это прежде всего *pa(v)ǫzъ, ср. чеш. pauz, pavuz 'жердь-гнет на телеге' (Kott II, 514), польск. pawąz 'жердь-гнет на телеге с решетчатым бортом; жердь для переноски тяжестей' (Варшавский словарь IV, 94), *pa(v)ǫza, ср. чеш. диал. pauza, pavuza 'жердь-гнет на телеге' (Kott II, 514) и производное *pa(v)ǫzina, ср. с.-хорв. pauzina 'жердь-гнет на телеге' (RJA IX, 710), рус. диал. па́узина 'жердь-притужина на стоге' (СРНГ 25, 281). Отмечены термины бортничества, ср. континуанты *(v)ǫza: польск. wąza 'первая постройка сотов в улье; сухие соты в пчелином улье' (Варшавский словарь VII, 541), каш.-словинск. vą̃ză 'соты в улье' (Lorentz. Sl. Wb. II, 1276), рус. у́за́ 'вощинка, которая выступает плоскими колечками по суставам ножек пчелы; восковой клей, из почек березы или других деревьев; сотовая сушь, без меду; вощина из-под сотов' (Даль[2] IV, 478), блр. диал. ву́за́ 'соты; вощина' (Бялькевіч 113; Касьпяровіч 62; Слоўн. паўн.-заход. Беларусі 1, 335)[28]. Из анатомических терминов следует отметить *vęzъ,

обозначавший шею (затылок), т.е. сочленение костей, ср. чеш. *vaz* 'затылок, шея' (Kott IV, 563), рус. диал. *вя́зы* 'шейные позвонки, шея' (СРНГ 6, 77), укр. *в'я́зи* 'шейные позвонки' (Гринченко I, 261), белор. диал. *вjáзы* 'шея и прилегающая часть туловища'[29]. В этом же ряду и рус. диал. *зáвязь* 'запястье' (СРНГ 9, 350), белор. диал. *вjазкы́* 'место сгиба кисти руки'[30] и др.

В данном обзоре были приведены лишь некоторые образования. Уже в праславянскую эпоху все гнезда характеризовались значительной разветвленностью: собранный материал позволяет реконструировать не менее 400 лексем, претендующих на праславянский статус.

Можно выделить несколько вариантов отношений между гнездами с точки зрения обозначения отдельных реалий. Есть реалии, обозначавшиеся, вероятно, словами только одного гнезда, например, **pletje* 'плечо'. В значительной части случаев одна и та же реалия обозначалась существительными нескольких гнезд. При этом образования одного гнезда могут быть гораздо многочисленнее образований другого. Так, плетеная корзина, короб называлась **plenica, *pletenikъ, *pletenica, *pletenъka, *pletenьсь, *pleterъ,* а также **vern'a* (и, возможно, **vernьka*). Иногда же в нескольких гнездах представлены целые ряды образований, например, ограда, плетень назывались **plotъ*, **o(b)plotъ*, **perplotъ*, **zaplotъ*, **o(b)plota, *plety, -ene, *pletъ*, **perpletъ, *poplěta*, а также **vora*, **vorъ*, **ob(v)ora*, **privora*, **zavora.* Ср. также многочисленные названия веревки, жгута, шнура, завязки в гнездах **verzti* и **vęz(a)ti.*

Таким образом, в праславянском языке, после формирования на базе и.-е. **angh-* гнезда **vęz(a)ti*, бытовали образования всех четырех гнезд, но (на большей части славянской территории) развивалась тенденция к маргинализации гнезда **verzti* и вытеснению образований этого гнезда, передавшего часть своих потенций гнезду **vęz(a)ti*. Лексика гнезд обслуживала разнообразные сферы деятельности праславян, причем одна и та же реалия часто обозначалась (в одних и тех же диалектах) лексемами разных гнезд группы. В то же время не удается найти примеров предполагаемой ситуации, при которой в части диалектов реалия называлась бы только лексемой одного гнезда, а в части – только лексемой другого, можно говорить лишь о предпочтениях.

Рассмотрим основные черты истории группы гнезд в период существования отдельных славянских языков.

Прежде всего, следует обратить внимание на судьбу гнезда **verti.* Выше уже отмечалась тенденция к маргинализации гнезда **verzti*, на новом этапе эта тенденция затрагивает и гнездо **verti* (правда, о вытеснении образований этого гнезда говорить следует, по меньшей мере, с осторожностью). Для исторических славянских языков бóльшая часть лексики этого гнезда – предмет скорее этимологии, чем словообразования. Живыми словообразовательные процессы остаются лишь для сферы десубстантивного глагольного словообразования и для сферы продвинутых, метафорических значений, характеризующихся в данном случае экспрессивностью ('лгать' и 'красть', ср. рус. производные

от *врать* и *вор*); лексика же, соответствующая терминологическим и близким к ним значениям, почти не производится. Вместе с тем, важность реалий, обозначавшихся лексикой гнезда **verti* в праславянском, обусловила значительную степень сохранности этого слоя образований.

Итак, после снижения активности двух гнезд – **verzti* и **verti*, – сильными членами группы, осуществляющими активные словообразовательные процессы, остаются гнезда **plesti* и **vęz(a)ti* (для болгарского – **plesti* и **verzti*). Ср. случаи контаминации и аналогических преобразований в "слабых" гнездах под влиянием "сильных", вроде чеш. *provaz* при ст.-чеш. *povraz*, словац. *povraz* и т.д.

Таким образом, на протяжении истории праславянского языка и отдельных славянских языков группа гнезд глаголов с исходным значением 'вязать, плести' претерпевала различные перестановки и перемещения максимумов словообразовательной активности. Основными этапами истории группы гнезд являются: 1) вытеснение праслав. **pęti* в значении 'плести' кентумным ингредиентом **plesti* (ранняя праслав. стадия); 2) формирование на основе и.-е. **anĝh-* праслав. гнезда **vęz(a)ti*; 3) снижение активности и постепенное вытеснение образований гнезда **verzti* (в частности, за счет усиления **vęz(a)ti*; праслав. стадия и в истории отдельных слав. языков); 4) (в части праслав. диалектов и параллельно предыдущему) усиление **verzti* за счет **vęz(a)ti*; 5) ослабление словообразовательной активности и маргинализация гнезда **verti* (в истории отдельных слав. языков); 6) наличие двух "сильных" – **plesti* и **vęz(a)ti* – и двух "слабых" – **verti* и **verzti* (с иным распределением в болгарском) гнезд (хотя все гнезда должны считаться именно словообразовательно-этимологическими, только с разной весомостью каждого из двух компонентов, – современная стадия).

Следовательно, группа синонимичных гнезд сохраняет единство на протяжении длительного периода существования праславянского языка и отдельных славянских языков, но единство изменчивое, сопряженное с межгнездовыми взаимодействиями, из которых прежде всего следует отметить явления контаминации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Трубачев О.Н.* О семантической теории в этимологическом словаре. Проблема омонимов подлинных и ложных и семантическая типология // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985. 8.

[2] *Варбот Ж.Ж.* Связи значений и семантическая реконструкция в этимологии // Wiener slavistisches Jahrbuch. B. 38. Wien, 1992. 234.

[3] *Шальтяните А.П.* Семантика группы словообразовательно-этимологических гнезд в русском языке (на материале гнезд глаголов со значением 'драть, дергать'). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990; *Она же.* О семантической структуре словообразовательно-этимологических гнезд глаголов с этимологическим значением 'драть' в русском языке // Этимология. 1986–1987. М., 1989. 212–220.

[4] *Шальтяните А.П.* Семантика... 6–8.

[5] *Трубачев О.Н.* Указ. соч. 13.

[6] *Мартынов В.В.* Балто-славяно-италийские изоглоссы. Лексическая синонимия. Минск, 1978; *Он же.* Язык в пространстве и времени. М., 1983.

[7] *Трубачев О.Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966. 163.

[8] *Мартынов В.В.* Балто-славяно-италийские... 33–34.

[9] Специально об этом слове см.: *Варбот Ж.Ж.* Заметки по этимологии русской диалектной лексики (забайкальские говоры) // Этимологические исследования. Свердловск, 1984. 17–19.

[10] Об этом слове и ряде других форм этого ряда см.: *Варбот Ж.Ж.* Словообразовательно-этимологические комментарии к некоторым русским диалектизмам (на материале "Словаря русских донских говоров") // Современные русские говоры. М., 1991. 170–171.

[11] *Мартынов В.В.* Балто-славяно-италийские... 33.

[12] *Трубачев О.Н.* Ремесленная терминология... 163.

[13] См. об этом гнезде: *Меркулова В.А.* Русские этимологии. IV // Этимология. 1978. М., 1980. 102–106; *Куркина Л.В.* Словенско-восточнославянские лексические связи // Этимология. 1970. М., 1972. 100–102.

[14] *Hujer O.* Slov. *vęzati* // LF. Ročn. 42. 1915. 222–227.

[15] *Holub J., Lyer St.* Stručný etymologický slovník jazyka českého. Pr., 1967. 389.

[16] *Hujer O.* Op. cit. 226–227.

[17] *Баханькоў А.Я.* З рыбалоўнай лексікі Полаччыны // З народнага слоўніка, 219.

[18] С.-хорв. форма инфинитива обязана своим вокализмом форме наст. вр. (Skok III, 630).

[19] *Варбот Ж.Ж.* Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984. 45. Еще С.Б. Линде относил польск. *płat* к производным от *pleść* (Linde II, 735). Версия же о происхождении польск. *płótno* из *pleść* (так см.: *Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławiński, S. Urbańczyk.* Gramatyka historyczna języka polskiego. W-wa, 1955. 187) неприемлема по фонетическим соображениям.

[20] Список может быть продолжен за счет словен. *v óplat* ‘до дна; полностью’, при *v óplet* то же, оба к **plesti*, по объяснению Л.В. Куркиной, см.: *Куркина Л.В.* Южнославянские этимологии // Этимология. 1982. М., 1985. 19–20.

[21] См.: *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974. 170–171.

[22] *Варбот Ж.Ж.* Заметки... 18.

[23] *Куркина Л.В.* Южнославянские этимологии. 18–19.

[24] Об этимологии **jьverъ* см. ЭССЯ 8, 250–251, где, впрочем, с.-хорв. и словен. континуанты приводятся лишь в значении ‘щепка, обрезок’.

[25] Специально о праслав. **vьrati* и **varati* см.: *Варбот Ж.Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. IV // Этимология. 1974. М., 1976. 39–41.

[26] *Селищев А.М.* Старославянский язык. Ч. II. М., 1952. 74.

[27] *Русек Й.* Българското диалектно *вързобъл* // В памет на проф. д-р. Ст. Стойков. Езиковедски изследвания. С., 1974. 293–298.

[28] Специально о семантике этих терминов см.: *Куркина Л.В.* Лексические архаизмы родопского диалекта // Этимология. 1980. М., 1982. 20.

[29] *Климчук Ф.Д.* Специфическая лексика Дрогичинского Полесья // Лексика Полесья, 26.

[30] Там же.

Э.М. Мурзаев

ОТКУДА ПОШЁЛ *КРЫМ*?

Уникальность природы Крыма, омываемого теплыми водами Чёрного и Азовского морей, издавна привлекает туристов и отдыхающих со всех концов России, СНГ. В Крыму жили и творили писатели и художники И.К. Айвазовский, К.Ф. Богаевский, В.В. Вересаев, М.А. Волошин, А.С. Грин, С.Н. Сергеев-Ценский, К.А. Тренев, А.П. Чехов. Крыму посвятил вдохновенные произведения в стихах и прозе А.С. Пушкин, который не упоминает это название, а предпочитает античное Таврида. О героических днях Севастопольской обороны 1854–1855 гг. рассказал Л.Н. Толстой.

Каково же происхождение топонима Крым, какая информация скрывается в нем? Попытки ответить на этот вопрос многократно предпринимались в течение двух веков. Этимологические решения, предлагаемые разными авторами, оказывались спорными, малоубедительными. К ним относится указание на связь со словом *крома* 'окраина, граница' (ср. *кромка*), поскольку полуостров находится у самого моря. Представляется неубедительной и апелляция к нарицательному *кремень* и собственному *Киммерия*.

Географическое название *Крым* исторически молодое. В древности полуостров, на котором греки основали процветающие колонии, был известен как *Киммерия*. Этот топоним, восходящий к названию народа (*киммерийцы*), и ныне встречается в поэтических произведениях, особенно в стихах Максимилиана Волошина. Керченский пролив некогда именовался Боспором Киммерийским, в отличие от Боспора (ныне Босфора), соединяющего Чёрное и Мраморное моря.

На смену Киммерии пришли *Таврика, Таврида, Таврический полуостров* (по этнониму *тавры*, предшественники киммерийцев). И ныне нередко говорят *Таврида, Таврия, Таврические степи* (причерноморские). В Малой Азии сохранились имена гор *Тавр* и *Антитавр*. Греки называли Крым также *Херсонесом*, то есть просто полуостровом, так же как и город, развалины которого хорошо сохранились близ Севастополя.

Греческий географ Страбон и римский писатель Плиний Старший, жившие на рубеже нашей эры, знают Херсонес. Первый из них пишет о Калосе-Лимене, гавани херсонесцев (полуостровитян): "На том же берегу вдается в море по направлению к югу большой мыс, составляющий часть целого Херсонеса, на этом мысе расположен Гераклеотян, колония живущих в Понте, называется он также Херсонесом"[1]. У Плиния упоминаются имена Херсона в формах *Херронес, Гераклея, Мегарика*[2]. В средневековой Руси *Херсонес* (*Херронес*) передавался в искаженной форме *Корсунь*. В 1778 г. этот греческий топоним вспомнили, когда был основан город Херсон в устье Днепра.

Константин Багрянородный (X в.) в своем классическом труде "Об управлении империей" перечисляет населенные пункты на полуострове:

крепости Херсон (Херсонес), Боспор (Керчь), города Кафа (Феодосия), Символ (Балаклава) и Киверник, место которого локализуется где-то на востоке от Феодосии[3]. Автор нигде не упоминает слово *Крым*, но знает Хазарию (Газарию), куда входили и равнины Северного Крыма, Танаис (Дон).

Откуда же появилось название *Крым*? Где его истоки? Бесспорно одно – первоначально это название было узколокальным, сменившим имя города *Солхат*, ныне *Старый Крым*, у татар *Эски Крым*.

Одним из первых исследователей древностей полуострова был академик П.И. Кеппен. В его книге помещена хронологическая таблица истории города Солхат:

1284 – существует монета крымская,

1320 – здесь был францисканский монастырь,

1321 – Абульфеда говорит: Сулгант называют еще *Крымом*,

1340 – появляются армяне,

1436 – Барбаро подтверждает, что жители города называют его *Крымом*[4].

Эта таблица нуждается в комментариях:

1) У академика В.В. Бартольда читаем: "Татарские монеты чеканились в Крыме (как постоянно называется город на монетах) с 686/1287–88 гг. В арабских источниках монгольского периода это название всегда пишется *ал-Кирим*, а Ибн-Баттута дает огласовку *Кирам*. В рассказе о первом египетском посольстве ко двору Беркая Крым описывается как селение (*карuа*), населенное различными народами (кипчаками, русскими, аланами). Напротив, Ибн Баттута описывает его как большой и красивый город (...). При османском владычестве (с 880/1475 г.) название прежней столицы было распространено на весь полуостров"[5].

Поясню:

Беркай или Берке – хан Золотой Орды (XIII в.) внук Чингис-хана, принявший ислам.

Ибн-Баттута (1304–1377) средневековый географ, "арабский Марко Поло", во время большого путешествия, продолжавшегося более 25 лет, побывал во многих странах Африки, Европы, Азии, в том числе и в Крыму.

2) *Здесь был францисканский монастырь.* – Францисканцы, последователи Франциска Ассизского (1182–1226), объединенные в католическом монашеском ордене.

3) *Абульфеда говорит...* – Академики В.В. Бартольд и И.Ю. Крачковский транскрибируют *Абу-л-Фида* (1273–1331). Этот арабский географ, историк, экциклопедист, называл Солхат столицей Крыма.

4) *1340 – появляются армяне.* – Согласно современным данным, первые волны армянских колонистов датируются серединой XI–XIII в., когда они переселялись из Византии. В середине XV в. из 70 тыс. жителей Каффы (Феодосии) 45 тыс. были армяне[6].

5) *Барбаро подтверждает...* – Иосафат Барбаро в 1436–1452 гг. проживал в венецианской колонии Тана в устье Дона. Хорошо знал татарский язык. Написал книгу "Путешествие в Тану"[7].

Современный исследователь истории средневекового Крыма А.Л. Якобсон пишет, что уже в XIV в. город Солхат (Сурхат) был крупным торговым центром с большой армянской колонией и татарской властью. По всей вероятности армяне начали селиться здесь в XI в., первоначально осваивая восточную часть полуострова, в Солхате, Феодосии, Сугдее (Судаке), Карасубазаре. А.Л. Якобсон так же, как и В.А. Микаелян, топоним *Солхат* считает армянским и производит из *сурб хач* 'святой крест'. Близ Солхата был построен монастырь Сурб-Хач "очаг армянской культуры в Крыму"[8]. Главный храм датируется 1338 г.

В XIII в. началось вторжение золотоордынцев в Крым. Первый набег на Судак относится к 1223 г. Во второй половине XIII в. они обосновались в Солхате. Важно отметить, что до вторжения монголо-татар на полуостров название Крым неизвестно. Оно впервые зафиксировано несколько ранее 1287 г. на монетах, отчеканенных в Солхате. В Старом Крыму археологи обнаружили развалины монетного двора. Значительно позже слово *Крым* отмечается уже в русских источниках. Тверской купец Афанасий Никитин посетил Крым в ноябре 1472 г. и в своем "Хожении за три моря" приводит крымские названия *Кафа* (*Феодосия*), *Балыкая* (*Балаклава*), *Тъкъръзоф* (*Гурзуф*), но не упоминает *Крым*[9]. По свидетельству В.Д. Смирнова, Крым "в наших летописях становится обычным, заурядным лишь к концу XV в., да и то в каких-то смутных и неопределенных выражениях"[10]. Исследователь топонимии Крыма А.И. Маркевич указывает на более близкую к нам дату: "В деле о роде мурз Колечинских есть указание, что Крымский полуостров именовался *Оджаклар*. Тюркское *оджак* ‘очаг, горн, печь; род, династия, дом’ и суффикс множественного числа *-лар*. На Руси слово *Крым* как обозначение полуострова и ханства вошло в употребление очень поздно, не ранее конца XVI ст."[11]

В.Д. Смирнов в монографическом описании Крымского ханства дал критический обзор различных этимологических версий интересующего нас топонима: "По этому вопросу, неизвестному для всех занимающихся историей Крымского ханства, мы также не можем дать со своей стороны категорических разъяснений, ибо и в источниках мусульманских нет таких данных, которые слишком превосходили своей ясностью все другие сюда относящиеся памятники"[12]. В.Д. Смирнов – тюрколог. Он хорошо знает турецкие источники, где полуостров первоначально именуется ‘Кипчакская степь (равнина)’ – *Дешт-и-Кипчак*, но позже уже появляется топоним *Крым*, что видно из свидетельства некоего Мюнедджима-баши: "Дети же Мухамед-султана не титуловались царями Дэшта, они царями Крыма называются и по той причине, что Мухамед-султан вышеописанным образом избрал Крым столицей государства". У турецких писателей уже "первые чингисиды именуются не только татарскими ханами, но и ханами крымскими"[13].

В 1784 г. немеций профессор Й.Э. Тунманн из города Галле (Halle) опубликовал книгу "Крымское ханство". Автор отмечает, что в языке крымских татар много арабских и монгольских слов. По его мнению, город Солхат греки знали уже в VI столетии. "Этот полуостров, называемый жителями как *Крымом* или *Кырымом*, так и *Кырым-Адасы* (‘остров Крым’) или просто *Ада* (‘остров’) (...). Название *Крым* (крепость), которое сделалось названием и всего полуострова, получил он при татарском владычестве"[14]. Тунманн как бы мельком заметил "Название *Крым* (крепость)..." Более подробно, но тоже очень скупо эту мысль повторил П.И. Кеппен: "у монголов китайская стена называется *Саган Керм* (Белая Стена)"[15].

Крымский грек Ф. Хартахай, знающий этнографию и язык татар, слышал он местного населения форму *Кырым*[16] и предложил две версии (или, как признается, "догадки") ее происхождения: 1) из арабского ‘бла-

годать', что, конечно, вызвало отрицательную реакцию у последующих авторов и 2) сопоставил топоним *Крым* с монгольским названием Великой Китайской стены *Саган-Керем*. Ф. Хартахай считал, что Яйла, протянувшаяся вдоль Южного берега, оказалась стеной, отделяющей монголо-татар от побережья, куда они хотели, но не могли проникнуть, поэтому-то стали называть древний город Солхат *Крымом*, сделали его своей столицей, а непонятное имя *Солхат* заменили на знакомое, поскольку они у себя на родине в Центральной Азии Великую Китайскую стену величали *Саган-Керем*, то есть белой стеной (монг. *саган/цаган* 'белый')[17].

Где же первоисточник этимологии *кырым* (*крым*) – 'крепость'? П.И. Кеппен ссылается на Форстера, а Ф. Хартахай, как и А. Гаркави[18], пишут о путешественнике Форстере. Во всех ссылках инициалы и название публикации отсутствуют. Между тем было два немецких путешественника – отец и сын Йоганн и Георг Форстеры. Наиболее известен из них Георг, годы жизни которого (1754–1794) совпадают со временем выхода книги Тунманна[19].

Мысль о сближении топонима *Крым* с Великой Китайской стеной, на первый взгляд, кажется очень далекой от действительности и поэтому искусственной; тем не менее, она представляется очень плодотворной, хотя в таком сопоставлении как будто бы нет логики. Отрицая объяснения Ф. Хартахая, В.Д. Смирнов писал, что перенесение названия китайской стены в Тавриду заставляет предполагать твердые географические познания и свежесть воспоминания о местности, которую когда-то давно знали предки татар, населяющих области и страны, сопредельные с собственно Китаем.

Большой знаток истории, этнографии и географии Крыма В.Х. Кондараки перечисляет три возможных варианта объяснения загадочного топонима: 1) от татарского слова *хырым* 'поражение', 2) чжагатайского (тюркского) *крым* 'подарок', 3) от тюркского же *хырымлар* 'возвышенные места'[20]. В.Д. Смирнов отрицает все эти этимологии как сомнительные и замечает, что нет существительного *крым* (*хырым*) со значением 'возвышенное место', почему же изолированно существует множественная форма *хырымлар*?[21] В чжагатайском языке *кырым* значит не 'подарок', а 'ров, яма, окоп». Еще П. Кеппен писал, что первоначально в древнем Солхате на холме действительно был ров: "Остается сказать, что с северной стороны города, на возвышенности, называемой ныне *Ногайлы Оглу Оба*, заметны следы укрепления, за коим пролегает древний ров, который, как видно, очень глубок, и продолжался до города"[22]. Номинация возвышенности *Ногайлы Оглу Оба* легко объясняется из татарского: *оба* 'юрта, кочевье, хижина, курган, холм', *оглу* 'сын', *Ногай* – в данном тексте собственное имя.

Происхождение интересующего нас топонима от *кырым* 'яма, ров, окоп' отстаивал и А.Я. Гаркави. Он согласен, что первоначально *Крым* заменил имя города *Солкат* (*Солхат*), где были и ров, и крепость. *Солкат* же – тюркский топоним и отвечает понятию 'левая сторона',

кроме того, есть арабское слово *хат* 'черта, линия'[23]. Такое объяснение названия *Солкат/Солхат* кажется мало убедительным. Тот же В.Д. Смирнов отметил, что в таком случае нужно где-то искать *Онгхат* 'правую сторону', а такого имени в Крыму нет. Да и *Солхат*, конечно, дотюркское, дотатарское. Уже было сказано об армянской этимологии А.Л. Якобсона и В.А. Микаеляна. В наше время попытку объяснить значение имени *Солхат* из древнеиндийского предпринял О.Н. Трубачев: *sal gat*, где *sala* 'сток, склон' и *gat* 'дорога'. В этой статье высказано осторожное предположение об этнонимическом происхождении топонима *Крым* от этнонима *киммерийцы*[24]. Но можно исходить еще из древнего термина *хат/кат*, который на многих языках Евразии означал 'жилище, дом, поселок, город, крепость'. След его сохранился в украинской лексеме *хата*. Топонимический ареал, образованный этим существительным, охватывает колоссальную территорию Старого Света. А. Гаркави отрицает этимологическую связь между *Крымом* (*Кырымом*) и довольно частым в топонимии полуострова термином *кермен* 'крепость, укрепление'. Он недоумевает, почему татары хорошо знакомое им слово *кермен* должны были превратить в *Кырым* только в названии их столицы Солхат. По убеждению этого автора, топоним *Крым* отражает тюркское слово *кирым/кырым* 'ров, окоп'. Эта версия была принята многими историками Тавриды и получила отражение в научной и популярной литературе.

Казалось, вопрос о происхождении имени полуострова уже был окончательно решен, когда спустя 53 года он вновь появился на страницах печати. "Объяснено ли название *Крым*?" – так называется небольшая заметка академика А.Н. Самойловича, в которой автор указывает, что в полном Словаре тюркских наречий В.В. Радлова нет нарицательного *кырым* 'ров, канава', а есть *карым*. "Слова *кырым* в значении 'ров' не существовало, и поэтому казавшееся Гаркави и Смирнову наиболее вероятным объяснение названия *Крым* через это слово отпадает"[25]. Действительно В.В. Радлов приводит *карым* 'канава для стока воды около дома; ров вокруг города', но лишь в телеутском языке (Алтай) (Радлов II, 183). Даны слово *Кырым* как собственное название Таврического полуострова без ссылки на этимологию и нарицательное *кырым* 'ломание, избиение, резня' (Там же, 746).

У В.В. Бартольда есть указание, что название *Крым* (неизвестного происхождения)" получил сначала в XIII в. город Солхат, ныне Старый Крым, тогда резиденция монгольского наместника"[26]. Последнее замечание очень важно для последующего изложения.

В январе 1223 г. татары-монголы заняли Судак, в 1236 г. был предпринят новый поход в Крым, который стал улусом Золотой Орды. В 1249 г. монголы ушли из Крыма, но его население платило дань метрополии[27].

В.Г. Тизенгаузен находит у персидских авторов о городе Крыме: В 1299–1300 гг. войска хана Ногая "опустошили город Крым и забрали множество пленных". В другом месте сказано: "Бату, сын Джучи, кото-

рого Угедай каан (...) с большим войском отправил в область, находившуюся под властью его отца. Всей этой областью они до (земли) асов, русских, черкесов, до Крыма, Азака и Булгара овладели через некоторое время, после многих битв"[28]. Из этой цитаты можно понять, что Крым либо город, либо область, и перечисление в одном ряду названий *Крым, Азак* и *Булгар* не помогает ответить на такой вопрос. Но указание на земли асов, русских, черкесов как будто позволяет осмыслить, что *Крым, Азак* и *Булгар* – населенные места, города.

Из сказанного следует: 1) этимология географического названия *Крым* осталась загадкой, 2) название *Крым* появилось сравнительно поздно, во всяком случае не ранее XIII в., а в русских источниках упоминается только в XV в.; 3) название *Крым* употреблялось первоначально как имя города Солхат (ныне Старый Крым), бывшего первой столицей крымского ханства; 4) название столицы затем было перенесено на имя всего Крымского государства и полуострова, заменившего древнее *Таврида*. Известно, что государства часто именуются по стольному городу. Примеры тому – Рим, Карфаген, Венеция, Бухара и современные Марокко, Алжир, Люксембург.

Попытки объяснить происхождение топонима *Крым* оказались малоубедительными потому, что большинство авторов, кроме хронологически первых, писавших о нем, ограничивались в основном тюркской лексикой, и только тюркские слова привлекались ими для доказательства. Между тем материал из языков тех народов, которые оказали большое влияние на ход исторических событий Таврического полуострова и Руси в период появления названия *Крым*, поможет разобраться в его генезисе. Несомненно, таким народом являлись монголы. В монгольском языке существуют и живут в настоящее время термины, соответствующие слову *Крым* как в фонетическом, так и в семантическом отношении. Ф. Хартахай в своем объяснении был близок к истине; однако он не смог показать причины близости названий Китайской стены и Крымского полуострова. Монгольский нарицательный термин *керем, хэрэм, кырым* – широко распространен в топонимии Центральной Азии.

В Восточной Монголии есть урочище Кырым. Длинный вал в северо-восточной части этой республики, уходящий из Халхи в Баргу, монголы называют Хэрым-Дзам (*дзам* 'дорога, путь'). Обращаясь к словарям современного монгольского языка, находим: 'стена' – *хана, турга*; 'высокая толстая стена' – *хэрэм*; русское *кремль* переводится так же – *хэрэм*. Старописьменный монгольский аналог, из которого и нужно исходить в данном случае, – *керем* 'стена, ограда, вал, город, кремль', *xota keremyd* 'города'. Монгольское слово заимствовано в тунгусо-маньчжурской лексике – *хэрэм* 'городская стена, ограда, забор, вал, крепостная стена, сарай'. Древнетюркское *керем* 'землянка' сравнивают со старописьменным монгольским *керем*.

Крайне любопытны показания сибирского казака Ивана Петлина, первого русского путешественника, попавшего в Монголию и Китай в 1618 г. Приведу краткую выдержку из его описания: "И шли оне широмугалскою

землей 4 дни и пришли оне в Китайское государство, словет Крым, зделана стена каменная, в вышину сажен с 15"[29]. Укажу также, что Н.М. Пржевальский во время своих центрально-азиатских экспедиций упоминает "хырму" – постоянное жилище оседлых цайдамских монголов[30]. Такие небольшие населенные места состояли из домов с плоскими крышами и не имели юрт.

Монголы, появившиеся в Средней Азии, Казахстане, Поволжье, Украине, принесли из Центральной Азии свои географические названия, сохранившиеся как памятники исторического прошлого. Их немало, и *Крым* не одинок. На Тянь-Шане текут реки *Кекёмерен* и *Джумгал*. Это монгольские гидронимы – 'синяя полноводная река' и 'восточная (левая) река'. Односложные топонимы *Эмель, Дабан, Дёрбёлджин* легко объясняются как 'седло (перевал), гора (перевал через горы), квадрат или четырехугольник'. В Казахстане заметны горы *Тарбагатай* 'сурковые, изобилующие тарбаганами', поселок *Баян-Аул* из *баян* 'богатый' и *уул* 'гора', большое озеро *Зайсан* 'благородное, княжеское'. В Узбекистане кишлак *Сайкан* 'красивый', *Хайра-Кудук* 'мелкий колодец', хребет *Моголтау*. Калмыки, появившиеся в Нижнем Поволжье в первой половине XVII в., назвали горы, выделяющиеся на плоской равнине: *Большой* и *Малый Богдо* от *богдо* 'святой, священный' (сравним титул владыки дореволюционной Монголии – *Богдо-Гэгэн*), гору *Улаган* (*улаан*) 'красная', озеро *Индер* 'высокое'; калмыцкий термин *эрг*(*е*) 'обрыв, яр' присутствует в топониме *Ергени*, получившем в русском употреблении форму множественного числа. Ергени – приволжская возвышенность, круто падающая к Прикаспийской низменности. В Дон впадает река Сал, почему равнина по левобережью нижнего течения именуется Сальской степью. *Сал* – калмыцкое слово 'приток, ветвь'.

Как бы в противоречии с В.Д. Смирновым, который сомневался в сохранении монголами родных географических названий и перенесенных из Центральной Азии в другие страны, известный ориенталист профессор В. Минорский писал в статье о топонимии Мукри-Курдистана: "Иллюстрации всех исторических событий от ассирийцев до наших дней можно увидеть в местных названиях. Из всех следов, оставленных в этой области разными народами, я выбрал для изучения забытые и еще не обсуждавшиеся монгольские элементы. Они поражают воображение, когда представишь себе, что родина монголов находится за 3 тысячи миль к востоку от озера Урмия и их не очень долгое господство в этом краю окончилось 600 лет назад"[31]. Они появились здесь в XIII в. и уже застали хорошо разработанную топонимию, своими корнями уходящую в античное время. Однако монгольские топонимы, в ряде случаев заменив старые, сохранились по сей день.

И в наши годы происхождение названия *Крым* продолжает привлекать внимание ученых. А.В. Суперанская указывает, что в Европе формы *Crimee, Crimea, Крименда, Крумента* были известны в течение 2500 лет. Автор статьи пишет: "Не исключено, однако, что топоморфема *Крым, Крум, Кырым, Хырым, Кымр* была присуща и ряду кельтских и монгольских языков и что в некоторых случаях наблюдается сопри-

косновение в обоих языках и их взаимное сообразование. Сравним английское *crymel* 'небольшая делянка земли или воды', валлийское *crum* 'выгнутый, сгиб' и английские топонимы типа *Crimsworth, Crumbles, Crumsford* и другие"[32].

В этом случае надо предполагать, что древнее население, обитавшее в Крыму в первом тысячелетии до нашей эры, когда история еще не знала монголов, было близко к кельтам. Но повторю, что до XIII в. топонима *Крым* не существовало. Если в Европе он был известен в течение 25 веков, то нужно объяснить, почему в последующем это имя (города, полуострова) было начисто забыто и вдруг его вспомнили только в XIII–XV столетиях? Почему греки, имевшие свои колонии в Крыму, начиная с VI в. до нашей эры, не восприняли топоним в европейском обличии, так же как и сменившие их римляне, византийцы, венецианцы и генуэзцы? Как ответить на такой вопрос? Привлечение географических названий некоторых стран Европы, как будто родственных топониму *Крым*, не имеет основания. Топоним *Крым* сохранился как свидетель важного исторического события – монгольского господства в качестве "визитной карточки" (образное выражение В. Минорского).

Дискуссия о происхождении имени *Крым* продолжается. В поисках новых объяснений В.А. Бушаков предложил новую этимологическую версию, согласно которой *Солхат* – наследие генуэзцев, ссылаясь при этом на форму *солкати*, записанную Н.Н. Мурзакевичем[33], которая совпадает с итальянским *solcata* 'борозда' (множественное число *solcate*). По мнению В.А. Бушакова, город был построен генуэзцами, которые по традиции при его закладке копали ров. Татары же просто скалькировали итальянское наименование. Так возник *Крым* 'борозда' (тот же 'ров'). Автор осторожен: "Не стану утверждать, что предложенная в статье генуэзская этимология ойконима *Солкат* и тюркская этимология ойконима и хоронима *Крым* являются окончательными, но они, по меньшей мере, являются выходом из некоего замкнутого круга, в котором оказывались все, кто прежде пытался разгадать тайну их происхождения"[34]. Является ли это выходом из некоего замкнутого круга?

Естественно возникают вопросы: 1) почему в списках генуэзских колоний в Крыму нигде не упоминается Солхат? Тот же Н.Н. Мурзакевич, написавший книгу об их истории, приводит характеристики по значимости: Феодосия (Каффу), Судак (Сугдей), Керчь (Черкио, Пантикапея)[35]. О Солхате сведений нет.

Один из первых исследователей топонимии Крыма А.Л. Бертье-Делагард указывает на генуэзские колонии в Крыму, однако среди них нет Солхата. Но у него есть примечательное заключение: "Искажая имена поселений в Крыму, часто почти до неузнаваемости, генуэзцы при этом всегда брали в основу греческие названия, или вообще древние, никогда не переводя их значение на свой язык (...). Татарские названия они заимствовали только в случае неимения более старого. Монголы-татары поступали иначе, давая всем городским поселениям (кроме Кафы) свои осмысленные названия. Такое отношение тюркских племен вообще к географической номенклатуре указано для всей Азии. Это замечание

может служить некоторым указанием времени основания городов – до татарского завоевания или после него"[36].

Последователь А.Л. Бертье-Делагарда – А.Н. Маркевич (1928) составил списки топонимов средневекового Крыма: догреческих, греческих, итальянских, татарских и "темных" (*Гурзуф, Шума, Кореиз* и др.)[37]. В них нет *Солхата* (*Солката*).

Историки генуэзских колоний И.А. Гольдшмидт и С. Секиринский, детально рассказавшие о Кафе (Каффе, Феодосии) и Суроже (Судаке) при генуэзцах, вовсе не говорят о Солхате[38]. Этому городу посвятили книгу исследователи древностей Крыма О. Домбровский и В. Сидоренко. В ней находим указание, что Солкат был административным центром одного из улусов Золотой Орды. В середине XIII в. в арабских и персидских источниках появляется упоминание о Крыме, как о местности, которую нужно завоевать великому хану Джучи – сыну Чингис-хана. Между тем у арабского ученого XIV в. Абу-л-Фида есть ясное указание: Солгат называется также Крымом; под словом *Крым* вообще подразумевают не столько землю, как сам город. "Для авторов задача этимологии *Крым* и *Солхат* непосильна"[39]. И все же они предполагают возможность связи названия *Крым* как области с именем Перекопского рва на перешейке, соединяющим полуостров с материком. Рус. *Перекопский перешеек* – калька татарского *карам, къарам* 'ров'. Но и в этом монографическом описании нет ни слова о генуэзской колонии Солкати, хотя авторы пишут о том, что в нем жили генуэзцы, армяне, греки и другие, что отразилось в итальянских документах. 2) По свидетельству историков, генуэзцы свои фактории окружали двумя кольцами стен, внутри располагались цитадель консула и администрация. В 1253 г. по приказу Батыя в Солхате был построен дворец, но "Крымский Юрт, отделившийся вскоре от Золотой Орды, долго сохранял в себе черты монгольского государства"[40]. В источниках не находим свидетельства о двух кольцах стен. 3) Все генуэзские колонии в Крыму были приурочены к побережью Черного моря. Почему же для Солхата было сделано исключение? 4) Вспомним указание А.Л. Бертье-Делагарда о том, что генуэзцы "всегда брали в основу греческие названия или вообще древние, никогда не переводя их". Между тем у этого же автора есть свидетельство о древнем топониме *Тафр* (из греч. τάφρος 'ров') который был заменен на *Солхат*. 5) Почему генуэзцы назвали город *Солхати*, т.е. 'борозда', а не 'ров'? Это все же не одно и то же. Ведь в итальянском языке существуют слова *fosso* 'ров' и *fossato* 'военный ров', использование которых было бы более логично.

И наконец шестой вопрос: почему утверждение Й. Тунманна о том, что еще греки знали Солхат уже в VI в., осталось незамеченным?

Из всего сказанного можно сделать следующие заключения: 1) монгольский термин *керем, хэрэм* издавна существует в монгольском языке и широко представлен в монгольской географической номенклатуре; 2) он обозначает большую, толстую, высокую стену. Такие стены в Центральной Азии, как в стране с преобладанием кочевого скотоводческого хозяйства, воздвигались для обороны, т.е. представляли крепостные сте-

ны, крепость, а в связи с этим – городскую стену; вот почему Иван Петлин говорит о Великой Китайской стене – *Крым*, и этот термин не следует понимать, как это делал Ф. Хартахай, только как собственное географическое название.

Монголы, появившиеся в Тавриде в XIII в. и обосновавшиеся в Солхате, нарекли его своим словом *Керем* потому, что они нашли здесь древнюю крепость или остатки ее в виде крепостной стены. С течением времени нарицательное слово приобретает значение собственного географического названия, часто теряя первоначальный смысл. Вспомним свидетельство академика В.В. Бартольда о городе Солхат, как о резиденции монгольского наместника. Были правы первые ученые, которые писали об этимологии топонима *Крым*: Форстер, Тунманн, Кеппен. Известно: новое – это хорошо забытое старое.

Таково происхождение географического названия *Крым*, отнюдь не одинокого в топонимике Евразии, и имеющего аналогии в Центральной Азии, откуда оно и было принесено в Европу. Позже этот нарицательный термин приобретает значение собственного географического названия сначала для столицы Крымского ханства, а затем и для всего полуострова.

Переносу монгольского *керем, хэрэм* 'крепость, крепостная стена' на весь полуостров могла содействовать еще и вторая побочная причина: Таврический полуостров, как известно, со всех сторон окружен водой, только узкий Перекопский перешеек соединяет его с материком; такое положение полуострова и могло содействовать тому, что название *Крым*, как образное, закрепилось у монголов, выходцев из континентальной Центральной Азии, не знавших моря, за этой частью суши среди морских вод, окружающих ее.

Остается ответить еще на один вопрос. Почему Солкат/Солхат (Крым) позже получил название *Эски-Кырым*, другими словами – *Старый Крым*? В 1425 г. крымский хан Хаджи Гирей перенес столицу своего государства из Солхата (Крыма) в Кыркер (Чуфуткале) и Бахчисарай. Казалось бы, существование *Эски-Кырыма* должно предполагать наличие *Ени-Кырыма–Нового Крыма*. Но такого нет. Переход названия города *Кырым* в *Эски-Кырым* обусловлен падением значения города в истории ханства и полной заброшенностью после возникновения новой столицы, а также противопоставлением названию *Крым*, в новом качестве обозначающему уже Крымское ханство.

В настоящее время Старый Крым – небольшой город районного подчинения в Крымской республике, привлекающий курортников и туристов, поклонников поэтического творчества Александра Грина (Гриневского), который жил здесь и похоронен в 1932 г. на местном кладбище. Посетителей города больше интересует дом-музей писателя, чем историческое прошлое столицы ханства – следы крепостных стен, монетного двора, армянского монастыря, караван-сарая.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] География Страбона в семнадцати книгах. М., 1879. 310.

[2] *Скржинская М.В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.

[3] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1986.

[4] *Кеппен П.И.* Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837.

[5] *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 3. М., 1965. 467–468.

[6] *Микаелян В.А.* На Крымской земле. Ереван, 1974.

[7] *Барбаро Иосафат.* Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971.

[8] *Якобсон А.Л.* Крым и средние века. М., 1973. 109.

[9] Хожение Афанасия Никитина за три моря. 1466–1472. М.; Л., 1948.

[10] *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в., т. 1. СПб., 1887. 70.

[11] *Маркевич А.Н.* Географическая номенклатура Крыма как исторический материал. Топонимические данные крымских архивов (Памяти А.Л. Бертье-Делагарда) // Изв. Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. 2 (59). Симферополь, 1928. 27.

[12] *Смирнов В.Д.* Указ. соч. 49.

[13] *Он же.* 59, 53.

[14] *Тунманн Й.Э.* Крымское ханство. Симферополь, 1936. 18, 37.

[15] *Кеппен П.И.* Указ. соч. 207.

[16] *Хартахай Ф.* Исторические судьбы татар // Вестник Европы, первый год, т. 2. СПб., 1866, 182–236 (Именно эта форма (*Кырым*) приводится в известном Словаре тюркских наречий В.В. Радлова).

[17] Там же.

[18] *Гаркави А.* О происхождении некоторых географических названий местностей на Таврическом полуострове // Изв. Рус. Геогр. О-ва, т. 12, 1876, № 1, 51–58.

[19] *Бушаков В.А.* Солхат, Таврика, или Крым // Русская речь, 1992. № 5. 92–97 (Бушаков пишет об отце Йоганне Рейнольде Форстере).

[20] *Кондараки В.Х.* Универсальное описание Крыма. Т. 1. Ч. 1–2. СПб., 1875. 101.

[21] В тюркских языках есть слово *кыр* (*хыр*) 'плато, увал, возвышенность, гора, берег, поле, степь'. Др.-тюрк. *кыр* 'плоскогорье', *кыра* 'пашня'.

[22] *Кеппен П.И.* Указ. соч. 306.

[23] *Гаркави А.Я.* Указ. соч.

[24] *Трубачев О.Н.* Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // ВЯ. 1977. № 6. 13–29.

[25] *Самойлович А.Н.* Объяснено ли название Крым? // Изв. Таврического о-ва ист., арх. и этнографии. Т. 3 (60). Симферополь, 1929, 61–62.

[26] *Бартольд В.В.* Указ. соч. 467.

[27] *Секиринский С.* Очерки по истории Сурожа IX–XV веков. Симферополь, 1955.

[28] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских источников. М., Л., 1941, 71, 145.

[29] *Покровский Ф.И.* Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. // ИОРЯС. Т. 18. Кн. 4. 1913. 286.

[30] *Пржевальский Н.М.* От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. М., 1948.

[31] *Minorsky V.* Mongol place-names in Mukri Kurdistan (Mongolica 4) // BSOAS. V. 19. 1957, № 1. 65.

[32] *Суперанська О.В.* Імовірнісна ономастика // Мовознавство. 1971. № 4. 36.

[33] *Мурзакевич Н.Н.* История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837.

[34] *Бушаков В.А.* Указ. соч. 97.

[35] *Мурзакевич Н.Н.* Указ. соч.

[36] *Бертье-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Зап. импер. Одесского о-ва истории и древностей, 1915. Т. 3. 229–256.

[37] *Маркевич А.Н.* Указ. соч.
[38] *Гольдшмидт И.А.* Каффа – генуэзская колония в Крыму в конце XIII – первой половине XV в. Автореф. канд. дис. МГУ, 1952; *Секиринский С.* Указ. соч.
[39] *Домбровский О., Сидоренко В.* Солхат и Сурб-Хач. Симферополь, 1978. 17.
[40] Дорогой тысячелетий. Экскурсии по средневековому Крыму. Симферополь, 1966. 181.

А.Е. Аникин

К ЭТИМОЛОГИИ РУС. *МЕТЬ, ИМТА́ТЬ*

Др.-рус. *меть* 'связка копченой рыбы' (ж.р.), ранее, как будто, не этимологизировавшееся, встречается в памятниках деловой письменности XVI в. в формах *метей* род. мн., *мети* род. ед. (1587 г., псков), *мтей* род. мн. (1594 г., моск., см. СлРЯ XI–XVII вв. 9, 129). От *меть* образовано прилагательное *мтевый* 'хранящийся в связках (о копченой рыбе)' (1699 г., там же, 292–293), ср. также рус. диал. (волж.) *мти́на* 'связка рыбы, состоящая из двенадцати судаков' (Филин 18, 328). Данные в пользу исходного *мьть* с редуцированным переднего ряда в корне заставляют отклонить возможность генетической связи этих фактов с семантически очень близкими укр. *ме́тка* 'нанизанный ряд рыбы и др.' (Гринченко II, 420), блр. диал. *ме́тка* 'прут, нитка для нанизывания рыбы' (Жывое слова 124). Последние восходят к праслав. **metъka*, деривату с суф. *-ъka* от **metati* 'метать, бросать'. Нельзя, разумеется, исключить вторичного притяжения к рефлексам **met-*, что могло иметь место также в случае с волж. *меть* 'дюжина копченых рыб', *метёвая рыба* (Даль[3] II, 841), для которых данные о "беглом" *е* в корне отсутствуют, хотя и здесь наиболее вероятно исходное *мьть*.

Редуцированный в корне, несомненно, существовал и в рус. диал. (псков.) *имта́ло* 'приспособление, которым загоняют рыбу в рыболовные сети, – палка с расширением или раструбом на конце', *мта́ло* 'длинный шест с полым металлическим наконечником на конце, ударами которого по воде рыбак загоняет в сеть рыбу', *имта́ть* 'загонять рыбу имталом в расставленные сети' (Филин 12, 194; 18, 328). Появление начального *и-* целесообразно отнести на счет выпадения этого редуцированного. Форма (*и*)*мта́ло* производна от *имта́ть*, которое восходит к **мьтати* или **мътати*. Материальное сходство *меть* и *имта́ть* может объясняться их родством, которое едва ли целесообразно толковать в том смысле, что имя производно от глагола. Такая деривация затруднительна семантически (*меть* = 'связка "наимтанной рыбы"'?), а также формально, поскольку глагол *имта́ть* имеет вид деноминатива (см. ниже). Рус. *меть* лучше объяснять сепаратно, имея в виду его потенциальное родство с *имта́ть*.

Несмотря на отсутствие у рус. *меть* соответствий в других славянских языках, допустимо предположить праслав. диал. (вост.-слав.) **mьtь* 'связ-

ка (рыбы)’, существительное ж.р. с основой на *-i*. Не исключена также реконструкция производных **mьtevъ(jь)*, **mьtina*. Упомянутое блр. диал. *метка* подсказывает, что значение ‘связка (рыбы)’ могло развиться из ‘приспособление для нанизывания, связывания рыбы – нитка, прут’. Этот факт следует учитывать, предлагая сближение **mьtь* с индоевропейским материалом, – в первую очередь, с лит. *mità* ‘деревянный поплавок, привязываемый к сети’, ‘деревянная спица для вязания сетей’, диминутив *mìtukas* ‘коврик под седло, одеяло; коврик, попона’ (LKŽ VIII,294–299). Различаясь по типу основ, слав. **mьtь* и лит. *mità* исторически тождественны в корневой части. Семантически предложенное сближение можно мотивировать, как представляется, двумя способами.

Синонимичность *mità* в значении ‘спица для вязания сетей’ и *m̃agztas* то же, ‘дощечка для вязания сетей’, *mègzti* ‘вязать с помощью особой спицы сеть, невод’ послужило Э. Френкелю стимулом для сопоставления лит. *mità* с греч. μίτος ‘нить (основы)’ (Fraenkel 461), которое может быть сопоставлено и с праслав. **mьtь*. Правда, надежность привлечения греческого слова ослабляется некоторой неясностью его значения, но имеющихся данных об этом слове и его производных (μιτόομαι ‘тянуть нить’ и др.) достаточно, чтобы признать сравнение Э. Френкеля оптимальным из числа имеющихся для μίτος (ср. Frisk II, 461).

Генетическое отождествление слав. **mьtь*, лит. *mità*, греч. μίτος и реконструкция и.-е. **mi-t-* (**mi-tŏ-*, **mi-tā*, **mi-tı-*)‘ то, что связано, привязано; связка, нить’ является, на наш взгляд, правдоподобным объяснением каждого из трех сближаемых слов. Слабая сторона этого объяснения заключается в том, что и.-е. **mei̯-* ‘связывать’, к которому следовало бы отнести, вслед за Э. Френкелем, указанное и.-е. **mi-t-*, представлено небольшим числом недостаточно надежных примеров (Pokorny I, 709; ср. Mayrhofer 16, 233–236).

Целесообразно поэтому иметь в виду другую, кстати, более известную этимологию лит. *mità*[1] – отнесение к и.-е. **mei̯-* ‘укреплять’, именные продолжения которого имеют значения ‘свая, столб, кол и др.’ (Pokorny I, 709). К этому ряду легко присоединяются ‘деревянная спица’ (ср. ‘палочка’), ‘деревянный поплавок’. И.-е. **mei̯-* ‘укреплять’ иногда сопоставляют с **mei̯-* ‘связывать’, но по семантическим соображениям их осторожнее отличать друг от друга. При отнесении к **mei̯-* ‘укреплять’ лит. *mità* оказывается в одном ряду с лит. *miẽtas* ‘кол, тычина частокола’, лтш. *mìets* то же и др. < и.-е. **mei̯-to-*, ср. лтш. *mìet*, *meju* или *mìenu* ‘вбивать кол, обсаживать кольями’ < и.-е. **mei̯-* (Mühlenbachs-Endzelīns 19, 655–656; Fraenkel 451; Pokorny I, 709)[2]. Сходное решение возможно и для **mьtь*, если исходить из того, что эта лексема первоначально обозначала прут для нанизывания рыбы. К связи значений ‘прут’ и ‘палка, кол’ ср. хотя бы рефлексы слав *xlǫdъ*, ** xlǫdina* (ЭССЯ 8, 37–38). Сравнение же μίτος с и.-е. **mei̯-* ‘укреплять’ так же затруднительно, как сравнение этого корня с и.-е. **mei̯-* ‘связывать’.

Если глагол *имтáть* восходит к **мьтати* < **mьtati*, то огласовку

корневой гласной проще всего объяснять деривацией от имени со ступенью редукции в корне. Такое имя – нигде не засвидетельствованное – имело бы вид **мьта* < **mьta*. Его значение было бы 'палка' или 'шест', что хорошо согласуется с лит. *miẽtas* и другими рефлексами и.-е. **mei̯-* 'укреплять', ср. лит. *mità*, а также производное от него *mìtoti* 'удерживать на воде сеть поплавками' (LKŽ VIII, 298). Это решение в известной мере поддерживается одним из синонимов рус. *имтáло* – рус. *хлуд*[3], из *xlǫdъ*. Глагол *имтáть* тогда сопоставим в словообразовательном и семантическом отношениях с таким рефлексом деноминативного *xlǫditi*, как словен. *hlóditi* 'колотить палкой' (ЭССЯ 8, 37).

Рефлекс и.-е. **mei̯-* 'укреплять' можно усмотреть, кстати, еще в одном слове – с.-хорв. диал. *mȉt* 'место на лодке, где укрепляется третье (рулевое) весло'[4], которое может быть формально тождественным лит. *miẽtas*, лтш. *mìets* 'кол'. Если сближение с **mei̯-* 'укреплять' верно, для *mȉt* допустимо предполагать праслав. диал. **mitъ* < **mei̯-tŏ-* со значением, соотносившимся с идеей крепи, крепления.

Рус. *имтáть*, *(и)мтáло*, как уже сказано, могут содержать в корне редуцированный заднего ряда, но эта возможность не подтверждается сколько-нибудь правдоподобной этимологической версией.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Lidén E.* Wortdeutungen // AfslPh. 28. 1906. 38–39.
2 *Būga K.* Rinktiniai raštai. T. I. Vilnius, 1957, 370; T. II. Vilnius, 1959. 256.
3 *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. 106.
4 *Mihajlović V., Vuković G.* Srpskohrvatska leksika ribarstva. Novi Sad, 1977. 219.

Е.С. Павлова

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСОМ *-ol-* В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Помещаемая ниже статья является частью исследования, посвященного историческому развитию именных словообразовательных моделей с *-l-* суффиксальным в русском языке. Описание моделей дается на фоне праславянского наследия, основу которого составили реконструкции, помещаемые в выходящих параллельно изданиях: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд (под ред. О.Н. Трубачева) и Słownik prasłowiański (под ред. Ф. Славского), а также в этимологической литературе. Словообразовательные модели с опорным консонантным элементом *-l-* в славянских языках представляют собой достаточно древний пласт производных. Диахроническое описание любой из этих моделей требует принятия условных временны́х границ, в пределах которых будет вестись исследование. Если верхний временнóй

предел естественным образом ограничен описанием современного состояния модели, то в качестве исходного логично остановиться на праязыковом состоянии, т.е. для русского языка – на праславянском.

Имена с гласным *-o-*, предшествующим *-l-* в составе суффикса, менее частотны в славянских языках, нежели другие производные с *-l-* суффиксальным.

Редким для праславянского языка называет этот формант В.А. Меркулова (ЭССЯ 14, 243 – ст. **lěsola*). Исключительным появление имен на *-ol-* в славянском словарном составе считает Ф. Славский[1]. Отдельные примеры с суф. *-olъ*, *-ola-* из славянских языков – впрочем, без отнесения их к праславянской древности – приводит А. Вайан (Gramm. comparée 564). Отсутствуют модели с этим суффиксом в очерках по историческому словообразованию русского языка Ж.Ж. Варбот, А.А. Зализняка, В. Кипарского[2].

Польский исследователь Ст. Вархол посвятил отдельную статью именам собственным и апеллятивам с формантом *-ol'a* в славянских языках[3]. В статье, вслед за Ф. Славским и со ссылкой на него, отмечается точное соответствие славянского *-olъ* литовскому суффиксу м.р. *-alas*: в названиях действия, деятеля, а также в функции деминутивной, напр., *plẽpalas* 'болтовня; болтун': *plepė́ti* 'болтать', *draũgalas* 'дружок': *draũgas* 'друг' (Sławski, указ. соч., 109). Проанализировав ряд современных славянских апеллятивов (напр., продуктивные в функции клички коров имена типа польск. *Czarnola* 'корова черной масти', *Czwartolia* 'корова, рожденная в четверг' и под.), а также с.-хорв. имена собственные (*Desȍla, Dražola, Radola, Sestrola* и под.), Ст. Вархол выделил характерную для всех этих образований ономато-гипокористическую функцию, отметил параллелизм в образовании зоонимов на *-ol'a* и *-ul'a* (*čьrnol'a ~ čьrnul'a*), а также высказал предположение о славянском происхождении форманта *-ol-*, вопреки более раннему своему же высказыванию о романском происхождении суф. *-ol'a* (равно как и *-ul'a*)[4].

Отдельные лексемы с суффиксальным формантом *-ol-* приводит З. Барболова в своей работе, посвященной словообразовательным моделям на *-l-* в болгарских диалектах, отмечая при этом, что формант *-ol-* почти не встречается в говорах болгарского языка[5].

Итак, по имеющейся литературе относительно суффиксального форманта *-ol-* известно, что 1) он весьма редок для праславянского, немногочисленны случаи его употребления в современных славянских языках; 2) используется в виде *-ol'a* в экспрессивной функции в кличках животных и именах людей (Вархол); 3) является славянским и имеет соответствие в балтийских языках (Славский, Вархол) или по своему происхождению является романским (Миклошич и др.).

Рассмотрим имеющийся у нас материал по производным именам с суф. *-ol-*.

[Изучению подлежит только исконнославянский или русский языковой материал. Возможные заимствования в данной работе не рассматриваются].

I. Праславянский фонд

[в праславянской части рассматриваются не только реконструкции, имеющие продолжение в русском языке. Наличие же таких продолжений в русском специально оговаривается].

Производные, имеющие парадигматические варианты

***gomolъ(jь)/*gomola/*gomol'a** – на основании с-хорв. *gòmoḷa* ‘груда (сыра)’, словен. *gomóla* ‘неплодородная земля, пустошь’, *gomòlj*, м., *gomolja*, ж. ‘ком’, чеш. *homole*, ж. ‘конус’, польск. *gomóła* ‘ком’ и нек. др. (см. ЭССЯ 7, 18–19). Имеет прямое соответствие в балтийском, ср. лит. *gãmalas* ‘ком (снега); кусок, ломоть (хлеба)’. Рассматривается Л.В. Куркиной как слово, принадлежащее балто-славянскому слою лексики[6]. Ю.А. Лаучюте помещает его в разделе: "Слова, происхождение которых недостаточно аргументировано"[7]. О.Н. Трубачев, отмечая (как и другие) близость лит. *gãmalas*, полагает, однако, что "едва ли можно говорить о регулярности соответствий, поскольку перед нами, по-видимому, экспрессивная лексика, что проявляется (независимо) как в балт., так и в слав. языках" (ЭССЯ 7, 19). М. Фасмер считает родственными приведенные литовское и славянские слова (Фасмер 1, 435).

Вероятно, все-таки является общим балто-славянским образованием, восходящим к более раннему источнику. По мнению В.Э. Орла, этим источником является и.-е. название земли **dhĝhō̆m- / *ghdhō̆m-* (Pokorny 1, 114). Для слав., балт., алб. языков В. Орел предполагает наличие языка-посредника, которым мог быть иллирийский (как язык, удовлетворяющий требованиям данной этимологии: т.е. "отразивший и.-е. **o* как *o* или *a*, mediae aspiratae перешли в mediae, а палатальные гуттуральные развились по кентумной норме", таким образом, для иллирийского, откуда слово пришло в балканские, балтийские и славянские языки, предполагается форма **go/am(u)l-*[8]. Имеет суффиксальные варианты: **gomula*, **gomyla*.

В русском языке представлены: рус. -цслав. *гомолъ, гомола, гомоля* ‘комок’, XIII в. (СлРЯ XI–XVII 4, 72); диал. уменьшительное производное *гомóлька* ‘соска для младенца’, курск. (Даль² I, 375, где ошибочно соотносится с звукоподр. *гом, гóмон*, т.е. ‘шум, детский плач’, в то время, как речь идет, вероятно, о древнейшем виде соски – комочке размоченного (пережеванного) хлеба, перевязанного тряпицей – Е.П.)[9].

•**kъrkolъ/*kъrkol'ь** – на основании с-хорв.*кр̂кољ*, м. ‘мешанина’, *кркòљача*, ж. ‘кривая, засохшая ветка’; макед. *крколица*, ж. ‘кривизна, изгиб’, блр. *каракóль*, м. ‘сук, сук дуба’, диал. *каркалíна*, ж. ‘кривое, раскидистое дерево’ и нек. др. "Родственно **kъrkul'a*, где представлена иная огласовка суффикса и близкое исходное значение ‘кривая, загнутая палка, ветка’’ (ЭССЯ 13, 217)[10].

В русском языке нашли отражение следующие образования:

кроколъ м. 'вилка', 1499 г. (СлРЯ XI–XVII 8, 69), диал. *кóрокол* 'выкорчеванный пень' и *кóроколь*, м. 'развилка, сук' (Картотека Псковского словаря), а также производные: *корокóльчатый* 'толстый, кряжистый (эпитет дуба), ветвистый, кудрявый'; *корокóльчастый, корокóлистый* – то же (СРНГ 14, 359); *караколя́стый* 'суковатый (о дереве)' (СРНГ 13, 71).

***dъbolъ/*dъbol'ь** – на основании словац. *dbol* м. 'улей'. Производное с суф. *-ol-* от основы **dъb-* < и.-е.**dheu̯bh-/*dhubh-* 'долбить', 'глубокий'. Связано с **dъbno* 'дно', **dъbrъ* 'ущелье, овраг' (ЭССЯ 5, 175–176). Несмотря на ограниченность распространения, о праславянском характере образования свидетельствует архаичный тип основы и словообразовательные связи внутри данного этимологического гнезда. Сюда же, вероятно, следует отнести **bъdolъ?/*bьdolъ*, ср. словец. *bdol* 'улей', вынесенное в ЭССЯ в отдельную словарную статью (см. ЭССЯ 3, 111). Учитывая полное фонемное, структурное и семантическое сходство с предыдущим (а также территорию распространения), следует признать словац. *bdol* результатом метатезы к *dbol*[11]. Возраст метатезы неясен.

В русском языке продолжений не имеет.

***skogolъ/*skogol'ь/*skogola** – может быть реконструировано для праславянского на основании приведенного Ф. Хинце материала, ср. кашуб *skogola* 'комар', а также названия комара в словаре Сыхты: *skogv́a* (устар.), *skogol, skogole/skogule* и производных *skogolezna* 'укус кóмара', *skogolǝc są* 'ссориться; кусаться', *skogoleńé* 'капризничанье' (Sychta 5, 51). Сюда же, по материалам Ф. Хинце, относится рус. диал. *скогóль* 'поросенок', *скогóлить* 'визжать, скулить' (смол.), укр. *скúгля, скигля́к* 'чибис', блр. *скóголiць, скýголить* 'визжать, скулить'[12], а также укр. *скугý* – междометие, передающее визг (Фасмер III, 644). Все эти слова объединены значением 'скулить, визжать, издавать резкие, пронзительные звуки' и восходят к звукоподражательной основе **sko/u-g-* (Хинце, указ. соч., 146–147).

***ščьgolъ/*ščьgol'ь** – реконструируется Ж.Ж.Варбот на основании польск. *szczegół* 'подробность, особенность', *szczególny* 'особенный, единственный', рус.-цслав. *сцѣглъ* 'единственный, одинокий', с.-хорв. *ćigli* – то же, чеш. *štihlý* 'тонкий, стройный', рус. *щёголь* 'франт, модник'. Все эти слова являются производными от глагола **ščigati*, **ščignǫti* с исходным значением 'рвать, драть'[13]. Русское *щёголь*, в таком случае, отразило развитие значения 'подробность, особенность'. Связь со словом *щегóл*, р.п. *щеглá* 'певчая птица': *щеготáть*, звукоподр. (Фасмер IV, 498) этой этимологией снимается.

***drol'ь/*drol'a** – на основании болг. *дрōла*, ж., дрóл'о, м. 'растрёпа", с.-хорв. *дро̏ља*, ж. 'неряха; потаскуха, шлюха', *дрóља*, ж. 'тряпичный коврик, подстилка', чеш. *drol*, м., *drola*, ж. 'горная порода', рус. диал. *дрóля*, общ.р. 'милый, милая, возлюбленный' и нек. др. По мнению О.Н. Трубачева, соотносится с глаг. **dьrliti/*dьrl'ati* с именным вока-

лизмом *-o-*, что исключает помещение данной лексемы в ряд производных с суф. *-ol-* (ЭССЯ 5, 124–125).

Существует иная точка зрения на структуру слова *drol'a*. Этимологии этого слова были посвящены две специальные статьи[14]. Оба автора сходятся на возможности образования *drol'a* с помощью суф. *-ol-* от глаг. корня **dьr-* (**dьrati, *derǫ*) 'драть, рвать'. А. Кошелев реконструирует праформу **dьrol'a*, Ж.Ж. Варбот – на основании внутриславянских и внешних соответствий – полагает, что возможна и нулевая огласовка корня **dr-*, ср. полное литовское соответствие *drãlas* 'драчун, задира', *drãlyti* 'драть, рвать'. Такой вокализм корня предполагает значительную древность образования и отличает форму *drol'a* от других славянских и балтийских производных с суф. *-ol-* (Варбот, указ. соч., 81). А. Кошелев исходным для рус. *дро́ля* считал значение 'лишающий девственности'. Наиболее вероятным семантическим развитием, согласно Ж.Ж. Варбот, был путь 'задира' → 'милый'. Вероятнее всего, значение 'ласкать' могло быть присуще уже глаголу **dьrati*: 'драть, трепать, теребить' → 'нежить, ласкать'.

В русском языке представлено, как уже отмечалось, следующими образованиями: *дроль, дро́ля*, м. и ж. 'милый, милая, возлюбленный', а также производным глаголом *дро́лить* 'нежить, холить, ласкать' (СРНГ 8, 199; Волог. словарь 2, 58).

Изучение текстов, в которых используется слово *дро́ля* (в частности, такого популярного в народе жанра, как частушка)[15] показало, во-первых, ограниченность распространения данного слова в русских диалектах: подавляющее большинство примеров связано с текстами, записанными на территории б. Архангельской губ. (№№ 1–338 в указанном сборнике), по одному примеру из Вологодской, Новгородской и Костромской областей. В частушках, записанных на территории южнорусских и среднерусских говоров (в том числе и в Московской области), слово *дро́ля* не встретилось ни одного раза.

Второе наблюдение связано с родовой дифференциацией слова *дроля*, которое во всех словарях относится к общему роду. Оказалось, что в подавляющем большинстве случаев *дроля* означает обращение к возлюбленному мужского пола; и лишь две частушки содержат обращение к женщине (№№ 84, 381 в указ. сборнике), ср.: "Кофта нова, кофта нова, Рукава коротки. *Дроля, дроля*, не балуй, Я боюсь щекотки" (арханг., № 54, с. 6) или: "Мой-то *дроля* долговязый – Только веники вязать, Проводил меня до дому – Не умел поцеловать" (арханг., № 60, с. 7) и: "Мой-то милый окосел, К чужой *дроличке* подсел. Я недолго думала, Подошла и плюнула" (арханг., № 84, с. 9).

Представляет особый интерес рус. диал. *дра́ля* (Ярослав. словарь 4, 18) с тем же значением 'возлюбленный, возлюбленная', которое может быть преобразованием достаточно древнего **drol'a* в сторону вторичного сближения с мотивирующим глаголом (*драть*) или новообразованием с *-l-*суффиксальным от этого же глагола. Сохранение мотивационных связей подтверждает этимологию Кошелева–Варбот.

Значение ‘нежить, ласкать’, связанное с корнем *dr-/*dьr-/*der-, представляет и другое суффиксальное образование: глагол *дрóчить* и соотносимое с ним имя *дрóка*, волог. ‘условия, в которых человек испытывает полное довольствие’ (Волог. словарь 2, 58). Частое использование глаг. *дрóчить* в ситуациях, связанных с coitus'ом[16] объясняет, на наш взгляд, путь развития от значения, заключённого в глаг. *драть* ‘рвать, щипать, теребить’ через значение ‘ласкать’ к имени существительному *дрóля*, *дрáля* ‘милый, возлюбленный’.

***sopolъ/*sopol'ь/*sopolь** – на основании рус. *сóполь*, м. ‘гибкая трубка, рукав, кишка’: "*Сополь* пожарной трубы"; мн. *сóполи* ‘штанины’, ед.ч. ‘каждая из двух половин шаровар’ (Даль² IV, 273–274). Связано с *сопль, сопéль, сóпло* в знач. ‘труба, жёлоб’. Ср. в другом значении: ст.-слав. **сополъ** ‘mucus’ (Loewenthal, WuS X, 1927, 150), болг. *сопóл* ‘сопля’, с.-хорв. *сòпољ* ‘сопля; сосулька’ и с вокализмом *-е-* в суффиксе: чеш., польск. *sopel*, словац. *sopeľ*, а также с консонантным суффиксом: серб.-цслав. и др. *сопль* ‘сопля’ (Фасмер III, 719).

Является субстантивированной формой *-l-* прил. **soplь-jь* от глаг. **sopti, *sopěti*. Лёвенталь (указ. соч., с. 160) сравнивает с лит., *šãpalas* ‘рыба, голавль’, лтш. *sapals* ‘вид карпа’ – вероятно, получившие название из-за склизкости чешуи. Фасмер выражает сомнение в возможности такого сопоставления.

Помещение слова в данном разделе достаточно условно, но вызвано оно тем, что вокализация суффикса, вероятно, явление довольно древнее, см. ст.-слав. форму.

Производные с суффиксом -olъ

***komolъ(jъ)** – на основании с.-хорв. производного *kòmolac* ‘локоть’, словен. *komə̂l*, прил. ‘безрогий’, чеш. *komolý*, прил. ‘тупой, короткий’, польск. производн. *komolec* ‘локоть, мера длины’ и нек. др. О.Н. Трубачев считает славянским производным с суф. *-olъ* от **komъ*, а близкие лит. *kamuolỹs*, лтш. *kamuõls* ‘клубок, моток’ объясняет, как и в случае слав. **gomola* ~ балт. *gãmalas*, как "выходящие за рамки регулярных соответствий", объяснимые "раннеэкспрессивным характером их образования" (ЭССЯ 10, 174–175). В противоположность этому мнению, Л.В. Куркина относит слово **komolъ* к балто-славянскому слою лексики[6]. М. Фасмер сравнивает с *комёла, кóмель*: "другая ступень чередования" (Фасмер II, 304).

В русских говорах отмечены: прил. *комóлый, -ая, -ое* ‘безрогий; однорогий’, ‘комлистый, непригодный для изготовления каких-либо изделий’, ‘гладкий, ровный’, ‘имеющий незаконченный вид, недостроенный’, ‘бесплодный мужчина’, сущ. (по происхождению – субстантивированное прил.) *комóла*, ж. ‘комольная корова’, ‘выступ, нарост на месте рогов у животного’, ‘палка, к которой прикрепляют концы бредня’, *комóл*, м. ‘бечева, окаймляющая боковой край крыла

невода', производн. *комолóк* 'культя руки от локтя до плеча' (СРНГ 14, 235–236).

***xomolъ** – на основании с.-хорв. *Homoļ*, м., назв. села в Боснии, *Homoļe*, с. топоним в Сербии (с XIV в.) и Герцеговине, ст.-чеш. *chomol*, м. 'вихрь', словац. диал. *chomola* 'шея', польск. производн. *chomolec* 'жердь, на которой держится крыло невода' (ЭССЯ 8, 68). О.Н. Трубачев объясняет как экспрессивный вариант к **gomola*, **komolъ* (там же). Балтийских соответствий нет, в других источниках отсутствует.

В русском языке представлено призводным *хомолóк* 'верхушка, маковка', псков. (Даль[2] IV, 560 – с вопросом: *холмóк*?).

***vьrxolъ** – на основании словен. *vrhǫ̑l* (Vaillant. Gramm. comparée, 564), чеш. *vrchol* 'верхняя часть, вершина', польск. *wierzchoł* – то же. Ранний праслав. диалектизм, "имеющий точное соответствие в лит. *viršẽlis* 'верхушка'" (ЭССЯ. Проспект, 89–90).

В псковских говорах русского языка отмечено слово *верхóлье* – то же, что *верхóвье 3*: 'поверхность земли (?); название места, название поля'. Ср. также *верхóлина*, собират. 'жители Верхолинского прихода' (Псков. словарь 3, 107). Фонетическое объяснение *l* на месте *v* в данном случае исключается, поскольку перед нами мягкие пары согласных. Вероятно, мы имеем дело с ранними суффиксальными вариантами, близость которых обусловила параллелизм дальнейшего словообразования. Территория распространения слова **vьrxolъ* лишний раз подтверждает историческую близость псковских говоров и западнославянских языков.

***stьbolъ** – к этой форме К. Штрекель возводит рус. *ствол*, болг. *цвол, ствол*, с.-хорв. *цволика* 'стебель лука', чеш. *stvol* 'стебель', рассматривая слав. **stьbolъ* и **stьbelь* как суффиксальные дублеты с чередованием *-e-/-o-*, родств. **stьblo, *stьblь* (< и.-е. **sthibh-*)[17]. Формы с *-v-*, по мнению К. Штрекеля, вторичны. Эту этимологию поддерживают Преображенский (приводит, со ссылкой на Миклошича, чеш. *štbol*, откуда пóзднее *stvol*, и на Горяева – рус. диал. *остебёлок* и *остевёлок* 'прут' – см. Преображенский 1097) и Фасмер (III, 749).

Русское продолжение этой формы – *ствол* – в силу произошедших фонетических и структурных изменений осознаётся носителями языка как непроизводное.

***sokolъ** – на основании имеющегося материала, полагаю, что можно говорить о трех различных словах-омонимах, имеющих эту структуру: ***sokolъ 1** 'ловчая хищная птица'. Помещается в праславянском разделе, поскольку приведенный М. Фасмером материал подразумевает общеславянское распространение слова, ср.: рус. диал. *сóкóл*, укр. *сóкiл*, ц.-слав. *соколъ*, болг. *сокóл*, с.-хорв. *сȍкô*, р.п. *сокȍла*, чеш., словац. *sokol*, польск. *sokół*. Обычно считается родственным др.-инд. *çakunás, çakunáḥ* 'какая-то птица, большая птица' (Фасмер III, 708). Согласно Л. Булаховскому, слово пришло с востока как название прирученной охотничьей птицы и восходит к араб. *çaqr* 'охотничий сокол'[18]. Нами

принимается этимология А. Брюкнера (ZfceltPh 2, 309 и Brückner. Słown. 506), согласно которой имя *sokolъ* связано с глаголом *sokotati*, т.е. является в основе своей звукоподражательным. Сюда же, вероятно, следует отнести русское производное *соко́лка*, стар. 'короткая пищаль' (Даль[2] IV, 262).

Сокол 2, 3 – см. ниже, в русском материале.

***šebolъ** – как суффиксальное образование с суф. *-ol-* рассматривается Л.В. Куркиной для объяснения ряда славянских слов: рус. диал. *ше́болы* 'лохмотья', тамб., *шо́бол* 'худая, изношенная одежда', *шо́болы* 'лоскутья, висящие со старого изношенного платья', заурал. *шаболь* 'слишком неровное место в дороге, особенно летней' и нек. др.[19] Та же основа повторяется в ряде чешских глаголов: *šobolit* 'тереть, растирать', *ošobolený kabat* 'потертый пиджак'… Правомерность вычленения корня **šeb-* и суф. *-ol-* подтверждается рядом сравнений: рус. диал. *шо́бон, шо́боны* 'ветошь, истасканная одежда, тряпьё', *шебуня́ть* 'ковырять копаться, делать кое-как', *шебутно́й* 'склонный с дрязгам, мелким ссорам', польск. *szebinki* 'мелочь, чепуха'. Восстановленная основа **šeb-*'тереть, ковырять' имеет соответствие в литовском: **šẽberkš-tis* 'щепка, стружка', *šẽbekščioti* 'становиться лохматым' и восходит к и.-е. **skeb(h)-* (Куркина, указ. соч., 336–337).

***rępol(ъ)** – как суффиксальный вариант к **rępel-* реконструируется О.Н. Трубачевым на основании рус. диал. *ре́пел, реполо́в* 'одна из певчих пташек' (Даль[2] IV, 123), *репо́лиха* 'самка реполова', княж. фамилии *Ряполовский*[20]. Надёжность реконструкции корневого *-ę-*, по мнению О.Н. Трубачева, подтверждается инославянскими соответствиями: польск. *rząp* 'копчик, зад', *rzępoła* 'тот, кто пиликает, скверно играет на скрипке', с.-хорв. *rȇp* 'хвост'; в.-луж. *rjap* 'спинной хребет'. В качестве исходной реконструируется основа **ręp-* 'хвост' (Трубачев, указ. соч., 6–9). Русский материал можно дополнить формой *рѣпица* 'хвост позвоночного животного кроме шерсти и волоса; вся связь хвостовых косточек, продолжение позвонков; у птицы: пузырек на гузке' (Даль[2] IV, 123). Появление ѣ в русских примерах О.Н. Трубачев объясняет как результат вторичного сближения с *рѣпа*.

***mlaxolъ** – данная форма реконструируется на основании материалов Л.В. Куркиной, высказавшей предположение, что рус. *малохо́льный* (и *малахо́льный*) 'слабый, странный, ненормальный' может быть рефлексом древнего образования с суф. *-ol-*, возводимого к основе **mla-x=/ *mla-k-*, ср. с.-хорв. *mlahav-mloxav* 'слабый', *mlahiv* – то же, *mlahaviti* 'делать слабым', словен. *mlȃhav* 'слабый, вялый', *mlȃhen* 'тепловатый', а также с.-хорв. *mláka, mlȁka* 'ленивая женщина', *mlakav* 'вялый, слабый', на основании которых Скок реконструирует для всей этой группы и.-е. корень **m(e)lā-* с расширителем *-ko*: **mlāqos* > греч. βλαξ 'слабый', др.-ирл. *malcaim* 'гнить' и нек. др. Славянские слова с корнем

mlāk-, согласно Л.В. Куркиной, этимологически родственны праслав. **mьlčati*[21].

Русское *малохóльный* претерпело изменения в силу забвения внутренней формы слова, а в дальнейшем было перестроено по аналогии со сложными словами, содержащими в первой части основу *мал-* (*малый*), ср. *малоýмный, малопýтный* и др. (Куркина, указ. соч., 23–25).

Производные с суффиксом -ol'ь, м.р.

***bǫbol'ь** 'прыщ, волдырь на коже, пузырь на воде' – на основании польск. *bąbol*, чеш. диал. *bubolec, bobolec*, с.-хорв. *bubȍlica* 'прыщ'. Соответствует лит. *bum̃balas* 'пузырь, волдырь', 'железный шарик на конце бича', 'большой узел' (SP I, 347), а также фриг. *bambalon* (βάμβαλον) 'penis' (Топоров. Прус. яз. I–K, доп. 377). Ср. в ЭССЯ реконструкцию **bǫbъlъ*/**bǫb*(ъ)*lь*/**bǫbъl'a*/**bǫbъlъ*/**bǫbulъ*/**bǫbulь*/**bǫbul'a* – "ономатопоэтическое производное от основы **bob-* с помощью суф. элемента *-l-* (в различных вариантах огласовки)" (ЭССЯ 2, 231–232).

В русском языке рефлексы с суф. *-ol-* не отмечены.

***krъxol'ь** – на основании с.-хорв. производного *krhol̦ak*, р.п. *-l̦ka*, м. 'кусок, обломок, крошка', *кр̏хољина*, ж. – то же. Согласно О.Н. Трубачеву, является производным с суф. *-olь* от **krъxa*, **krъxati* (ЭССЯ 13, 52).

В русском представлено производным *крóхольный, -ая, -ое* 'крошечный, малый, мизерный, ничтожный', твер., тул. (СРНГ 15, 286).

Производные с суффиксом -ola

***lěsola** – введено в состав праславянского словаря В.А. Меркуловой на основании словац. *lesola*, ж. 'обрядовое деревце, которое носят в процессиях' – "производное с редким суф. *-ola* от **lěsa* 'плетенка', ср. (в семантическом плане) укр. *вільце* 'украшенное, увитое, сплетённое деревце'" (ЭССЯ 14, 243). Не исключено, что в данном случае перед нами позднее местное образование.

В русском языке не представлено

Производные с суффиксом -ol'a

****sьrtol'a** [знач.?] – реконструируется И.П. Петлёвой на основании блр. глагола *сяртóліцца* 'выполнять долгую и тяжёлую работу' как промежуточная ступень в цепочке с исходным глаголом **sьrtati* 'быстро двигаться, нестись, стремиться' < **sьrt-* < и.-е. **ser-* 'течь, двигаться' (Pokorny I, 909–910). Ср. производные с этим корнем:

посиртýхи, мн.ч. полесск. 'вращающиеся колёсики в ткацком станке' (**po-sьrt-ux-a*), *сертухá*, ж. арханг. 'мелкий моросящий дождь'[22]. Праславянская древность неочевидна. Не исключено прямое влияние на формирование морфологической структуры белорусского глагола *сяртóліцца* соседнего литовского языка, где формант *-ol-* (*-al-*) является одним из глагольных суффиксов с деминутивно-итеративным значением, например, *pilstalioti* 'лить' к *pilstyti* 'разливать', *darbalioti* медленно, вяло работать' к *dìrbti*[23]. В таком случае наличие имени сущ. **sьrtol'a* необязательно.

В русском продолжений не имеет.

Производные с суффиксом -olь, ж.р.

***smogolь** – может быть реконструировано на основании рус. диал. *смóголь*, ж. 'смоль, коптелая чернота' как образование, этимологически тождественное **smogorъ*, ср. словен. *smogor*, *smogur* 'сучок, нарост на ветке, смоляной наплыв на ели; сыпь на лице', с.-хорв. *smogor* 'лучина', н.-луж. *smogoŕ* 'торф' и нек. др.[24] Оба слова, а также прилаг. *смяглый* 'смуглый, тёмный', сущ. *смáга* 'огонь, жар, пламя и нек. др. Л.В. Куркина возводит к этимологическому гнезду **smeg-/*smog-/*smag-* (назализация *-ę-* в *смяглый,* по мнению Л.К., вторична). Образования с корнем **smug-* 'смуглый' (< и.-е. **smoug-*) относятся к другому гнезду, поскольку корневóй вокализм этой группы и рассматриваемой выше не сводятся к какому-то одному ряду чередований (указ. соч., с. 10).

В русском отмечено только *смóголь*, ж. 'смоль, коптелая чернота', западн. (Даль[2] IV, 236), ср.: "Ровно *смоголь* черны глаза-то (похожи на смолу по черноте)", казан., 1849 (Картотека СРНГ). Прилагательного с той же ступенью огласовки корня (**смоглый*) не зафиксировано.

***xorxolь** – реконструируется В.А. Меркуловой[25] на основании рус. диал. *хóрохоль*, ж., новгор. и *кáрохоль*, олон. 'предсмертный хрип человека': "*Хóрохоль* заходúла/ *хóрохоль* – э́то когдá умирáјот дак *хóрохоль* хóдит". Рассматривается как производное с суф. *-olь* от звукоподражательной основы **xorx-*, чередующейся с **šerx-* < *xerx- 'шорох', откуда **šerxolь*, см. след.

***šerxolь** – на основании рус. диал. *шóрохоль,* ж. 'рухлядь, тряпьё', псков. (Картотека СРНГ). Тождественно в структурном и этимологическом плане предыдущему (см.). Восходит к звукоподражательной основе **šerx-* 'шорох'[25]. Праславянская древность обоих слов, учитывая только русский языковой материал, по мнению В.А. Меркуловой (указ. соч., 194), необязательна.

II. Русские образования с суффиксом *-ol-*

[В данном разделе рассматриваются имена, в которых формант *-ol-* выделяется с синхронной точки зрения. Это позволяет, на наш взгляд, составить более полное представление о развитии модели в целом].

вя́хол/вя́холь, м. 'верёвочная сетка для сена'; 'сетчатый мешок, кошель для сена, сплетённый из верёвок или лыка, в который набивают солому для кормления лошади в дороге', курск., ворон., ряз. (СРНГ 6, 81). То же: *вя́хель, вя́хиль, вя́харь, вя́хирь, вя́хорь, вя́тель* (там же и Даль[2] I, 388; Фасмер I, 377). Слово тёмное. Обилие фонетических и морфологических вариантов может свидетельствовать о заимствовании, но источник его неясен. Большинство исследователей сходятся на сопоставлении с *вя́ха* 'куча, ворох, большая ноша, беремя', *вяха дров*, вологод. (Даль[2] I, 338 – с вопросом: "к *веха, вѣха*?"); переносно 'рохля, копун', олон. (Куликовский 14). Дальнйшая идентификация корня, однако, вызывает затруднения. Миклошич предполагал связь с *вя́лый, вя́нуть* (EW 380); Преображенский – с *вяза́ть* (1, 112); Горяев отмечал диалектное *вяха* [источник? – *Е.П.*] – о неясности отношения которого к *веха* (*вѣха*) см.: Фасмер I, 377.

обзо́л (обзёл)/обзо́ль, м. 'неровный край доски с оставшейся корой, горбыль, горбылевая доска' (СРНГ 22, 55). Вероятно, собственно русское производное с суф. *-ol-* от *обза* (<**ob-ьz-a*) 'кора, кожа', однокор. с **obьža* (< **obьzja*), которые восходят в свою очередь к и.-е. корню **ig-* 'лущить, лупиться'[26], ср. также праслав. **ěžiti* (ЭССЯ 6, 60).

вазго́ла/вазго́ля, общ. 'неопрятный человек, грязнуля' (Псков. словарь 3, 18): *вазгать*(*ся*) 'пачкаться'.

красо́ль/красо́ля, ж. 'растение Tropacolum majus L., сем. капуциновых; настурция обыкновенная (СНРГ 15, 198): *краса́*. Ср. *красу́ля*.

и́стополь, м./**и́стополь**, ж. 'количество дров, необходимое для одноразовой топки печи' (Картотека Арханг. словаря; Ярослав. словарь 4, 146). То же – *и́стопель*. Приставочное образование, аналогичное *тополь 2* (см.).

мо́зголь, м. 'нездоровый, слабый человек'/**мо́зголь**, ж. 'загнившая древесина', арханг. 1852 (СРНГ 18, 204). Представляет собой субстантивированную форму прилаг. *мо́зглый* с вокализацией суффикса по типу "гласный непереднего ряда".

о́пухол, м./**о́пухоль**, м./**о́пухоль**, ж. 'отёк, припухлость' (СлРЯ XI–XIV 13, 56; СРНГ 23, 317). Ср. также *о́пухель* (СРНГ 23, 317). Все эти формы являются результатом различной вокализации суффикса в слове *о́пухль* (там же), субстантивированного отглагольного прилагательного *опухлый*: (*о*)*пухнуть*.

Производные с суффиксом -olъ

ку́зол 'кузов, плетёная из бересты или лыка корзина, заплечная сумка для грибов, ягод', Коми АССР, 1968 (СРНГ 16, 27).

В современном русском языке лишено каких бы то ни было мотивационных связей. Рассматривается О.Н. Трубачёвым среди прочих лексем близкой структуры со значением 'корзина, кошелка' как

производное с префиксом **ka-*, **ko-*, **ku-* и корнем **zob-* с первоначальным значением 'корзинка для корма' (см. **kazobъ*/**kozobъ* – ЭССЯ 9, 173 и **kuzobъ* – ЭССЯ 13, 145). Понятно, что такая этимология исключает возможность выделения суффикса в данном слове.

Против такого решения для лексем с финальным *-b-* трудно что-либо возразить, тем более, что оно может быть подтверждено наличием синонимичных образований другой структуры, но с тем же корнем: *зобня, зобенька, зобница, зобелька* 'корзина, лукошко, кузовок' (Даль[2] I, 690), для которых, кстати, первоначальная идея 'корзина для корма' явно выводима (в отличие о всего комплекса лексем, объединённых в указанных статьях в ЭССЯ), ср.: *зобня́* 'лукошко плетёное или лубочное, берестяное, для дачи лошадям овса или ячменя; *зобнёю* же манят лошадей с поля и с нею ходят по ягоды, по грибы; также называют и конскую торбу', 'нищенская сума': "Привяжется *зобня* – откажется родня" (Даль[2] I, 690).

Однако правомерность введения в гнездо **kazobъ*/**kozobъ*/**kuzobъ* русского диал. *ку́зол*, с.-хорв. *ку́зо̄*, р.п. *кузо́ла* 'кузовок, посуда из коры (для ягод), чехол для точильного бруска', *Kuzol*, м. – имя собственное (ЭССЯ 13, 145), словен. *kozȍł*, р.п. *kozȍła* 'короб, корзинка из дранки, лыка' (Фасмер II, 402; Vaillant. Gramm. comparée, 564), а также ряда производных с финальным *-v-* (см. ниже) – вызывает сомнение. И дело не только в различиях рефлексов конечных согласных, которые, хоть и не сводимы к традиционным фонетическим нейтрализациям, но при желании могут быть объяснены средствами фонетики[27].

Появление *l* на месте *v* тоже может быть объяснено фонетически: как графическая передача *v* в говорах (языках) с *w*-билабиальным и *l*, чередующимся в слабой позиции с [w/ў]. Именно такое объяснение русского диалектного *ку́зо́л* (из *ку́зов*) было предложено мною ранее [28]. Однако выявление инославянских соответствий с суффиксальным *-l-* (ср. выше: с.-хорв. *ку́зо̄*, р.п. *кузо́ла*, словен. *kozȍł* и др.). т.е. вынесение *ку́зол* за пределы русского языка, ставит под сомнение достаточность фонетического объяснения (хотя и не исключает его вовсе) и вынуждает искать новое этимологическое решение. К этому побуждает и несводимость целого ряда значений к первоначальному 'корзина для корма', которое реконструирует О.Н. Трубачёв для гнезда **kazobъ*/**kozobъ*/**kuzobъ*. Ср. чеш., словац. *kozub* 'очаг', ст.-польск. *kazub* 'дымовая труба', словин. *kaʒëb* 'рыба лещ, Abramis brama', укр. диал. *ко́зуп* 'кулёк из коры молодого дерева', *козу́бка* 'коробка из сосновой коры' (ЭССЯ 9, 173), рус. *ку́зов* 'короб гнутый, плетёный или обшитый по остову коробища; вместилище всякого рода', в т.ч. *ку́зов каретный, тележный* 'вязанная и обшитая клетка на дрогах для поклажи и сиденья', *корабельный кузов* 'судно вчерне, без отделки и вооружения'; в бортнической терминологии: *ку́зов* 'плетёный либо гнутый лубочный улей, вешаемый вместо борти на деревья', откуда *кузовно́е пчеловодство* – часть бортевого, лесного, но

вместо вырубки бортей во пнях, подвешиваются к деревьям кузовья (Даль[2] II, 213); 'колыбель, люлька', 'свод русской печи', 'комлевая часть снопа', 'узел, свёрток', 'о животе беременной', 'о неповоротливом человеке' (СРНГ 16, 26); а также производные *кузовóк* 'рыба жарких морей, Ostration, округлой формы, в виде кузова', 'раковина Calceola'; *кузóвка*, костр. 'род гриба (с загнутой шляпкой? – *Е.П.*)' – Даль[2] II, 213.

Возможность иного членения для перечисленных выше имён, чем для **ko-zobъ* от **zobati*, обнаруживается при обращении к группе славянских лексем, близких к *кýзов/кýзол* по значению, но не сводимых к гнезду **zob-*. Речь идет о предложенной Ж.Ж. Варбот реконструкции славянского этимологического гнезда с корнем **kuz-/*kuž* - (из и.-е. **keug'*-) 'гнуть, сгибать' на базе рус. диал. *кужа* 'конусообразная рыболовная снасть', *кýжня* 'большой короб', *кýжёнька* 'ватрушка', 'корзина для грибов, ягод', укр. *кýжба* 'крюк в треножнике', словен *kužéti* 'сидеть на корточках' и нек. др.[29] Представляется, что можно дополнить этот список рядом лексем, структурная и семантическая близость которых к перечисленным достáточно очевидна, ср.: *куз, кузá*, ж. 'берестяной кузовок, лукошко', *кузь*, м. 'шишка' (СРНГ 16, 23; 27); *кýжель* 'большая плетёная из прутьев корзина для сена, картофеля', *кýжка* 'маленькая корзина из целого куска бересты', *кýжик* 'верхняя часть русской печи, переходящая в дымоход', *кужня́* 'лубок с загибом спереди, употребляемый для свозки с дворов снега при наступлении весны', 'улей из еловой коры, вешаемый на дереве в лесу для поимки пчелиного роя', 'о беременной или очень толстой женщине', *кужóк, кожóмка, кужóнка* 'короб, корзинка из бересты, лыка'... (СРНГ 16, 20–23).

Приведенный материал обнаруживает распространенность номинации сосудов или других предметов по признаку г н у т о с т и, в ы - п у к л о с т и. В этих названиях отражается, вероятно, древнейший способ изготовления сосудов путем сгибания, свертывания пригодного для этого материала – коры, луба... – или даже использование в качестве сосудов природного гнутого материала – до начала долбления стволов или плетения.

На этом фоне представляется вполне вероятным возникновение в пределах славянского гнезда **kuz-* и слова **kuzovъ/*kuzolъ* – праславянского имени с вариантными суффиксами *-ol-/-ov-* (см. наличие соответствий для обоих вариантов в южнославянских языках).

Встает вопрос об отношении к формам **kuzolъ, *kuzovъ* тех лексем с конечным *-b-*, которые объединены в ЭССЯ в гнезде **kazobъ/ *kozobъ/*kuzobъ*. Очевидно, в славянских языках была группа подобных образований, производных от корня **zob-*, с первичным значением 'корзина определенного назначения (для корма)'. Допустимо достаточно раннее взаимодействие обоих этимологических гнезд, выражавшееся в семантических и структурных сдвигах. Особый интерес представляет группа имен, обозначающих очаги и их части.

О.Н. Трубачев, вслед за Бернекером, объясняет их значения как вторичные, производные от 'плетенка, корзина (обмазанная глиной), решетка, колосники, использовавшиеся при устройстве печи' (ЭССЯ 9, 174). Думаю, что достаточно правомерно и иное предположение – о непосредственном образовании названий очага и его частей от основы **koug'*-/**keug'*- 'гнуть', т.е. обозначение очага как округлого, выпуклого свода, пространства[30]. Это находит подтверждение в чеш. *krb* 'очаг', которое может быть связано не только с **korbъ* 'короб, вид корзины' (ЭССЯ 9, 174), но и с более глубинным значением и.-е. *(*s*)*k̥rbh*- 'крутить, скручивать, изгибать' (ср. *корóбить*), лежащим (как и **koug'*- в основе **kuzovъ*) в основе названий корзин – **korbъ* (ЭССЯ 11, 54). Интересно, что и рус. *кýзов* тоже зафиксировано в значении 'свод русской печи', т.е. обозначения очага реальны для славянского гнезда **kuz*-. Поэтому представляется возможным, что имена с конечным *-b*, обозначающие очаг, дымоход (ср. чеш. диал. *kozub*, слвц. *kozub*, ст.-польск. *kazub* – ЭССЯ 9, 173), являются результатом сближения **kuzovъ* с производными гнезда **zob*-.

пятнóл, нов. 'средство для выведения пятен': *пятнó*. Образование по типу продуктивных в химической и фармацевтической терминологии имен, где *-ол* восходит к лат. *ol*(*eum*) 'масло': *бензóл*, *автóл*, *ментóл*, *метанóл* и под. В русском словообразовании осознается как словообразовательная морфема[31].

сокол 2 – как уже отмечалось выше (см. праслав. **sokolъ 1* – название птицы), русский диалектный материал дает основания говорить о трех различных словах-омонимах, возводимых к форме *sokol*-. В словаре В.И. Даля приводится слово *соколъ* (без ударения) в знач. 'бойное орудие разного рода, большой железный лом; таран, стенобитное орудие, подвешенное на цепях; ручная баба, трамбовка или пест' (Даль² IV, 262, без указания места)[32]. Описание орудия допускает двоякое толкование его названия: **sъ-kolъ* < **kolti* 'орудие для раскалывания чего-либо' и **sok-olъ* 'орудие для рассекания', т.е. в семантическом отношении обе реконструкции допустимы. Однако дальнейший анализ говорит в пользу суффиксального варианта[33]. По-видимому, перед нами древнее производное от корня **sek*- (**sok*-)/**sěk*- 'сечь, резать, рубить', ср. с той же огласовкой в корне родственные *сокéра*, волог. 'затупленный топор', костр. 'топор вообще, особ. дроворубный' (т.е. предназначенный для рассекания, колки поленьев, ср. образованное по той же семантической модели слово *колун* : *колоть*), *сокúра*, южн. 'топор, секира' (Даль² IV, 262), др.-рус. *сокыра* (Фасмер III, 592), восходящие к **sok-er-a*, **sok-yr-a*, последнее – абсолютный словообразовательный дублет к **sek-yr-a*. На изолированность корневого вокализма, представленного в **sekyra*/**sokyra* (при глаголе **sěkti*, **sěkǫ*, продолжающем и.-е. **sek*- 'рублю, рассекаю, разделяю ударом острого'), уже давно обратили внимание. О.Н. Трубачёв отмечает как исключительно славянскую инновацию продление

количества гласного в корне глаг. *sěk-, поскольку ни внеславянские соответствия, ни наиболее древние производные внутри славянского не дают оснований для реконструкции долгого гласного в корне[34]. Прямое соответствие латинскому *sekuris* 'топор' и отличный от глагольной основы вокализм корня выводят **sekyra/*sokyra* на дославянский уровень (Трубачёв, указ. соч., 149–150). В таком случае, предлагаемая нами реконструкция **sokolъ 2* 'бойное орудие' может быть объединена в одном ряду с указанными выше древними производными по признакам корневого вокализма (ступень *o/e*) и общности семантики ('орудие для рассекания чего-л.'). Структурное тождество суффиксов, вариативность плавных сонантов, характерная для ранней и.-е. эпохи, подтверждает глубокую древность этого образования и позволяет отнести его к возможным праславянским диалектизмам.

****сокол 3** – считаю возможным выделить эту форму на основании рус. производных *сокóлик, соколéц* 'чёрная жила большого пальца руки, vena pollicis; у лошадей: ножная жила, из которой кровь пускают'; *соколóк* 'кровяная жила большого перста; ямка под большим пальцем, между двух сухих жил, куда нюхальщики сыплют табак': "понюхать *с соколкá* или *на соколóк,* а с ногтя – на фырок" (Даль² IV, 262). Судя по значению 'кровяная жила', может быть производным с суф. *-ol-* от **sokъ* 'жидкость, влага', **sočiti(sę)* 'истекать соком'. Значение 'ямка под большим пальцем' – вторично по отношению к 'жила' → 'место, где проходит кровяная жила'. Сюда же следует отнести производные *ó-сок-оль*, олон. 'навозная жидкость, вытекающая из хлевов' (СРНГ 24, 42), волж. *сокóльня* 'нужное место на судах' (Даль² IV, 262). Соответствий в других славянских языках не обнаружено.[35]

хазóл 'любовник', волог. (Даль² IV, 541), Ср.: *хаз* 'щёголь, франт, мот; нахал, пройдоха, грубиян, наглец' и *хазúла* 'тщеславный, надменный человек'. Характер суффикса определён предположительно (м.б. и *-ъl-*), поскольку косвенные падежи не зафиксированы. Дальнейшая идентификация корня вызывает затруднения, см. *хаз 1, 2* (Фасмер IV, 215).

Производные с суффиксом -ol'ь, м.р.

жмоль 'скупой человек, скряга; кулак, скупщик хлеба' (СРНГ 9, 206): *жать, жму*. Слово это с характерной словообразовательной семантикой 'жать, сжимать' → 'кулак' → 'скупец' должно дополнить приведенный И.П. Петлевой ряд однокоренных имен с тем же значением: *жом* (*жем*), *жемóк, жмак, жмяк, жмячóк, жемýля, жмот, жмарь, жмóйда* и нек. др.[36] Из суффиксальных вариантов с опорным *-l-* ср. *жмоль/ жмыль/жмýля.*

кедрóль 'кедровое масло, используемое в качестве лекарства, ленингр. 1932 (СРНГ 13, 174). Производное с суф. *-ol'ь* от *кедр*. Очевидно, как и в случае с *пятнóл* (см.), *-ol-* восходит к лат. *ol(eum)* 'масло' (с передачей мягкости *-l-* или вторичным йотовым расширением).

пýколь 'рубчатый валёк для катания белья', твер. (Даль² III, 537). Вероят-

но, связано с *пýклый* 'выпуклый, вздувшийся' – по форме, окату рубцов данного приспособления, ср. также *распýколка* 'древесная или цветочная почка' (Преображенский 871).

подрóстоль 'телёнок на втором году жизни', то же – *подрóстель* (СРНГ 28, рукопись): *(под)расти, -росту*.

óтроколь 'отросток': "стоит дерево о 12-и сучках, на каждом сучку 6 *отроколéй*", новгор., 1853. (СРНГ 24, 299). Производное от слова *óтрок* 'отросток, побег растения' – там же. Само слово *otrokъ* неоднократно привлекало внимание этимологов. Обычно считается, что это приставочное образование от глагола *ректи* 'говорить' (с закономерным для отглагольного бессуффиксального имени вокализмом *-о-*) и приставки *ot-* со значением отрицания, т.е. 'не говорящий, не имеющий права голоса, социально неполноценный человек'[37]. Ср. параллельное в словообразовательном отношении имя *нерока* 'кормилица', зафиксированное в псковских говорах в начале XVII столетия, которое также может быть объяснено как 'не говорящая, не имеющая своего голоса в доме' (т.е. 'чужая' – см. Варбот, указ, соч., 161). Наличие в последнем случае отрицания *ne-* косвенно подтверждает реконструкцию отрицательного значения и для *ot-* в *otrokъ*. Первоначально *otrokъ* означало 'ребёнок, младенец, не умеющий говорить' и было лишено социальной окрашенности (Цейтлин, указ. соч., 374). Понятие 'юный, молодой, растущий' → 'отросток' для слова *отрок,* которое могло лечь в основу образования *отроколь,* появилось, по мнению Р.М. Цейтлин, не ранее XVI–XVII вв., таким образом, и слово *отроколь* должно быть признано достаточно поздним.

чистоль [род, знач., удар.?], может быть 'чистые деньги, чистая выручка за реализованный товар' (т.е. чистоган)?: "...гдѣ тѣ разбойные и татинные животы подѣвали и къ кому привозили или у кого положили или кому что продали и за *чистоль* положили..." (Докл. в Сенате I.1711,77. Картотека ДРС). Ср. *чистó воровать, на чистýю* – выражения из воровского жаргона, означающие "украсть одни только деньги (а не вещи)"[38]. Производное от прилаг. *чúстый*, ср. образование с гласным переднего ряда в суффиксе: *чистель*, ж. 'чистота, нечто очищенное, зачищенное' (Даль² IV, 607).

В современных словарях русского языка фиксируется новое омонимичное образование *чистóль* м. 'средство для чистки медных, латунных и т.п. изделий'[39], где *-оль* генетически тождественно латинскому *ol(eum)*. Таким образом, в рамках современной словообразовательной системы русского языка возникло слово, формально совпадающее с производным иного хронологического пласта – от того же корня (*чист-*) и с суффиксом, внешне идентичным, но имеющим иную природу происхождения.

Производные с суффиксом -ola

жу́кола, ж. 'насекомое, жучок; корова черной масти', костр., влад., яросл.; мн.ч. 'телята, рожденные в феврале', костр. (СРНГ 9, 225; Ярослав. словарь 4, 50): *жук.*

Производные с суффиксом -ol'a

дрого́ля, м. и ж. трус, трусиха', тул. 1852 (СРНГ 8, 196). Поизводное от глагола *дрожа́ть.* В ряде диалектов отмечены формы без смягчения: *дрога́ть*, ворон., волог. (там же).

дудо́ля, м. и ж. 'ребенок, сосущий грудь, соску', смол., твер., тул.: *дуде́ть, дуди́ть* 'сосать' (одно из значений, см. СРНГ 8, 250).

макаро́ля, м. и ж. 'милый, милая, возлюбленный', урал. (СРНГ 17, 308). На славянской почве необъяснимо. Представляется возможной связь с греч. μάκαρ, μακάριος 'блаженный, божественный, избранный'.[40] Суффиксальное оформление по типу *дро́ля* 'милый, милая'. Не исключено посредничество одного из условных языков (офеней, шерстобитов и под.), в которых, как известно, немало грецизмов. Впрочем, образований от основы *макар-* в этих языках (по имеющимся источникам) нами не обнаружено. Возможно и непосредственное образование от личного имени *Макар* в экспрессивной функции, но при этом следует отметить эксплицирование внутреннего содержания греческого имени *Макар* в производном *макаро́ля.*

моголя́, ж.'мелкий дождь' (Ярослав. словарь 6, 49). Вызывает сомнение место ударения. Возможно, восходит к праслав. **mъgol'a, (*ср. **mъželь*) – производному от **mъga, *mъžiti, *mъžěti.* Родственно суффиксальному **mъgla* или является результатом преобразования последнего.

пачко́ля, м. и ж. 'неряха, грязнуля', псков., урал., м. 'плохой маляр', ж. 'неопрятная, нечистоплотная хозяйка', влад. (СРНГ 25, 303; Даль[2] III, 27). Производное от глагола *па́чкать,* ср. *пачку́ля, па́чкала, пачко́ра,* костр., яросл. (там же).

размахо́ля, м. и ж. 'разгильдяй' (Пособие-инструкция для подготовки и составления региональных словарей русского языка. М., 1960, 58). Экспрессивное образование, связанное с глаг. *маха́ть.*

родо́ля, ж. 'свежий камыш, выросший после скошенного', урал. 1976 (Картотека СРНГ). Вероятно, связано с *род, роди́ть(ся)*, т.е. 'родившийся заново'.

топоро́ля, м. и ж. 'тот, кто сделал что-то топорно, кое-как нижегор. 1852 (Картотека СРНГ). Связь с *топо́р* выступает на словообразовательном и семантическом уровнях. Не исключена окказиональность образования.

шишо́ля, м. и ж. 'неповоротливый человек', вят. 1882 (Картотека СРНГ): *шиш, ши́шка.* То же – *шишу́ля.*

рýхоль 'рухлядь', псков. 1902–1904 (Картотека СРНГ). Связано с прилагательным *рýхлый*: *рýшить*.

****сухоль**, ср. *сухольё*, собир. 'сушняк, сухие деревья, ветки, стебли', смол. 1982 (Картотека СРНГ). Субстантивация прилагательного *сýхлый*: *сушúть*. Суффиксальным дублетом с вокализмом *-е-* является *сýшель*.

тóполь 1[41] 'непроходимое место в болоте, топь', калин. (Картотека СРНГ). Субстантивация прилагательного *тóплый*: *топúть* 'погружать в воду, заставлять погрузиться ко дну'.

тóполь 2 'топка в печи, место, где горят дрова', яросл. 1961 (Картотека СРНГ). Связано с прилаг. *тóплый* 'тёплый' – от *топúть* 'нагревать'[42].

трýхоль 'рухлядь, старьё; руины, сор, прах', арханг. 1907 (Картотека СРНГ). Связано с *трýхлый* 'трухлявый, дряблый, рыхлый от гнили, ветхости' (Даль[2] IV, 445); *труха́, трýхнуть*.

тýхоль 'вонь, тухлость, спёртый запах', твер. 1858, калин. 1972 (Картотека СРНГ; Даль[2] IV, 445). Связано с *тýхлый*: *тушúть*. Ср. также приставочные образования: *пóтухоль* 'начинающие гнить съестные припасы': *потýхлый* (Даль[2] III, 360): *за́тухоль, за́тохоль, за́тхоль* (и *за́тхель*, ж., *за́тхло* ср.р.): *затóхлый, за́тхлый* (СРНГ 11, 103, 115, 116; СлРЯ XI–XVII 5, 326).

тя́голь 'сутуга, проволока', ворон. (Даль[2] IV, 454). Связано с прилаг. *тя́глый*: *тяга́ть, тянýть*.

нéжеголь 'высохшая на корню, нескошенная трава' (XVII в. – СлРЯ XI–XII 11, 111): *жег-* (*жечь, жгу*). Из предложенного толкования явно не следует связь с глаголом *жечь*, но она легко восстанавливается при сравнении с более полно семантически описанным именем *нéжель* 'прошлогодняя, высохшая на корню трава, не выжженная осенью или весной', тул. (СРНГ 21, 41). Оба слова – *нéжеголь* и *нéжель* – являются, таким образом, результатом различного фонетического развития единой формы **ne-žьg-lь* (вероятно, связанной с отглагольным прилагательным **žьg-lъ(jь)*.

за́дохоль 'плесень на молочных продуктах, на квасе' (Ярослав. словарь 4, 70). Связано с прилаг. *(за)дóхлый* : *дóхнуть*.

óдохоль (и *óдохль*) 'дохлая рыба', псков., твер. 1855 (СРНГ 23, 63). Связано с прилаг. *(о)дóхлый* : *дóхнуть*.

óпуголь 'испуг', ср.: "*óпуголь* подава́ть (врагам)" = 'спугнуть врага', влад. 1895 (СРНГ 23, 310): *опýга* 'испуг', *(о)пуга́ть*. Прилагательного с суф. *-l-* не отмечено.

рóстополь (и *рóстопель, рóстепель*) 'весеннее половодье, распутица' ворон., горьк., костр. (Картотека СРНГ). Связано с *тóплый* (см. *тóполь 1, 2*) : *(рос)топить*.

ýтихоль 'состояние по глаголу *утихать*', псков. (Даль[2] IV, 520) : *утихать*. Прилагательного с суф. *-l-* не отмечено.

Выводы

1. Среди производных с суф. *-ol-* можно выделить несколько хронологических пластов; наиболее древние – славянские имена, имеющие соответствия в балтийских языках: **gomolъ* (и варианты) ~ лит. *gãmalas*, **komolъ* ~ лит. *kamuolỹs*, **vьrxolъ* ~ лит. *viršẽlis*, **bǫbol'ь* ~ лит. *bum̃balas*, **drol'ь* ~ лит. *drãlas* (возможно, балто-славянские образования). Основной корпус рассмотренных имен представляет собой собственно славянские или русские образования.

2. Наблюдаются достаточно широкие возможности сочетания суф. *-ol-* с различными парадигматическими показателями[43]. Исключение составляет лишь класс существительных среднего рода, связанных, как правило, с семантикой орудийности, образуемых от глагольных основ и сохраняющих перед *-l-* тематический гласный основы. В помещаемой ниже таблице приводятся данные парадигматической реализации модели в праславянском языке в сопоставлении с русским. В скобках даются единичные или небесспорные случаи реконструкции (см. табл).

	-ъ	*-'ь*	*-o*	*-'o*	*-a*	*-'a*	*-ь*
праслав.	*-olъ*	*-ol'ь*	–	–	(*-ola*)	(*-ol'a*)	(*-olь*)
совр. рус.	*-olъ*	*-ol'ь*	–	–	(*-ola*)	*-ol'a*	*-olь*

Как видно из приведенной таблицы, в современном русском языке сохраняются те же тенденции распределения моделей по словоизменительным классам, что и в праславянском. Пожалуй, наиболее четко наметилась тенденция выделения однородной группы имен, принадлежащих грамматическому женскому роду, III склонению (*-olь*). Единство этой группы поддерживается и способом словообразования: обычно это субстантивированные формы *-l-* прилагательных, сохраняющие атрибутивную семантику.

Парадигматическая вариантность в незначительной степени характерна для данной модели. Отношения вариантности возникают внутри одного грамматического рода или между различными родами, ср.: – варианты, принадлежащие одному грамматическому роду:

а) праслав. **kъrkolъ/*kъrkol'ь*, **dъbolъ/*dъbol'ь, *ščьgolъ/*ščьgol'ь*; рус. *вя́хол/вя́холь, обзо́л/обзо́ль* – м.р.

б) праслав. **susola/*susol'a*; рус. *вазго́ла/вазго́ля* (ж.р.; общ.р.), *красо́ля/красо́ль* (ж.р.)

– варианты, принадлежащие различным грамматическим родам: праслав. **gomolъ*, м./**gomola*, ж./**gomol'a*, ж.; **skogolъ*, м./**skogol'ь*, м./**skogol'a,* ж.; **drol'ь*, м./**drol'a*, м. и ж.; рус. *мозго́ль*, м./*мозго́ль*, ж.; *и́стополь,* м./*и́стополь,* ж.; *о́пухол/о́пухоль*, м./*о́пухоль*, ж.

3. В качестве производящих основ для образования имён с суф. *-ol-* могут выступать субстантивные основы (*жук*: *жу́кола, о́трок*: *о́троколь, кедр*: *кедро́ль, топо́р*: *топоро́ля…*), адъективные (*чи́стый*: *чисто́ль* –

один пример), глагольные (*пачкать*: *пачколя, родить*: *родоля, жать, жму*: *жмоль, подрасти*: *подростоль*...) Особую группу образуют результаты субстантивации прилагательных с *l*-суф.: *мозголь* ~ *мозглый, опухоль* ~ (*о*)*пухлый, тополь 1, 2* ~ *топлый, тяголь* ~ *тяглый*...

4. Приведенный выше материал показывает, что словообразовательная модель с суф. *-ol-* в русском языке не является однородной. Она объединяет различные словообразовательные механизмы. Можно проследить определенные тенденции внутри данной модели. Прежде всего, класс имен существительных женского рода с суф. *-ol-* пополняется за счет преобразования адъективных структур с *-l-* суффиксальным путем вокализации суффикса при их субстантивации. Реализация гласного в виде *-о-* обусловлена причинами морфонологического характера: присоединение суффикса к основам на заднеязычный определяет характер артикуляции и для начального гласного суффикса (непереднего ряда). В случаях, когда основа завершается губным согласным, возможна вариантность *о/е* в суффиксе (лабиализация гласного в позиции после губного согласного). Не исключено влияние корневого вокализма на выбор гласного в суффиксе, формирование его характеристики по ряду, т.е. действие закона звукового сингармонизма (во всех наших примерах в корне слова представлен гласный непереднего ряда – *о* или *у*), ср. *рухоль* ~ *рухлый, сухоль* ~ *сухлый, трухоль* ~ *трухлый, тухоль* ~ *тухлый, пуколь* ~ *пуклый, мозголь* ~ *мозглый, тополь* 1, 2 (и *топель*) ~ *топлый*. Та же закономерность – *о*-вокализация суф. после заднеязычного или губного (в последнем случае вариативно с *-е*) согласного при сохранении межслоговой гармонии происходит в приставочных образованиях: нéжеголь ([н'éжəгəл'] – после твердого шипящего в корне возможен только гласный непереднего ряда, в окающих говорах [*о*]) ~ жеглый, *одохоль* ~ *дохлый, опухоль* ~ *опухлый, осоколь, опуголь, отроколь, истополь* (и *истопель*), *ростополь* (и *ростопель*). Исключение по слоговому сингармонизму составляют слова *утихоль, тяголь*, но и они не противоречат общему правилу, так как корневые морфемы заканчиваются на заднеязычный согласный.

В акцентном отношении все эти производные ведут себя одинаково – имеют постоянное ударение на первом слоге (в приставочных образованиях – на приставке), т.е. суф. *-olь* сохраняет в данных структурах акцентные характеристики суф. *-lь*, к которому генетически восходит. По терминологии А.А. Зализняка, *-lь* является левоударным, начальноударным суффиксом, т.е. имеет маркировку ← D Init[44]. Таким образом, суф. *-olь* в данном случае является лишь морфонологическим вариантом *-l-*, суффикса отглагольных прилагательных (причастных форм).

Другой источник пополнения модели с суф. *-ol-* в современном русском языке (его литературной части) связан с терминологической сферой – это пока еще достаточно узкая группа лексики, обозначающая химические и фармакологические вещества. Формант *-ol-* в данных образованиях еще слишком явно (чтобы стать обычным суффиксом) несет на себе груз

семантики латинского *oleum* 'масло', к которому генетически восходит, ср.: *пятнóл* 'средство для выведения пятен', *чистóль* 'чистящее средство', *кедрóль* 'кедровое масло'. Однако вычленение структурного элемента *-ол-* (ср.: *ментóл, автóл, бензóл*; *гликóль, силикóль* и др.), отождествление его с суффиксальным формантом, соединение с известными русскому языку корнями для образования новых слов – все это говорит о возможном направлении в развитии словообразовательной модели современного русского языка. Эта тенденция поддерживается уже имеющимися в языке образованиями с аналогичной структурой суффикса и отражает, вероятно, начальный этап одного из способов образования суффиксальных средств – постепенной формализации некогда значимого языкового элемента, процесса, с которым часто сталкиваются исследователи, занимающиеся глубинной реконструкцией праязыка, и который редко удается наблюдать в синхронии.

Природа происхождения суф. *-ol-* в других образованиях не является столь очевидной. Можно лишь отметить, что и среди более древних производных с суф. *-ol-* существует тенденция присоединения этого форманта к корням, оканчивающимся на заднеязычные и губные согласные, ср.: **kъrkolь*, **sokolъ*, **skogolъ*, **ščegolъ*, **smogolь*, **vьrxolъ*, **mlaxolъ*, **krъxolь*, **xorxolь*, **šerxolь*, **gomolъ*, **komolъ*, **xomolъ*, **dъbolъ* (формальное доказательство вторичности реконструкции **bъdolъ* – иное, чем свойственно модели, завершение корневой морфемы), **stьbolъ*, **šebolъ*, **bǫbolь*, **sopolъ*, **rępolъ*.

Среди вероятных праславянских производных исключением из данного морфонологического правила являются лексемы **drolь/*drol'a*, ср. лит. *drãlas*), **lěsola* и **sьrtol'a*. То обстоятельство, что два последних слова являются единичными представителями целого словоизменительного класса (соответственно: праславянские производные с суф. *-ola* и *-ol'a*), а также отличаются от прочих дериватов финалями производящих основ, может подтверждать сомнительность обеих реконструкций для праславянского (см. комментарии в тексте статьи).

Отглагольные и отыменные образования с суф. *-ol-* в современном русском языке, не связанные с субстантивацией прилагательных на *-l-*, также отвечают правилу сочетания суф. *-ol-* с корнями на заднеязычные и губные согласные: *óтроколь, óсоколь, сокóльня, жýкола, размахóля, вазгóля, дрогóля*; *жмоль*. Случай с *дрогóля* особенно примечателен, поскольку при нормативной глагольной основе со смягченным финальным согласным (*дрожать*) для образования имени с суф. *-ол-* выбирается основа без смягчения, с исконным заднеязычным согласным.

Следует, однако, отметить и наличие производных, не удовлетворяющих данному правилу. Это образования, требующие тех или иных оговорок, ср.: *макарóля, топорóля* – основы на плавный согласный, фиксируются единичными источниками; возможно, окказионализмы; основы на зубной взрывной: *подрóстоль, чистóль* (имеют варианты с гласным *-е-* в суффиксе), *дудóля, родóля*; основы на сибилянты: *красóля, шишóля* (для которых, вероятно, первичны варианты с гласным *-у-* в суффиксе), а

также *кузóл* и *хазóл* (образования с неясной или спорной этимологией). Наличие подобных образований свидетельствует, скорее всего, об определенном расширении действия модели с суф. *-ol-*, укреплении ее статуса в русском языке, вовлечении в словообразовательный механизм основ, на которые первоначально, вероятно, был наложен морфонологический запрет.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Sławski F.* Zarys słowotworstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław etc., 1974. T. 1. 109–110.

[2] *Варбот Ж.Ж.* Древнерусское именное словообразование. М., 1969; *Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985; *Kiparsky V.* Russische historische Grammatik. B. III. Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975.

[3] *Warchoł St.* Uwagi o genezie i funkcji formantu **olja* w nazwach własnych i apelatywach // Sławistyczne studia jezykoznawcze (Prof. F. Sławskiemu w 70 rocznicę urodzin ...). Wrocław etc. 1978. 171–176. К сожалению, русский языковой материал представлен в этой работе недостаточно полно.

[4] Версия о романском происхождении суф. *-ol-* (и *-ul-*) в славянских языках была высказана в работах Ф. Миклошича, Т. Маретича, М. Карплука и в целом поддержана Ст. Вархолом. Ссылки см. в работе: *Warchoł St.* W sprawie genezy i funkcji sufiksu *-ula* w słowiańskich nazwach osobowych i apelatywach // Z polskich studiow sławistycznych. Seria 3. Językoznawstwo. W-wa, 1968, 55–63.

[5] *Барболова З.* Словообразувателни типове с наставки на *-л* при nomina instrumenti от мъжки род с девербални основи в българските диалекти // Български език. № 2. 1989. 153.

[6] *Куркина Л.В.* Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1987, 27.

[7] *Лаучюте Ю.А.* Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982. 140.

[8] *Орел В.Э.* Слав. **mogyla* // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1981, М., 1984, 305–306.

[9] Подробнее о лексическом наполнении гнезда **gomola*/**gomyla*/**gomula* см. в статье: *Павлова Е.С.* Рус. диал. *гомы́лька* // Этимология 1988–1990. М., 1992, 120–126.

[10] Производные с корневой структурой **kъrk-*/**kork-*/**krok-*/**krek-* < и.-е. *(*s*)*ker-* I, II ‘резать’, ‘крутить’ неоднократно привлекали к себе внимание исследователей, см., например: *Меркулова В.А.* Русские этимологии. V (*кречелы*) // Этимология 1980. М. 1982, 87–93; *Куркина Л.В.* Славянские этимологии (**krek-*/**krok-*) // ОЛА 1981. М., 1984, 282–289; *Козлова Р.М.* Образования с корнем *(*s*)*kork-*/*(*s*)*korč-* в славянских языках // Этимология 1982. М., 1984, 47–53 (где, кстати, на основании того же лексического материала, что и в ЭССЯ, реконструируется исходная форма **korkъlь*).

[11] К тому же выводу независимо пришел А.Ф. Журавлев, см.: *Журавлев А.Ф.* Лексикостатистическое моделирование системы славянского языкового родства. Докт. дис. М., ИРЯ РАН, 1992.

[12] *Хинце Ф.* Кашуб. *skogola* ‘комар’ и родственные слова // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1976. М., 1978. 141–147.

[13] *Варбот Ж.Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VII//Этимология 1977. М., 1979. 28–32.

[14] *Кошелев А.* Етимологически бележки. Руско диал. *дроля* // Език и литература, XIX, кн. 1, 1964. 77–79; *Варбот Ж.Ж.* Заметки по славянской этимологии (рус. *дроля*) // Этимология 1970. М., 1972. 78–81.

[15] Сборник великорусских частушек / Под ред. Е.Н. Елеонской. М., 1914.

[16] См., например: *А.Н. Афанасьев.* Русские заветные сказки. Женева, 1975.

[17] *Štrekelj K.* Vermischte Beiträge zum slavischen etymologischen Wörterbuch. A. Einheimisches // AfslPh XXVIII, 1906. 496–499.

[18] *Булаховский Л.А.* Общеславянские названия птиц // Изв. Академии наук СССР. ОЛЯ, 1948. Вып. 2, 98.

[19] *Куркина Л.В.* Славянские этимологии // Общеславянский лингвистический атлас 1979. М., 1981. 336–337.

[20] *Трубачев О.Н.* Славянские этимологии. 41–47 // Этимология 1964. М., 1965. 6–9.

[21] *Куркина Л.В.* Рус. диал. *малохольный, свережий* // Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978, 23–25.

[22] *Петлева И.П.* Этимологические заметки по славянской лексике. XV (**sьrt-ol'a*) // Этимология 1985. М., 1988. 18.

[23] *Leskien A.* Die Bildung der Nomina im Litauischen // Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Bd. 12. 1891. 477–478.

[24] *Куркина Л.В.* Славянские этимологии (**-smęgnǫti...*) // Этимология 1985. М., 1988. 10–11.

[25] *Меркулова В.А.* Заметки по этимологии русской диалектной лексики (*хорохоль, шорохоль*) // Диалектография русского языка. М., 1985. 193–194.

[26] Этимологию **obьza, obьža* см.: *Варбот Ж.Ж.*Этимологические заметки // Балто-славянские исследования. М., 1974. 42–48.

[27] Мена *b~v* спорадически встречается в русских говорах, ср. яросл. *будень ~ вудень, болтузиться ~ волтузиться* (*Ткаченко О.Б.* Мерянский язык. Киев, 1985, 28–29), *боевой ~ воевой, божатка ~ вожатка* и др. (Арханг. словарь 2, 47–48 и 5, 14–15). Существуют различные объяснения подобного явления. Напр., точка зрения О.Б. Ткаченко, о влиянии финно-угорского субстрата, в частности, мерянского языка, в котором на месте славянских *b* и *v* выступает один звук β (указ. соч., 29). Второе объяснение принадлежит Л.Л. Касаткину. По его версии, подобная мена согласных (не только *b ~ v*) является реликтом праславянской фонетической системы, знавшей нейтрализацию согласных по признаку напряженности–ненапряженности. См.: *Касаткин Л.Л.* Современная русская диалектная фонетика как источник истории русского языка. АДД. М., 1985, 17.

[28] *Павлова Е.С.* О возможном расширении класса *-l-* производных имён за счет фонетических преобразований имён иной структуры // Новейшие направления лингвистики: Тезисы Всесоюзной школы-конференции. М., 1989, 130–132.

[29] *Варбот Ж.Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имён. VIII // Этимология 1978. М., 1980, 25–26.

[30] О возможном соотнесении польского *kazub* 'дымовая труба' с и.-е. **keug'*- 'гнуть' писал ещё Г.А. Ильинский (ИОРЯС XXIII. 2, 1921. 237–239).

[31] Русская грамматика. М., 1980. 197.

[32] При всей убедительности метафорического наименования бойного орудия, производного от *сокол* 'хищная птица' (который, как известно, бьет свою жертву с лету), представляется возможной более древняя мотивация, при которой рус. *сокол 2* сближается с гнездом производных от корня **sъk-/*sъč-*.

[33] Против членения *sъ-kolъ* достаточно красноречиво свидетельствует тот факт, что вокализация гласного в предлоге (в аналогичной позиции) в общем-то известна русскому языку, но характеризует достаточно узкую группу лексики, а именно церковно-славянизмы (ср.: *собор* < *sъ-borъ, восток* < *vъz-tokъ...*). Название же стенобитного орудия *сокол* является, очевидно, фактом не книжного, а народного языка.

[34] *Трубачев О.Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, 148. Ср., впрочем, данные В.А. Дыбо: лит. *iššẽkti* 'sculpere', лат. *sēcula* 'серп', *sēcale* 'рожь'(*Дыбо В.А.* Славянская акцентология. М., 1981. 255).

[35] Уже после подготовки рукописи к печати мне стало известно об этимологии А.В. Дыбо, объясняющей русское *соколóк* 'кровяная жила большого перста', а также забайк. *соколак*'нижний сустав большого пальца, первая фаланга' (Элиасов 387) как заимствование из незафиксированного тюрк. *soq-lag* (производного с аффиксом места от тюрк. **suq* 'указательный палец', ср. алт. диал., шорск. *суккол, сукол*; **soq elik* (уйгур. *elik* 'палец'). Исходная тюркская форма, по мнению А.В. Дыбо, должна была бы означать 'место у указательного пальца', т.е. промежуток между большим и указательным пальцами (откуда пускали кровь) см.: *Дыбо А.В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Докт. дисс. М., ИЯз РАН, 1991. Принимая возможность такого

объяснения для слов со значением 'кровяная жила большого пальца' < 'палец', палагаю, однако, что своего рода смещение значений в сторону сближения с корнем **sъk-/*sъč-* 'сочиться' произошло уже в случае 'ножная жила у лошадей, из которой пускают кровь'. Подобному смещению мотивационных связей способствовало, возможно, и наличие явных производных с суф. *-ol-* на базе корня *sъk-*, ср. олонецкое *бсоколь* 'навозная жидкость, вытекающая из хлевов' и волжское *сокóльня* 'нужное (отхожее) место на судах', а также префиксальное *пáсока*, блр. 'кровь, идущая из носа' (Носович 394), происхождение которых никак не может быть связано с тюрк. **suq* 'палец'.

36 *Петлева И.П.* О семантических истоках слов со значением 'скупой' в русском языке // Этимология 1970. М., 1972. 208–209.

37 См.: Фасмер III, 172; *Копечный Ф.* К этимологии славянского *otrokъ* // Этимология 1966. М., 1968. 54–61; *Варбот Ж.Ж.* Некоторые случаи морфологического переразложения в славянских глаголах и отглагольных именах и этимологический анализ // Slawische Wortstudien. Bauzen, 1975, 161–162; *Цейтлин Р.М.* Лексика славянских языков X-XI – XIV-XV вв. // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. 373–376.

38 *Трахтенберг В.Ф.* Блатная музыка (жаргон тюрьмы) / Под ред. и с предисловием Б.де Куртенэ. СПб., 1908. 66.

39 Словарь современного русского литературного языка. М., 1965. Т. 17. 1063.

40 О греческом слове см.: *Топоров В.Н.* Из индоевропейской этимологии. Др.-греч. μάκαρ, μακάριος // Этимология 1980. М., 1982, 142–149.

41 О названии дерева *тополь* в нашей работе не говорится, поскольку в данном случае мы, вероятно, имеем дело с заимствованием из лат. *pōpulus* 'тополь' с диссимиляцией *p–p* > *t–p*). Однако источник заимствования не является очевидным (ср. сомнения Фасмера: в восточной части романских языков, откуда слово могло быть заимствовано славянами, существовала форма **plōp(u)lus*, ср. рум. *plop*, алб. *plep* – Фасмер IV, 79). Изыскания В.А. Дыбо позволили ему предположить, что название тополя было заимствовано славянами в достаточно древнюю эпоху, когда славяне сталкивались на Балканах не с диалектами типа румынских, а с диалектами, остатки которых сохранились в ретороманском и далматинском (вымершем), частично сохранившемся в сев.-итал. говорах, где как раз и обнаруживается данная основа с диссимиляцией: **top(o)l-*, **topl-ōn-* (языковой материал см.: *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения, вып. 4, рукопись).

42 Эти два глагола (*топить 1* 'нагревать' и *топить 2* 'заливать водой, погружать в воду', традиционно считаемые омонимичными, восходят к одному источнику с общим значением 'нагревая, плавить, делать жидким', что проявляется в контекстах типа *топить воск, лед, снег* (ср.: *ýстополь* 'весеннее половодье'), т.е. в ситуациях, в которых оба значения совпадают, нейтрализуются. Об этих глаголах и о семантической нейтрализации вообще см.: *Трубачев О.Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, 168–170.

43 Под парадигматическим показателем понимается принадлежность лексемы определенному словоизменительному классу, т.е. реализация ее в рамках конкретной словоизменительной парадигмы: *-ъ, -'ь* (м.р.), *-о* (ср.р.), *-а, -'а, -ь* (ж.р.).

44 *Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. 68.

В.Н. Топоров

ИЗ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ. V (1)

На протяжении почти двухсотлетней истории "научной" этимологии ее предмет оставался единым и неизменным, хотя подступы к нему искались с разных сторон, и основные изменения в истории этимологических исследований определялись как раз тем, что в разные периоды преимущественная ставка делалась на разные стороны языкового целого и что менялись представления о предпочтительности тех или иных путей, выводящих к этому "единому" предмету, и о надежности аргументов, доказывающих верность предлагающихся объяснений.

Если отвлечься от частностей и отдавать себе отчет в том, что следующая далее схема по необходимости "идеализирована", то можно выделить ч е т ы р е периода, последовательность которых определяет характер смены ориентиров (преимущественных "актуализаций") в истории этимологии: п е р в ы й период – ориентация на общее формальное подобие, на внешнюю похожесть при относительно слабом контроле сопоставляемых (с целью обнаружения этимологической "истины") элементов со стороны смысла (этим, в частности, и объясняется обилие "парадоксальных" этимологий, сама ситуация, при которой связь смыслов легче выводится из связи "внешних подобий", чем наоборот); в т о р о й период – ориентация на фонетику, на отдельные звуки и их соответствие в сопоставляемых словах (до рубежа 70–80-ых годов XIX в̀. это соответствие носит относительно нестрогий, приблизительный, во всяком случае непринудительный характер, а после указанного рубежа̀ оно становится "строгим", жестко-догматическим и не боится вступить в противоречие с показаниями иных языковых уровней – конституирование понятия "фонетического закона" и тезиса об их "постоянстве", принудительном характере их действия); т р е т и й период – ориентация на более тонкую и сложную инфраструктуру, объединяющую разные языковые уровни, – на морфонологию (просодия, апофония, чередования звуков в зависимости от грамматической формы и словообразовательного типа), с одной стороны, и, с другой, на словообразование (словообразовательные типы), с чем был связан переход от корневой этимологии к более точной "оснóвной", а значит, и к уровню конкретных лексем, на котором достигались более богатые результаты в силу дополнительной словообразовательной, морфонологической и "категориально-грамматической" информации; ч е т в е р т ы й период – преимущественная ориентация на семантику, на значение – смысл, на результаты, достигнутые в области диахронической и синхронической семасиологии и формулируемые в виде семантических "почти универсалий", фреквенталий и – шире – типовых схем "смыслопроизводства" и более или менее индивидуальных решений в области семантических мотивировок тех или иных смысловых концептов.

Разумеется, эти изменения в выборе преимущественных "актуализаций" в каждом из четырех периодов, не подрывали самогó "кумулятивно-прогрессивного" характера развития научной этимологии: то, что

было освоено в предыдущие периоды, не отбрасывалось, но органически усваивалось, и менялась лишь система преимущественных ценностей и приоритетов, что в значительнейшей степени объяснялось осознанием дефицита информации в данной конкретной области, на которую и обращалось отныне особое внимание. В настоящее время этимология находится в этом четвертом периоде, который начался в основном в послевоенный период. Но здесь необходимо некоторое разъяснение: сказанное относится в большей степени к ключевой идее этимологических исследований, к их наиболее "интенсивной" части, к ведущей тенденции, чем к этимологической эмпирии в ее статистически самом распространенном варианте. Наиболее представительная фигура этого периода в индоевропейской этимологии – Бенвенист, хотя, конечно, некоторые редкие опыты "центро-семантических" этимологий были известны и ранее, но в целом они оставались на периферии общего этимологического движения и рассматривались скорее как некие "экзотизмы", которые нередко ценились за оригинальность, изощренность, "остроумие", но тем не менее не становились ни импульсом, ни поводом к смене ориентиров и новым "актуализациям".

Едва ли можно сомневаться в том, что наибольшую познавательную ценность – и в конкретно-эвристическом и в общетеоретическом плане – среди результатов этимологических исследований в последние десятилетия имеют именно те опыты, в которых этимологическое решение находилось-обреталось благодаря новым неожиданным (и, следовательно, связанным с резким возрастанием информации) прорывом в сфере с м ы с л а, с освоением-обживанием смыслового пространства, с соприкосновением с некоей пограничной, "критической" ситуацией, разгадка которой открывает новые горизонты. Этот "новый" выход этимологии, новые ее ориентации, ценности, приоритеты составили бы содержание-состав и смысл п я т о г о периода в развитии этимологии, на грани которого находится современная этимология в ее лучших, отчасти опережающих свое время достижениях. Суть этого пятого периода – дальнейшее углубление поисков смысла или, в несколько ином аспекте, – поиски более глубокого смысла, но в ином пространстве, чем то, к которому преимущественно обращаются в четвертом периоде (семантическая "парадигма"). Ближайшую цель этого периода можно сформулировать как поиск семантической мотивировки языкового обозначения данного сигнификата, а конечную цель – как поиск более глубоких смыслов, вплоть до "крайних". Поэтому пятый период предполагает выход з а п р е д е л ы семантики как преимущественной сферы поиска (и в этом плане его можно было бы назвать "транс-семантическим"), но в интересах самой семантики (и в этом смысле пятый период естественно продолжает задачи предыдущего периода). Эта "транс-семантика" ("*за*-семантика"), выходящая в этом случае на первый план, переключает свое внимание с парадигматики смыслов на их синтагматику, понимаемую в широком смысле и дающую возможность проникнуть на уровень зарождения, формирования и раннего развития смыслов, т.е. на уровень мотивационных семантических схем. "Транс-семантика" ориентирована прежде всего на понятие к о н т е к с т а, и в

этом смысле она с некоторым основанием может быть названа "синтаксической" (опять-таки в широком смысле этого слова). Она имеет дело с разными "полями", на которых она собирает урожай, – с языковыми конструкциями, состоящими из двух и более элементов, объединенных релевантными с точки зрения языковой грамматики связями и составляющих некую языковую последовательность – от элементарной минимальной синтагмы до фразы (а иногда и более); с "текстовым" контекстом, т.е. с такими текстами или более или менее обширными фрагментами их, в которых удается реализоваться некоей "логической" конструкции, дающей основания для лингвистических экспликаций о связях смыслов двух или более слов, которые сам язык или не может открыть или делает это менее успешно, чем это делается вне языка (хотя тексты составляются на каком-либо конкретном языке, но при точном смысловом переводе на любой другой естественный язык или даже на язык других знаковых систем достаточной мощности /"разрешающей" силы/, мотивационная конструкция того или иного смысла обнаруживается, строго говоря, независимо от языка, а иногда и в известном противоречии с его эмпирией); с "внеязыковыми" и "внетекстовыми" реальными, "денотатными" ситуациями, объясняющими или с высокой степенью вероятности предопределяющими, программирующими данную ситуационную конфигурацию, по которой можно выстроить и такую языковую конфигурацию смыслов, что она будет наиболее естественной и вероятной реализацией в языке "денотатных" связей.

В этом новом "транс-семантическом" пространстве, по мере его освоения, этимология к своему традиционному статусу эмпирической науки о сугубо индивидуальном, разовом, неповторимо-уникальном, или, скорее, искусства, в котором широко используются и научные методы и процедуры, добавляет новый статус – теоретической науки, не пренебрегающей и тем достоянием, которое свойственно прежде всего искусству, – интуицией и ее воплощениями в "художественных" по своему характеру композициях. То, что придает этимологии теоретический аспект, связано с тем, что, выходя в "транс-семантическое" пространство, она впервые так полно, почти принудительно или, осторожнее, так необходимо встречается с пространством смысла, что в поисках "своего" (условно – разгадки происхождения слова) она, как бы походя, вспахивает все это пространство и обнаруживает в подпочве столь богатый материал, который позволяет формировать уровень конструктов в виде семантических моделей или схем. Практически можно представить себе, что подобно тому как этимолог заглядывает в некое пособие или в свою собственную память, где хранятся схемы фонетических соответствий, он некогда в будущем обратится к пособиям, где будут храниться сведения о схемах семантических импликаций и зависимостей. Эта аналогия, конечно, дает некоторые основания говорить о "теоретичности" этимологии уже и на фонетическом уровне (тем более, что становление сравнительно-исторической фонетики и научной этимологии шло нога в ногу друг с другом). Но различие между этими двумя "теоретичностями" принципиальное. Тайный, а иногда и

явный мотив любой этимологии, – открытие "первосмысла" слова, и в этой ситуации ф о н е т и к а п о д с о б н а (... *когда фонетика служанка серафима...* – скажет об этом поэт), и ее роль исчерпывается тем, что она один из способов проверки и доказательности правильности этимологии. Смысл же даже и в пространстве фонетики (точнее, фонологии) никогда не опускается до роли "служанки", до подсобной функции, хотя по совместительству он может выступать и как средство контроля и проверки правильности фонетических заключений. Если же это так, то этимология не только "берущая" наука, но и наука "д а ю щ а я" – и не скупо и по частным поводам, а щедро и в общем, в сфере принципов и законов. Более того, только в "семантическом" и "транс-семантическом" пространствах этимология становится мощным средством реконструкции "культурных" моделей и прежде всего главной из них – модели мира, с одной стороны", и того менталитета, который порождает эту модель мира и воспринимает и толкует всю "мировую" эмпирию в рамках этой модели. Но можно пойти и еще дальше. На этих путях сама этимология как раскрытие-восстановление корпуса актуальных первосмыслов и их организации в целом смысла может пониматься как некая форма записи и самой модели мира и самого менталитета.

И здесь этимология снова оказывается по сути дела у того же предела, от которого некогда она пыталась так настойчиво уйти, вычеркнув из своей памяти *бессвязные и смутные уроки* мифопоэтической этимологии. Но к новой встрече "научная" этимология пришла с новыми ресурсами. В частности, она, кажется, начинает догадываться, что, открывая первосмыслы, она не только (а может быть, и не столько) открывает их, но и т в о р и т их, и в этом отношении этимолог сродни поэту или ономатету. И, значит, в известном пределе "научная" и мифопоэтическая этимологии сливаются почти до неразличимости. Если это так, если у них единый корень и общее "родимое лоно", то из этого можно заключить об общей причине, их вызвавшей к жизни, и о том, что "научная" этимология – это лишь предельно специализированная часть единой некогда "этимологии", на время поступившаяся широтой и "жизнестроительностью" ради точности, строгости, "объективности", а в будущем, уже зримом по его отблескам в настоящем, имеющая вернуться к своим с т а р ы м началам на н о в ы х путях.

В этом широком контексте едва ли стóит настаивать на слишком большой четкости и безотносительности границы между этимологизированием ученого-этимолога и этимологизированием человека, стоящего вне научной традиции (можно напомнить, что способность к этимологизированию как таковому, иногда сознательному, а иногда полусознаваемому или даже вовсе несознаваемому, явление того же рода, что и музыкальная способность на уровне не просто восприятия, но и репродуцирования и варьирования "музыкальных" впечатлений; во всяком случае число "стихийных" этимологов, стоящих вне "научной" традиции, поэтов-этимологов, философов-этимологов, религиозных мистиков-этимологов на много порядков больше, чем представителей "научной" этимологии). В конечном счете сам феномен этимоло-

гизирования не может быть выведен за пределы некиих важных жизненных потребностей. Сказанное не исключает роли этого феномена как некоей интеллектуальной игры, но ею вовсе не исчерпывается: более того, и сама потребность в этой игре отражает, хотя и в преобразованном, так сказать, "алгебраическом" виде, исходные жизненные потребности ("needs").

В этом контексте этимологизирование как минимум есть определенный жизненный императив, своего рода попытка нахождения ответа на некий вызов, исходящий от жизни, которая требует от человека и прояснения, организации, логизации материи жизни, умения переходить от непрерывного к дискретному, и одновременно обратного этому – растворения в стихийном, выхода за пределы "здравого смысла" и сознания, умения от дискретного прийти к непрерывному, т.е. как бы вернуться в актуальном настоящем к своим истокам, к своему прошлому жизненному опыту. Иначе говоря, этимологизирование, по сути дела, совмещает в себе то, что, по Леви-Строссу, свойственно и мифу и ритуалу, и поэтому этимологизирование должно пониматься (особенно применительно к своим ранним этапам) и как процесс порождения "этимологических" мифов, и как совершение некоего "этимологического" ритуала, восстанавливающего связь человека со своими истоками, с уровнем "первофеноменов", со стихийно-непрерывным.

В этой дву- и разно-направленности этимологизирования легко обнаруживается аналогия с другими конструкциями, назначение которых в сохранении максимальной устойчивости независимо от того, с какой стороны идет угроза. Эта аналогия имеет глубокий смысл, и она в известном отношении по-новому определяет место самого явления этимологизирования в духовной жизни человека, но об этом – в другом месте и в другое время. Здесь же и сейчас важнее сказать не о той "светлой" стороне этимологизирования, которая связана с "здравым смыслом", логической организацией, законосообразностью, т.е. сферой возможного, конечного, рационального и поддающегося верификации, предполагающего ориентирование в некоем пространстве смысла и поиск "последней" истины, но о той стихийной "темной" части, которая связана с выходом в некое "метафизическое" пространство и которая соответственно является потенциальной основой "метафизической" этимологии и сопоставляемого ей этимологизирования. Два тезиса, вероятно, заслуживают особого внимания в этой связи: первый – "метафизическая" этимология начинается сразу же за "физической", или "научной", и внутренне с нею связана, хотя и в основном через снятие-преодоление ее постулатов; второй – "метафизическая" этимология как особый род философской рефлексии на языковом материале, рассматриваемом sub specie "первофеноменов", является именно тем уровнем или модусом, где "научная и "мифопоэтическая" этимология ближе всего подходят к другу, взаимно дополняют друг друга в некоем целом, но, так сказать, принципиально неконвертируемы друг в друга. Как и всякая метафизика, "метафизическая" этимология во вражде со "здравым смыслом", хотя бы потому, что она начинается там, где "здравый смысл" кончается. У нее нет ни постулатов, ни доказательств:

она действует там, где недоказанное и даже недоказуемое. Она отвергает принудительность истины, и самое тень принудительности рассматривает как знак удаления от истины: истина для нее избирательна, и этот выбор свободен от диктата *мира сего*. Она – не о видимом и конечном, но о невидимом и бесконечном. Для нее главное – не что и как есть (было) на самом деле, но и с т о л к о в а н и е того, что и как есть (было), ибо это последнее интересует человека больше, чем это "бытие на самом деле", поскольку истолкование есть внесение смысла, осмысливание, которое отвечает основному назначению человека в той точке его естественной, "природной" эволюции, где инициативу перехватывает "культура" и человек вовлекается в пространство духа, сознавая, что в нем нет и не может быть последнего решения, ибо это пространство разомкнуто и всегда пребывает в своей открытости. Бесконечное осмысливание ставит сильный антропоцентрический акцент на "метафизической" этимологии и объясняет "дерзновенный" отказ от "здравого смысла", поскольку это отказ от конечного, от смысла как объекта, от смысла как некоей овеществленности и, следовательно, завершенности. Этим актом отказа "метафизическая" этимология, по сути дела, выдвигает идею смысла как "свободно" действующего с у б ъ е к т а развития, как л и ч н о с т и[1], оторвавшейся от "рода" и актуально-бесконечно пребывающей в состоянии "запредельности". Это введение в этимологию (как и в ряд других областей науки о языке) субъективности как личностного начала соответствует некоей общей тенденции к выбору наиболее острых и напряженно-интенсивных продолжений общей идеи антропоцентризма в науке о духе и знаменует нахождение некоего потенциального контекста, в котором обнаруживаются точки схождения-примирения онтологической ("философской") этимологии как особой разновидности "мифопоэтической" и традиции "научной" этимологии. Не трудно догадаться, что в *этом* смысле и в *этих* обстоятельствах общий корень обеих этимологий в конечном счете находится в сфере бытийственного, истолковываемого как открытие его глубинных смыслов.

Заметка, следующая далее, – не более чем одна иллюстрация некоторых проблем, возникающих на грани "четвертого" и "пятого" периодов в развитии этимологии. Выбор конкретной темы предопределен ключевым положением феномена знаковости в развитии культуры (другие опыты в разработке этой темы представлены в работах, которые или уже опубликованы, или написаны и находятся в рукописи).

1. Еще раз о знаке, знаковом пространстве и мотивировке обозначения знака (случай **g'en-*)

В архаичных космогониях и антропогониях появлению человека предшествует создание некоей твердой надежной материальной опоры и дальнейшая деятельность по укреплению, расширению, совершенствованию и "объектному" заполнению этой основы. В истории становления с о з н а н и я аналогичным образом главной задачей становится создание д у х о в н о й опоры и ее последующее развитие-возрастание. Во всех известных культурных традициях человек полагает такой основой-

опорой сознание внутри себя, знак вовне и значение-смысл, соединяющее то и другое в некое целое[2]. Помимо функциональной связи этих трех элементов друг с другом ("оснóвность-опорность" как локус рождения и роста-возрастания всего, что эта основа-опора несет на себе и чем она уже по самомý первоначальному замыслу чревата, беременна, ср. *понестú* 'забеременеть', *носить плод* и т.п.) между ними существует и более фундаментальная и внутренне-интимная связь – родство, обнаруживающее себя уже в звуковом обозначении этих трех элементов. Общий корень этого родства и знак его связан с идеей знания (: *зна-ть*). Это русское слово органически включено в весьма обширный и бесспорный индоевропейский контекст (**g'en-* : **g'enə-*: **g'ne-*: **g'nō-*. Pokorny I, 376–378). Единственная и, казалось бы, малозначащая неясность – приблизительность значения ('erkennen', 'kennen') – образует, однако, очень серьезное препятствие для понимания того исходного целого, частью которого является **g'en-* 'знать' (это значение условно в том отношении, что оно частично, во-первых, и представляет собой, так сказать, "поверхностный" семантический элемент, во-вторых; внутренняя форма этого элемента и, следовательно, его семантическая мотивировка остаются неясными). Пробиться к этому искомому целому можно двумя путями – изнутри, пытаясь вскрыть глубинный ("исходный") смысл того, что приблизительно обозначается как 'знать', и извне, на путях поиска той части, которой недостает в этом целом.

Второй путь в 50-ых годах привел к совершенно очевидному результату, но сама очевидность должна рассматриваться как серьезнейший укор этимологам в весьма поверхностном, можно сказать, легкомысленном отношении к проблемам семантики, более того, в упорном незамечании того, что как раз и лежит на поверхности. К сожалению, семантика этимологических исследований во многих случаях не более чем "бумажная" семантика. Найденный как бы прямо на земле, под ногами, и обоснованный результат связан с именами Исаченко и Трубачева[3], хотя справедливости ради надо отметить и более ранние попытки, которые, однако, будучи правильными в главном, обнаруживали ошибки или изъяны в мотивировках результата и не были усвоены этимологией в целом (особо здесь нужно выделить относящуюся еще к 20-ым годам попытку Гюнтерта восполнить **g'en-* 'знать' до целого)[4]. Этот результат состоял в указании генетического единства **g'en-* 'знать' и **g'en-* 'рождать(ся)' и в попытке построения семантического "моста", один конец которого опирается на "знание", а другой – на "рождение". Первая часть этого результата бесспорна[5], вторая – принципиально верна, хотя может быть оспорена в некоторых деталях. При всех достоинствах указанных двух опытов решения проблемы целого ("Ur-**g'en-*") им свойствен общий недостаток. Он состоит в том, что оба **g'en-* ('знать' и 'рождать(ся)'), с которыми имеют дело исследователи, берутся как бы в их "конечном" семантическом облике – при том, что каждое из этих **g'en-* оказывается практически цельным, нечленимым, в результате чего основной ресурс в реконструкции общей части (невидимой), соеди-

няющей две другие (видимые части), сводится к умозрительному подбору соединительных семантических блоков. Естественно, и этим нельзя пренебрегать – тем более, что в ряде случаев предлагаются удачные или во всяком случае перспективные решения, чаще всего, однако, имеющие статус гипотез. Но этот метод поиска решения нельзя отнести ни к самым простым, ни к самым надежным. Из первого не вполне корректного допущения (выбор 'знать' и 'рождать(ся)' как семантически надежных опор, на которых строится дальнейшее исследование) следует, видимо, так же некорректно сформулированная альтернатива: что из чего? 'знать' из 'рождать(ся)' или, наоборот, 'рождать(ся)' из 'знать'? Третья возможность – развитие из одного общего источника, отличного от обоих конечных результатов, оказывающихся итогом "равноправного" развития, – по сути дела, оказалась даже не обозначенной.

Основной вклад О.Н. Трубачева в разработку этой конкретной проблемы (помимо признания генетической связи двух **g'en-* и, следовательно, постулирования некоего единого их источника) нужно видеть в более специализированных и более важных деталях – в установлении рефлекса и.-е. **g'en-* 'рождать(ся)' в славянских языках, в анализе с этой точки зрения продолжений праслав. **zębati*: **zębnǫti* и **znobiti*, наконец, в ряде оригинальных предложений, касающихся семантических мотивировок. Тем не менее небесполезно, видимо, вернуться и к самой проблеме двух **g'en-* и обозначить соответствующий внеязыковой контекст, в котором уже сложилась ментальная конструкция и внутри ее оказались органически сопряженными две идеи – знания и рождения (если пользоваться этими условными переводами древних индоевропейских понятий на более "примитивный" язык сравнительной семасиологии). Основной смысл, основная задача, основная цель существования человека в духе состояли именно в п о и с к е с м ы с л а (сразу же надо подчеркнуть, что смысл нисколько не похож на сокровище, упрятанное в тайном месте и пребывающее там во всей своей творческой полноте и законченности). В известном отношении смысл подобен архетипу: он не отделим от человека, но проецируется вовне, в эмпирию бытия и в сферу ее восприятия (в некотором роде смысл, как и архетип, – форма, готовая к вмещению содержания, не столько конкретная данность, сколько facultas praeformandi в юнгианской трактовке архетипа). Поэтому, ища смысл, человек одновременно выстраивает его. Это положение носит универсальный характер в отличие от более частных случаев, когда человек единолично конструирует некий новый смысл в порядке некоей création pure, творческого произвола, или же, наоборот, нежданно-негаданно находит неизвестный ему смысл. Возвращаясь же к более общей ситуации, можно сказать, что, если "поиск смысла" не безуспешен (а это не просто статистически наиболее частый вариант, но естественное следствие исходной установки и того соответствия мира и смысла, которое определяет главное в "геометрии" бытия человека в мире), то он приводит к н а х о ж д е н и ю, о т к р ы в а н и ю, р о ж д е н и ю новых смыслов и углублению известных ранее, к расширению этой "смысловой" *terra ferma*, к становлению логосного универсума, наконец, к выдвижению

задачи проверки достоверности соответствия нового смысла как слову, так и делу, т.е. миру, и к тому, чтобы смысл стал самодовлеющим явлением, категорией о с о з н а в а е м о й человеком, который получает возможность сознательно (по крайней мере в "сильных" ситуациях) осмыслять нечто, до конца еще не проявленное, т.е. находить сам смысл, иначе говоря, различать смысл-объект и "мета-смысл", как вторичную операцию осмысления смысла с соответствующей его экспликацией.

Семантический комплекс "нахождение-открывание-рождение", описывающий цели человека в его поисках смысла, пожалуй, наиболее непосредственно демонстрирует близость двух идей – "рождения" и "знания", – в основе которых единый концепт, выступающий в виде специализированных вариантов в зависимости от того, идет ли речь о сфере "биологического" или "когнитивного". Параллелизм обоих этих рядов удивителен и прослеживается с древних источников до самых современных[6]. Есть достаточно оснований, чтобы не сводить этот параллелизм к простому матафоризму, но видеть в нем отражение фундаментального единства "верхней" и "нижней" потенций (ср. **mǫd-rъ*: **mǫd-ě*, ср. **čelo*: **čelnъ* как 'membrum virile'), интеллектуальной (духовной) и физической плодотворящей силы, когнитивного и относящегося к биологическому воспроизводству.

Говоря о возникновении з н а к а, обычно исходят из ситуации, которая не вполне адекватно описывает суть дела. Знак чàще всего склонны понимать только результативно и/или инструментально, что, конечно, поддерживается и тем обстоятельством, что слово для знака нередко имеет средний род, ср. др.-греч. σημεíον, лат. *signum,* др.-инд. *liṅgam*, нем. *Zeichen* и т.п. Знак, действительно, п о р о ж д а ю т, производят, делают, устанавливают, и в этом отношении он объект действия[7]. Но это одна сторона дела, не дающая забывать о другой: з н а к о з н а ч а е т, з н а к з н а ч и т, и это означение-зна́ченье, собственно говоря, и является естественным и, по сути дела, единственным предикатом знака, выступающего как субъект действия (σημεíον σημειόει, *signum significat* и под.). Акт означения-зна́ченья всегда есть открытие, нахождение, порождение чего-то в "подзнаковой" сфере, что может быть "означено", и нового знака в "знаковой" сфере, отсылающего к соответствующему элементу "подзнаковой" сферы, и, наконец, самой связи между "подзнаковым" и "знаковым". "Означающее означает означаемое" – вот тот "логический" контекст, который является исходным и принципиальным локусом знака и который не исчерпывается тавтологией, потому что она, как и в ряде других ключевых случаев ("бытие бытийствует" и под.), отсылает к некоей "нераздельной" протоситуации, для которой характерно действие, исходящее от его субъекта и обращенное на него же самого (эта "авторефлексивная" схема лежит, например, в основе ряда вариантов древнеиндийского мифа творения – о порождении сущего самим собою из самого себя).

Эта конструкция-схема имеет непосредственное отношение как к лежащей в основе семиозиса идее и к мотивировке конкретных обозначений знака в ряде традиций, так и к мотиву с о и т и я, з а ч а т и я и

п о р о ж д е н и я, имеющему отнюдь не только метафорическое значение в связи со знаком. Несколько соображений по этому поводу, которые подробнее изложены в другом месте[8], не будут лишними и здесь.

Оставляя в стороне частности, уместно напомнить о др.-инд. *liṅga-*, слове, которое в особой рельефностью отражает направление смыслостроительной "тяги", так властно определявшей развитие древнеиндийской культуры. Достаточно напомнить, что сфера употребления этого и соответствующих ему понятий очень широка – не только анатомия и физиология и то, что можно было бы назвать "семиотическим" аспектом культуры, но и ритуал, мифология, изобразительное искусство, архитектура, поэтика, риторика, грамматика, логика и т.п., и что индоевропейский контекст этого слова весьма показателен и многое объясняет именно в смысловой обусловленности-мотивированности этого слова, о чем уже писалось ранее. В данной же ситуации важнее отметить другое – сочетание в *liṅga-* "анатомически-физиологического" и "когнитивного": говоря в общем, *liṅga-* обозначает прежде всего з н а к, признак, с одной стороны, и мужской детородный член и его ритуальный знак, – с другой. Это сосуществование значений 'membrum virile' и 'знак' (притом 'знак' вообще, а вовсе не только 'мужской знак') вводит в самую сердцевину проблемы. Как известно, "линга" – самая характерная черта фаллизма шиваитского толка в Индии, начиная с доведийских времен (ср. изображения итифаллического божества на печатях из Хараппы). Вероятное соотнесение фаллических символов с женским символом (*yoni-* 'vagina') в многочисленных конструкциях, состоящих из кольцеобразных горизонтально положенных камней и как бы прорастающих сквозь них конических предметов (типа колонны, являющейся в свою очередь трансформацией образа мирового дерева), отсылает к иной композиции, распространенной в древней цивилизации долины Инда, – Богиня-Мать в виде беременной женщины или "рогатая" богиня у священного фигового дерева (Ficus religiosa – *píppala-*), очевидно, соотносимая с "рогатым" Прото-Шивой, с продолжением которого как раз и связан образ "линги" в первую очередь (в мифах гондов Шива иногда обозначается как *Lingal*, т.е. персонифицированный мужской член). Эта "женско-мужская" игра, поддержанная многочисленными аналогичными образами во многих традициях, а также более поздней супружеской парой Шива и его жена, воплощает идею соития и плодородия. Функция такой пары – в преобразовании огромных плодоносных возможностей в соответствующий результат – реальное плодородие. Этот результат достигается в результате с о и т и я (ср. русск. *познáть* в этом значении), з а ч а т и я (**za-čęti*: **na-čęti*, отсылающие к идее начала) и р о ж д е н и я. В этой "био-логической" триаде обозначение каждого звена актуализирует идею знания: соитие – з н а к о м с т в о; зачатие – п о - з н а н и е ; рождение – подлинно осуществленное з н а н и е, результат и свидетельство его, выведенные наружу, вовне как з н а к. Соитие как встречное движение мужчины и женщины есть внешний з н а к-з н а к о м с т в о (ср.: *Хотя мы* (девушку. – *В.Т.*) *не взяли, / Мы з н а к положили – / Косу растрепали, / По плечам расклали* (СРНГ 11 305), ср. *знакóмиться*,

применительно к молодым, как семиотический акт обоюдного предъявления своей "отмеченности" и обмена этими "отмеченностями", как вступление в знаковое пространство, где отныне всё – каждое слово, каждое действие – становится по-особому значимым). Соитие как осуществленная встреча двух полов, как завершение ее есть внутренний з н а к-п о-з н а н и е, плод – результат "познания", который сам образует знак-свидетельство удачного соития. Не случайно, что все связанное с отношением полов и браком пронизано знаковостью, и она как таковая фиксируется языком именно как таковая. "Отцы жениха и невесты, подходя друг к дружке в день сговора, говорят: *Здравствуй, сват, сосватавши, / По рукам ударивши / И з н а м е м   п о з н а м е в ш и*", псков. (СРНГ 11, 307); – "Решившись на побег, девка в з н а к согласия давала парню з н а м я: ширинку, опояску, холст, зипун, словом что-либо из своего приданого", перм. (СРНГ 11, 308). Особенно показательно обозначение девственности – *знатá* (думается, что 'девственность' не более чем экстенсивное значение этого слова, а смысловая "соль" этого слова именно в "отмеченности" девицы, вступившей в пространство встречи и отношений с противоположным полом и имеющей пройти вскоре этот путь до конца), ср.: *Да хоть она по ночи ходила, / Да при себе з н а т у носила, / Да носила же ее столько лет, / Да своему Ванюшке на совет,* донск. (СРНГ 11, 309) и др.; к *знатá* ср. *знат* (*знатом не знать)*; особого внимания заслуживает рус. диал. *знать* 'знак', 'след чего-либо' в характерном контексте – *Это миленький писал, / Любовь свою объявлял. / Он такую дал мне з н а т ь, / Чтобы я ишла гулять,* новгор., иркут. (СРНГ 11, 312)[9]; ср. также в старых текстах: *А кто дасть дочерь замужь... и онъ дасть ... десятилнику владычню от з н а м е н и полторы денги...* Уст. Онеж. гр. 1536; ... *попы вѣнчають въ своихъ приходѣхъ хрестьянъ безъ нашего знаменщика знамянъ...* Грам. Рост. архиеп. Досиф. 1542; *А вѣнчати имъ свадбы въ своимъ приходѣ безъ знамени и безъ печати...* (Срезневский I, 991) и др.

Последнее отождествление (рождение как подлинное знание) подтверждается и с обеих сторон, каждым из членов уравнения "рождение-знание". Рус. *роди́ть* (праслав. **roditi*), как было показано в другом месте[10], в свете балтийских и индо-иранских параллелей (ср. лит. *ràsti*: *rañdu, rãdau,* лтш. *rast*: *ruòdu* (*ruonu*), *radu,* вед. *rad-,* иран. *rad-* и т.п.) обозначает нахождение-открытие, приносящее новое, ранее отсутствовавшее з н а н и е, и это нахождение-открытие в реконструкции как бы сверх-эмпирично: оно – з н а ч и м о и потенциально знакообразующе. Рус. *зна́ние* – отглагольное образование от *знать*, которое в конечном счете восходит к и.-е. **g'n* - (: **g'en-*), обычно трактуемому как два омонимичных корня с "разными" значениями – 'знать' и 'рождать' (ср. соответственно др.-инд. *j náti: janati*, др.-греч. γιγνώσκω: γίγνομαι, γεννάω (ср. соотв. – γνῶμα 'признак, примета' и γένεσις 'vagina', 'родимое лоно' – при γνωτός 'известный, знакомый', но γνωτός 'близкий родственник', обычно брат, γνωτή 'близкая родственница', преимущественно сестра), лат. *gn rus*: *gigno* и т.п.), но на самом деле

искони представляющему единый общий корень, обозначающий два разошедшихся варианта о д н о г о глубинного смыслового комплекса – "познать как (чтобы) родить и родить как (чтобы) познать". Формулировка смысла и.-е*g'*en-* в этом случае тоже не является ни окончательной, ни конечной, и ее характер скорее обусловлен соотношением двух задач – экспликацией более ранней стадии развития значения у этого корня и сохранением связи между этой стадией и современным кругом значений. Вместе с тем эта промежуточная формулировка смысла, открывающая более архаичный семантический пласт, чем тот, что засвидетельствован (или во всяком случае так понимается) в древнейших из известных индоевропейских языков, и являющаяся, по сути дела, чистой реконструкцией, вполне подтверждается и конкретными примерами из древних текстов. Так, для Платона и Сократа в свете его "майевтических" идей обретение знания и есть роды, рождение – "И мы всё еще беременны з н а н и е м (περὶ ἐπιστήμης) и мучимся им, милый друг, или уже все р о д и л и на свет (πάντα ἐκτετόκαμεν)?" (Theaet. 210b). При учете архаичных представлений о смерти как начале нового рождения и рождении как начале смертного пути особое значение приобретают "семейные" ритуалы, приуроченные к этим переходным ситуациям и известные в ряде традиций. Ритуал, связанный с рождением (ср. др.-инд. *Jātakarman, jātakṛtya*), обычно состоит из ряда "под-ритуалов" (один из них, между прочим, *Medhājanana*, т.е. з а р о ж д е н и е-генерирование разума, мудрости как способности п о з н а н и я), последним из которых чаще всего оказывается *Nāmakaraṇa* (*nāmadheyakaraṇa*), т.е. имянаречение, имяположение. Новорожденного рассматривают и по разным признакам пытаются угадать, у з н а т ь, открыть-р о д и т ь его подлинное имя, поскольку именно оно и составляет суть человека, его "внутреннее"[11]. Оно хранится в тайне (*guhyaṃ nāman-* 'тайное имя'), его знают только родители, но ребенку дается и явное имя (а иногда и третье)[12]. Разумеется, узнавание имени не противоречит наличию некиих явных и заранее известных требований к выбору имени – как вообще, так и в данном конкретном случае. Но и на другом рубеже смерти-рождения возникает мотив знания-узнавания, также сопряженный с мотивом "родового", родства, отсылающего к рождению, к общему истоку его. В свое время В. Шульце, комментируя генетическую связь др.-инд. *jñāti* 'родственник' и *jñā-* 'знать' (впрочем, и без того не вызывающую сомнений), привел диагностически важную ситуацию из одного древнеиндийского текста: вокруг умирающего человека сидят его родственники (*jñātayaḥ*) и вопрошают его: "Узнаёшь ты меня? Узнаёшь ты меня? (*janasi mam*, от *jñā*-)"[13]. Если вспомнить, что древнеиндийский брак заключался с четко выраженной целью порождения потомства[14] и предполагал установление нового родства, как бы рождения в новом для себя роде для порождения детей, каждый из которых потенциально открывает свой род, что, как всякий брак (*vivāha-*), и индийский предполагает знакомство, узнавание,

познание (ср. выше примеры из русских свадебных обрядов), то оказывается, что все три главных рубежа-события в цепи рождений и смертей воспроизводят сочетание одних и тех же двух ключевых мотивов – з н а н и я и р о ж д е н и я.

В этом контексте едва ли можно сомневаться, что рус. *знак* (<**zna-kъ*), являющееся производным от *знать* (<**znati*, ср. "результативное" *-k-*: *брать – брак* /замуж/, *реветь – рык, звать – зык* и т.п.), равно принадлежит двум эксплицированным рядам – "когнитивному" (з н а к о м и т ь с я, т.е. создавать условия, в которых возможно обретать знание, двигаться к нему, – у з н а в а т ь-п о з н а т ь, т.е. получать "прибыточный" результат как завершение процесса познания) и "жизненно-биологическому" (сойтись-п о з н а к о м и т ь с я – зачать-п о з н а т ь – родить, т.е. открыть-найти новое з н а н и е о своей родовой ситуации на очередном витке жизненного цикла). Главное знание в обоих случаях, конечно, о себе и для себя; это знание приобретает наибольшую силу и наиболее глубокий смысл, когда оно – с а м о п о з н а н и е, и через всю жизнь развертываются некие предельные си-туации, когда человек должен ответить себе на вопрос, самим собою и/или ситуацией задаваемый: "кто я?" или – в период "доличностного" сознания – "какого я рода?" Классическая схема брачного обряда вскрывает в нем его первоисточник, тот прецедент, который предшествует всем другим бракам, из него выводимым и его воспроизводящим, и имел место в "первоначальное" время. Этим источником была и е р о г а м и я, священный брак, в котором сочетались божественные Первожених и Первоневеста и где было первое знакомство-узнавание, первое познание-соитие и первое рождение в космизированном уже мире, образовавшее первый род, первый пример, которому в дальнейшем будут следовать и люди. В брачной церемонии подразумевается или даже явно ставится вопрос к брачующимся (или во всяком случае и жениху) "кто ты?" Он как бы генерирует более острую форму вопроса, переадресовываемого адресатом к самому́ себе. В этой своего рода инициации он должен не просто ответить: "я – имярек такой-то", но и обнаружить более глубокое знание или найти его (узнать) на месте и ответить, кто он именно сейчас, как жених совершающегося бракосочетания, т.е. уметь назвать свой божественный прототип, участника иерогамии[15].

В свете сказанного никак нельзя исключать, что первоначально если не единственный, то во всяком случае преимущественный локус знания был ограничен сферой (идеей) рода – родства – рождения. З н а т ь значит родить, установить родство, поддерживать его цепью рождений, "знать" свои родовые связи – как кровнородственные, так и благоприобретенные, новые. Мотивы рода-родства и знания-познания, а также их нераздельности на глубине, постоянно и настойчиво воспроизводятся как в терминологии и фразеологии, связанной с браком (частично см. выше), так и вне их; ср. рус. диал. *знамьеце* 'р о д и м о е пятно, р о д и н к а' (СРНГ 11, 308), *знатьба* 'р о д и м о е пятно', но и *знатьба*, *знатьбо* 'знак, метка', ср. *р о д и м н о знатьбо* (11, 313) как знак рода-рождения (знать × рождать(ся))[16].

Характерен и другой аспект проблемы, вернее, тот вид, в каком она

обнаруживает себя, конституируя этим некое новое пространство. В обоих указанных выше рядах результат знания обнаруживает себя как знак (праслав. **zna-kъ* < и.-е. **g'nō-k-*: **g'en-*): в первом случае – знак обретенного нового знания, во втором – знак достигнутого нового звена в цепи рождений, в потомстве, в родстве. Не случайно, что и др.-греч. γένος и лат. *genus* реализуют примерно тот же (кроме 'membrum virile') круг значений, что и др.-инд. *liṅga-*, а именно – 'рождение'; 'род, семья, родственники, племя'; 'потомство, потомки'; 'пол'; 'вид, разновидность'; 'порода'; 'класс, род' (*логич., грамматич., поэтич., филос.*); 'стиль, манера'; 'жанр' и т.п. Сумма этих значений, совпадающая в разных культурно-языковых традициях, и пути формирования этой суммы в ходе исторического развития, несомненно, еще один аргумент в пользу единства знака, замыкающего на себе "физиологическую" материальную и "психоментальную", духовную линии эволюции. Каждая из них соучаствует, сотрудничает в рождении-познании знака и определяет условия и причины прорыва человека в знаковое пространство, обозначая тем самым начало "семиозиса" (ср. σημείωσις 'обозначение', в данном случае выразительнее – 'обозначивание' – как и порождение отдельных конкретных знаков и становление их системы, знакового пространства).

Некоторые конкретные продолжения и.-е. **g'en-* в отдельных языках дают повод к постановке ряда вопросов. Лишь один будет здесь вкратце обозначен. Речь идет о возможностях реконструкции в сфере и.-е. **g'en-*. Так, обращает на себя внимание отсутствие в др.-греч. γένος и лат. *genus*, обладающих весьма широким кругом значений, значения 'membrum virile' (в отличие от др.-инд. *liṅga-*). В связи с некоторыми конкретными фактами и соображениями общего характера это обстоятельство приглашает к размышлению. Тем более это относится к словам того же корня, обозначающим родителя-отца и родительницу-мать, ср. др.-греч. γενετήρ, γενέτωρ, γενέτειρα, лат. *genitor, genetrīx* и т.п. (: и.-е. **g'enə-ter-*). Есть основания и внутреннего и внешнего характера для того, чтобы высказать предположение о непервоначальности привязки и.-е. **g'enə-ter-* к персонифицированным образам субъектов рождения. Всё, что известно об архаичных представлениях о становлении категории субъекта как деятеля, т.е. персонифицированного agens'а, по данным языка, в сочетании с единым происхождением суффиксов для nomen agentis и nomen instrumenti (соотв. – **-ter-*, **-tro-* и под.), приводит к мысли, что исходным локусом предпочтительнее считать "инструментальный", в частности, теснее связанный с локальными значениями, особенно в случае обозначения пассивного деятеля. В самом деле, уже др.-греч. γένος отсылает к категории п о л а, ср. γένος ἄρρεν 'мужской пол' и γένος θῆλυ 'женский пол' (например, у Аристотеля). Еще показательнее др.-греч. γένεσις, которое помимо других (обычно абстрактных) значений непосредственно относится и к обозначению женского полового органа (παιδοπόρος γένεσις. Anthol. Palat.), понимаемого как средство-место рождения. Но еще убедительнее древнеиндийские данные. Если *janitár, janitrī*, подобно γενετήρ, γενέτειρα и *genitor, genetrīx*, обозначают

соответственно родителя-отца и родительницу-мать, то др.-инд. *janítra-* привязано уже только к м е с т у рождения, которое нужно понимать, видимо, не как то внешнее пространство, где имело место рождение, но как материнское лоно в совершенно конкретном или несколько "фигурализованном" смысле, ср. в гимне, посвященном восхвалению коня – *yátra ta āhuḥ paramáṃ j a n í t r a m* (RV I, 163, 4) "(там), где, говорят,

твое высшее место рождения" (ср. X, 56, *paramé janítre,* а также VII, 56, 2). Слово *paramá-* в сочетании с *janítra-* пока не поддается однозначному, точнее, достаточно корректному объяснению. Очевидно, что "высший", "höchste" и т.п. как варианты перевода не означают, что рождение имело место на б о л ь ш о й высоте. Элемент "положительности" в этом эпитете несомненен, но можно думать и о возможности более конкретных истолкований – крайнее (*paramá-*), окончательное, так сказать, завершающее рождение как появление на свет, феноменализация этого акта, а не как зачатие, которое в определенном круге представлений тоже понималось как рождение (но п е р в о е). Как космогония представляет собой с е р и ю творений мира, так и эмбриогония может быть представлена как р я д (ежемесячных) рождений[17], последнее (крайнее) из которых, связанное с выходом из материнского лона, обычно только и называют рождением.

Не менее интересны русские и – шире – славянские данные этого рода. Прежде всего источники говорят о *мужских* (и *женских*) *знаках* (признаках) – как явных (борода), так и тайных, скрываемых (детородный член)[18], или о *знаках мужества.* Также говорят и о знаках девичества, девственности (ср.: *Пакли же правда есть что на нее молвилъ, и не покажуть з н а к о в д е в и ц ь с т в а ее или отець и мати ... принесуть съ собою з н а м е н а д е в и ц ь с т в а е я...*[19] и многие другие примеры этого рода). В этом контексте несомненно праславянское происхождение сочетания **mǫžь* (**mǫžьskъ*) & **znakъ* и, очевидно, отнесение этого сочетания прежде всего к детородному члену. Поэтому очень велика вероятность, что праслав. **znakъ* некогда обозначал именно фаллос как agens рождения, не отделимый от инструментального средства рождения. "Знак значит (означает)" могло предполагать тавтологическую формулу (подтверждаемую и соответствующими примерами из других традиций, где представлено сочетание продолжений и.-е. **ĝen-*. Subj. & **g'en-*. Praedic., т.е. один элемент именной, другой глагольный) с условным значением "penis (penem habens) futuit" или "signum (signum habens) significat". "Знак значит" в русском диалектном коде есть п о л о ж е н и е з н а к а (ср. и.-е. **dhē-* в формулах эротического содержания), и знак п о л а г а е т с я и при знакомстве, и при соитии-зачатии, и при рождении[20].

Собственно говоря, нет особых оснований сомневаться и тем более удивляться самой в о з м о ж н о с т и такого значения у праслав. **znakъ*, в частности, и потому, что **mǫžьskъ* & **znakъ*, каковы бы ни были его реальные денотатные воплощения, в известном смысле не могло не

относиться и к главному мужскому знаку – membrum virile. Помимо уже указанного выше достаточно напомнить о хетт. *genu-* 'половой орган', естественно соотносимым с и.-е. **g'en-* и, следовательно, понимаемым как своего рода "родитель" (он же – "полагатель знака"), как "инструмент-средство рождения"[21]. Учитывая, что хетт. *genu-* (*gi-e-nu*, *gi-e-nu-uš-*) обозначает и коленный сустав, в Plur. к о л е н и[22], точнее, что это слово обозначает и колено и гениталии и так или иначе соотнесено с идеей ломания-излома (*genu-* как глагол), открываются дальнейшие возможности для выдвижения новых предположений, в своей сумме открывающих некий новый контекст. Подобно тому как кажущаяся на первый взгляд "случайно-омонимичной" пара и.-е. **om(e)sos* 'плечо': **omsos* 'усы' может объясняться и иначе – плечо как мера "размаха" усов, что и становится основанием для переноса обозначения с одного денотата на другой (об этом писал в свое время О.Н. Трубачев), ср. *усы по плечам* или *по плечи* (примеры этого рода, как выяснилось, нередки и образуют некий трафарет "форсированно-гротескного" портретного описания, ср.: "... мужчина трехметрового роста, с усами аккуратно разложенными по плечам...". Ю. Буйда – "Апокрифы нового времени"; ср. также сказочного богатыря *Усыню*, своими усами запруживающего реку и персонажно-типологически соответствующего древнеиндийскому демону Вритре, чье имя значит – 'запор, затвор, преграда' /*vṛtra-*/, делающему то же, что и Усыня и определяемому эпитетом *ví-aṃsa-*, букв. – 'с разведенными плечами, широкоплечий' /*aṃsa* < и.-е. **omsos*/), – пара **g'enu-* 'колено': **g'enu-* 'penis' дает бесспорное основание для утверждения об исконном единстве и актуальной связи этих значений, во-первых, и известное основание для понимания колена как предела, которого может достичь "знак мужества", когда он функционирует (ср. рус. *х.. по колено,* ср. *fine genus*. Ovid. 'до колен'.

Этот контекст, кажется, бросает свет на ряд других неясных и/или спорных вопросов. Один из них – характер соотношения между согд. *z'tk* 'сын' и *z'nwk* 'колено' и возможность связи этих слов с идеей рождения. Как известно, Бенвенист отвергал эту связь и трактовал название сына в согдийском как "fils du genou", имея в виду распространенный во многих традициях обычай сажания отцом новорожденного себе на колени в знак признания его законнорожденным, "своим" сыном[23]. Ссылаясь на хеттские данные, Трубачев оспорил это заключение, настаивая на связи с глаголом "рождения" **g'en-* и в этом случае и выражая сомнение в исконности значения 'колено' у слова этого корня. Представляется, однако, что обе эти точки зрения, каждая по своему плодотворная, но и страдающая недоведенностью до логического завершения, могут быть примирены следующим образом. Когда ссылаются на обычай принятия (сажания или положения) новорожденного, преимущественно сына как прямого продолжателя рода, цепи рождений, на к о л е н и, то почему-то упускают из виду, что колени в данном случае не более чем эвфемизм и замена по смежности (а с известного времени и по языковому тождеству)

детородного члена: рожденный как бы встречается со своим родителем: и большим – отцом, и малым – детородным членом[24]. Кстати, не менее распространен и обычай подобного же сажания невесты на "колени" жениха с той же знаковой функцией "присвоения" или объявления о таковом намерении. Распространение подобных обычаев на бытовую сферу жизни, связанное с потерей первоначальных функций и смыслов, никак не затушевывает и тем более не опровергает несомненной ритуальности этого жеста и очевидной знаковости его, особенно если речь идет об архаичных традициях, в которых, однако, осознана роль индивидуального отцовства. Но именно тот факт, что сажают новорожденного на колени, ослабленный коллективной цензурою образ детородного члена, позволяет говорить и о несомненной связи с идеей рождения, причем такого "правильного" рождения, при котором гарантируется и "правильность" продолжения рода, его непрерывности и "чистоты". В этом смысле обряд сажания на "колени" должен трактоваться как своего рода самоидентификация рода, механизм обратной связи, контролирующий "состояние" рода в ключевой момент рождения представителя нового поколения (ср. *колено*: *по-коление*, к и.-е. $*k^{u}el$-: $*k^{u}ol$- 'происходить', о восходящей линии)[25] или "вторичного" усвоения роду нового члена со стороны[26].

В этом же контексте в той или иной степени проясняются и некоторые другие детали, которые или сохраняют в себе архаичные смыслы или же воспроизводят их в себе каждый раз, когда встречаются с соответствующей тематической сферой. По обе стороны брака, собственно, брачной церемонии, до нее и после нее, брачующиеся и прежде всего жених оказываются в пространстве сильных "знаковых" энергий, когда знак сам по себе нередко более важен, чем то, что он призван означать. До брака для жениха зна́ком по преимуществу, помимо самого выделения-отличения будущей невесты (*Мне понравилась походочка твоя, / ... Знак-примета – черна шляпа пухова.* СРНГ 11, 305), является ее девственность, которая и выступает как знак прежде всего (ср. *знатá* 'девственность' при *знáтка* 'метка, заметка'. 11, 309). Знаки девственности различны[27], и жених, усвоив их себе как бесспорные, озабочен *положить знак*, причем свой знак, имеющий в виду уже не столько настоящее, сколько ожидаемое и чаемое будущее – предстоящее "усвоение" себе невесты (ср. выше: *Мы знак положили, / Мы знак положили / – Косу растрепали, / По плечам расклали...*). После свадьбы, в первую брачную ночь, полагается другой знак, оповещающий об отмене (или, точнее, пресуществлении при сохранении общей идеи плодородия – потенциального и актуализирующегося) прежнего – знак мужней жены, имеющий и вполне конкретное внешнее воплощение, рассчитанное на публичную демонстрацию. Айсхрологическая и смежная с нею сферы, похоже, хранят и/или воспроизводят по "вечным" образцам многое из этой ситуации и из фразеологии известной по несравненно более архаичным источникам. Речь идет в первую очередь о некоем насильственном положении знака, о котором, в частности, можно судить по

хеттскому глаголу *genu-* (см. выше), ср. ***положить знак на нее*** как акт лишения девственности (ср. ***класть/положить х.../ с прибором*** – и в прямом, буквальном и в переносном /'презирать' / смысле[28]; это ***положение знака*** в двух смыслах осуществляется в более конкретных и специализированных действиях, обозначения которых (***ломать, сломать, рвать, откупоривать*** и т.п.) удивительным образом повторяют семантику хеттского глагола *genu-* (ср. *arḫa kinu-* 'открывать' и т.п.)[29].

Предыдущие рассуждения, между прочим, имели целью с несколько новой стороны подойти к идее плодородия, творческой силы (даже и в сексуальном ее воплощении), независимо от того, проявляется ли она в жизненно-биологической или в когнитивной сферах. При неясности в частностях эти рассуждения восстанавливают контекст, который объясняет укоренность "знакового" в кругу мотивов, связанных с идеей плодородия как способности к "усиленному" рождению. В этом же контексте начинают вырисовываться и условия автономизации знаковости как особой категории культуры и конкретного семантического моделирования обозначений знака, среди которых ведущая в индоевропейской традиции роль принадлежит элементу **g'en-*.

Здесь уместно ненадолго выйти за пределы чисто языковых фактов и обратиться к сфере мифопоэтических представлений (правда, и некоторых их языковых обозначений, которые, однако, в этом случае носят подсобный характер), между прочим, связанных с уже появлявшимся здесь образом Шивы. Когда в мифопоэтических традициях говорят об "усиленном" плодородии-рождении, этот образ чаще всего матрицируется в виде тройного рождения, тройного приплода, тройного урожая, тройного блага. Как уже говорилось, основная характеристика Шивы как носителя высшей творческой энергии – *liṅga-*, детородный член, так сказать, "*liṅga*-знак". Это обстоятельство или, говоря в ином коде (**g'en*-коде), то, что "знак"-фаллос оказывается "знаком"-знаком, предопределяет особую семиотичность и ее "завязанность" на фаллической теме. Эта семиотичность Шивы имеет значение не только в "прагматическом", но и в принципиально-теоретическом плане: он – как бы эталон знаковости, высшая ее мера в знаковом пространстве мифологии и религии. "Встроенность" линги в образ Шивы определяет особенности и возможности этого божества, и, подобно этому, "встроенность" Шивы в божественную триаду (*tri-murti*) существенным образом "семиотизирует" самое структуру триады, особенно в некоторых крайних направлениях шиваизма. В этом контексте *tri-murti-*, букв. – 'три образа (облика, формы)' соотносимо с *tri-liṅga-* – 'три характеристики (качества, гуны, признака)' или 'обладающий ими'; также – 'три рода' (*грамматич.*), ср. *tri-liṅgaka-* и т.п. Нужно сделать определенное усилие, чтобы понять, что для древнеиндийского восприятия это "трехзначие" не могло быть вполне отгорожено от символа другой творческой полноты – *tri- & liṅga-*, утроенной сексуальной силы. Это тем более вероятно, что число "три" – и явная, и тайная константа образа Шивы. В божественной триаде он как бы равен Брахме и Вишну, но когда заходит спор о том, кто же из них подлинный творец, появляется огромный, объятый пламенем

linga-, и боги-участники триады признают первенство Шивы ("Линга-пурана" I, 17; "Шива-пурана" II, 5; "Вàю-пурана" 55, 21–61). Неявная троичность присутствует в представлении о Шиве как о двуполом существе (Ардханаришвара), правая половина которого мужская, а левая – женская. В этом образе он как бы втройне плодороден – как мужчина, как женщина и как сочетание их обоих (м. & ж & мж). Шива трехглаз (*tri-cak us*. Mbh. XII, 1505); но что особенно важно в данном случае, – его главное орудие и атрибут – т р е з у б е ц (*tri-śūla-* Mbh. III, 5009; Nariv. и др.); сам он (*tri-śūlin-*, т.е. носящий трезубец[30]. Существенно в этой связи подчеркнуть и то, что супруга Шивы, выступающая в ипостаси Дурги, принадлежит к типу Великих Матерей, соотносимых с землей в ее творческой, плодоносительной силе, что особенно характерно для некоторых шиваитских сект в тантризме и шактизме: Шакти как персонификация творческой энергии как раз и выступает в качестве ипостаси супруги Шивы (в споре с богами Шиве достается именно земля).

Этот краткий экскурс отражает некие более общие явления, чем можно было бы думать, оставаясь только в рамках шиваизма. Мотив трезубца (праслав. **tri-* & **zǫb-ьсь* < и-е. **tri-* & **g'on-bh-ik-*, см. ниже) соотносится с атрибутом другого божества, также связанного с плодородием и сексуальной силой – с трезубцем, который выступает как з н а к Посейдона, ἡ τρίαινα σημεῖον θεοῦ (Aeschyl.). Этот "божественный" трезубец – специфический атрибут-знак, в своей основе связанный с плодородием или, конкретнее, с в ы з ы в а н и е м плодородия, с нахождением-открыванием жизненной силы. Пожалуй, наиболее существенно с рассматриваемой здесь точки зрения то, каково конкретное действие, совершаемое этим трезубцем. Посейдон трезубцем (τρίαινα) о т к р ы в а е т р о д н и к и, источники, давая выход живительной влаге (Геродот сообщает, что у святилища Эрихфея на акрополе долгое время почитался источник, выбитый трезубцем Посейдона, ср. VIII, 55; ср. также "златомеч" – χρῡσάωρ /но и χρῡσάορος / и Пегаса, выбившего копытом источник Гиппокрену. Hesiod. Theog. 280–283). Наиболее естественный предикат при τρίαινα-трезубце – τριαινόω 'взламывать', 'взрывать, вскапывать' (о земле – τὴν γῆν δικέλλῃ. Aristoph.), а буквально – 'троить', 'действовать трезубцем'. Трезубцем же Посейдон разъяряет, возбуждает, взбудораживает море. Сексуальный характер этого акта вполне ощутим[31], а плодоносная морская влага – один из образов супруги Посейдона, чье имя скорее всего и означало "супруг-владыка вод") и т.п. Плодородная сила Посейдона, со временем несколько отступившая на периферию, свидетельствуется многими очень характерными примерами – от соития с Деметрой, матерью-землей (по одной из версий, само имя бога могло бы трактоваться и как "супруг земли", но супруг не небесный, а связанный с нижним миром), которая родила от него коня Арейона (Apollod. II, 6, 8), до характеристики Посейдона как φυτάλμιος 'производящий на свет, порождающий' (:φυτ' ἄλμιον 'производительная сила', ср. также φυτάλμια λέκτρα 'брачное ложе'. Eurip. и т.п.) и сосны, символа фаллоса, ему посвященной (Plut. Quest. conv. V, 3,1). В определенном смысле и трезубец

должен быть отнесен к фаллическим символам, как бы к "утроенному" детородному члену, взламывающему, вскапывающему и ярящему земное (морское) лоно. Вместе с тем именно трезубец – знак Посейдона по преимуществу (ситуация, аналогичная знаку Шивы – *liṅga-*). В этом контексте реконструируемое *τρι-&*σημεῖον в отнесении к Посейдону не может не вызвать "шиваистических" параллелей с другим образом "трехзнаковости", "тройной жизненной силы" – *tri-liṅga-*.

В мифопоэтических архаичных традициях земля как носительница материнского начала и высшего плодородия по преимуществу (у нее нет иного назначения, чем зачинать, рождать, кормить и нести всё, что есть, на себе и в себе) отождествляется с женщиной, женой бога и, следовательно, персонифицируется – Земля. Но и каждая женщина (например, для индийцев) не что иное как поле: его вспахивают, бороздят, рыхлят, бросают семена и ждут урожая; такова и женщина и ее судьба, и это не отвлеченное поэтическое упражнение в риторике, но та параллель макро- и микромира в их "женской" ипостаси, вполне сознаваемая человеком[32]. И здесь возникает еще одно продолжение **g'en*-темы, связанное с более поздними филиациями того же корня – и.-е. **g'en-bh-*: **g'on-bh-* (праслав. **zęb-*: **zǫb-*), и **g'(e)no-bh-*(праслав. **znob-*), о которых упоминалось выше. Последнее слово в истолковании лексем *знобить, зябнуть, прозябать* как продолжений соответствующих праславянских форм, восходящих к и.-е. **g'en-* 'рождать', было сказано О.Н. Трубачевым. Вкратце его смысл состоит в следующем: "Современное, на наш взгляд, вторичное значение рус. *знобить*: *меня знобит* 'я испытываю дрожь от холода, простуды и т.п.' сменило какое-то первоначальное значение в этом, очевидно, древнем слове, для которого закономерно предположить первоначальную фонетическую форму **g'nobh-*. Эта форма хорошо объясняетя как производная от и.-е. **g'en-* 'рождать(ся)' при помощи суффикса *-bh-*: **g'(e)-nobh-* со значением 'родной, родственный'. Она была вполне естественно использована, например, для обозначения 'мальчика (сына)' в нем. *Knabe*. Использование этого же производного для обозначения дрожи, простудной лихорадки, т.е. недуга, тоже в природе вещей. Здесь мы, по-видимому, имеем дело с одним из примеров древних табу: лихорадочная дрожь, воспринимавшаяся как действие злых сил, эвфемистически называлась 'родная', 'родственная'. (...) В этой же связи очень поучительна история слав. **zębati* и **zębnqti*. Значение первого – 'прорастать, расти', ср. рус. *прозябать*, серб.*зѐбати* то же, сюда же рус. *зябь* 'поле, вспаханное осенью для посева весной'. Сравнение с лит. *žémbėti* 'прорастать' показывает древность названных значений. В форме и.-е. **g'embh-*, которую обычно указывали как исходную, мы опять-таки видим **g'enbh-, *g'enəbh-* причем на этот раз развитие значений слишком очевидно: 'рождаться, быть рожденным' > 'прорастать, давать ростки'. Рус. *зябнуть* и родственные, несомненно, того же происхождения, что и **zębati* (...) Значение 'мерзнуть', несомненно, `вторично (...) Было бы неправильно разбивать это единое этимологически слово [*зябнуть* и

прозябáть. – *В.Т.*] на два омонима (...) Искусственный характер поисков для *зя́бнуть* 'мерзнуть' "своей" этимологии тоже очевиден (...) мы предпочтем достоверное сближение *зя́бнуть* (вместе с *-зябáть*) с лит. *žémbėti* (...) Вторичный перенос значений (→ 'мерзнуть') либо аналогичен переносу в случае с *знобúть*, либо объясняется абстракцией от конкретного значения, связанного с земледелием: вспашка, посев в начале холодной поры, прорастание в холодную пору > 'мерзнуть вообще', в сербском даже 'бояться'"[33].

Эти объяснения и предложения, несомненно, не только продвинули далеко вперед исследование этого весьма неясного комплекса вопросов, но и, по сути дела, они являются весомым вариантом разгадки проблемы, – правда, все-таки "черновым", поскольку дух некоторой абстрактности присутствует в этих рассуждениях. Три пункта, в которых особенно ощутим этот дух, таковы: значение 'рождать(ся)' принимается за конечное и монолитное и доказанное, по крайней мере, уже для и.-е. **g'en-*; схема семантических мотивировок несколько рыхловата, и, кажется, она лишена тех завершающих point'ов, которые придали бы ей черты обязательности и полной доказательности; наконец, ссылка на табу (явление вполне реальное и требующее, конечно, учета) в условиях, когда не исчерпаны все возможности иного объяснения, без обращения к табу, не самый сильный аргумент доказательства.

Кажется, можно предложить некоторые дополнения и уточнения к схеме, изложенной выше словами автора. Подступы к ней в новом варианте уже обозначились в этой статье на предыдущих страницах как в связи с проблемой единства двух и.-е. **g'en-* 'знать' и 'рождать(ся)', так и особенно в связи с брачным и специально сексуальным аспектом, выявляемым в этом **g'en-* и имеющим диагностически важные переклички с "земледельческой темой, причем не только по показаниям языка, но и в самих архаичных представлениях, достаточно хорошо засвидетельствованных. Эта "земледельческая" топика как раз и образует тот "мотивировочный" контекст, который нужно признать главным и обладающим наибольшей "разрешительной" силой.

Естественно начать с продолжений праслав. **zębati, *zębnǫti* 'прорастать' и под., глаголов по преимуществу "вегетативно-земледельческих", ср. рус. *прозябáть, зя́бúть, зя́блúть* (СРНГ 12, 46, 47): *зябь*, с.-хорв. *зȅбати* и под. (интересен "научный" термин *прозябословие* 'ботаника', т.е. наука о растениях, опирающийся на "народную" земледельческую традицию; ср. описание сада Медицинской Академии, будущего – Ботанического, в Петербурге, конец XVIII в.: "Он определен для лекарственных растений. Есть, однако ж, в нем аллеи, рощи, и пруды, и особливо ботаническое отделение для преподавания п р о з я б о - с л о в и я". – И. Георги, 1794). Обращает на себя внимание характерная двойственность этого глагола, на которую, к сожалению, не обращали должного внимания: у него два разных субъекта – с е м я, росток, который снизу, из земли, "прозябает" и выходит на поверхность, и п а х а р ь, который "зябит" поверхность земли, чтобы облегчить прорастание (т.е. он действует как бы сверху вниз, ср. *зя́бúть*,

'вспахивать под зябь'. СРНГ 12, 46); *зябят зябь*-пашню, и делает это тот, кто *зябит*, в частности, и membrum virile как образ пахаря иной, девственной нивы (ср. эвфемистическое описание в загадке, где присутствуют оба плана пахоты: *Идет худ на гору, идет худ под гору. Говорит худ худу*: "*ты худ, я худ, сядь худ на худ, погоняй худ худом железным прутом*". – П а ш у т[34]). Иначе говоря, оба субъекта с разных сторон делают по сути дела одно и то же дело, устремляясь друг к другу, и у них один общий объект, одно поле приложения сил – само поле, целина, зябь. Что общего у этих двух видов "зябания-зябления"? Несомненно, некоторая операция с землей, с почвой, предназначенная для облегчения ее "родов" и получения у-рожая. Структура земли, ее плотность должна быть каким-то образом изменена, разрыхлена, преодолена. Каждый делает это по-своему: пахарь пашет: взрезает ("открывает-откупоривает") землю, р а з д и р а е т-разрывает ее (ср. лит. *dirvà*'пашня, нива') на части, разрыхляет ("по правилам" это делается т р и ж д ы (: трезубец, делающий то же, см. выше), ср. одно из значений слова *зябь* – 'земля, вспаханная трижды', с печальной констатацией – *Ныне зябь уж так не пашут*. СРНГ 12, 49); но и росток прорастает: п р о д и р а е т с я сквозь почву, проскребается, прежде чем он не прорежется-проклюнется, "откроется" по эту сторону земной поверхности. И в том, и в другом случае речь идет о некоем затрудненном движении на пути к открытию чего-то (сверху) или самораскрытию, открытию себя (снизу). "Логически" общим семантическим множителем оказывается р а з д и р а н и е/п р о д и р а н и е (**dьrati*), в одном случае – преодоление преграды, в другом – деформация, разрушение ее. Но и данные языка подтверждают наличие этого общего корня именно в требуемой форме – ср. ст.-слав. ѕѧбѫ 'раздирать, растерзать', καταξαίνω (Супр.) предполагающее *ѕѧти < **zębti* и подтверждаемое лит. *žem̃bti* 'взрезать, вскраивать' при – одновременно – 'прорастать-продираться', ц.-слав. *зѧбсти* 'dilacerare' и под. Несомненно, что при выборе между 'продираться-раздирать' и 'прорастать' преимущество в "первоначальности" надо отдать первому кругу значений[35]. Понятно, что в этом случае, строго говоря, теряет свою силу тезис о первоначальности идеи рождения-рода, но сама она в своей конкретности выступает как преодоление преграды, прорыв, продирание вплоть до выхода наружу. Самое поразительное, пожалуй, в том, что эта кажущаяся самоочевидной ситуация – и в свете русских данных (ср. *зябь* 'продольная т р е щ и н а на дереве от сильного мороза'. СРНГ 12, 49), и в свете параллелей генетического характера в других языках (помимо уже приведенного лит. *žem̃bti* 'взрезать, вскраивать', ср. *žambis, žam̃bris* 'соха, плуг', т.е. орудие вспашки, *žam̃bas* 'лезвие', 'острый угол', лтш. *zùobs* 'плуг', но и др.-инд. *jambh*(*áy*)- 'раздроблять', авест. /*həm-*/*zəmbay-* то же и др., не говоря об именных образованиях, обозначающих нечто острое, способное проницать-продираться сквозь нечто плотное, разрывать, раздирать его – слав. **zǫbъ*, лит. *žam̃bas*[36], др.-инд. *jámbha-*, др.-греч. γόμφος, γομφίος, алб. *dhëmb*, др.-в.-нем. *kamb*, др.-англ. *comb*, др.-исл. *kambr*, тох. A *kam*, B *keme* и др. как обозначения зуба, гвоздя, колышка, гребня и т.п.)[37].

В свете сказанного и *озноб* оказывается не "родным" (табу), а тем, что п р о д и р а е т, д е р е т; *зябнуть* – 'мерзнуть'[38], а мороз д е р е т, колет, и *зазноба* (*зазноба сердечная*) связано не с "родовой" идеей, но с тем, что она зацепила добра молодца, и эта любовь п р о д и р а е т его, бросает *из огня да в полымя* или из жара в холод, вызывает дрожь (ср.: *защемила его зазноба сердечная...* СРНГ 10, 95), ср., кстати, *зазнóба* 'простуда, лихорадка', но и *зазнóба* 'скорбь, тоска, забота' и т.п. И значение страха в словах этого корня (ср. серб. *зе̏бати* 'бояться'), очевидно, трактуется в духе рус. *страх продирает*.

Собственно говоря, в этом круге идей, видимо, и нужно прежде всего искать мотивировку обозначения рождения (**g'en-*) и, более того, тот смысл, который некогда вкладывался в феномен рождения. Некое страдание, трудное преодоление ради откровения-явления нового звена в цепи рождений и смертей – таков в самом общем виде смысл идеи рождения, в глубине своей не отделимой от жертвы – ритуального механизма поддержания той же жизнестроительной цепи. Имея в виду исходное значение и.-е. **g'en-* (и признавая сугубую относительность понятия "исходности"; в данном случае существенно определение "общего" горизонта **g'en-* 'рождать(ся)' и **g'en-* 'знать', 'быть в родстве'), можно прежде всего подчеркнуть, что **g'en-* – глагол "ф е н о м е н а л и з а ц и и": он кодирует некое явление на поверхность, под прямой луч света, из глубины и затененности, обнаружение и самообнаружение (как бы в соответствии с познанием и рождением), яркую демонстрацию. И это предполагает как нетривиальность, "отмеченность" явленного, открытого (оно всегда ново, в известном смысле неожиданно и потому весьма информативно), его "чудесность" (ср. ἐπι-φάνεια : ἐπι-φαίνω), особенную его знаковую роль, так и восприятие, познание-понимание, усвоение себе этого "откровения" как некоего переведенного вглубь сознания или души ресурса, становящегося внутренней ценностью. Яркость, способность вывести человека из некоей инерции сознания и восприятия и остро привлечь к себе внимание, нарушив исходное "безразличие" и неготовность реципиента, прочно запомнить явленное и передать его – характерные свойства подобного **g'en-* откровения.

И здесь снова открывается двоякий, в две противоположные стороны, выход – к "физическому" (материальному) и к "духовному". В п е р в о м случае речь идет о названиях частей тела, восходящих к корню **g'en-/*g'on-* и обозначающих обычно колено, челюсть, подбородок и под. (ср. др.-инд. *jā́nu-*, авест. *žnūm*. Acc, согд. *z' nwk*, пехл. *z' ānūk*, арм. *cunr*, др.-греч. γόνυ, лат. *genū*, гот. *kniu*, др.-в.-нем. *kneo* (нем. *Knie*), др.-англ. *cnēo* (англ. *knee*), хетт. *genu-*, тох. А *kanweṃ*, В *kenīne* и т.п., с одной стороны, и др.-инд. *hánu*, авест. *zānu-*, др.-греч. γένυς, лат. *gena*, кимр. *gen*, гот. *kinnus*, тох. А *śanwe-m*. Dual. и т.п., – с другой). Все эти названия относятся к в ы с т у п а ю щ и м и п о д в и ж н ы м частям лица или тела (за исключением колена, о котором см. несколько ниже), при чем п о д в и ж н о с т ь учитывается как автономная способность данной части

лица или тела, фиксируемая относительно неподвижного окружения целого[39]; в ы с т у п а н и е же в пределе реализуется как идея остроты, углообразия. О.Н. Трубачев исходит из того, что "этимологическая связь между *g'en- 'рождать(ся)' и всеми этими названиями частей тела налицо. Она основана на том же семантическом развитии, что и в случае с *g'onbho-s, лит. *žam̃bas*, слав. *zǫbъ*: 'рождаться' > 'вырастать' > 'выросшее, выступ' ''[40]. Но, кажется, именно "того же семантического развития" и не было: похоже, было как раз наоборот – 'продираться' > 'выступать' > 'рождаться-вырастать', и последнее значение поначалу было, несомненно, метафорическим способом выражения п р е д ы д у - щ и х во времени и "актуально-основных" в синхронии значений. "Метафоризм" – неизбежная стадия рождения новых значений, и чем глубже "метафорические" захваты, тем фундаментальнее и напряженней, емче возникающее значение. Поэтому о связи "налицо" между *g'en- 'рождать(ся)' и *g'en- как обозначением части тела можно говорить лишь в самом общем и приблизительном виде, вне реальной исторической перспективы[41]. Эпоха, когда значение 'рождение' (:'родиться') становится независимым ("неметафорическим"), суверенным и главным, лежала еще в будущем, хотя и в отдельных его частях угадываемом.

Во в т о р о м случае *g'en- "феноменализация" имеет место в сфере духовного, у́же – "когнитивного". Элемент *g'en-, собственно, и означал р а з-д р а н и е (про-рыв) безразлично-инертного, однородно-аморфного, нейтрального природного пространства, где, говоря в общем, несть ни знака, ни знамения, ни знания в его "сверх-природной" форме, и в н е - с е н и е в него, позже осмысленное как концепт "рождения", того, что со-при-родно этому *g'en-элементу, несет на себе тень родства с ним, принадлежности к одному роду. И это "то" – неожидаемо и потому неожиданно, нестандартно, вне типа и рода, плана и правил: оно "исключительно" и чрезвычайно, и потому столь чревато сверхплотно сгущенной информацией, которая, подобно взрыву, возмущает прежнее однообразное природное пространство и про-рывается (*про-дирается*) в новое пространство – з н а к о в о е[42]. Этот прокол-point, собственно, и генерирует первую точку будущего знакового пространства, которое становится "родимым" лоном генерируемой знаковой системы, т.е. того, что несет на себе всё знаковое пространство. Зарождение же знака как раз и образует начало сознания, ибо "присутствие знака в сознании и есть сознание"[43], возникновение, которого (как, следовательно, и знака) – важнейший рубеж на пути от человека "природного" к человеку "культурному".

Сказанное, кажется, объясняет, почему *g'en-знак характеризуется как "заостренно-выступающий" и "прорывающийся" (именно в пределах этого круга и следует искать "первоначальное" значение и.-е. *g'en- на его предельно отдаленной, но все-таки еще достижимой стадии) и почему подлинное знание (*g'en-знание) усвоило себе как внутреннюю характеристику именно это свойство, которое и делает такое знание т в о р ч е с т в о м, порождением (*g'en-) – нахождением-открытием новых смыслов[44].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Лучшая аналогия – понятие νοῦς, разума, непосредственного порождения Единого и непосредственного родителя мировой души, в метафизике Плотина. "У него νοῦς значит не то, что у Аристотеля и у Платона, или, лучше сказать, не совсем то, и он пытается превратить свой νοῦς в живое метафизическое существо или, как выражаются обыкновенно, для него νοῦς является ипостастью". См. *Шестов Лев.* О мистическом опыте Плотина // Минувшее. Исторический альманах 9. М., 1992. 158. В этой посмертно опубликованной книге философа – одна из наиболее емких и глубоких характеристик метафизики, учтенная выше.

[2]Ср. м ы с л ь, воплощающуюся в с л о в е, указующем д е л о и в нем в конце концов реализующем мысль, ему, слову, предшествующую, согласно известной и широко распространенной (в частности, и в древних индоевропейских традициях) триадической схеме.

[3]См.: *Isačenko A.V.* Príspevok k štúdiu najstarších vrstiev základného slovného fondu slovanských jazykov // Studie a práce linguistické I. Praha, 1954. 114–130; *Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959. 154–157 и др.

[4]См.: *Güntert H.* Weiteres zum Begriff "Winkel" im ursprünglichen Denken // WuS 11, 1928, 124 ff. – В свете дальнейшего трудно вполне согласиться с критикой Гюнтерта у Трубачева (*Трубачев О.Н.* Указ. соч. 154, 155).

[5]Весьма характерно, что импульс к достижению основного результата (установление семантической близости двух **g'en-*) был получен извне, конкретно из известной книги Томсона (см.: *Thomson G.* Aeschylus and Athens. London, 1950. 429–430) и не столько из языкового материала, сколько из анализа более общих концептов, характеризовавших особенности ментальных структур древних греков.

[6]Лишь первые попавшиеся на глаза примеры из книги М.С. Евзлина "Космогония и ритуал" (М. 1994): сознание рождается вместе с знаком, рождение в знаке, рождение значения, генерирование значений, первознак порождает сознание, сознание как второе рождение мира и т.п. ("рождать" × "знать").

[7]Так, лат. *significare* предполагает синтагму *signum & facere* с "тетическим" глаголом, восходящим к и.-е. **dhē-k-*, ср. лат. *faciō, fēcī*, оск. *fakiiad, fefacit*, умбр. *façia, fakurent*, пренест. *FheFaked*, ср. также др.-греч. ἔθηκα.

[8]Ср. статью автора: Др.-греч. σημ- и др. // Балканские древности. М., 1991. 3–36 и др.

[9]Ср. *знать* 'знатные люди, высшее общество' как социальная форма выделенности-отмеченности или др.-рус. *знание* 'родственники', 'знакомые' как коммуникативно-родовая форма отмеченности (ср. характерный пример – *Искааста его въ р о ж д е н и и и въ з н а н и и*, ἐν τοῖς γνωστοῖς. Остр. еванг. 256 об., а также: *Съ зн а н и е м ь ли си хощете бес довати.* Златостр. XII в., см. СлРЯ XI–XVII вв. 6. 48; СДР III. 399; ср. *знатисѧ* 'состоять в родственных отношениях': *по крови сродьство межи собою з н а ю т ь с ѧ си родители къ чадомъ, братиѧ къ сестрамъ и ѿ(т) техъ родители къ чадомъ.* КН 1280, 477 б-в и др. (Там же III, 400), но *знатися* 'виднеться': *На томъ убо камени и до днесь державныя десница господня положение з н а е т с я.* (СлРЯ XI–XVII вв. 6, 50) и др. – К *знатá, знат, знать* и под. в этих значениях ср. др.-греч. γνωτή, γνωτός, γένεσις < **gèn-et-is*.

[10]Ср. статью автора: Ведийское *rad-* (значение, этимология, связи) // Księga pamiątkowa ku czci Eugeniusza Słuszkiewicza. W-wa, 1974. 235–246. – Проблема реконструкции исходной индоевропейской формы связана с некоторыми трудностями, которые отчасти отражаются и на возможных праславянских реконструкциях (**orditi* в свете хетт. *ḫardu-* 'правнук /?/, потомок', хетт. иероглиф. *ḫartu-* 'праправнук' и т.п., праслав. **orsti*, предполагающее **ord-* и др.). См.: *Трубачев О.Н.* Указ. соч. 151–153; ср.: *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. I–II. Тбилиси, 1984. 236, 749, а также Pokorny I, 339 (**er/ə/d-* [*er/e/d-*], **er/e/dh-*), 1167 (**u̯erdh-*, **u̯redh-*). В рассматриваемом случае, кажется, можно говорить как об источнике форм типа *родúть, ростú, растú* и под. о **H̯ord(h)-* : **H̯rod(h)-*, что позволило бы сохранить и связь обозна-

чений рождения с ростом, и объяснить неодинаковость звукового вида корня во второйгруппе обозначений (*рости́ – расти́*) при гомогенности обозначений рождения в первой группе.

["Внутреннесть" имени в древнеиндийской ономатетической традиции, его "эндоцентричность" (ср. и.-е. **en/o/mn̥-* : **/o/-nomn̥-* : **nōmn̥-* с вероятной идеей пребывания внутри или движения внутрь ср. **n̥-* 'в'), консолидирующая сила, собирающая людей в семью, род, племя, любую группу, объединенную некиим общ им делом, интересом, общей судьбой, проявляется, в частности, в особом употреблении слова *nāman-* 'имя' в сочетании с прилагательным или генитивом, когда *nāman*, как бы отказываясь от своего словарного значения, отсылает к внутренней сути того, что обозначено прилагательным или генитивом; ср. *āryaṃ nāma* (RV X, 49, 3) – не столько 'арийское имя', сколько 'арийство', совокупность арийцев, оформленная как племя, народ (ср. лат. *nomen romanum*, собств. – 'романство', как бы оно ни проявлялось, – как нация, сила, власть, слава и т.п.). См.: *Gonda J.* Notes on Names and the Name of God in Ancient India. Amsterdam; London, 1970. 38–39 и др.

[12]См.: *Hillebrandt A.* Ritual-Literatur. Vedische Opfer und Zauber. Strassburg, 1897, 44–47; *Пандей Р.Б.* Древнеиндийские домашние обряды (обычаи). М., 1990, 91–95 и др.

[13]См.: *Schulze W.* Lesefrüchte // KZ 63, 1936, 113. Эта цитата полностью приведена и в книге О.Н. Трубачева (*Трубачев О.Н.* Указ. соч., 157).

[14]Ср.: *ā naḥ prajām janayatu* (RV X, 85, 43) "Да породит нам потомство Праджапати!"

[15]В Индии на индуистских свадьбах, когда читаются стихи из знаменитого свадебного гимна ("Ригведа" X, 85), в котором описывается брак Сомы-первожениха и Сурьи-первоневесты, по идее жених должен познать, что он Сома (родиться в образе Сомы), а невеста, – что она Сурья. Но жених – не только объект вопрошания "свыше", переводящий его на свой "перволичный" язык: он – и субъект вопрошания, и как таковой он своим вопрошанием пытается найти путь к познанию и самого себя. На индуистской свадьбе жених спрашивает отца невесты – "Кто отдал мне эту девицу", и, когда он слышит ответ – "Кама, бог любви", перед ним открывается возможность познания, что здесь и сейчас он, Девадатта, вре́менное воплощение "вечного" Камы.

[16]Ср. др.-рус. *знакъ* 'близкий,домочадец' (СлРЯ XI–XVII вв., 6, 39): *Инии убо своя з н а к ы по своих зовуть св д теля.* Кирил. Иерус. Огл. – οἰκείους ὑπὲρ οἰκείων.

[17]Ср. поэму "Тирувашагам" тамильского мистика Маниккавашагара (IX в.), где в гимне IV (стихи 11–25) излагаются припоминания утробного развития по месяцам, и каждый месяц в некотором роде связан с очередным рождением. В связи с идеями Кейпера, обратившего внимание на это место, относительно связи и параллелизма космогонии и эмбриогонии, см.: *Кейпер Ф.Б.Я.* Труды по ведийской мифологии. М., 1986, 112–146.

[18]О реконструкции значения 'membrum virile' в праслав. **čelnъ* (член) см. работу автора "К внутренней форме обозначения знака в древнеиндийском" (рукопись).

[19]См.: Слоўнік мовы Скарыны. 1. Мінск, 1977, 234–235.

[20]Можно напомнить, что *significo*, собственно, значит 'отмечать', из более раннего 'делать насечку, нарезку, зарубку' (*signum* – из и.-е. **sek-* 'резать' и под., см. Pokorny I, 895–896; умбр. *prusecatu* 'prōsecātō' и др. отсылает к сходной образности в связи с *penis* и *futuit*), а отмечается нечто для того, чтобы его отличить от всего другого. Такое отличение и составляет объяснение вещи, ее логоса. Именно таков ход рассуждений Платона в "Теэтете": "Как сказали бы многие: (объяснить) – значит иметь какой-либо знак, по которому искомую вещь можно было бы отличить от всего остального (... τὸ ἔχειν τι σημεῖον εἰπεῖν ᾧ τῶν ἁπάντων διαφέρει τὸ ἐρωτηθέν) ... если подметить отличительный признак (τὴν διαφορὰν) отдельной вещи – чем она отличается от прочих вещей, – тем самым можно найти объяснение (λόγον) этой вещи. А пока ты касаешься только общего (κοινοῦ τινος), у тебя будет объяснения лишь того, что обще (ἡ κοινότης) вещам" (208 cd). И далее – о соединении отличительного признака вещи с правильным мнением как условии, необходимом для объяснения (208 e), откуда – заключение о том, что есть знание (ἐπιστήμη): "... можно ответить, что это правильное мнение (δόξα ὀρθή) со знанием отличительного признака (μετὰ ἐπιστήμης διαφορότητος). Ведь присоединение объяснения заключалось именно в этом"

(210 a); к проблеме знака, узнавания, знания ср. также 192 b, 193 c, 193 e – 194 a, 194 d (τὰ σημεῖα ἐγγιγνόμενα – о рождающихся /возникающих/ знаках, ср. выше о *g'en-комплексе "рождения-знания").

21 Ср. также хетт. (UZU)*genzu-* (*ginzu-*, *gimzu-*) 'лоно', 'половые органы' ('гениталии'), но и 'любовь, склонность' (эротическая) и т.п., *genzuuai* – 'питать склонность (чувство, любовь)', 'обращать внимание' и т.п., *genzuuala* – и др. Очень существен учет другого глагола того же корня – *genu-* (*ginu-*, *kenu-*, *kinu-*) 'взламывать, проламывать, разламывать (преграду, затвор и т.п.), насильно открывать, откупоривать' и т.п. (Friedrich 107, 110).

22 О хеттском названии колена, коленного сустава см.: *Eichner H.* Hethitisch *genuššuš*, *ginušši*, *ginuššin* // Hethitisch und Indogermanisch. Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens, hrsg. von E. Neu und W. Meid. Innsbruck, 1979, 41–61. Другие языки предоставляют обширный параллельный материал обозначений колена с помощью корня и.-е. **g'en-*. Ср. выше, а также Pokorny I, 380–381.

23 См.: *Benveniste E.* Un emploi du nom du "genou" en vieil-irlandais et en sogdien // BSL 27, 1926, 51; критические замечания – *Трубачев О.Н.* Указ. соч., 159.

24 Аналогично хеттской паре *genu-* 'колено', 'гениталии': *dGinuu ašša-*, соответствующее божество, скорее всего персонификация membrum virile, как бы универсального "родителя". – И еще одна параллель к сидению на коленях. Во многих традициях отмечен обычай, когда невеста во время брачной церемонии садится (или становится) на камень, часто конической формы, и это действие рассматривается как гарантия будущего плодородия и обильного потомства. Иногда считают, что камень – образ земного лона, и в таком случае происходит как бы соединение "большого" и "малого" лон. Но чаще (и это, видимо, правильнее) камень трактуют как образ оплодотворяющего начала (так сказать, "большой" membrum virile). Ср. в свадебном гимне из "Атхарваведы" о "твердом (*dhruvá*) камне в лоне божественной земли", на который становится невеста "ради потомства" (XIV, 1, 47). Иначе говоря, эти земные мужски-женские сексуальные символы как бы воспроизводят (или воспроизводятся) ситуацию сидения невесты на "коленях" жениха.

25 Естественно, что к **kᵘel* восходят и слав. **čelo*, **čelnъ* и под.

26 Ср. др.-исл. *setja í kné* 'сажать на колени' и, значит, 'усыновлять', ср. *knésetja* 'усыновлять', *knésetningr* 'приемный сын' и т.п. См.: *Cahen M.* "Genou", "adoption" et "parenté" en germanique // BSL 27, 1926, 56–57.

27 "Цветение" знаковости – в самом свадебном обряде, хотя сам он лишен той напряженности, что до него и после него: прошлого не вернуть, будущее неопределенно, и церемония брака как нечто уже решенное, неотменимое и происходящее непосредственно ни на что не влияет. Знак этого обрядового "пика", говоря в общем, – *крáсотá*, коса, лента, косынка, фата, венок, наряд, бусы, румяна, цветы, наконец, сам внешний вид невесты, который в данной ситуации всегда и есть *красотá-крáсота*.

28 См.: Dictionary of Russian Obscenities, compiled by D.A. Drummond and G. Perkins Berkeley, 1980 (second, revised edition), 69.

29 Наконец, даже обычное речение *х ... его знает* (где на первом месте могут быть и *бог*, и *чёрт*, и *Пушкин* и т.п.) на некоем уровне отсылает к гипотетической тавтологии с примерным смыслом 'кто знает, тот и знает' – **znakъ* & **znati/*značiti* (ср. *знать знак*; *знак значит, означает* и т.п.), которая теоретически может трактоваться как в когнитивном, так и в "физиологическом" коде.

30 Кстати, и Дурга, супруга Шивы, тоже 'носящая трезубец' – *tri-śūlinī* (Hariv. 9428).

31 В известном смысле этот мотив проницания внутрь с целью вызывания навстречу этому движению глубинных сил плодородия, кажется, может быть реконструирован и для числительного "три" – и.-е. **tri-* : **ter-* 'проницать, проникать' (насквозь, до самого лона, через все три космологические зоны), о чем уже писалось ранее.

32 Ср. входящий в состав индийской свадебной церемонии обряд "мридахарана" (*mṛd-āhāraṇa-*), букв. – 'принесение земли', совершаемый за несколько дней до свадьбы и как бы предполагающий своего рода передачу жизненной плодоносной силы от земли невесте, готовящейся стать женой-"полем".

33 См.: *Трубачев О.Н.* Указ. соч., 153–154.

34 См.: *Митрофанова В.В.* Загадки. Л., 1968, № 1951 при № 2270, о стоге с подпорками; ср. выше о Посейдоновом трезубце.

35 Нужно отдать должное Фасмеру («первонач. знач.: "раздирать", откуда – "произрастать"», см. Фасмер II, 110–111); к сожалению, это заключение не всегда учитывалось, что закрывало наиболее прямой путь к цели.

36 Не исключено, что название Самбии, полуострова, резким углом выступающего в Балтийское море (*Zambia*, 1231, *Samb-landia*, 1224, *Sambie*, 1246, ср. *Sembi* 'самландцы', 'сембы' и т.п.) этого же происхождения, хотя согласный в анлауте требует особого объяснения.

37 Тема **g'on-bh-* > **g'ombh-* > **zǫbъ* снова отсылает к теме τρίαινα, трезубца, инструмента, с помощью которого открывается выход наружу до того скрытого в нижнем мире плодородия.

38 Кстати, не вполне верно мнение об употреблении глагола *знобить* "только в безличных конструкциях" (*Трубачев О.Н.* Указ. соч., 153). Ср. такие "личные" употребления, как *Земля роса, девка боса, ... ноженьки з н и б я т*, или *Не стой, милый, у крылечка, не з н о б и сердечка*, или ... *И не з н о б и л а бы бессчастного сердечушка!* или *Ты не речь говоришь, мое сердце з н о б и ш ь!* или *Не з н о б и душу в кулаке* и т.п., но и в еще более показательных "земледельческих" ситуациях, ср. *знобить* 'вспахивать поле осенью, т р е т и й раз, готовя его для посева, т р о и т ь' (СРНГ 11, 317). К мотиву "трех" ср. *зябь* как обозначение трижды вспаханной земли и др.-греч. τρίαινα, о Посейдоновом трезубце, ярящем поверхность и вызывающем плодородие.

39 В этом отношении характерно, что др.-греч. γένυς как таковое обозначает именно п од вижную нижнюю, но не неподвижную верхнюю челюсть (лишь в множ. числе это слово может относиться к челюстям вообще, как, впрочем, ко всей передней части лица – подбородку, щекам, губам. Любопытно, что лат. *gena* обозначает не только верхнюю часть щеки, подвижность которой определяется скулой (как и ее выступающий характер), но и глаз, глазную орбиту, веко (ср. *pandere genas*. Enn. и др.). В этом же плане показательно и обозначение словом этого корня детородного члена в хеттском языке. Однако необходимо учитывать и случаи несколько иного рода типа нем. *Knochen* 'кость' (из **g'(e)no-k-*) или польск. *wznak, naznak*, чеш. *naznak*, болг. *възнак* 'навзничь, на спину' (если они восходят тоже к **g'/e/nŏ̄-k-*). Они не опровергают высказанных предположений, но предполагают известную специализацию описанного "стандарта".

40 См. *Трубачев О.Н.* Указ. соч., 160.

41 Здесь уместно одно разъяснение. Предлагаемая О.Н. Трубачевым схема 'рождаться' > > 'вырастать' > 'выступать' > 'колено', где все стадии кодируются корнем **g'en-*, в том, что касается связи колена с родовой идеей и его "поколенческими" срезами (ср. *колено – поколение*, к**k̂^{u}el - : *k̂^{u}ol -*), пишущим эти строки трактуется иначе: р о д как результат р о ж д е н и я во временно́й "поколенческой" цепи тоже метафора некоей конструкции, лежащей в основе ноги – две подвижные части выше и ниже колена (кстати, обе они "протяженны"), скрепленные неподвижным "точечным" коленом, выступающим как некий соединительный узел (ср., между прочим, др.-греч. γόνυ 'колено', но и ботан. 'узел' [τὸ ξύλον ῥᾷον κατεάσσεται περὶ τὸ γόνυ. Arist.], 'междуузлие', 'колено' [καλάμου γόνυ], лат. *genu* 'колено', но и 'узел на стебле' [Plin. Major], др.-исл. *kné* 'узел, сплетение' и т.п.), метафорически – как связь поколений в родовой цепи рождений и смертей. Соотношение и.-е. **k̂^{u}el - : *k̂^{u}ol -* (первоначально – 'вертеться, поворачиваться' и лишь позже 'происходить', ср. **kolo* и его и.-е. соответствия) и **kolěno*, **čelo*, **čelnъ* и т.п. говорит о том же: каждый цикл-поворот – будь то годовой или жизненный – имеет своим результатом рождение, а оно – некий прибыток: при-рост-"при-роду", у-рожай, род как новое откровение-находку (ср. балт. *rad-* : лит. *ràsti*); характерно присутствие "земледельческих" коннотаций и в продолжениях и.-е. **k̂^{u}el - : *k̂^{u}ol -*, ср. лат. *colo* 'обрабатывать, возделывать' (*agrum, arva, hortum*), затем и 'разводить, взращивать' и т.д. – вплоть до порождения обозначения современного понятия к у л ь т у р ы.

42 Много позже в самом этом знаковом пространстве произойдет его р а з - д р а н и е и прорыв из сферы "феноменального" в пространство ноуменов, где "знаковое", как бы добровольно, снова уходит в глубокую тень.

[43] См.: *Евзлин М.* Указ. соч., 151; ср. там же – "Сознание, по сути дела, означает *искусственный* разрыв в безразлично-правильной циркуляции природы".

[44] О.Н. Трубачев (Указ. соч. 156–157) правильно указал один из принципов дифференциации двух глаголов знания – и.-е. **g'en-* и **u̯eid* - : **u̯oid* - (: **u̯īd* -) : **g'en-* преимущественно имеет своим объектом человека, **u̯oid* – (др.-греч. οἶδα и др.) – вещь. Но в этой дифференциации можно усмотреть действие и более "сильного" первоначального принципа. В данном случае речь идет о двух р а з н ы х видах знания, которые вполне осознавались в архаичных культурах. **U̯eid*-знание по своей сути эмпирично, пассивно, лишено творческого начала. Его принцип – увидел (**u̯īd* –) ⊃ узнал (**u̯oid* –) и как бы – так и остался с этим ви́дением-ве́дением без всякого прибытка. **G'en*-знание – совсем иное: оно предполагает (в принципе) отсутствие зримой эмпирии, формулирование задачи со стороны **g'en*-субъекта, т.е. человека, рефлексию, представление "познаваемого" как вопроса-проблемы (др.-греч. πρό-βλεμα тоже несет в себе идею выступления вперед, заострения-прокола, броска-прорыва, ср. βλεμεαίνω, βλῆμα и т.п.), на который должен быть найден в результате некоей творческой, индивидуальной процедуры ответ. Такое **g'en*-нахождение и образует **g'en*-рождение ответа, решение проблемы. Нужно также иметь в виду и другие виды знания, по-разному кодируемые и на языковом уровне нередко пользующиеся общими с другими видами знания обозначения, – знание в результате обучения (не самообучения!), знание-память, знание по наитию ("мистическое" знание). Во всех этих "знаниях" роль человека пассивна: он лишь восприемник знания "со стороны" или хранитель "неподвижного" и "овеществленного" знания. Это не означает, что такое знание не может стать ступенью к пространству "творческого" знания.

Эти соображения – результат тех плодотворных импульсов, которые воспринял пишущий эти строки из давней работы О.Н. Трубачева.

Г.А. Климов

КАРТВЕЛЬСКОЕ **USX(O)*- 'БЫК (ЖЕРТВЕННЫЙ)' ~ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ **UKS-ON*-

Сближаемая в настоящей статье с индоевропейским материалом картвельская лексема засвидетельствована в грузинском и сванском языках – ср. др.-груз. *usx-* при сван. *usxwäj* (с вариантами) – и, как следует уже из ее семантики, служит, по-видимому, одним из характерных терминов, относящихся к области дохристианских ритуалов древних картвелов.

Слово документировано в древнегрузинских письменных памятниках и засвидетельствовано, в частности, еще в тексте перевода Библии. Ср. *usxebi* čemi ... damiḳlavs 'тельцы мои заколоты' Мф 22₄; daḳla qari igi *usxi* mamaman šenman ... 'отец твой заколол откормленного теленка...' Лк 15₂₇ (как видно из последнего примера, оно имело и атрибутивное употребление, чем, вероятно, и обусловлен встречающийся иногда его перевод адъективом 'откормленный')[1]. Однако даже в древнегрузинском языке его трудно считать широко употребительным, поскольку по своей встречаемости оно значительно уступает близкому ему по семантике *zuaraḳ-*. В дальнейшем с забвением самого ритуала жертвенного заклания исконное значение лексемы несколько затемняется, так что в первом толковом словаре грузинского языка, принадлежащем Сулхану Саба Орбелиани и

отражающем узус конца XVII столетия, она толкуется как ‘корова, откормленная на убой’[2]. На правах архаизма она до настоящего времени встречается в отдельных горских диалектах: ср., например, рачин. *usx-* ‘нетель’[3]. Во всяком случае, на более широкое распространение термина в грузинских диалектах в прошлом, по-видимому, указывает производное от него *sa-osx-e-j* ‘животное, предназначенное на убой’, отмеченное на северо-востоке грузинской языковой области – в тушинском диалекте[4].

Если в ареале обоих занских языков, как того и можно было ожидать, эквивалент грузинской лексемы не прослеживается, то в сванском, напротив, ее соответствие по сей день представлено в нескольких диалектных разновидностях: ср. *usxwaj* (лашх.), *usxwäj* (в.-бал.) и *wisxw-* (н.-бал.), служащее обозначением жертвенного быка до четырех лет[5]. В лашхском диалекте зафиксированы также позднейшее производное *usxwob-* ‘праздник приношения жертвенного быка’ и дальнейшие образования *usxwobier-* ‘дни, посвященные празднику приношения в жертву быка’ и *usxwob-ladeγ-* ‘день соответствующего праздника’, детальное описание которого обнаруживает ныне и немалый вклад в него со стороны христианских обычаев[6].

Нетрудно показать, что все сванские вариации слова достаточно древние и прошли, в частности, стадию умлаутизации. Так, н.-бал. форма является конечным результатом фонетического процесса **usx-* > **üsx-* > > *wisxw-*. О том же говорит и глайд *w* других сванских форм. Высказывалось мнение о зависимости сванского слова от грузинского источника[7].

Рассматриваемая лексема обозначает, как свидетельствует этнография, одну из существенных реалий, отражающую древнейшие верования картвелов и находящую свои параллели едва ли не во всем регионе древней Передней Азии. Как известно, следы ритуала заклания жертвенного быка, посвященного тому или иному божеству, отчетливо представлены в самых различных районах Закавказья и документально зафиксированы многочисленными урартскими памятниками. Наиболее убедительным свидетельством издревле практиковавшегося в Закавказье ритуала может служить находка в культовом сооружении комплекса III тысялетия до н.э. Квацхелеби скелета пронзенного стрелой теленка[8].

"К *wisxw*-ам, – пишет в связи с соответствующим сванским обрядом В.В. Бардавелидзе, – относились как к священным животным с момента их появления на свет или посвящения. Их окружали определенными запретами. *Wisxw*-а нельзя было помянуть дурным словом, замахнуться на него, тем более – ударить чем-либо, ограничить его свободу, противостоять его желаниям. Он мог зайти в посевы, затоптать ниву, но ни хозяин и никто другой не смел пожаловаться на это. *Wisxw*-а не холостили и не впрягали в ярмо. Предоставленный самому себе бугай дичал, бодался, нападал на людей и наносил им подчас тяжелые ранения. В то же время общество, в котором имелся *wisxw*, считало себя защищенным от злых духов. Хозяин стада, к которому он приставал, по народным представлениям, был облагодетельствован этим, впредь его домашние животные были ограждены от болезней, падежа и всяких бед. Кроме того, *wisxw* способствовал размножению животных, увеличению удоя и всякого добра

в хозяйстве свана"[9]. Во многом сходные представления о статусе такого бычка можно найти также в существующих описаниях аналогичного абхазского ритуала, связанного с коровой, посвященной той или иной святыне[10].

Если учесть, что наше слово относится к терминологии дохристианских верований картвелов, в то время как сколько-нибудь заметное воздействие грузинского языка на сванский должно было начаться только в похристианскую эпоху, то скорее всего оно должно быть признано древнейшим достоянием картвельских языков и может быть возведено к архетипу *usx(o)*-.

Еще до разработки современной теории картвельского корня, обнаруживающей очевидное несоответствие фонологической структуры рассматриваемого слова его канонической модели, был предложен опыт его этимологического толкования на картвельской почве. Он сводится к трактовке грузинской лексемы как исторического причастия со значением отсутствия качества, образованного с помощью характерного для подобных дериватов привативного префикса *u*- от картвельской глагольной основы *s_1x- в ее частном значении ‘рождать во множестве (о животных)’. Однако такое объяснение слова, фактически восходящее к его членению, намеченному еще в начале нашего столетия В. Беридзе[11], по справедливому замечанию И.И. Кавтарадзе, наталкивается при всей своей заманчивости на серьезные трудности[12].

Действительно, при ближайшем рассмотрении выясняется, что предложенному решению противоречат как семантическая, так и фонетическая стороны слова. Так, с точки зрения семантики существенно, что оно, как об этом свидетельствуют древнегрузинские и сванские данные, исторически связано с обозначением не коровы, а быка или подросшего бычка, во-первых, а также то, что глагольная основа *s_1x- является плюральной, т.е. подразумевающей рождение некоторого множества животных, оказываясь, таким образом, неприменимой по отношению к корове, во-вторых. В то же время в формальном плане при пракартвельской основе *s_1x- в сванском, подобно занскому, ожидался бы ее закономерный рефлекс в виде *šx*- (ср. груз. масдар *sxma*- при мегр. *šximua*-).

В этих условиях возникает возможность сопоставления общекартвельского архетипа **usx*- на правах древнего заимствования с одним из широко распространенных индоевропейских названий быка *uk̑^{u}s - en -, которое находит свои продолжения в др.-инд. *ukṣan*-, авест. *uxšan*-, тохарском B *okso* ‘Zugochs, Rind, Stier’, др.-в.-нем. *ohso*, др.-исл. *oxi*, кимр. *ych*, не получая, однако, вполне однозначного этимологического решения в науке.

В большинстве работ, отражающих индоевропеистическую традицию, эту лексему рассматривают в качестве именного производного от глагольной основы *uk̑^{u}s - ‘влажный, смачивать’ (Pokorny I, 1118). Однако охарактеризованные выше картвельские данные более интересны в свете известного уточнения истории слова, предполагающего первоначальную связь индоевропейского обозначения

быка с другой основой. Имеется в виду получившая за последнее десятилетие определенную поддержку гипотеза К. Кинле, согласно которой индоевропейское слово трактуется как производное от глагольной базы **uks-* 'расти, растить' и первоначально должно было обозначать не племенного быка или осеменителя, а подросшего быка, и лишь впоследствии было сближено с базой **uk̑^{u}s* -. Нетрудно заметить, что предложенное ею толкование лексемы возвращает нас таким образом к мнению А. Мейе, предполагавшего, что рассматриваемое обозначение быка может представлять собой его древний эпитет типа 'взращиваемый'[13].

С таким решением как будто согласуются данные большинства конкретных ветвей индоевропейских языков и, в частности, засвидетельствованная в ряде случаев семантика продолжений слова. Так, К. Кинле в ходе специально предпринятого филологического исследования обратила внимание на факт отсутствия в индоиранском материале бесспорных следов глагола 'прыскать, брызгать' и, напротив, зафиксировала широкую представленность глагола 'расти, растить' (ср. др.-инд. *vakṣ* : *ukṣ* при авест. *vaxš* : *uxš*). Например, в текстах Ригведы *ukṣan* фигурирует не как 'племенной бык', а как 'подросший бычок в возрасте между 5–9 годами, который используется как Opfer-, Speise- или Zugtier'[14]. Семантику индоарийского слова М. Майрхофер также передает как 'Jungstier, Farren', nicht ganz erwachsener Stier, der seine Zeugungsfähigkeit noch nicht unter Beweis gestellt hat (Mayrhofer I, 3, 210). Отмечают также, что германские когнаты слова почти всегда обозначают подросшего кастрированного бычка[15]. Сходная семантика 'Zugochse' приписывается также тохарскому соответствию слова[16].

В связи со сказанным следует подчеркнуть, что практика откармливания бычков для последующего ритуального заклания являлась одним из характерных обычаев древних индоевропейцев[17]. Зафиксирован и факт распространения индоевропейского слова на правах культурного заимствования в другие языки. Так, к древнему индоевропейскому источнику принято возводить волж.-перм. **uška//oška* 'бык, бычок'[18]. Ср. также восходящее, как полагают еще со времени Б. Мункачи, к тохарскому В *okso* соответствующее тюркское слово[19].

Если индоевропейское слово первоначально действительно обозначало подросшего бычка, то его картвельский аналог не только в формальном, но и в семантическом аспекте оказывается очень близким к предполагаемому нами его индоевропейскому антецеденту и по существу поддерживает гипотезу К. Кинле.

В пользу большой давности заимствования слова можно привести несколько аргументов. Так, должно быть очевидным, что в семантическом плане уже сам характер обозначаемой им реалии свидетельствует о принадлежности этой сохранившейся ныне лишь в горном ареале лексемы к терминологии дохристианских верований картвелов. Об этом же, вероятно, говорит и более архаичная семантика картвельских форм по сравнению с упомянутым их финноугорским параллелизмом. Однако более показательными в этом отношении

представляются некоторые обстоятельства формального порядка. Во-первых, фонетическая история картвельского слова обнаруживает интересные аналогии с процессами, отмеченными для бесспорного общекартвельского индоевропеизма **otxo-* 'четыре': ср., в частности, передачу и.-е. *k* в виде *x*, а также сходную метатезу в консонантном комплексе. Во-вторых, бросается в глаза, что по сравнению с близкими к слову индоиранскими формами в нем налицо свистящее *s*, хронологически предшествующее его шипящему аналогу, представленному в индоиранском материале (в котором процесс *s* > *š* происходил в соседстве с гласным *u*). Отметим, наконец, что в картвельском слове допустимо и отражение древнего индоевропейского суффиксального элемента, о чем способен свидетельствовать исход его сванских форм.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Абуладзе И.В.* Словарь древнегрузинского языка (материалы). Тбилиси, 1973, 433 (на груз. яз.).

[2] *Орбелиани Сулхан-Саба.* Сочинения. Т. IV_2. Тбилиси, 1966, 171 (на груз. яз.).

[3] *Беридзе В.* Грузинский (каръский) глоссарий по имерскому и рачинскому говорам // Материалы по яфетическому языкознанию. VI. СПб., 1912, 52 (на груз. яз.); *Глонти А.А.* Словарь грузинских народных говоров. Тбилиси, 1984, 527 (на груз. яз.).

[4] *Утургаидзе Ф.Г.* Тушинский диалект. Тбилиси, 1960, 209 (на груз. яз.).

[5] *Марр Н.Я.* Извлечение из сванско-русского словаря // Материалы по яфетическому языкознанию. X. Петроград, 1922, 10; *Gudjedjiani Ch., Palmaitis L.* Svan-English dictionary. New-York, 1985, 262.

[6] *Ониани А.З., Калдани М.М., Ониани А.Л.* Сванские прозаические тексты. IV. Лашхский диалект // Материалы для изучения картвельских языков. VII. Тбилиси, 1979, 270–274 (на груз. яз.).

[7] *Кавтарадзе И.И.* Дефектные глаголы в отношении числа в древнегрузинском языке // Иберийско-кавказское языковедение. I. Тбилиси, 1946, 147 (на груз. яз.); *Керкадзе И.К.* Зоологическая лексика в древнегрузинском литературном языке. Тбилиси, 1974, 38 (на груз. яз.).

[8] *Киквидзе И.* Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии. Тбилиси, 1976, 100 (на груз. яз.).

[9] *Бардавелидзе В.В.* По этапам развития древнейших религиозных верований и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, 199.

[10] Ср.: *Адлейба Е.А.* Жертвенное животное в культе святыни фамилии *Адлейба* в Абхазии // Этнографические параллели. Материалы VII республиканской сессии этнографов Грузии. Тбилиси, 1987, 118.

[11] *Беридзе В.* Указ. соч., 52.

[12] *Кавтарадзе И.И.* Указ. соч., 147.

[13] *Meillet A.* Introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes. Paris, 1934, 393.

[14] *Kiehnle C.* Vedisch *ukṣ* und *ukṣ/vakṣ*. Wortgeschichtliche und exegetische Untersuchungen // Alt- und Neu-Indische Studien. 21. Wiesbaden, 1979.

[15] Ср.: *Zimmer St.* Idg. **ukson* // KZ Bd. 95, № 1, 1981, 85–86.

[16] *Van Windekens A.J.* Encore lat. *uxor* et i.-e. **ukson-* // KZ Bd. 97, H. 1, 1984, 97.

[17] *Mayrhofer-Passler E.* Haustieropfer bei den Indoiraniern und anderen indogermanischen Völkern // AOr XXI, 1953, 182–183.

[18] *Joki A.I.* Uralier und Indogermanen. Die ältesten Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen. Helsinki, 1973, 334.

[19] *Рона-Таш А.* Алтайский и индоевропейский (заметки на полях книги Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова) // ВЯ. 1990. № 1. 30.

Дж. Греппин*

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ЛЕКСИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ АРМЯНСКОГО С ДАГЕСТАНСКИМИ ЯЗЫКАМИ

В статье, опубликованной пятнадцать лет тому назад[1], О.И. Виноградова и Г.А. Климов насчитывают двадцать три армянских слова не непосредственно индоевропейского происхождения, которые имеют соответствия в дагестанских языках Восточного Кавказа. Эти армянские слова, по мнению Виноградовой и Климова, являются источником происхождения целого ряда дагестанских слов[2] и свидетельствуют о влиянии армянской культуры на культуру Дагестана. Некоторые из этих примеров не вызывают сомнения в том, что направление заимствования шло из Армении на восток, прекрасным примером чего служит арм. *xač*[3] 'крест', обозначение важного христианского символа; к этому можно добавить арм. *čar*[4], обозначающее проповедь как часть христианской службы. Оба эти слова – специфически армянские культурные термины, которые получили широкое распространение вместе с понятием, которое они выражают.

Другие дагестанские слова, которые приводят Виноградова и Климов, в высшей степени сомнительны с точки зрения армянского происхождения. Одно из них – арм. *kalal*[5] 'грецкий орех' – слово неясного происхождения в самом армянском. Судя по тому, что история этого слова недостаточно известна, слово *kalal* само, вероятно, является довольно поздним заимствованием в армянском[6]. Нет свидетельств, что это слово употреблялось в классическом или среднеармянском[7]. В книге Haybusak[8] это слово фиксируется как пришедшее из черноморского региона. Кроме того, это заимствование оказалось бы излишним, поскольку обычное наименование грецкого ореха, широко распространенное как в восточном, так и в западноармянском, это *ənkoyz*. Если бы источником распространения названия грецкого ореха явился армянский язык, то это не было бы слово *kalal*. По-видимому, дагестанские языки получили слово *kalal* из того же источника, что и армянский.

Та же история возможна и с термином из сферы одежды, приводимым Виноградовой и Климовым, – *čindak*[9] 'вид чулок, носков'. Это слово имеет короткую историю в армянском и отмечено только в современных словарях[10]. Мы не можем отнести к этой категории слово *xlēz*[11] 'ящерица', потому что оно известно в стихотворном сочинении четырнадцатого (?) века у епископа Киракоса[12] и хорошо подтверждено современными армянскими диалектами, хотя общераспространенным наименованием ящерицы является арм. *mołēz*. Подобным же образом арм. *šor* 'вид одежды' зафиксировано в среднеармянском[13]. Ввиду широкого распространения этих двух слов в армянских диалектах они легко могли

* © John A.C. Greppin (1992).

быть поздними заимствованиями из армянского в дагестанские языки. Другие слова, по Виноградовой и Климову, которые имеют короткую историю в армянском и известны только из современных словарей, это арм. *zol*[14] 'полоска', *kčak*[15] (или *kočak*[16]) 'пуговица', *krkit*[17] 'укрепление'. Сомнительно, чтобы эти слова, едва ли армянские, явились источником столь многих параллельных терминов в различных дагестанских языках, они недостаточно весомы сами по себе. К ним следует прибавить два армянских слова, которые имеют слабые семантические связи[18] с их фонетическими соответствиями в кавказских языках: арм. *ṭapan* 'ковчег', удин. *ṭap̣an* 'корыто', цахур. *ṭapan* 'улей'; арм. *c̓eł* 'род, племя', удин. *cel*[19], лезгин. *cil* 'зерно, семя'[20]. Вообще трудно принять, что эти армянские и дагестанские слова непосредственно связаны между собой.

В отличие от этих очень поздних терминов, другие армянские слова, перечисленные Виноградовой и Климовым, имеют безупречное происхождение, встречаясь довольно часто в древнейших армянских текстах, начиная с первой половины V в. Примером этого может служить слово *t'ur* 'меч'. Виноградова и Климов отмечают четыре кавказских соответствия в лезгинском, агульском, даргинском и лакском. Справившись в словаре Ачаряна, можно обнаружить гораздо больший список, поскольку там отмечены соответствия в восьми кавказских языках: тушинском, чеченском, хиналугском, агульском, рутульском, лакском, цахурском, кубачинском и хюркелинском. И хотя Ачарян говорит, так же, как Виноградова и Климов, что кавказские слова заимствованы из армянского, это утверждение далеко от ясности. Мы нуждаемся в дальнейшем филологическом комментарии, прежде чем быть уверенными в том, откуда и куда шло это слово. Может помочь знание восточнокавказского искусства изготовления мечей в период раннего христианства, а равным образом более точная идентификация слов со значением 'ящерица' и 'носок'; мы просто недостаточно знаем об арм. *t'ur* 'меч' и арм. *čindak* 'носок', чтобы начать говорить о том, откуда и когда эти слова появились в армянском и как они распространились.

Шесть слов – четверть того, что приводят Виноградова и Климов, – требуют специальных замечаний, поскольку все они в действительности заимствованы самим армянским либо из персидского или семитского. Вероятно, что их распространение в дагестанских языках явилось следствием смешения с персидским или от арабского вторжения до XI века. Во-первых, следует заметить, что персидские заимствования обычны в дагестанских языках без армянского посредства. Для примера можно взять удинский язык. Там мы имеем, например, удин. *darvaza* 'калитка', ср. перс. *darvazah* то же[21], удин. *kiz* 'войлок' – перс. *kīz* то же[22], удин. *bazuk* 'локоть', ср.-перс. *bāzā* 'рука', нов.-перс. *bāzā* 'верхняя часть руки'[23], удин. *lal* 'немой', н.-перс. *lāl* то же[24], удин. *balamand* 'сокол' с диссимиляцией из перс. *bālābān* 'ловчий сокол'[25]. Удин. *žaman* 'время' – перс. *zamān* (арм. *žaman*[26]).

На основе этих данных мы видим влияние, которое оказал персидский язык. Следующие четыре слова, которые Виноградова и Климов считают

армянскими по происхождению, вероятнее всего представляют результат воздействия персидского на дагестанские языки.

1. Удин., агульск., лезг. и лакск. *dew* 'демон', арм. *dew* то же. Слово известно в древнейшем иранском: авест. *daeva-*, ср.-перс. *dēw*, н.-перс. *dev*[27].

2. Хиналуг. *tonur*, табас. *ttarin* 'печь', арм. *t'onir* то же. Это слово в конечном счете из аккадского, откуда – в ср.-перс. *tanūr*[28], из ср.-перс. – в армянский[29]. Вокализм хиналугского и табасаранского слов не соответствует армянскому. Хиналугская форма ближе к исходной пехлевийской, а табасаранская, с метатезой, ближе к груз. *toren* и удин. *tarun* – то же. Арм. *t'onir*, кажется, не играло в данном случае никакой роли.

3. Лезг. *ḳunṭ*, агульск. *ḳunṭ*, табас. *gunṭ*, цахур. *guṭ*, рутул. *q̄unt*, крыз. *gunč*, арм. *gund* 'отряд'. Эти слова пришли вероятнее всего прямо из ср.-перс. *gund* 'войско, армия'[30].

4. Удин. *ḳalamb*, лезг. *kəlamp*, арм. *kałamb* 'капуста'. Вероятно, из персидского, ср. н.-перс. *kalam*, *karanb* то же[31].

Два слова имеют семитское происхождение.

1. Лезг. *muḳraṭ*, крыз., будух. *meḳraṭ*, хинал. *muḳrad*, арм. *mrkat* 'ножницы'. Это слово арабского происхождения (*miqrāḍ*) известно в армянском только с восемнадцатого века, а поскольку Виноградова и Климов допускают, что это арабское слово, они должны бы считать арабский более вероятным источником и для дагестанских языков.

2. До некоторой степени аналогично предыдущему удин., цахур., рутул. *mangal*, лезг. *mangal*, *mukkal*, агул. *makal*, арм. *mangał* 'серп'. Это слово заимствовано из семитского, как замечают Виноградова и Климов[32], семитскими родственными формами для слова являются сирийск. *maggəlā*, *māgal*, араб. *minjal*. Но следует также отметить, что это слово известно в персидском, где термин *mangāl* был отмечен в диалекте парси, что уже давно обсуждал Хоутум-Шиндлер (Houtum-Schindler 1882. 71)[33]. Но этого слова нет в словарях Вуллерса (Lexicon Persico-Latinum) или Стайнгасса (Persian-Englisch Dictionary). Похоже, что и армянский, и дагестанские языки получили его из персидской формы, отмеченной Хоутум-Шиндлером, куда оно попало через арамейский.

Особой ясностью отличается армянское слово *katu* 'кошка'[34], согласно Виноградовой и Климову, лежащее в основе соответствующих обозначений в лезгинском, будухском, лакском, аварском и андийском. Но термин 'кошка' – сам по себе таинственный, его истоки теряются в лингвистической мгле раннего Египта эпохи фараонов, и распространилось оно приблизительно в одной и той же форме во многих языках на территории от Италии до тюркских языков Центральной Азии. Нет никаких оснований считать, что именно армянский язык принес в аварский наименование кошки[35].

Четыре оставшихся слова это арм. *ḳał* 'хромой', *čči* 'червь', *tołn* 'нить' и *sand* 'ступа'. Все эти слова имеют четкие дагестанские соответствия, все они зафиксированы в армянском языке с древнейшего периода. И все эти слова не имеют этимологии[36]. Известно, что в грузинском языке есть слова *ḳeli* 'хромой', очень близкое арм. *ḳał*[37]. О двух словах (арм. *sand*

'ступа'[38] и арм. *čči* 'червь'[39]) мало что можно сказать. Арм. *čči* встречается в Библии четыре раза и сохраняется в языке до настоящего времени. Арм. *sand* появляется впервые в VI в. и продолжает существовать до сегодняшнего дня наряду со словом *ankam*, обычным наименованием ступы. Изолированное положение этих слов мешает нам считать их источником происхождения дагестанских слов. Вопреки мнению Ачаряна, высказанному в его "Корневом словаре", а также мнению Виноградовой и Климова, нет никаких причин соглашаться с тем, что направление заимствования шло из армянского в дагестанские языки. В действительности, обратный путь заимствования кажется более приемлемым, учитывая множество дагестанских языков и разнообразие фонетических вариантов. Только *xač'*и *čar* – вероятные заимствования из армянского в восточнокавказские языки, вот почему это наталкивает на мысль об уникальности данного явления, в то время как для других заимствований из армянского в восточном направлении, о которых пишут Виноградова и Климов, очень мало данных.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Виноградова О.И., Климов Г.А.* Об арменизмах в дагестанских языках // Этимология 1977. М. 1979.

[2] Авторы пишут, что многие из этих слов пришли в дагестанские языки не из армянского, а через армянский из более ранних источников. Более сложная проблема заключается в том, чтобы указать направление этих заимствований, имеющихся как в армянском, так и в дагестанских языках. Ачарян в различных работах констатировал, что многие из этих заимствований шли из армянского в кавказские языки. Мне кажется более приемлемой мысль об ином направлении заимствований, и этот вывод основан на широком распространении этих слов в дагестанских языках и их узком распространении в армянских диалектах.

[3] Виноградова и Климов дают соответствия в агульском, цахурском, рутульском и табасаранском.

[4] Виноградова и Климов дают соответствия в лезгинском, агульском и табасаранском.

[5] Есть соответствия в лезгинском, табасаранском и цахурском.

[6] Утверждение, что слово *kalal* шло через армянский, а не из армянского кажется скорее игрой слов, а не филологическим положением.

[7] Это подтверждается их отсутствием у Хукшана (1986), Амаляна (1975) и Газаряна (1987).

[8] Haybusak kam haykakam busabariut 'iwn. Венеция, 1895, 283. Это собрание более трех тысяч названий растений, которые сопровождаются, где это возможно, латинским определением.

[9] Есть соответствия в удинском и цахурском.

[10] Я ссылаюсь на Агаяна (Ardi hayereni bac'atrakan bararan. Jerevan, 1976), Академический словарь (Žamanakakic' hayeoc' lezvi bac'atrakan bararan. Jerevan, 1969–1979) и Малхасяна (Hayeren bac'atrakan bararan. Jerevan, 1944).

[11] Имеется соответствие в цахурском.

[12] *Mnatsakanian A.* (Mnac'akanyan, A.S) Govank' t'rč' noc' tałašark'ə, nra hełinakə ev žamanakə // Banber Matenadarani 13, 1980, 245, 40 (*xə lez*).

[13] *Amalian H.M.* Bargirk' hayoc'. Jerevan, 1975, 251, 169.

[14] Есть соответствия в крызском и будухском.

[15] Есть соответствия в агульском, цахурском, аварском, андийском, лакском и рутульском.

[16] Это наименование для пуговицы в этом написании известно в XII и XIII вв. (*Газарян* 1987, 405), но оно остается темным даже в средневековое время. Дагестанские формы, приводимые Виноградовой и Климовым, значительно ближе к форме *kčak*, которая неизвестна до XX в., чем к *kočak*.

[17] Соответствия в удинском и цахурском.

[18] В общем заимствования этого рода имеют тенденцию тесно продолжать семантику слова в языке-источнике. Там, где это не так, новая семантика почти всегда обнаруживает ясную и логичную производность.

[19] Это относится к слову, известному в Кавказской Албании, предшественнику удинского. В их древнем календаре четвертый месяц года назывался *ts'ilē* 'месяц сева' (См. *Greppin John A.C.* The Language of the Caucasian Albanian // Folia Slavica 5, 170).

[20] Маловероятно, чтобы позднее армянское глухое *ł* перешло в другие языки в виде *l*, скорее было бы *gh*. Этот момент учитывается Виноградовой и Климовым, которые датируют передачу арм. *ł* в дагестанском как *l* до VIII или IX в. К сожалению, неизвестно, существовали ли многие из этих слов в армянском в то время.

[21] Армянский эквивалент не известен.

[22] Армянский эквивалент не известен.

[23] В армянском языке есть слово *bazuk* 'рука', которое соотносится с удинским фонетически, а не семантически.

[24] Армянский эквивалент не известен.

[25] То же слово существует в азербайджанском и русском, по происхождению из персидского; в Персии охота с соколами приняла форму искусства. Перс. *bālābān* засвидетельствовано в армянском только в период позднего средневековья в западно-армянской форме *palapan*, которая не могла проникнуть в удинский (См.: *Greppin John A.C.* Classical and Middle Armenian Bird Names: A Linguistic and Mythological Study. Delmar, New York. Caravan Books, 1978, 62, 68).

[26] Армянское происхождение в данном случае не достоверно, несмотря на необычное арм. *žaman*, которое совпадает с удинской формой, так как чередование *z* и *ž* известно в персидском: ср. н.-перс. *zangār*, *žangār* 'ярь-медянка'. Удинское слово могло быть с таким же успехом заимствовано из персидского.

[27] Слово существует также в грузинском языке в форме *devi*. Слово *dew* было более важным в доисламской иранской культуре, чем в культуре христианской Армении; заимствование из персидского представляется более предпочтительным.

[28] *Kaufmann St. A.* The Akkadian Influences on Aramaic. Assyriological Studies, N 19. Chicago, 1974. 108.

[29] Это слово имеет необычную историю. Оно было заимствовано прямо из аккадского в древнееврейский (см.: *Koehler L.* and *Baumgartner W.* Lexicon in veteris testamenti libros, Leiden, 1985), из того же источника слово вошло в среднеперсидский. Из среднеперсидского распространение этого слова было весьма впечатляющим: в арамейский, а оттуда в арабский (см.: *Kaufmann St.A.* Op. cit. 108). Мы допускаем, что распространение этого слова в грузинский язык и дагестанские языки было также отчасти результатом персидского воздействия (см.: *Greppin J.* The Survival of Ancient Anatolian and Mesopotamian Vocabulary until the present // Journal of Near Eastern Studies (продолжение).

[30] Хотя груз. *gund*, возможно, армянского происхождения (см. *Andronikashvili*, M. Narkvevebi iranul kartuli enobrivi urtiertobian. Tbilisi, 1966, 229), но другие слова не могут считаться из того же источника. Но, конечно, грузинский язык может быть таким же источником заимствования, как и армянский, хотя не в такой степени, как непосредственный иранский источник.

[31] Менее вероятно происхождение из груз. *kalnubi*, которое должно быть прямым заимствованием иранской формы, такой, как перс. *karanb* (с метатезой в середине слова) (см. *Andronikashvili*. Указ. соч., 333).

[32] Они указывают аккад. *manigallu* (слово темное), но более вероятна его связь с корнем *nagālu* 'блестеть, сверкать'.

[33] Существует много примеров, когда дагестанские языки или армянский имеют арамейские слова, отсутствующие в персидском лексиконе. Можно сказать (хотя и трудно доказать), что эти дагестанские или армянские слова происходят в конечном счете из арамейского через персидское посредство, причем это посредствующее звено ныне утрачено.

[34] См. в связи с этим разумные соображения Климова о названиях кошки в сб. в честь Шанидзе (Тбилиси, 1967, с. 378–381).

[35] В крымско-татарском есть слово *kedi* – более подходящий источник для аварско-

андийского, чем армянское (см. *Радлов* II, 1135). Я против соображений Климова, высказанных в Сб., посвященном А.Г. Шанидзе (378–381).

[36] Ссылка на Бугге (*Bugge S.* Beiträge zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprach // Zeitschrift für vergleichende Schprachforschung, 1893), который приводит индоевропейский источник для *kał*, совершенно неубедительна, как замечают Виноградова и Климов. К сожалению, многие из работ Бугге по армянской этимологии конца XIX в. не слишком весомы.

[37] Ср. также сван. *məḳli* то же (*Gudjedjiani, Ch. and Letas Palmaitas.* Svan Englisch Dictionary. New-York, 1985, 223). Слово скорее картвельское по происхождению и заимствовано из картвельского в армянский так же, как и в различные дагестанские языки.

[38] Это соответствует слову с такой же формой, означающему ‘молоток’ в лезгинском, цахурском и рутульском.

[39] Это соответствует близкому по форме слову в крызском и будухском с теми же семантическими параметрами.

Пер. с англ. В.А. Меркуловой

Г.А. Климов

О ДАГЕСТАНСКИХ АРМЕНИЗМАХ

Как следует из критического отклика Дж. Греппина на нашу заметку, из 23 приведенных в ней дагестанских арменизмов он принимает 2 (№ 9 и 21), ставя армянский источник всех остальных под серьезное сомнение. Ниже попытаемся показать беспочвенность подобных сомнений.

Сначала о нескольких очевидных недоразумениях. Армянский источник дагестанских обозначений серпа (№ 8) в противоречии с отклонением его на с. 159 ниже на с. 161 признается самим же рецензентом возможным. Рецензент полемизирует с нами по поводу армянского обозначения рода одежды (№ 19), которое нами вообще не затрагивается. На с. 161, вопреки арменистической традиции (С. Бугге, Гр. Ачарян, Г.Б. Джаукян и др.) удин. *ḳala* ‘хромой’ он предпочитает сближать не с арм. *ḳał* то же (№ 22), а с несуществующим груз. *ḳeli*. Наконец, согласно рецензенту, даг. *ḳaḳal* ‘камешек, орех (и т.п.)’ (№ 16) и даг. *ḳerḳeṭ* полено, деревяшка’ (№ 20) идут, возможно, не из армянского, а из третьего общего для этих языков источника, что никак не расходится и с нашим мнением, отчетливо выраженным на с. 155 заметки.

К числу недоразумений относится и указание рецензента на то, что арм. *ł* едва ли может отражаться в других языках в виде *l*. Напротив, такие факты засвидетельствованы десятками (ср. груз. *alag-* ‘стезя’, *alers-* ‘ласка’, *alkaṭ-* ‘бедный’, *aliz-* ‘необожженный кирпич’ и мн. др.), что, начиная с Г. Гюбшмана признается и в арменистике. Заметим также, что, вопреки рецензенту, слова под № 1–4 на с. 161 мы считаем не имеющими армянское происхождение, а лишь являющимися источниками для их дагестанских аналогов.

Рецензент отказывает в сопоставлении двух дагестанских лексем с их армянскими аналогами (*cel, cil* ‘семя’ при арм. *cel* ‘род, племя’ под № 7 и

ṭapan 'диафрагма, улей, корыто' при арм. *ṭapan* 'большой ящик, ковчег' под № 17), усматривая их слабое семантическое сходство. Ср., однако, многочисленные примеры типа арм. *ṭom* 'семя, племя', арм. и др.-груз. *ṭohm* 'племя' при иран. *toxm* 'семя', а также типа англ. *chest* 'ящик, диафрагма'.

Зафиксированное в армянском с VI в. культурное слово sand 'ступа' признается рецензентом не источником лезг., рут. и цах. sant 'молоток' (№ 6), а, скорее, напротив, дагестанизмом ввиду его наличия в "значительном числе" дагестанских языков и "разнообразию в них его фонетических форм". Поскольку, однако, именно дагестанское слово "не имеет истории", что для рецензента весьма существенно (см.ниже), а также нет ни значительного числа знающих его языков Дагестана, ни, тем более, разнообразия его форм, картина здесь скорее обратная.

Даг. *tur* 'сабля' (№ 11), *gunṭ//ḳunṭ* 'куча, копна...' (12) и *dew* 'злой дух' (№ 23) рецензент без аргументации считает восходящими скорее к ср.-перс., а не арм. источнику. Думается, что при идентичности или большой близости звукотипа соответствующих ср-.перс. и арм. лексем (ср., впрочем, бóльшую семантическую близость даг. *gunṭ//ḳunṭ* к арм. слову), осторожнее, как это и делается нами на с. 155, допускать обе возможности.

В двух случаях неприятие наших сближений основано на невнимании к их фонетике. Даг. *məḳraṭ* и т.п. 'ножницы' (№ 13) сопоставимы именно с арм. *məḳraṭ* то же, а не с предпочитаемым рецензентом араб. *miqraḍ*. Аналогичным образом, даг. *ḳalamb* 'капуста', вопреки его мнению, ближе к арм. *ḳaɫamb* (№ 18), чем к перс. *kalam* или *karanb*.

Сходным образом объясняется отклонение рецензентом сопоставления дагестанских слов типа *gatu, gitu, ḳeṭo* 'кошка' с арм. *ḳaṭu, gadu* и сближение им соответствующих аваро-андийских слов с формой *kedi* никогда не контактировавшего с ними крымско-татарского языка.

В трех случаях (арм. *čči* 'червь' под № 2, *ṭoṙn* 'нить' под № 14 и *zol* 'полоска (кожи)' под № 5) возможность заимствования слов в дагестанские языки ставится под сомнение, поскольку они не имеют в армянском этимологии или письменной истории (последнее касается арм. *zol*). Находя подобные соображения недостаточными, картвелисты и весьма авторитетные арменисты считают в отличие от рецензента, что, например, груз. *čia*-'червь' и *zol*- 'полоска' восходят именно к армянскому. К тому же индоевропейские этимологии предлагаются и для арм. *zol* (Гр. Ачарян, Г.Б. Джаукян и др.) и для арм. *čči* и *ṭoṙn* (Г.Б. Джаукян). Два слова арм. *ḳəčaḳ* 'пуговица (№ 10) и *çindaḳ* 'род носка' (№ 14), отводящиеся рецензентом в качестве источников их дагестанских аналогов ввиду отсутствия у них истории в армянском, все же имеют таковую (ср. присоединение к их исторически простым основам неизвестного в дагестанских языках словообразовательного суф. *-aḳ*). Арм. *xəlez* 'ящерица' (№ 3) отводится в качестве антецедента цах. *kalez* на том основании, что оно налицо только в недавних словарях. Между тем, по Гр. Ачаряну, это слово зафиксировано в среднеармянском и было заимствовано в некоторые другие языки.

Б.И. Татаринцев

ТЮРКСКИЙ ТИТУЛ *BUJLA* (К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИИ)

1. Этот титул отмечен в древнетюрских памятниках VIII в., в частности, в рунических надписях, которые посвящены Бильге-Кагану и Тоньюкуку в качестве начального компонента титулов последнего *bojla* (~*bujla*) *baγa tarqan*, а также как часть имени (или титул?) в уйгурских памятниках IX в.: ср. *Bojla* (~*Bujla*) *Qutluγ Jarγan*. Во всех этих источниках знаки, обозначающие гласный начального слога интересующего нас слова, могли читаться и как *о*, и как *u*, причем одни исследователи предпочитали первое прочтение, а другие – второе[1].

Рассматриваемый титул или близкое к нему слово отмечены еще в языке древних булгар: *bojla* ~ *bujla* в антропониме *Ičirgü bojla*[2] – и в других памятниках, в числе которых известная надпись на золотом сосуде из Надь-Сент-Миклоша, язык которой одни ученые считают печенежским, а другие – древнебулгарским. В ней соответствующее слово также читается то как *bojla*, то как *bujla*. К примеру, Д. Немет дал два варианта его чтения: ранний *bojla* и более поздний *bujla*[3].

К названному тюркскому титулу возводится др.-рус. *быля*, зафиксированное "Словом о полку Игореве" и переводимое как ‘знатный старейшина, патриархально-родовой старшина’, а часть исследователей видит в нем компонент того слова или словосочетания, к которому восходит русское *болярин* ~ *боярин*[4].

Реальная семантика непосредственно самого тюркского титула учеными представляется по-разному. Одни считают ее неясной (Дж. Клосон, К. Менгес), у других она практически отождествляется с семантикой др.-рус. *быля* (Н.А. Баскаков), третьи, исходя в значительной степени из того, что этот титул носил Тоньюкук, бывший советником восточнотюркских каганов, приписывают этому титулу значения типа ‘принадлежащий к государственному совету’ или ‘советник’ (Г. Дёрфер, И.Н. Шервашидзе)[5].

Следы древнего тюркского титула *bojla* ~ *bujla* обнаруживаются и в отдельных современных тюркских языках, на что в свое время обратил внимание С.Е. Малов, сопоставивший др.-тюрк. *bojla* с алт. *elči-bïjla* (~*elči-bajla*)[6]. Последнее приводилось по работе Н.П. Дыренковой "Грамматика ойротского языка" (1940), где это пáрное слово фиксировалось в цитате из алтайского эпоса и где оно переводилось как ‘посол’.

Перевод этот основывается, очевидно, на значении первого компонента слова (*elči*), находящегося, в отличие от второго, в активном употреблении в современных тюркских языках, в том числе и в алтайском, преимущественно в значениях ‘посол, посланник; вестник’ (ср. тув. *элчи* ‘гонец, посыльный’).

В тувинском языке обнаруживается и непосредственное соответствие алт. *elči-bïjla* ~ *elči-bajla* в виде *элчи-буйла*, встречающегося очень редко и

отмеченного, в частности, в романе С. Сарыг-оола "Ангыр-оолдун тоожузу" ("Повесть Ангыр-оола"). Язык этого писателя и названного произведения, в частности, имеет тесную связь с тувинским фольклором. Любопытно, что и указанное слово употреблено С. Сарыг-оолом в традиционном тувинском обмене приветствиями при встрече в вопросе *Албан-херек, элчи-буйла тайбын-дыр бе?*, что можно перевести как "Не беспокоят ли Вас дела-обязанности, гонцы-посыльные?"

2. Существует ряд попыток этимологии титула *bojla* ~ *bujla*, в том числе и на материале тюркских языков, но эти этимологии не выдерживают серьезной критики.

Согласно получившей определенное распространение версии Ф.Е. Корша, *bojla* гомогенно с *bojlu* 'высокий' (<*boj* 'рост' + *-lu-* – афф. обладания) в современных юго-западных (огузских) тюркских языках. Однако, как отметил К. Менгес, "из орхонских форм только *bod-luγ/lïγ* могла бы соответствовать современной... *bojlu*"[7]. Существенно и то, что в этом случае остается необъясненным "нестандартный" переход конечного *-u* > *-a*.

Согласно другой, сходной точке зрения, *bojla* также восходит к *bojlu*, но корневой морфемой в нем считается др.-тюрк. *boj* 'племя, род', а целое означает, как предполагается, 'имеющий племя, возглавляющий племя'[8]. Эта версия применительно к аффиксальной морфеме вызывает те же возражения, что и предыдущая, и, соответственно, принята также быть не может.

Трудно признать удовлетворительной также этимологию, практически связывающую титул с современным тюркским словом в форме *буйла*, обозначающим, в частности, часть верблюжьего повода[9]: как с фонетической, так и с семантической точек зрения такое сближение неправомерно, о чем свидетельствует, в частности, достаточно убедительная этимология названного слова[10].

По-видимому, в определенной степени уязвимость подобных версий приводит К. Менгеса к выводу о том, что др.-тюрк. *bojla* "не имеет алтайской этимологии"[11]. До того, как прийти к столь категоричному заключению, Менгес рассмотрел происхождение древнетюркского титула в специальной публикации[12], где, по его собственной последующей оценке, прослежены "восточные следы этого титула"[13] и, в частности, внешне сходные с *bojla* ~ *bujla*, но, как выясняется, едва ли связанные с ним общностью происхождения слова-титулы в тунгусо-маньчжурских языках. Вместе с тем, подобный анализ все же недостаточен для выводов, подобных вышеприведенному.

Некоторые исследователи вообще не предпринимали серьезных попыток установить происхождение титула *bojla* ~ *bujla*. Так, Дж. Клосон в своем известном этимологическом словаре ограничился лишь высказыванием, согласно которому интересующее нас слово "очень старое, предположительно дотюркское и, возможно, хуннское"[14].

В последние годы предпринимаются попытки истолкования титула как иноязычного по своему происхождению слова в тюркских языках, примером чему является этимологическая версия И.Н. Шервашидзе. По-

следний, исходя из того, что др.-тюрк. *bojla* означало, как он считает, 'советник', высказывают мнение, что "было бы заманчиво сопоставить это слово с греч. βόυλεῖα 'звание члена совета' при βουλή, дор. βουλα 'совет, наставление', βουλαῖος 'подающий (благие) советы' и др., тем более, что титул носил Тоньюкук – советник тюркских каганов в Восточном каганате"[15].

Следует, однако, заметить, что сам этот факт еще не свидетельствует о том, что соответствующий титул имел значение 'советник'. Во всяком случае, в древнетюркских памятниках, в том числе и в памятной надписи в честь упомянутого Тоньюкука, составленной в форме его рассказа о себе от первого лица, в значении 'советник' определенно употребляется другое слово – *ajγuči* (*aïγučï*)[16] < *aj-γučï*, где *aj-* – 'говорить' (<'тот, кто может / должен сказать, сообщить')[17]. Нет и доказательств того, что титул *bojla* ~ *bujla* и *ajγuči* употреблялись как синонимы. Тем более нет оснований утверждать, что значение 'советник' было первоначальным значением указанного титула.

Предлагаемая И.Н. Шервашидзе этимологическая версия выглядит созданной ad hoc, специально для данного случая. Она труднодоказуема, что ощущает и ее автор, поскольку Шервашидзе, едва ли случайно, пишет о самой возможности этого в условном наклонении ("Если удастся доказать греческое происхождение данного слова"...)[18].

И.Н. Шервашидзе стремится подкрепить свое этимологическое решение также тезисом о "наличии эллинизмов в общетюркском (и древнетюркском)", ссылаясь на свою предшествующую публикацию. В ней фигурируют три слова, относимые к числу грецизмов в тюркской лексике, но подобный статус слов выглядит далеко не бесспорным, а то и просто сомнительным, что в известной мере признает и сам автор[19].

Сказанное не означает полного отрицания греческих заимствований в общетюркской (включая сюда древнетюркскую) лексике, хотя они, в любом случае, для нее малохарактерны. Вместе с тем, древнетюркско-греческие языковые контакты могли приводить (и приводили на практике) также к обратным заимствованиям: из древнетюркской лексики в греческую. В частности, если в нашем случае доказуемость факта заимствования тюркского титула из греческого языка находится под серьезным вопросом, то обратное, т.е. заимствование рассматриваемого титула греческим языком (византийского периода) является доказанным фактом. О нем свидетельствуют греч. βοιλάς, βοηλάς и под., отражающие, по Менгесу, древнетюркский титул в варианте *bojlá*[20].

В заключение хотелось бы также заметить, что сопоставление тюркского титула с греческими словами в публикации И.Н. Шервашидзе вызывает некоторые сомнения и с фонетической точки зрения. Так, сочетание ου в греч. βουλή, βουλα и под., по-видимому, читалось как *u*, а не как *oj*, о чем свидетельствуют указание на способ его прочтения на материале этих и родственных им слов в другой публикации[21], а также использование сочетания ου в заимствованиях восточных собственных имен в греческом языке Византии: βουλγαροι 'булгары', Βουλγαρία 'Булгария' и т.п.[22]

3. Из сказанного, как нам представляется, явствует, что при выяснении

происхождения титула *bojla ~ bujla* отнюдь не полностью использованы возможности его этимологизации на собственно тюркской языковой основе: здесь сделаны только первые и при этом малоудачные шаги. Уязвимость большинства исконно тюркских версий, а также рассмотренной выше версии иноязычного происхождения титула во многом связана с тем, что не совсем точно определен исходный фонетический вариант, которым считается вариант с широким гласным первого слога (*bojla*).

Между тем, как уже отмечалось, относительно древнетюркских письменных фиксаций титула едва ли можно определенно сказать, что в них отражается именно широкий, а не узкий гласный.

Утверждается также, что форма типа βοιλας, "засвидетельствованная в греческом языке византийского периода, вполне очевидно отражает древнетюркский титул *bojla*"...[23] (а, значит, не *bujla*). Однако с этим трудно согласиться, поскольку заимствования далеко не всегда "зеркально" воспроизводят звуковой облик оригинала. Должны быть приняты во внимание обстоятельства, с которыми связано появление слова в заимствующем языке (источники, возможные посредники, вероятность контаминации с другими словами и т.д.), но в данном случае необходимый анализ отсутствует. Поэтому нет достаточных оснований столь уверенно говорить о том, что здесь мы имеем дело именно с исходной формой *bojla*.

В то же время данные современных тюркских языков (тув. *элчи-буйла*, отчасти алт. *elči-bïjla*), оставшиеся неизвестными для исследователей или не вполне ими учитывавшиеся, свидетельствуют, что первоначальным вариантом слова вполне мог быть *bujla*.

Эти данные, помимо того, позволяют пролить свет и на возможное исходное значение титула. Парные слова тюркских языков типа *elči-bïjla ~ элчи-буйла* нередко состоят из слов-компонентов, являвшихся синонимами или, во всяком случае, содержащих в своих значениях значительную общность.

В данном случае исходная семантика первого компонента достаточно ясна (о ней уже говорилось выше). Можно полагать, что и слово *bujla* первоначально обозначало нечто вроде порученца, гонца, вестника, посла, посланника, представителя и под., а затем стало употребляться в качестве одного из высоких титулов.

Аналогию подобного семантического развития можно видеть в др.-тюрк. *elči*, означающего как ‘посол; вестник’, так и ‘важное должностное лицо, правитель’[24], причем направление этого развития устанавливается вполне определенно[25].

Аналогичные смысловые изменения прослеживаются не только в исконной тюркской лексике, но и в заимствованных словах: ср. в этом плане *вакиль* ‘родовой старшина у туркмен-кочевников’... < араб. *vakil* ‘представитель правительства, посланник, депутат, поверенный’[26].

Что касается этимологии титула *bujla*, то мы полагаем, что он является гомогенным с другим, общетюркским словом-титулом *bujuruq ~ bujruq*, имеющим (в различных тюркских языках) такие значения, как ‘приказный; министр; повелитель; правитель, начальник; командующий; чинов-

ник; уполномоченный'. Последнее является производным от глагольной основы *bujur-* 'приказывать, назначать; п о р у ч а т ь ; о т п р а в л я т ь , в е л е т ь е х а т ь'...[27].

Как видно, смысловая связь указанного глагола со словом 'порученец; гонец; посланник' и т.п. довольно четко уловима. Она ощущается и между словами *bujla* и *bujuruq* и, возможно, была бы более заметной, если бы мы более реально представляли, что означало *bujla* в качестве титула.

В свою очередь, глагол *bujur-* считается формой понудительного залога от "некоего глагола" **buj-* или **buj(u)-*[28].

Возможным производным от этого глагола мы считаем имеющееся в части современных тюркских языков имя *bujum* 'вещь, предмет; изделие; дело, надобность, необходимость'. В результате у глагольной основы **buj(u)-* может быть реконструирована семантика 'делать; осуществлять то, что необходимо' (в том числе 'отправляться куда-либо, выполняя поручение')[29].

От этой основы, кроме формы понудительного залога *bujur-* (см. выше) могла существовать и форма медиопассива **bujul-*, производным от которой, вероятно, и было имя **buj(u)la* > *bujla*, обозначающее то лицо, от которого требуется выполнение порученного.

С помощью аффикса *-a-* (вариант – *-i*) могут образовываться отглагольные имена со значением носителя процесса типа азерб. *гоншу* 'сосед' (<**гонуш-* 'совместно встречаться; вести знакомство'), др.-тюрк. *köršü* 'друг' (**körüš-* 'видеться'), чуваш.*пăха* 'смотритель; наблюдатель' (<*пăх-* 'смотреть, наблюдать') и под.[30]. К их числу может быть отнесено и *bujla*.

Предлагаемая этимология тйтула с опорой на исходный вариант *buila* в определенной степени помогает понять особенности, связанные с заимствованием др.-рус. *быля*. Последнее, скорее всего, явилось прямым тюркским заимствованием (посредство других языков, в частности греческого, что допускают некоторые исследователи, маловероятно). Наиболее проблематичным является появление в русском слове гласного *ы*: здесь предполагается влияние народной этимологии по связи с основой *бы* в глаголе *быть*[31].

Это допустимо. Но вполне вероятно также восхождение *быля* к тюркской форме с делабиализацией узкого гласного первого слога (ср. алт. *elči-bïjla*), что, наряду с другими изменениями, отмечается уже в древнетюркских памятниках: ср. такие варианты титула *buj(u)ruq*, как *burjuq* и *bïruq*[32].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См., в частности: Древнетюркский словарь. Л., 1969, 110, 121, 240; *Clauson G.* An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. Oxford, 1972, 385; *Erdal M.* The turkic Nagy-Szent-Miklos inscription in Greek letters // AOr, t, XLII, fasc. 2-3. Budapest, 1988, 225–226.

[2] *Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, 235.

[3] См.: *Бенцинг И.* Языки гуннов, дунайских и волжских болгар // Зарубежная тюркология. Вып. I. М., 1986, 16–17.

[4] *Баскаков Н.А.* Тюркская лексика в "Слове о полку Игореве". М., 1985, 155–156.

[5] Ср.: *Clauson* G.Op.cit.; *Менгес К.Г.* Восточные элементы в "Слове о полку Игореве". Л., 1979, 84; *Баскаков Н.А.* Тюркская лексика в "Слове о полку Игореве", 155; *Он же.* Титулы и звания в социальной структуре бывшего Хивинского ханства // Советская тюркология, 1989, № 1, 66; *Шервашидзе И.Н.* Фрагмент древнетюркской лексики. Титулатура // ВЯ 1990, № 3, 81, 89.

[6] *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.–Л., 1951, 372.

[7] *Менгес К.Г.* Указ. соч., 91–92.

[8] *Баскаков Н.А.* Тюркская лексика в "Слове о полку Игореве", 40.

[9] См.: *Боконбаев К.Дж.* О некоторых тюркизмах в "Слове о полку Игореве" // Тюркология-88. Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции. Фрунзе, 1988, 77–78.

[10] *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву "Б". М., 1978, 287–288.

[11] *Менгес К.Г.* Указ. соч., 85.

[12] *Menges K.H.* Problemata etymologica // Studia Sino-Altaica. Wiesbaden, 1961, 130–139.

[13] *Менгес К.Г.* Указ. соч., 85.

[14] *Clauson G.* Op. cit., 385.

[15] *Шервашидзе И.Н.* Указ. соч., 89.

[16] Древнетюркский словарь, 28; *Малов С.Е.* Указ соч., 355.

[17] *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л., 1980, § 62, 114.

[18] *Шервашидзе И.Н.* Указ. соч., 89.

[19] *Шервашидзе И.Н.* Фрагмент общетюркской лексики. Заимствованный фонд // ВЯ, 1989, § 78–79.

[20] *Менгес Г.К.* Указ. соч., 84, 91.

[21] См.: *Петров К.И.* Расшифровка некоторых этнотерминов из "Истории" Менандра Протектора-Византийца // Тюркология-88. Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции. Фрунзе, 1988, 517.

[22] *Менгес Г.К.* Указ. соч., 40, 47, 48, 92.

[23] Там же, 84.

[24] Древнетюркский словарь, 169.

[25] Этимологию данного слова см.: *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974, 350–351.

[26] *Баскаков Н.А.* Титулы и звания в социальной структуре бывшего Хивинского ханства, 66.

[27] *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву "Б", 246–247.

[28] Там же.

[29] Допустима связь указанной глагольной основы и кирг. *буй* ‘хозяйственные заботы, житейские дела’.

[30] См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, 259, 264; Древнетюркский словарь, 665.

[31] *Менгес К.Г.* Указ. соч., 92.

[32] Древнетюркский словарь, 121.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

•

Etymologický slovník jazyka staroslověnského 1: Úvod, zkratky: A – blagъ. Praha, 1989; 2: blagъ – dělo. Praha, 1990 г.

Этимологическая лексикография пополнилась новым изданием. Вышли в свет два первых выпуска "Этимологического словаря старославянского языка" (далее – ESJS), охватывающие отрезок словаря в объеме букв *A, B, C, Č*, частично *D* (*da – dělo*). Работу над словарем ведет брненская группа этимологов. Начало работы приходится на конец 1983 г., когда по причинам внешнего порядка было принято решение переориентировать деятельность коллектива, увязать многолетние этимологические исследования брненской группы с выпускаемыми ЧСАН "Словарем старославянского языка" (далее – SJS). К составлению нового словаря брненская группа приступила, имея за плечами большой опыт работы над "Этимологическим словарем славянских языков", пробный выпуск которого вышел в 1966 г.[1] Накопленные за многие годы работы профессиональный опыт, знания, солидные этимологические картотеки стали основой нового словарного предприятия. В 1986 г. на страницах ж-ла Slavia был опубликован проспект (авторы: Е. Гавлова и др.)[2], в котором определены тип словаря, задачи, методика работы, приведены образцы словарных статей. Исходя из заданного объема в 2 тыс. рукописных страниц, составители предполагают, что словарь будет содержать примерно 1400 статей, посвященных этимологическим гнездам и отдельным словам со своей этимологической проблематикой. В основу словаря положены материалы SJS. Как известно, SJS включает лексику канонических памятников и памятников церковнославянских (включая XV в.), последние (ср. особенно Besědy) содержат немало слов, слабо изученных в этимологическом отношении. Таким образом, составители оперируют лексикой в пределах SJS, что, естественно, накладывает ограничения на словник и на объем восстанавливаемых гнезд. В словник, помимо слов исконнославянского происхождения, включены заимствования, в первую очередь из греческого языка (ср. слова на A), топонимы (ср. *Budъčь, Cěsar'ьgradъ*), личные имена (ср. *Borivoi, Borisъ, Bratislavъ, Boljeslavъ*), этнонимы (ср. *Čechъ*) и т.д.

Следует заметить, что старославянская лексика почти в полном объеме входит в этимологические словари славянских языков, является обязательной составной частью выявляемых на славянском материале лексических соответствий. С самого начала свидетельствам первого письменного языка придавалось первостепенное значение в сравнительно-исторических исследованиях славянских языков, в исследованиях по индоевропеистике. Особый интерес к ESJS вполне закономерен, значение ESJS определяется тем, что это первый обобщающий труд по этимологии старославянской лексики. Первый опыт подготовки и издания этимологического словаря книжного языка сопряжен с целым рядом трудностей, которые носят специфический характер, поскольку речь идет о языке, выполняющем функцию наддиалектной формы общения в славянском мире. Словарный состав первого письменного языка славян вобрал в себя лексику болгаро-македонских диалектов, книжные образования, так называемые моравизмы, прямые заимствования из латинского и греческого, многочисленные кальки и т.д. Авторы оставляют в стороне, не касаются собственно внутренней проблематики палеославистики (ср. проблемы соотношения книжного и народного языка, соотношения старославянского языка и его редакций, вопросы диалектной дифференциации по данным старославянской лексики и многие другие). В первую очередь словарь ориентирован на выявление генетически тождественных образований с реконструкцией для них исходной формы на праславянском и индоевропейском уровне.

Словарь построен по гнездовому принципу. Гнездовой способ организации материала сочетается с пословными статьями в тех случаях, когда возникает необходимость в спе-

циальном освещении словообразовательных и семантических аспектов слова (ср. статьи *brati* и **boriti, biti* и *bičь, česati* и *češuja, čisti* и *čislo* и т.д.). Авторами разработана очень компактная, экономная и удобная форма словарной статьи. Структура словарной статьи в максимально полном объеме включает в себя следующие зоны: 1. заглавное слово с указанием значения, 2. производные разного типа, образования, связанные родством на основе чередования гласных в корне, 3. сложения, как правило, кальки с греческого, имеющие в качестве первого компонента заглавное слово, 4. сведения о распространении старославянизма в соседних славянских и неславянских языках, 5. этимологическое объяснение. На этимологическую часть приходится значительная часть объема словарной статьи. В этой части находим славянские соответствия с указанием реконструируемой для них праславянской формы, далее под цифрами 1, 2, 3 приводятся индоевропейские корни, с которыми связывается рассматриваемое слово в разных этимологических версиях, причем в скобках названы основные индоевропейские группы, в которых представлены продолжения того или иного корня. Заключает последнюю часть обзор этимологий с указанием основной литературы. Как правило, первым приводится наиболее вероятное этимологическое истолкование. Если слово неясно и равновероятны все известные объяснения, то в первую очередь сообщается самое раннее по времени, в конце статьи петитом отмечены маловероятные этимологии. Основные зоны четко выделены и зрительно хорошо воспринимаются. Авторами проделана большая работа по систематизации этимологического материала и отбору основных версий. Наглядное представление об объеме использованной литературы дает библиографический аппарат, приведенный в вводной части первого выпуска. При всей полноте сообщаемой в словаре этимологической информации в отдельных случаях можно все же отметить пропуски. Так, список индоевропейских соответствий слав. **čьrpati* может быть дополнен лат.*carpō*, *-ere* ‘дергать, щипать, рвать’, хет. *karp-* ‘брать, поднимать, собирать’ (ЭССЯ 4, 72). В целом хорошо продуманный и четко построенный обзор этимологических версий помогает читателю воссоздать историю этимологического изучения слова, понять, в каком направлении шло развитие этимологической мысли. Все это придает новому словарю характер ценного справочного пособия по этимологии не только старославянских слов, но и шире – исконных слов славянского словаря. Самостоятельную научную ценность имеет представленный в первом выпуске на букву *А* детальный анализ заимствований из греческого языка.

Этимологический словарь отдельного языка призван выявить своеобразие словообразовательной, семантической структуры слова на славянском фоне. По целому ряду причин и прежде всего по причине неполноты материала ограничены возможности внутренней реконструкции лексико-семантических процессов в системе старославянского языка. Для составителей словаря старославянская лексика служит отправным моментом для решения многих узловых проблем славянской этимологии. Свою задачу они видят в том, чтобы восстановить генетические связи, генетические истоки для лексики, зафиксированной в памятниках старославянской и церковнославянской письменности. В словаре, построенном по корневому принципу, многие проблемы, возникающие при этимологизации отдельных слов, как бы отступают на второй план. Современная этимология придает большое значение тому, как в плане относительной хронологии складываются отношения слов, входящих в одно этимологическое гнездо. В ESJS эта проблема в сущности не ставится. В статьях, посвященных исконной лексике, в специальном разделе в алфавитном порядке сгруппированы суффиксально-префиксальные образования, слова с разными ступенями чередования корневого вокализма, соотносимые образования просто перечислены без попытки осмысления их возраста, диахронической глубины в плане относительной хронологии. При таком суммарном, статичном подходе не расчленены, не разграничены слова, унаследованные из индоевропейской эпохи и слова, структура которых сложилась в системе праславянского, в одном ряду с древними образованиями оказываются новообразования старославянского языка. Между тем в ряде случаев этимологический материал, введенный в статью, дает основания для разграничения производных раннего и позднего времени. Так, характеризуя отглагольные имена *blędь* и *blǫdъ* в гнезде *blęsti*, авторы определяют *blędь* как вторичное образование, исходя из симметрии отношений *blęsti–blędь, blǫditi—blǫdь*, но упускают при этом из виду, что *blǫdъ*, связанное отношением регулярного типа с гл. *blęsti*, имеет точное соответствие в лит.*blañdas* ‘дрема, сонливость; пасмурность’ (ЭССЯ 2, 127). Представляется, что образование, датируемое балтославянской эпохой, должно быть каким-то способом выделено в гнезде родственных слов

или вынесено в отдельную словарную статью. Другой пример – гнездо гл. *biti*. В этом гнезде лишь упомянуты отглагольные имена с вокализмом *о* в корне (*razboi, uboi* и др.), архаичность слав. **bojь* никак не оговорена. Если верно сближение слав. слова с иллир. *Boius* (личное имя собств.), велика вероятность индоевропейских истоков праславянского имени (ЭССЯ 2, 168). Каждый такой случай заслуживает самостоятельного рассмотрения в словаре.

Традиционный гнездовой подход к этимологии, корневая этимология не исчерпали своих возможностей. На современном этапе развития этимологии признается плодотворным сочетание суммарно-гнездового подхода с детальной, расчлененной подачей лексического материала. В центре внимания современной этимологии цельнооформленное слово, усилия этимологов направлены на поиски в индоевропейских языках точных цельнолексемных соответствий. Очень важно в составе славянского гнезда родственных образований выделить слова с глубокими индоевропейскими связями. К сожалению, в словаре осталось неотмеченным, что слав. **čьrta*, производное от гл. **čersti*, **čьrtǫ* (~лит. *kir̃sti* 'рубить, ударять', др.-инд. *kr̥ntáti* 'режет, дерет, обдирает' и т.д.), имеет свой ряд точных индоевропейских соответствий – др.-инд. *kŕ̥̥ta* 'трещина, расселина', лит. *kirtà* 'удар' (ЭССЯ 4, 161; Słownik prasłowiański 2, 252), что дает основание для вывода о глубокой древности славянского слова.

Составители базируются исключительно на материалах SJS и в ряде случаев не учитывают уточнения, коррективы, внесенные последующими исследованиями. Так, слово *brěgъ* приводится в одном значении 'берег'. Но как показывает анализ[3], ст.-слав. слово интересно тем, что в определенных контекстах сохраняет значение 'склон, откос горы, гора', непосредственно связанное с исходным этимологическим значением слав. **bergъ*.

Обращает на себя внимание тщательность, аккуратность, выверенность подготовленной публикации. Начатое брненской группой новое сложное словарное предприятие заслуживает одобрения и поддержки. Славистика пополнилась новым словарем, выполненном на самом высоком профессиональном уровне.

Л.В. Куркина

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Etymologický slovník slovanských jazyků. Ukázkové číslo. ČSAV. Ústav jazyků a literatur. Brno, 1966.

[2] *Havlová E. a kol.* Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Zasady práce a ukázky hesel // Slavia. Roč. 55, 1986, seš. 4, 337–354.

[3] *Цейтлин Р.М.* Заметки по старославянской лексикологии // Этимология 1971. М., 1973, 102–104.

Historický slovník slovenského jazyka. I.A.–J. Vedecký redaktor M. Majtán. Bratislava. Veda. 1991, 536 s.

До последнего времени словацкая наука не имела исторического словаря словацкого языка. Фактически не было и серьезных попыток его создания. Тем большее значение имеет новаторская работа коллектива ученых Института языкознания им. Людовита Штура САН, взявшихся за выполнение этой сложной и актуальной задачи. В 1991 г. Издательство Словацкой академии наук "Веда" выпустило в свет первый том "Исторического словаря словацкого языка" (далее ИССЯ), который несомненно вызовет глубокий интерес словакистов и славистов. Публикация первого тома ИССЯ (авторы: В. Бланар, Э. Йона, И. Котулич, Е. Красновска, Р. Кухар, М. Майтан, М. Майтанова, Шт. Пециар, Б. Ричиова, Я. Складана; редакторы: М. Майтан, В. Бланар, И. Котулич, Шт. Пециар) знаменует начало успешной реализации давно задуманной и тщательно разработанной программы создания словацкого исторического словаря.

Систематическая работа над этим словарем ведется с 60-х годов, но еще раньше началась подготовка необходимой словарной базы. В чехословацких и зарубежных архивах и библиотеках проводился широкий поиск древних рукописных памятников, отражающих лексику словацкого языка долитературного (докодификационного) периода, то есть до

конца XVIII в., когда благодаря кодификаторской деятельности А. Бернолака сформировался первый вариант литературного словацкого языка – "бернолаковщина"; расписывались старые печатные книги, словари и т.п.; на основе сплошной и выборочной эксцерпции рукописных и опубликованных текстов составлялась словарная картотека, велась первичная систематизация и классификация собранного лексического материала. Параллельно с этим коллективными усилиями создавалась исходная теоретическая концепция ИССЯ, которая с течением времени претерпела, правда, определенные изменения. По первоначальному замыслу предполагалось создать большой исторический словарь с многочисленными примерами из словацких письменных источников XV–XVIII вв. Концепция такого словаря, разработанная под руководством В. Бланара, нашла отражение в пробном выпуске, опубликованном в 1973 г. [1]Однако в силу того, что составление и издание подобного словаря не было обеспечено кадровыми, материальными и финансовыми возможностями, была выдвинута идея подготовки исторического словаря среднего типа. В 1978–1986 гг. постепенно вырабатывалась и уточнялась его обновленная концепция,одним из наиболее существенных моментов которой стало расширение хронологических рамок словаря в глубь истории, вплоть до XI в. Такая позиция представляется вполне обоснованной, поскольку период с XI в. по XIV в. играет очень важную роль в развитии словацкого этноса, этнического самосознания и языка словаков[2]. Хотя связные словацкие тексты, относящиеся к данному периоду, не сохранились, ценные сведения по истории словацкого языка и, в частности, по истории его словарного состава,могут быть почерпнуты из латинских грамот того времени и памятников письменности на чешском языке, который проник на словацкую этническую территорию в конце XIV в. Без учета этого материала невозможно научное освещение эволюции праславянской лексической базы словацкого языка, возникновения и развития специфических словацких лексико-семантических и словообразовательных элементов, отражения в словарном составе словацкого языка интенсивных межъязыковых контактов, характерных для указанного периода.

Первый том ИССЯ содержит краткое предисловие (с. 9–10), достаточно развернутые вводные разделы (с. 11–69) и собственно словарную часть (с. 71–335). В вводных разделах отмечается насущная необходимость такого словаря как важного источника изучения языка и жизни словацкого народа в прошлом, его научное, историко-культурное и практическое значение, раскрывается специфика данного труда как исторического словаря среднего типа, его цель и назначение, характеризуются основные принципы его исходной концепции, хронологические рамки словаря и его документальная база. Довольно подробно излагаются также принципы и методы лексикографической обработки словарного материала (построение словарной статьи, способы раскрытия смысловой структуры заглавного слова, приемы его грамматической, генетической, лингвогеографической и стилистической характеристики и т.п.). Здесь же находим список архивов и библиотек, из фондов которых подбирались письменные источники, а также перечень этих источников (рукописных и опубликованных), включающий более 300 позиций.

Своей целью авторы считают научное описание и лексикографическую обработку словарного состава языка словацкой народности в его восьмисотлетнем развитии на основе сохранившихся языковых памятников (с. 14). Понятно, что невозможно было собрать однородный и равноценный лексический материал, отражающий отдельные этапы истории словацкого языка в столь широких хронологических рамках. В связи с этим большое внимание было уделено критериям и принципам отбора источников словаря, на базе которых можно было бы собрать материал, позволяющий в концентрированном виде представить системный характер и диахронию лексико-семантического уровня словацкого языка долитературного периода. Основной корпус источников составляют связные тексты на словацком языке, относящиеся к XV–XVIII вв. (сюда, естественно, не включены письменные памятники на "бернолаковщине"). В этой собственно словацкой письменности отражались характерные черты диалектной речи словаков и так называемого словацкого культурного языка (культурного интердиалекта)[3]. Эти памятники наиболее полно представляли жанровое и тематическое разнообразие словацкой письменности (административно-деловые и юридические документы, религиозную, научную и научно-популярную литературу, художественные прозаические и поэтические сочинения, записи устного народного творчества и др.). Наряду с этим в качестве источников привлекались, как уже говорилось, письменные памятники на чешском языке. При этом приходилось решать сложную проблему разграничения словацких и чешских текстов. Дело в том, что в результате контактирования двух близкородственных языков в ряде письменных памятников

обнаруживались заметные проявления интерференции словацких и чешских языковых элементов. К тому же и в собственно словацких текстах использовалась традиционная чешская графика. Для составителей ИССЯ главным критерием при отборе источников являлось то, в какой мере в них отражались специфически словацкие языковые черты. Словацким памятником признавался "такой рукописный или печатный текст, который можно считать словацким не только по происхождению автора, месту возникновения, назначению и т.п., но и по языку памятника" (с. 17). Такие памятники расписывались полностью. Из чешских источников XIV в. и более позднего времени, если в них сохранялась чешская литературная норма, извлекались прежде всего словацкие языковые элементы (словакизмы), а также некоторые освоенные словацким языком лексические богемизмы. Наконец, древнейшие свидетельства о словарном составе словацкого языка были получены из латинских письменных источников XI–XV вв. Это была главным образом ономастическая лексика – разного рода собственные имена существительные апеллятивного происхождения.

ИССЯ представляет собой толковый и документированный исторический словарь среднего типа (планируется издание трех томов), что во многом определяет объем и состав словника и способ построения словарной статьи.

Не претендуя на роль словаря тезаурусного характера, ИССЯ тем не менее включает значительную часть словарного состава словацкого языка, представленную в письменных памятниках XI–XVIII вв. Его словник составлен на основе анализа богатейшей картотеки, насчитывающей около 2 млн. выписок. Основную часть словника образует апеллятивная лексика (прежде всего исконная, но в значительной мере и иноязычная по происхождению), в ограниченном объеме представлены также имена собственные. Следует отметить нетривиальный подход к лексикографической обработке последних в данном словаре (см. с. 21–22). Помимо того, что часть имен собственных выступает в качестве заглавного слова и, следовательно, самостоятельной словарной статьи, например: Anglicko, Babylon, Eden, Austriak, Cigán, Čech, Hladolet 'Сатурн', Jupiter, проприальная лексика используется в целях экземплификации заглавного слова – нарицательного существительного или прилагательного; в этом случае имя собственное приводится в конце статьи и отделяется от ее основной части значком P. Так, в статье deviatnik после толкования первого значения этого слова "vyberač deviatku" (сборщик девятой части урожая) и соответствующего примера за значком P дается антропоним Nicolaus Dewatnyk с указанием источника; в конце статьи bystrý – топоним aqua Bistric и т.п. Иногда имя собственное оказывается единственным примером, иллюстрирующим заглавное слово, ср. статью: fúkač m *kto fúka*: P atpn Girik Fukacz TURANY 1562.

В построении словарной статьи авторы ИССЯ придерживаются определенной типовой схемы, удачно сочетая принципы информативности и экономии. Заглавное слово выступает в орфографической и фонетической форме современного словацкого литературного языка. При отсутствии определенного слова в современном языке оно приводится в форме, реконструируемой на основе вариантов, которые встретились в использованных источниках. За заглавным словом даются его фонетические, морфологические, а в ряде случаев и словообразовательные варианты. Далее при помощи соответствующих сокращений указываются частеречные и основные грамматические признаки слова, у иностранных и заимствованных слов – язык-источник (иногда и посредник). Термины и стилистически маркированные слова снабжены стилистическими квалификаторами, указывающими главным образом на сферу употребления слова (adm, astron, bibl, bot, filoz, geol, med и т.п.) или его экспрессивную окраску (expr, fam, iron, pejor, vulg и др.). Затем идет объяснение значения слова, раскрытие его смысловой структуры, для чего используются разные приемы.

Как известно, раскрытие лексического значения слова – одна из наиболее трудных задач, стоящих перед составителями исторических словарей. Авторы ИССЯ основной упор делают при этом на краткое описательное толкование значения слова. Если речь идет об отживших или в настоящее время малоизвестных реалиях, то даются дефиниции энциклопедического характера. При объяснении ботанических и зоологических терминов приводятся современное словацкое специальное наименование и международный латинский термин. Во многих случаях лексическое значение слова раскрывается при помощи современного синонима (иногда в комбинации с кратким толкованием). Однако наиболее существенным является то, что авторы ИССЯ не ограничиваются инвентаризацией зафиксированных в памятниках слов и их значений, а стремятся выявить и показать

системные связи обрабатываемой лексики. При вычленении отдельных значений полисемантического слова и установления их иерархии учитывается не только конкретный отрезок текста, в котором употреблено данное слово, но и результаты лексико-семантической реконструкции, основанной на анализе более широкого материала. Уточнению значения заглавного слова способствует также указание на его антонимические отношения, на характерную для него лексическую и синтаксическую сочетаемость, на словообразовательную мотивированность (при помощи отсылки к исходному слову или посредством гнездового расположения слов).

Важной чертой ИССЯ является то, что в нем строго выдерживается принцип документированности. В словник включены только те слова, которые представлены в использованных памятниках. Поэтому в качестве заглавного слова не приводятся казалось бы очевидные мотивирующие слова, производным от которых посвящены отдельные словарные статьи, например, есть статья anatemizovàt', но отсутствует anatéma (ср. аналогичное соотношение мотивирующего и производного слова: anatomizovat' и anatómia), есть epidemický, но нет epidémia и т.п. Далее, все значения заглавного слова, включая переносные, подтверждаются цитатными примерами (минимальными словосочетаниями или отрывками текста), которые приводятся в той форме, в какой они зафиксированы в соответствующем памятнике письменности. При этом каждая цитата сопровождается указанием на место и год (век) написания памятника или же приводится сокращенное название источника. Если на одно значение дается несколько примеров, то они располагаются в хронологическом порядке. Если примеры берутся из многоязычных словарей, то иногда они ограничиваются иноязычным эквивалентом (прежде всего латинским), см., например, статью: d'akovač [de-] m *kto d'akuje*: glaturator: d'ekowač KS 1763. Полнее раскрывать смысловую структуру заглавного слова помогает тщательно проработанная в ИССЯ подача лексикализованных словосочетаний и фразеологизмов.

Уже судя по первому тому ИССЯ можно сказать, что это будет серьезный лингвистический труд, важный этап в развитии словацкой исторической лексикографии. ИССЯ вводит в научный оборот новый до сих пор малоизученный материал, который дает объективное представление о словацкой лексике исследуемого периода. В нем мы находим немало языковых фактов, свидетельствующих о динамике словарного состава, об изменениях в семантике и структуре отдельных лексем, целых рядов слов, объединенных в лексико-семантические и тематические группы, и словообразовательных типов. В этом смысле состояние словацкой лексики, описываемое ИССЯ в рамках длительного периода, по сравнению с ее современным состоянием характеризуется не только естственными и очевидными чертами сходства, но и рядом отличительных признаков. В частности, у многих слов, сохранившихся до настоящего времени, наблюдаются определенные семантические сдвиги, что появляется в полном или частичном несовпадении смысловой структуры конкретной лексической единицы в долитературный период и в современном языке, например: abstrahovat' 'отделять/отделить' (совр. 'абстрагировать'), anatómia 'подробное объяснение, анализ' (совр. 'анатомия'), bohovat' 'править как бог' (совр. 'ругаться, ругать'), fabrikant 'рабочий мануфактуры' (совр. 'фабрикант, заводчик'), chládok '1. теневое, прохладное место; 2. беседка' (совр. '1. теневое, прохладное место; 2. (разг. экспр.) тюрьма', ср. русск. устар. *холодная*), ilúzia 'необоснованная насмешка, издевательство' (совр. 'иллюзия'), industria 'предприимчивость, активность' (совр. (устар.) 'промышленность') и др. Иногда можно зафиксировать изменение только в формальной структуре, например: chápka 'понимание' (совр. chapanie).

В ИССЯ описано значительное число производных слов, которые с течением времени вышли из употребления. Яркие примеры в этом плане обнаруживаются, в частности, в разряде отглагольных имен существительных со значением лица, образованных при помощи продуктивного суффикса *-tel'*, ср.: cifrovatel' 'кто делает украшения или украшает что-либо', čistitel' 'кто чистит что-либо, чистильщик', dopustitel' 'кто допустил что-либо, виновник', hotovitel' 'кто готовит что-либо', choditel' 'кто ходит за кем-либо', inačitel' 'кто меняет, преобразует что-либо, реформатор' и др. Зафиксированное в ИССЯ у существительного chládok значение 'беседка' современными словарями словацкого языка не отмечается. Между тем, наряду с этим словом в XVIII в., как показывают материалы ИССЯ, функционировали семантически связанные с ним производные chladník 'беседка, садовый павильон' и chladnikár 'садовник, ухаживающий за беседкой', которые в современном языке уже не представлены.

Отметим еще одно наблюдение. В ИССЯ мы находим довольно много производных

существительных с суффиксом *-ár (-iar)* со значением лица по роду деятельности или профессии, которые в современном словацком литературном языке не употребляются, например: akcizár 'сборщик акцизного налога', almužnár в значении 'нищий' (совр. almužník), brazdár 'пахарь', čitár (и čítač) 'чтец' (совр. čítač), falšiar (и falošník) в значении 'обманщик, лицемер' (совр. falošník), fl'ašnár 'изготовитель бутылок из жести, жестянщик', hovädár 'пастух', chlubár 'хвастун', ihlár 'изготовитель игл' и т.п. Производные с указанным значением образовывались и с другими синонимичными суффиксами. ИССЯ рисует яркую картину широкой словообразовательной вариативности этих производных, ср., например, следующие ряды синонимических существительных с разными суффиксами: árendár, árendáš, árendovník, árendátor 'арендатор' (совр. árendátor); beháč, behaj, behák, behan, behár, behúň 'бегун' (совр. behaj, behúň, bežec; есть и beháč, но в значении 'вагонетчик, откатчик'), darca, daritel', darovač, darovatel' 'даритель' (совр. darca, редк. darovatel'), harfaník, harfár, harfáš, harfista, harfonista 'арфист' (совр. harfista и устар. harfenista, harfeník).

Естественно, что в таком сложном впервые создаваемом историко-лексикографическом труде можно заметить и определенные недочеты, некоторые из принятых в нем методических установок могут представляться дискуссионными. В качестве примера укажем на некоторые отступления от гнездового расположения глагольных лексем, относящихся к видовым парам. Во вводных разделах говорится, что по данному принципу (в общих статьях) разрабатываются бесприставочные видовые пары типа hodit' – hádzat', kúpit' – kupovat' и приставочные глаголы типа oddelit' – oddel'ovat', vyhodit' – vyhadzovat', причем коррелят несов. вида приводится при глаголе сов. вида (с. 38). Что касается пар второго типа, то у них гнездовое расположение выдерживается в первом томе ИССЯ довольно последовательно. Отметим только, что изредка все же встречаются гнезда с обратным порядком: глагол сов. вида приводится при глаголе несов. вида, ср.: dopomáhat' (несов.) и при нем dopomôct' (сов.), dožierat' (несов.) и при нем dožrat' (сов.). Более заметны отклонения от гнездового расположения слов в видовых парах первого типа. Даже глаголы hodit' 'бросить' – hádzat' 'бросать' даются не в одном гнезде, а в отдельных словарных статьях, причем при глаголе сов. вида не указан коррелят несов. вида. Правда, это можно считать технической погрешностью. Дело в том, что видовая соотносительность названных глаголов оказывается тем не менее эксплицитно выраженной, так как каждое из трех лексических значений глагола hádzat' имеет отсылку к идентичному значению глагола hodit'. Не выдерживается гнездовой принцип и при разработке других пар данного типа, например: chopit' 'взять, схватить; понять' – chápat' 'брать, хватать; понимать', chytit' 'схватить, взять' – chytat' 'хватать, брать'. Не совсем понятно, почему в отношении некоторых однотипных производных слов применяются разные приемы лексикографической разработки. Так, например, деминутивные существительные даются то в одном общем гнезде с исходным существительным (ср. dvor и сокращенные деминутивы -ec, -ok, -ček), то отдельно от исходного слова (ср. статью dom, где отсутствует указание на возможность деминутивного производного, и статью domček, domok, domeček). Иногда при деминутиве находим отсылку к исходному имени существительному, которое в словаре не представлено как заглавное слово (ср. статью: formátik m dem k formát (knihy).

По нашим наблюдениям, не всегда последовательно реализуется декларируемое положение о том, что каждое значение слова в принципе документируется четырьмя – пятью примерами. Можно привести несколько слов, значения которых проиллюстрированы двумя и даже одним примером, ср. словарные статьи: afirmovat', altán, bažantnica, brázdnik, darmotlach и др.

Наконец, можно отметить и ряд изредка встречающихся опечаток: horliwec вм. horlivec (с. 432), в статье háj указывается форма производного прилагательного -ný вм. -ny (с. 391), аналогичная ошибка в статье hodinár, где приводится форма прилагательного -ský вм. -sky (с. 420), в статье čižmár назван источник KS 1764 вм. правильного указания на 1763 г. (с. 220), latt вм. lat (с. 73).

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что рецензируемый словарь займет достойное место в ряду славянских исторических словарей, он выполнен на высоком теоретическом и методическом уровне, с учетом новейших достижений в области славянской исторической лексикологии и лексикографии. ИССЯ дает в систематизированном виде важные и многоаспектные сведения о составе, функционировании и динамике лексики в долитературный период истории словацкого языка. Ценные сами по себе они вместе с тем являются необходимой и надежной базой для последующих исследований по исторической лексикологии и диахроническому словообразованию. Накопленный авторами ИССЯ опыт

будет полезен и при подготовке словацкого исторического словаря тезаурусного типа. Кроме того, ИССЯ имеет и более широкое историко-культурное значение. Обработанная в нем лексика, отражающая определенные этапы развития материальной и духовной культуры словацкого народа, представляет большую ценность не только для лингвистов, но и для историков, этнографов, культурологов, литературоведов, социологов и др. Нельзя не отметить также общий высокий технический и и полиграфический уровень издания.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Slovenský historický slovník z predspisovného obdobia. Ukážkový zošit / Vedecký redaktor St. Peciar. Bratislava, 1973, 356 s.

[2] См.: *Смирнов Л.Н.* Этническое самосознание словаков в свете лингвистических данных // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989, 245–255.

[3] Подробнее об этом см.: *Смирнов Л.Н.* Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978, 88–93.

Л.Н. Смирнов

Wörterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre. Onomasiologie. Begründet und herausgegeben von J. Schröpfer. Bd. I. Lief. 5/6, 7/8 (unter Mitarbeit von A. Hönig). Heidelberg, 1989: Carl Winter Universitätsverlag. S. 197–514.

Организация материала в 5/6 и 7/8 выпусках "Словаря сравнительной ономасиологии", как и в предшествующих, весьма строго выдержана в духе принципов, описанных основателем и издателем словаря, Й. Шрепфером. Поскольку об этих принципах, а также целях и задачах ССО нам уже приходилось говорить[1], мы остановимся ниже, главным образом, на конкретном содержании очередных выпусков, высказав предварительно некоторые соображения общего характера.

Завершив в 5/6 выпусках публикацию материалов серии A (Ausgabe A) по теме 'числительные', ССО, "по выраженной его многочисленными использователями просьбе" (S. 252), начиная с темы 'время', стал вводить в раздел "Allgemeines" бóльший объем информации, предназначенной преимущественно для публикуемой во вторую очередь серии B (Ausgabe B) и касающейся происхождения и первоначальной семантики привлекаемого ономасиологического материала ("Kommentarteil" и "Motivationsteil"). Этим отчасти устраняется отрыв "общего" от "комментирующего", но затрудняется выполнение "общим" разделом его специфических функций, одна из которых заключается в соотнесении ономасиологических и иных языковых данных с широким историко-культурным фоном, ср. предпринимаемые ССО экскурсы в область истории общества, литературы, науки. Заметим, что здесь, вероятно, были бы уместны и данные мифологии и фольклора, к которым ССО обращается очень редко. Те историко-культурные данные, которые словарь привлекает, дают для описания "истории идей" (К.Д. Бак) относительно немного и выглядят скорее некими отступлениями, перемежающими информацию этимологического порядка. Последняя, в свою очередь, заслуживает упрека в некотором однообразии, что во многом объясняется или отсутствием аргументации или ее несколько односторонним, сугубо семантико-типологическим характером. В некоторых случаях (см., например, в статье 'время', S. 255–283) аккумуляция этимологических справок достигает такого предела, когда "центрирующая" материал пространственно-временная перспектива теряется из виду. Впрочем, некоторая диффузность ее обрисовки может считаться общим недостатком разделов "Allgemeines". Так, материалы по теме 'числительные', касающиеся систем счета и связанных с отдельными числами древних мифопоэтических ассоциаций, не дают о них достаточно последовательного представления. Между тем, для решения этой задачи, ССО, как и в ряде других случаев, было бы достаточно шире использовать уже существующую литературу, например, раздел о числительных в недавней монографии об индоевропейцах и их языке[2].

Рецензируемые выпуски не уменьшили уже высказывавшихся нами опасений,

касающихся этимологической базы ССО, недостатки которой могут отрицательно сказаться на выполнении этим словарем роли справочника по семантической типологии. С одной стороны, ССО находится в курсе новейших этимологических разработок (хотя есть и немало упущений), но, с другой, довольно часто пользуется этимологическими решениями, явно отстающими от уровня современной науки. Сказанное, по-видимому, частично объясняется тем, что в процессе составления словаря обширные данные "архива сравнительной семантики" (S. 195) Й. Шрепфера как бы заслоняют не-типологическую аргументацию в этимологии и реконструкции. Но и типологическое обоснование этимологических версий нередко выглядит чересчур беглым даже для "общего" раздела (ссылки на необходимость ограничения объема не всегда "проходят" хотя бы потому, что многие страницы остаются полностью или более чем наполовину свободными от текста, см. S. 216, 221–222, 226, 230, 300, 312, 325–326 и т.п.). С этим связан как бы "экспериментальный" характер ряда предложенных в ССО этимологических справок, что едва ли способствует надежности ССО как справочника по семантической типологии.

В отличие от известного словаря Бака, ограничивающегося "избранными синонимами", ССО ориентирован на "сверхзадачу" возможно более полного охвата всех обозначений того или иного понятия в каждом из привлекаемых языков. Уже указывалось (на примере древнегреческого языка), что при всей полезности такого подхода, скажем, для выявления в обследуемом культурно-языковом ареале "межъязыковых семантических влияний" и "мотивационных универсалий", он не может быть до конца осуществлен в рамках труда типа ССО, особенно с учетом принятой в словаре "неплотной" понятийной сетки, вынуждающей относить к одной и той же понятийной лемме слова с отнюдь не тождественными значениями[3] (вроде ‘утро’ – ‘заря’, см. ниже). Ориентация на "сплошной" охват синонимов увеличивает вероятность того, что ономасиологический материал может содержать разного рода пропуски.

Следующие далее замечания по тексту 5–8 выпусков ССО касаются главным образом содержащихся здесь справок по индоевропейской и славянской этимологии (ср. в ССО сведения по этимологии сино-тибетских, японских, семитских и других слов, которых мы не касаемся). Эти замечания, как представляется, достаточно наглядно демонстрируют известную недооценку (недостаточную строгость) формальной стороны анализа и подачи материала. Даются также примеры ощутимых лакун в разделах, содержащих собственно ономасиологические данные – списки синонимов по языкам.

Поскольку в статье о названиях ‘шести’ не приводится соответствующая индоевропейская реконструкция, формальная сторона сравнения индоевропейского названия с и.-е.* *sekᶙ* ‘следовать’ (S. 197)[4] остается неясной. Очевидно, что, исходя из обычного **s(u̯)ek's* или **s(u̯)eks* (где начальное *s-* иногда объясняют влиянием **septm* ‘семь’) это сравнение не может быть принято, чем обесценивается содержащийся в нем момент семантико-типологического правдоподобия, раскрытый, кстати, чересчур бегло. ССО следовало бы учесть типологически четко мотивированную гипотезу А. Неринга об и.-е. **u̯ek's* ‘шесть’, собственно, ‘увеличение, прирост’[5], т.е. число, получаемое прибавлением к пяти (=‘совокупности пальцев одной руки’, ср. ССО 3/4, S. 189) еще одного "счетного кванта"[6].

Соположение и.-е. **septm̥* ‘семь’ с лат. *seelīre p* ‘погребать’, др.-инд. *sapareā̄* ‘почитание, преклонение’ (S. 203; почему не др.-инд. *sápati* ‘почитает, совершает обряд’?), не снабженное какими-либо доводами или библиографическими отсылками, выглядит бездоказательным. Отсутствует указание на весьма вероятную и семасиологически интересную возможность заимствования **septm̥* из афроазиатского источника[7]. В статье о названиях ‘восьми’ (S. 207) нет отсылки к 3/4 выпуску ССО (S. 186), где и.-е **kᶙ etu̯ō r(es)* ‘четыре’, наряду с **ok'tō(u)* ‘восемь’, выводится из **kᶙet–* ‘кончик (пальца)’, что типологически заманчиво, хотя сопряжено с трудно преодолимыми формальными трудностями. Вместе с тем, принимая для дуалиса **ok'tō(u)* правдоподобную мотивировку ‘два ряда из четырех пальцев (при загнутом большом)’ (S. 207), следовало бы сказать, что она, по существу, подразумевает и.-е. **ok'tó-* ‘четыре (пальца)’ (весьма сомнительное родство с

другим названием для четырех – *k^{u}etuōr- менее существенно) и поддерживается авест. *ašti* ‘ширина в четыре пальца’[8]. Полезно иметь в виду также возможность связи **ok'tó-* и картв. *otxo* ‘четыре’[9]. Для ‘девяти’ более точно и.-е.**neun* или **neu(e)n* (не **neum̥*, см. S. 211).

Принимаемое для и.-е. **dek' m̥(t)* ‘десять’ исходное значение ‘две руки’ (S. 217; индоевропейская реконструкция представлена здесь не вполне точно), предполагающее и.-е. **de-k' m̥(t)* подтверждено лишь беглой типологической аргументацией. Целесообразно было бы упомянуть об и.-е. *de/do* в хетт. *da-iuga* ‘двухлетний’, др.-ирл. *de-bide* ‘разделенный на два’, а также и.-е. *k'om-tu-* в гот. *handus* ‘рука’ и т.п.[10] Репрезентация этимона др.-инд. *vi m̥śatí-* ‘двадцать’ и проч. в виде и.-е.**dvi k m̥ ti* (S. 231; древнеиндийское слово передано не вполне точно) выглядит несколько небрежной. В этом случае реконструируют и.-е. **u ī - k' m̥ t - ī* (resp. **u ī - k m̥ t - ī*), собственно, **(d) u ī - (d)k' m̥ t - ī* ‘два десятка’. Сравнение и.-е. **k' m̥ to-* ‘сто’ и **km* > лат. *cum* ‘вместе, с’ (S. 237; точнее, наверное, было бы говорить об и.-е. **k'om* или **kom* ‘то же’), при известной его оригинальности, должно быть отклонено уже в силу известного (и гораздо более очевидного) объяснения **k' m̥ to-* < **(d)k' m̥ t-* < **dek' m̥(t)o-*, указывающего на существование у индоевропейцев децимального счета, ср. более архаичные "четверичную" и "пятиричную" системы. В статье ‘тысяча’ индоевропейское название, отразившееся в германо-балто-славянском ареале, дается в виде **tū s-komtja* ‘большая сотня’ (S. 241; ср. S. 237, где говорится о и.-е. **k'm̥tó-* с палатальным *k'*), точнее было бы говорить о**tūs - k' m̥ t - ī*[11]. К сожалению, не упоминается типологически и формально значимая реконструкция **tūs-' n̥ t- / * tūs - ant-*, причастного образования от **tūs-*[12], ср. родственное слав. **ty-ti* и проч. Недостаточно четкости в справке об иранском происхождении венг. *ezer* ‘тысяча’ (S. 241) с упоминанием алан. ‘Αζαρίον. Целесообразнее была бы прямая отсылка к осет. *ærzæ* (‹æzær), авест. *hazaŋra-* ‘тысяча’, с которыми М. Фасмер сопоставлял аланское имя собственное[13], тем более что иранские факты относятся к затрагиваемым в ССО рефлексам и.-е. **g'heslo-* ‘тысяча’.

Касаясь лат. *tempus*, рус. *час* (S. 262, 277) и других обозначений ‘времени’, ‘часа’ и т.п., ССО недостаточно или совсем не учитывает многие важные этимологические разработки соответствующего материала, в частности, труды Г. Якобссона (см. Фасмер IV, 318; ЭССЯ 4, 29–30). Здесь же хотелось бы обратить внимание ССО на словарь В.И. Абаева, отличающийся пристальным вниманием к семасиологической стороне, ср., в частности, анализ осет. *ræstæg* ‘время’ (Абаев II, 377–378). Умозрительна предлагаемая для прус. *kĕrdan* ‘время’ мотивация ‘расширение, распространение’ (S. 262). Для этой лексемы, как и для ее славянского соответствия **čerda* ‘череда (скота); пора, отрезок (времени)’ и ряда других фактов, хорошо доказана, в том числе типологически, связь с и.-е. **ker-dh-* ‘резать, членить’ (см. подробнее ЭССЯ 4, 61–62; Топоров. Прус. яз. I–K, 315–323).

Необходимость предполагать шумерское происхождение тюрк. *täŋri* ‘небо; бог’ (S. 277) отпадает в силу связи этой лексемы с др.-тюрк. *täŋiz* ‘море’, ср. монг. *dalai* ‘море; великий, вселенский, верховный’[14].

Явно ошибочно объяснение укр. *мить* ‘миг, момент’ из **mūg-tis*, где *mūg-* понимается как параллельное образование к *mīg-* (S. 279; здесь же неправомерно привлекается лат. *mutus* ‘немой’, связанное в действительности со звукоподражательным *mū*). При этом оставляется без внимания, что слав. **mig-* < **meig-* (ср. прус. *meicte* ‘спать’ и проч.). Упускается из виду рус. *в одну мыть* ‘тотчас’, сопоставлявшееся М. Фасмером (II, 26) с

мыть 'линька'. Сопоставление др.-инд. *muhūrtá* 'мгновение' с хет. *meḫur* 'время' (S. 282; хеттское слово дано не вполне точно), по-видимому, основано на недоразумении и не учитывает, что *meḫur* родственно др.-инд. *mā-*, и.-е. **mē-* 'мерить' (см. о последнем S. 273–274, а также Pokorny I, 703–704).

Известное противоречие просматривается в трактовке рефлексов слав. **nagl-*. Для чеш. *náhle*, польск. *nagle* 'вдруг' принимается сравнение В. Махека с лтш. *naguôt* 'спешить' (S. 308); а для ст.-слав. **нагло** 'вдруг' (кстати, отсутствующего в перечне синонимов для 'вдруг', см. S. 302–305) – старое сближение с гот. *anaks* 'внезапный, быстрый' (S. 382) и др. Позднейшие толкования **nagl-*, в том числе показательная в семантико-типологическом плане этимологизация из **nag-n-* (: **nagъ* 'нагой')[15] при этом не учитываются. При рассмотрении **nagl-*, как и в ряде других случаев, ССО ограничивается данными немецкого оригинала словаря М. Фасмера (Vasmer), проходя мимо дополнений, содержащихся в русском переводе (Фасмер). Они не были приняты во внимание в случае с рус. *напрасный*, для которого ССО без должных оснований поддерживает оставленное уже М. Фасмером сближение с др.-инд. *prasabham* 'насильно, вдруг, быстро' (S. 309; ср. Фасмер II, 43).

Данные ЭССЯ (14, 48–49) обнаруживают в ССО лакуны в перечне синонимов для 'начинать', где дается словен. *lotíti se, lotévati se* (S. 317), но упускаются *látati se, lâčati se* 'браться, приниматься (за что-либо)', с.-хорв. *ла̏тити* (*се*) 'то же'. В "Kommentarteil" ССО будет полезно учесть и предлагаемую в ЭССЯ (там же) этимологическую интерпретацию указанных фактов. В статье 'начинать' можно отметить и другие недостатки, например, отсутствие лит. *į-nìkti* 'приняться, взяться (за что-либо); увлечься' и непоследовательность в подаче славянских соответствий этого слова (Фасмер III, 74–75): приводятся чеш. *vzniknouti*, словац. *vzniknút'*, рус. *возни́кнуть* (S. 318–319), но нет употребляющихся в значении 'возникнуть, появиться' (пусть переносно) с.-хорв. *ѝзникнути*, болг. *изни̂кна*, макед. *возникне* и др. (ср. отчасти и соответствующие бесприставочные образования). В перечне синонимов есть рус. *бра́ться*, укр. *взя́ти* (S. 135), но нет рус. *взя́ться*, укр. *взя́тися*. Опечатка, проникшая в др.-рус. *начинатися*, привела к появлению несуществующего *начатинатися* (S. 319).

Серьезные пропуски обнаруживаются в статье 'утро', где в перечне синонимов представлены ст.-слав. **пробрѣзгъ** и польск. *brzask* 'рассвет' (S. 430–431), но отсутствуют словен. *brêsk*, словац. (редк.) *bresk*, ц.-слав. **брѣзгъ,** др.-рус. *брѣзгъ*, рус. диал. *брезг* 'рассвет, наступление утра' (ЭССЯ 3, 17, 19). В той же статье в списке синонимов фигурируют макед. *зора*, словен. *zóra*, др.-рус. *заря* и с.-хорв. *зо̏ра*, но упущены другие рефлексы слав. **zar'a*, **zor'a* в значении 'заря, зарево', а также лит. *žarà* 'заря', которые, однако, упоминаются в разделе "Allgemeines" (S. 432, ср. Фасмер, s. v. *заря́*). При этом утерян из виду существенный момент амбивалентности "зари", которая может быть не только утренней, но и вечерней (*Morgen-röte*: *Abend-röte* и т.п.), ср. отсутствие соответствующих фактов в статье 'вечер'. Статья 'утро' была бы значительно полнее при учете осуществленного Т.В. Горячевой анализа славянских и других обозначений понятия 'рассветать', в частности, славянских параллелей затрагиваемой в ССО (S. 432) латино-романской семантической модели 'рассвет, рассветать' < 'белый, белеть': лат. *albeō* 'белеть, рассветать', итал. *alba*, франц. *aube* 'рассвет', рус. диал. *бель-та* 'то же', *добела́* 'на рассвете', *бело́* 'рассвет', болг. *разбе́лва се* 'светает'[16] (см. еще ЭССЯ 2, 79). Мы добавили бы сюда так же п.-монг. *čai-*, монг. *цай-*, бурят. *сай-* 'белеть, бледнеть, светать'[17]. К разбору в ССО фактов типа нем. *es tagt* 'светает', рус. *денько́м* 'ранним утром' следует добавить рус. диал. *днеть, дни́ться*, укр. *днiти*, блр. *днець* 'рассветать'. Показательно, что для балт.* *deinā* (> лит. *dienà*, лтш. *diena* 'день') реконструируется исходное значение 'утро и весь день'[18]. Для лит. *rýtas*, лтш. *rīts* 'утро' ССО устанавливает приемлемое, в принципе исходное значение 'появление света' (S. 429), но не учитывает, что лтш. *rietēt* (собственно, *riẽtêt)* известно не только в значении 'показываться (о рассвете, заре)', но и в значении 'катиться' (о слезах); катить, валять; опускаться (о солнце)' и др.[19] При этом теряется из виду существование балт. **reit-* (лтш. *riẽtêt*, а также лит. *rietėti* 'катиться; вылупляться, родиться – о цыпленке', лтш. *rietumi* 'запад', лит. *rytaẽĩ* 'восток' и проч.) и его параллелизм со слав. **kat-*, **kot-* 'катиться' (ср. рус. *закат солнца* и т.п.)[20].

Простую констатацию существования сложных топонимов, включающих в качестве первого члена морфему со значением 'новый' (S. 367) или 'старый' (S. 410), хотелось бы видеть дополненной сведениями о соотношении 'нового' и 'старого' в топонимии (ср. пары вроде *die Neuwelt* : *die Alte Welt* или *New York* : *York*), а также этнонимии[21]. Эти сведения, несомненно, существенно дополнили бы интересное обсуждение контроверзы 'нового' и 'старого' в культурологическом плане (S. 368–369 остались наполовину свободными от текста).

Вызывает недоумение содержащееся в статье 'вчера' указание на некий "предложный элемент *v / u̯*" в балто-славянских фактах типа рус. *ве́чер, вчера́* (S. 395). И.-е.* *u̯ekero-* и близкое **u̯espero-* упоминаются в статье *ве́чер*, где речь о предложном элементе уже не идет, но утверждается, что индоевропеистика усматривает родство между этими словами и "герм. *West*, а также др.-инд. *avas, ava* 'вниз'" (S. 444, без отсылки к S. 395, см. выше). Это утверждение не могут спасти и полезные типологические параллели (S. 444).

Словац. *nastávajúci*, фигурирующее в числе синонимов для обозначения 'будущего'(S. 412), в современном узусе представляют собой лексикализованное активное причастие (от *nastávat'* 'наступать') в значении 'жених', ср. чеш. *nastávající* 'предстоящий, будущий', (разг.) *nastávající* 'будущий муж'. Известным возражением против утверждения (S. 444) об отсутствии семантико-типологических параллелей у н.-греч. λυκόφως 'сумерки' (= 'волчий свет') может служить франц. *entre chien et loup* 'в сумерки' (ср. у Пушкина в "Евгении Онегине": "*пора меж волка и собаки*").

Объясняя в статье 'ночь' рус. диал. *невóзглас, нéвголос, нéвголось* 'время после полуночи' (S. 448) было бы полезно принять во внимание такие факты, отсутствующие в перечне синонимов, как рус. *глуха́я ночь*, диал. *глупа́я ночь*, укр. *глу́па ніч, північ* 'глубокая ночь', блр. диал. *глушь, самая глупась* 'полночь' (ЭССЯ, 6, 146–154). Упоминаемое в той же статье рус. диал. *ночь* 'запад, север', конечно, напрашивается на сравнение с рус. (уст., поэт.) *полночь* 'север', *полдень* 'юг' и аналогичными фактами в других славянских языках. В перечне греческих синонимов для обозначений 'ночи' (S. 447) обращает на себя внимание отсутствие интересного 'αμολγός (νυκτός) 'мрак (ночи)'. Напротив, лит. *sutemà* 'сумерки' (S. 446), а также с.-хорв. *sumrāk* словен. *mrák* то же следовало бы, вероятно, перенести в статью 'вечер' (впрочем, названные южнославянские факты в ней присутствуют, см. S. 443).

Более чем спорно включение в один ряд с лит. *dègti* 'гореть', др.-инд. *ni-daghā* 'жара, лето'(S. 455, с опечаткой: *ni-dēgha-*) и другими рефлексами и.-е.* *dhegu̯h-* 'жечь', готского *dagr* 'слезы', восходящего к и.-е. **dak'ru-*. Вызывает возражение определение *-n-* в др.-инд. *dína-*, слав. **dьnь*, лит. *dienà* как "носового инфикса" (там же). Связывая эти названия дня с и.-е. **dei̯-/*di-*, правильнее видеть *в -n-* суффиксальное расширение данного корня, что обычно и делается (ЭССЯ 5, 213).

В справках ССО о славянских "корнях" **vr̥chъ* (S. 343) и **krat-* (S. 345–346 – о рус. диал. *о-корoти́ть* и проч.), по существу правильных, этим морфемам без видимых оснований придан несколько странный, в последнем случае как бы "старославянский" вид (почему не **vьrch-*[22], **kort-*?). То же касается и слав. **rasti* (почему не **orsti* ?), сближаемого одновременно с алб. *ritem* 'расту' и др.-инд. *r̥dh–* 'процветать' (S. 359; ССО дает [неточно: *-r-* вместо *-r̥-*] др.-инд. *r̥dhnāti*, но от указанного корня известны лишь презенсы *r̥dháti, r̥dhyati, r̥dhnóti*). Однако для *r̥dh-* наиболее вероятна связь с греч. αλθομαι 'расту' и др. (Фасмер III, 446; Mayrhofer I, 124). Искажает историческую перспективу указание, согласно которому "слав. *prěžde*" – компаратив к *péred* (S. 391): правильнее было бы говорить о соотношении слав. **perdъ*: **perdje*, ср. ст.-слав. *prědъ* : *prěžde*, рус. *пе́ред*: (диал.) *пере́же* (рус. *пре́жде* < ц.-слав.). Еще более некорректно говорить, подменяя обще- или праславянскую форму русской, о слав. **idti* как соответствии лит. *eĩti* 'идти' (S. 388, 414), ср. праслав. **jьdǫ, iti* (ЭССЯ 8, 247–248). Неточна передача др.-рус. *задьнии, передьнии* в виде *zadniji, peredniji* (S. 389, ср. S. 415, где даются уже *prednьjь, zadnьjь* – непоследовательности и

неточности такого рода при транслитерации кириллицы латиницей встречаются и в других случаях).

Приходится с сожалением констатировать, что в рецензируемых выпусках ССО, помимо ряда недостаточно достоверных или неточных реконструкций и интерпретаций (их перечень мог бы быть расширен), содержится немало опечаток и других погрешностей при простом цитировании языковых фактов, в библиографических ссылках и т.п. Ср. еще несколько примеров в дополнение к уже упомянутым или приведенным выше: венг. *tizendik* (S. 219, надо: *tizědik*), лтш. *divdesimt* (S. 232, надо: *divdesmit*), др.-инд. *daśa-śate-nayana* (S. 241, надо: *daśa-śata-nayana*), польск. Warzawa (S. 253, надо: Warszawa), Coronimas, имя исследователя (S. 253, надо: Corominas), чеш. českéko, slovenskéko (S. 254, надо: českého, slovenského – в названии этимологического словаря В. Махека, которое, вопреки ССО, во втором и третьем издании выглядит несколько иначе, чем в первом, ср. Machek[1], Machek[2, 3]), др.-инд. *ṭr-* (S. 327, надо: *t r̄ₒ-*), франц. *dentes* (S. 300, надо: *dents*), лит. *siũ* (S. 352, надо: *šiũ*), лтш. *šašdienas-*, *šedienas-* (S. 372, надо: *šāšdienas, šodienas)*, лит. *iš greituju, ant greituju* (S. 378, всюду вместо *-u-* надо *-ų-*), ст.-слав. **вь ть чась** (S. 379, надо: **въ тъ часъ**), блр. *дáўні, даунéйшы, старадáўні* (S. 404, всюду надо - ў - вместо *-у-*), герч. 'Ιτίκη (S. 410, надо: 'Ιτύκη), лтш. *leiks* (S. 436, надо: *laiks*), ст.-слав. *vrěme* (S. 438, надо: *vrěmę*) и т.д. Мы не говорим уже о многочисленных неточностях в расстановке долгот и ударений, главным образом, в литовских и сербохорватских словах. Добавим к этому, что, приводя те или иные факты, ССО, как правило, не указывает источник, откуда они взяты, и это затрудняет их проверку.

Подчеркнем еще раз в заключение, что для успешного решения своих задач ССО нуждается в значительном повышении уровня лингвистической строгости/точности.

А.Е. Аникин

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]*Аникин А.Е.* Рец. на кн.: Wörterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre. Onomasiologie. Begründet und herausgegeben von J. Schröpfer. Bd. I. Lief. 1/2, 3/4. Heidelberg, 1979–1981 // Этимология 1982. М., 1985, 173–176.

[2]*Иванов Вяч.Вс., Гамкрелидзе Т.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. Тбилиси, 1984, 840–855, см. также: *Топоров В.Н.* Числа // Мифы народов мира. Т. II. М., 1988, 629–631.

[3]*Гаврилов А.К.* Древнегреческая лексика как объект идеографического описания // Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. Л., 1986, 15–17 (с весьма высокой общей оценкой двух первых выпусков ССО).

[4]ССО оперирует **sequ̯–*, где не очень корректное *qu* вместо $q^{u̯}(k^{u̯})$ как и в ряде аналогичных случаев, вероятно, диктуется техническими соображениями (ср. S. 186, 415, 455 и др.).

[5]*Nehring A.* Idg. "sechs" // Die Sprache, 8, 1962, 129–131; ср. еще: *Szemerényi O.* Studies in the I.-E. system of numerals. Heidelberg, 1960, 79.

[6]*Топоров В.Н.* К семантике четверичности (анатолийское **меu̯–* и др.) // Этимология 1981. М., 1983, 127.

[7]*Иллич-Свитыч В.М.* Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, 7.

[8]*Барроу Т.* Санскрит. М., 1976, 244.

[9]*Климов Г.А.* Картвельское **otxo* 'четыре' ~ индоевропейское **ok'to-* // Этимология 1975. М., 1977, 162–163; *Он же.* Дополнение к заметке "Картвельское **otxo* 'четыре' ~ индоевропейское **ok'to-* // Этимология 1981. М., 1983, 157–158.

[10]*Иванов Вяч.Вс.* К типологии числительных первого десятка в языках Евразии // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977, 39; *Jensen H.* Die indo-europäischen Zahlwörter 10, 100, 1000 // Zeitschrift für Phonetik 1/2, 1952, 50–57.

[11]Сравнительная грамматика германских языков. III. Морфология. М., 1963, 372.

[12] *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. М., 1980, 240; ср. еще: *Stang Ch.S.* Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen. Oslo; Bergen; Trömsö, 1966, 59.

[13] *Абаев В.И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М., 1979, 291.

[14] *Хелимский Е.А.* Происхождение древнетюрского чередования и дилемма "ротацизма-зетацизма" // Советская тюркология, 2, 1986, 46.

[15] *Трубачев О.Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, 173–176.

[16] *Горячева Т.В.* Этимологические заметки (*молонить, закрина, перевять, сертуха, *sivati, лиять*) // Этимология 1981. М., 1983, 68–70.

[17] Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. II, Л., 1977, 382.

[18] *Mažiulis V.* Prūsų kalbos etimologijos žodynas. I. A–H. Vilnius, 1988, 188.

[19] *Karaliūnas S.* Baltų kalbų struktūrų bendrybės ir jų kilmė. Vilnius, 1988, 132, 155.

[20] *Топоров В.Н.* К семье анатолийск. *kat*(*a*), др.-греч. κατά // Этимология 1971. М., 1973, 292.

[21] *Trubačev O.N.* Ein Fall der Typologie: das Problem der 'Alten Arier' und die arische Trennung // Festschrift for O. Szemerényi on the Occasion of his 65th Birthday, ed. by B. Broganyi. Amsterdam, 1979, 903–908.

[22] Для обозначения слав. *x* ССО использует диграф *ch*.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Абаев	Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958–1989. Т. I–IV.
Арханг. словарь	Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой. МГУ, 1980–1990–. Вып. 1–6/7–.
Байкоў–Некрашэвіч	Байкоў М., Некрашэвіч Е. Беларуска-расійскі слоўнік. Мінск, 1925.
БДА	Български диалектен атлас в четири тома / Отг. ред. С. Стойков. С., 1964–1981.
БД	Българска диалектология. С., 1962–1981. Т. I–X.
БЕР	Български етимологичен речник / Съст. Георгиев В., Гълъбов Ив., Заимов Й., Илчев Ст. и др. С., 1962–1986–. – Т. I–III–.
Богораз	Богораз В.Г. Областной словарь колымского русского наречия // Сб. ОРЯС, СПб., 1909. Т. 68, № 4.
БТР	Андрейчин Л., Георгиев Л., Илчев Ст. и др. Български тълковен речник. С., 1955.
Бурнашев	Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. СПб., 1843–1844. Т. 1–2.
Бялькевіч	Бялькевіч І.К. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.
Варшавский словарь	Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Słownik języka polskiego. W-wa etc., 1900–1927 (1952–1953).
Ващенко	Ващенко В.С. Словник полтавських говорів. Віп. 1. Харків, 1960.
Волог. словарь	Словарь вологодских говоров / Ред. Т.Г. Паникаровская. Вологда, 1983–1990–. А–Г (1983), Д–З (1985), И–К (1987), К–М (1990), М–Н (1990)–.
Герасимов	Герасимов М.Н. Словарь уездного Череповецкого говора / СбОРЯС, СПб., 1910. Т. 87, кн. 3.
Геров	Геровъ Н. Рѣчникъ на блъгарскый языкъ. Пловдивъ, 1895–1904 (С., 1975–1978), ч. I–V; ч. VI (= Панчевъ Г. Допълнение на българския рѣчникъ отъ Н. Геровъ). Пловдивъ, 1908 (С., 1978).
Гринченко	Гринченко Б.Д. Словарь украинского языка. К., 1907–1909. Т. I–IV.
Даль²	Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-ое изд. СПб.; М., 1880–1882 (1955). Т. I–IV.
Даль³	Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. СПб.; М., 1903–1909. Т. I–IV.
Добровольский	Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
Донск. словарь	Словарь русских донских говоров / Авторы-сост.: Валюсинская З.В., Выгонная М.П. и др. Ростов-на-Дону, 1975–1976. Т. 1–3.
Дополнение к Опыту	Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1868.
ЕСУМ	Етимологічний словник української мови / Ред. кол.: О.С. Мельничук, І.К. Білодід, В.Т. Коломієць, О.Б. Ткаченко. К., 1982–1989–. Т. 1–3–.
З народнага слоўніка	З народнага слоўніка. Мінск, 1975.
Иванова. Подмоск.	Иванова А.Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.

Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения	Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь... М., 1971, 1976, 1984.
Караџић	Караџић Вук Стеф. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Треће (државно) издање. Биоград, 1898.
Картотека ДРС	Картотека Словаря русского языка XI–XVII вв. (Институт русского языка РАН. М.).
Картотека СРНГ	Картотека Словаря русских народных говоров (СПб., Институт лингвистических исследований РАН).
Касьпяровіч	Касьпяровіч М.І. Віцебскі краёвы слоўнік / Пад рэд. Байкова М.Я. й праф. Эпімаха-Шыпілы В.І. Віцебск, 1927.
Конески	Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања / Сост. Т. Димитровски, Бл. Корубин, Тр. Стаматоски. Под ред. на Бл. Конески. Скопје, 1961, 1965, 1966. Кн. I–III.
Куликовский	Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
Лексика Полесья	Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. / Отв. ред. Н.И. Толстой. М., 1968.
Лисенко	Лисенко П.С. Словник поліських говорів. К., 1974.
Мельниченко	Мельниченко Г.Г. Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820–1956 гг.). Ярославль, 1961.
Меркурьев	Меркурьев И.С. Живая речь кольских поморов. Мурманское книжное издательство, 1929.
Младенов	Младенов С. Етимологически и правописен речник на български книжовен език. С., 1971.
Мордов. словарь	Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР / Сост.: Э.С. Большакова, Н.П. Кудряшова, П.В. Михалева и др. Саранск, 1978–1986–. А–Г (1978), Д–И (1980), К–Л (1982), М–Н (1986)–.
Носович	Носович И.И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
ОЛА	Общеславянский лингвистический атлас / Материалы и исследования. М.
Опыт	Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
Паламарчук	Паламарчук Л.С. Словник специфічної лексики говірки с. Мусіївки (Вчорайшенського району Житомирської області). / Лексикографічний бюлетень. К., 1958. Вип. VI.
Преображенский	Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914. Т. I–II. Окончание / Труды ИРЯ, М., 1949. Т. 1.
Приамур. словарь	Словарь русских говоров Приамурья / Сост. Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Путятина, Н.П. Шенкевец. М., 1983.
Псков. словарь	Псковский областной словарь с историческими данными / Ред. коллегия: Б.А. Ларин, А.С. Герд, С.М. Глускина и др. Л., 1967–1990–. Вып. 1–8–.
Радлов	Радлов В.О. Опыт словаря тюркских наречий. I–IV. СПб., 1833–1911.
Расторгуев	Расторгуев П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины / Материалы для истории словарного состава говоров. Минск, 1974.
Ровинский. Черногория	Ровинский П. Черногория в ее прошлом и настоящем / Сб. ОРЯС, СПб., 1905. Т. LXXX, N 2.
РСА	Речник српскохрватског књижевног и народног езика. Београд, 1959–1989–. Кн. 1–14–.
СДР	Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. Р.И. Аванесов. М., 1988–1991–. Т. I–IV–.

Слоўн. паўн.-заход. Беларусі	Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / Укладальнікі: Ю.Ф. Мацкевіч, А.І. Грынавецкене, Я.М. Рамановіч, А.І. Чабярук, Ф.Д. Клімчук і інш. М., 1978–1986. Т. 1–5.
Словн. укр. мови	Словник української мови. К., 1970–1980. Т. 1–11.
СлРЯ XI–XVII вв.	Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. Бархударов (вып. 1–6), Ф.П. Филин (вып. 7–10), Д.И. Шмелев (вып. 11–14), Г.А. Богатова (вып. 15–18). М., 1975–1992–. Вып. 1–18–.
Сл. Сред. Урала	Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. А.К. Матвеева. Свердловск, 1964–1988. Т. I–VII.
Соликам. словарь	Беляева О.П. Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.
Срезневский	Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1903 (Репринт 1989 г.). Т. I–III.
СРНГ	Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–23);Ф.П. Сороколетов (вып. 24–27).Л., 1966–1992–. Вып. 1–27–.
Толстой[1]	Толстой И.И. Сербскохорватско-русский словарь. М., 1957.
Толстой[3]	Толстой И.И. Сербскохорватско-русский словарь. Изд. 3. М., 1970.
Топоров. Прус. яз.	Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. М., 1975–1990–. A–D (1975), E–H (1979), I–K (1980), K–L (1984), L (1990)–.
Тураўскі слоўнік	Крывіцкі А.А., Цыхун Г.А., Яшкін І.Я. Тураўскі слоўнік. Мінск, 1982–1987. Т. 1–5.
Ушаков	Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1–4.
Фасмер	Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М., 1964–1973 (1986–1987). Т. I–IV.
Хостник	Хостник М. Словинско-русский словарь. Горица, 1901.
Элиасов	Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
ЭСБМ	Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В.У. Мартынаў. Мінск, 1978–1991–. Т. 1–7–.
ЭССЯ	Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1974–1993–. Вып. 1–20–.
Юрчанка. Мсцісл.	Юрчанка Г.Ф. Дыялектны слоўнік (З гаворак Мсціслаўшчыны). Мінск, 1966.
Юрчанка. Нар. вытвор. слова.	Юрчанка Г.Ф. Народнае вытворнае слова: З гаворкі Мсціслаўшчыны. Мінск, 1981–1983. А–Л (1981), М–Р (1983).
Янкова	Янкова Т.С. Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны. Мінск, 1982.
Янкоўскі	Янкоўскі Ф.М. Дыялектны слоўнік. Мінск, 1959–1970. Т. I–III.
Ярослав. словарь	Ярославский областной словарь / Ред. колл.: Г.Г. Мельниченко, Л.Е. Кругликова, Е.М. Секретова. Ярославль, 1981–1991. Аа–Бобинка (1981), Бобовки–вертушок (1982), Вертыхаться–дидля (1984), Дикариться–иштык (1985), К–Лиова (1986), Липень–няучить (1987), О–пито (1988), Питок–ряшка (1989), С–тятя (1990), У–ящорка (1991).
Bartoš	Bartoš Fr. Dialektologický slovník moravský (= Archív pro lexikografii a dialektologii, čislo 6). Pr., 1906.
Berneker	Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908–1913. A – morъ.
Bezlaj. Eseji.	Bezlaj F. Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.
Brückner	Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927 (1970).
Buck	Buck C.D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago, 1949 (1965; 1971).
Falk–Torp	Falk H. und Torp A. Norwegisch-dänisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Heidelberg, 1960. B. I–II.
Fraenkel	Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1955–1965. Lfg. 1–18.

Frisk	Frisk Hj. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954–1972. Bd. I–III.
Grimm	Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch. Leipzig, 1971, Bd. 1–16.
Hraste–Šimunović	Čakavisch-deutsches Lexikon / Von M. Hraste und P. Šimunović // Unter Mitarbeit und Redaktion von R. Olesch. Köln; Wien, 1979. Teil 1–2.
Iveković–Broz	Iveković F., Broz I. Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb, 1901. Sv. I–II.
Karłowicz	Karłowicz J. Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. T. I–VI.
Kluge–Mitzka[21]	Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / (20 Aufl. Bearb. Von W. Mitzka). 21 unveränd Aufl. B., 1975.
Kott	Kott F.St. Česko-německý slovník. Pr., 1878–1893. D. I–VII.
Linde	Linde S. Słownik języka polskiego. Lwów, 1854–1860. T. I–VI.
Lorentz. Pomor.	Lorentz Fr. Pomoranisches Wörterbuch. B., 1958-1975. Bd. I–IV.
Lorentz. Sl.Wb.	Lorentz Fr. Slovinzisches Wörterbuch. St. Petersburg, 1908, 1912. T. I–II.
Machek[1]	Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
Machek[2]	Machek V. Etymologický slovník jazyka českého / Druhé, opravené a doplněné vydání. Pr., 1968 (1971).
Mayrhofer	Mayrhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindisches. Heidelberg, 1953–1980–. L. 1–31–.
Mayrhofer. Altind.	Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Heidelberg, 1986–1992–. B. I–II– (Lief. 1–12–).
Malina. Mistř.	Malina J. Slovník nářečí mistřického. Praha, 1946 (= Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 10).
Miklosich LP	Miklosich Fr. Lexicon palaeslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.
Muka	Muka E. Słownik dolnoserbskeje rěcy a jeje narečow. SPb., 1911–1915. Bd. I; Pr., 1926–1928. Bd. II–III.
Niedermann–Senn–Brender–Salys	Niedermann M., Senn A., Brender F., Salys A. Wörterbuch der litauischen Schriftsprache. Heidelberg, 1932–1967. Bd. I–V.
Persson 1912	Persson P. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Uppsala, 1912 (= Skrifter Human. Vetensk. Samf. i Uppsala, Bd. 10).
Pfuhl	Pfuhl Dr. Łužiski-serbski słownik. Budyšin, 1866.
Pleteršnik	Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. Ljubljana, 1894–1895 (1974). Knj. I, II.
Pokorny	Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949–1959. Bd. I–II.
PSJČ	Příruční slovník jazyka českého. Praha, 1935–1957. Díl. I–IX.
Ripka	Ripka I. Vecný slovník dolno-trenčianskych nárečí. Bratislava, 1981.
RJA	Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880–1976. Sv. I–XXXIII.
Skok	Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971–1974. Knj. I–IV.
Sł. gw.p.	Słownik gwar polskich / Pod kierunkiem M. Karasia. Wrocław etc., 1979–1991–. T. I–III–.
Slovník jaz. stsl.	Slovník jazyka staroslověnského. Pr., 1958–1979–. Zesz. 1–33–.
Słownik prasłowiański	Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław etc., 1974–1991–. T. 1–6–.
SSJ	Slovník slovenského jazyka / Ved. red. dr. Št. Peciar. Br., 1959–1968. Diel I–VI.
Sychta	Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław etc., 1967–1976. T. I–VII.
Vaillant. Gramm. comparée	Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. Paris–Lyon, 1950–1974. T. 1–4.
Vasmer	Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1953–1958. B. I–III.

Walde[2]	Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch / 2 Aufl. Heidelberg, 1910.
ВЯ	Вопросы языкознания
ИОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук
ОЛА	Общеславянский лингвистический атлас / Материалы и исследования
РФВ	Русский Филологический Вестник
СДЗб	Српски дијалектолошки зборник
Чтения ОИДР	Чтения Общества истории и древностей российских
AO	Archiv orientální
BSL	Bulletin de la Société de linguistique de Paris
BSOAS	Bulletin of the School of Oriental and African Studies
KZ	Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A. Kuhn
LF	Listy filologické
SOc	Slavia Occidentalis
WdS	Die Welt der Slaven / Vierteljahrschrift für Slavistik
WuS	Wörter und Sachen / Kulturhistorische Zeitschrift für Sprach- und Sachforschung
ZfslPh	Zeitschrift für slavische Philologie
ZfceltPh	Zeitschrift für celtische Philologie

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

авест.	авестийский
агул.	агульский
азерб.	азербайджанский
аккад.	аккадский
алан.	аланский
алт.	алтайский
англ.	английский
араб.	арабский
арм.	армянский
арханг.	архангельский
балт.	балтийский
блр.	белорусский
болг.	болгарский
будух.	будухский
бурят.	бурятский
в.-бал.	верхнебальский
вед.	ведийский
венг.	венгерский
влад.	владимирский
в.-луж.	верхнелужицкий
волж.	волжский
волог.	вологодский
ворон.	воронежский
вост.-слав.	восточнославянский
вят.	вятский
герм.	германский
голл.	голландский
горьк.	горьковский
гот.	готский
греч.	греческий
груз.	грузинский
донск.	донской
др.-англ.	древнеанглийский
др.-болг.	древнеболгарский
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-греч.	древнегреческий
др.-груз.	древнегрузинский
др.-инд.	древнеиндийский
др.-ирл.	древнеирландский
др.-исл.	древнеисландский
др.-лат.	древнелатинский
др.-прус.	древнепрусский
др.-рус.	древнерусский
др.-тюрк.	древнетюркский
забайк.	забайкальский
заурал.	зауральский
и.-е.	индоевропейский
иран.	иранский
ирл.	ирландский
иркут.	иркутский
итал.	итальянский
казан.	казанский
калин.	калининский
калуж.	калужский
картв.	картвельский
кашуб.	кашубский
кашуб.-словин.	кашубско-словинский
кемер.	кемеровский
кимр.	кимрский
кирг.	киргизский
костр.	костромской
крыз.	крызский
курск.	курский
лакск.	лакский
лат.	латинский

лашх.	лашхский
лезг.	лезгинский
ленингр.	ленинградский
лит.	литовский
лтш.	латышский
макед.	македонский
мегр.	мегрельский
монг.	монгольский
морав.	моравский
морд.	мордовский
моск.	московский
н.-бал.	нижнебальский
н.-греч.	новогреческий
нем.	немецкий
нижегор.	нижегородский
н.-луж.	нижнелужицкий
н.-нем.	нижненемецкий
новгор.	новгородский
н.-перс.	новоперсидский
олон.	олонецкий
онеж.	онежский
оренб.	оренбургский
осет.	осетинский
оск.	оскский
пенз.	пензенский
перм.	пермский
перс.	персидский
печор.	печорский
письм.-монг.	письменно-монгольский
полесск.	полесский
польск.	польский
пракр.	пракрит
прарус.	прарусский
праслав.	праславянский
пренест.	пренестинский
прус.	прусский
псков.	псковский
рачин.	рачинский
родоп.	родопский
рум.	румынский
рус.	русский
рус.-цслав.	русско-церковнославянский
рутул.	рутульский
ряз.	рязанский
санскр.	санскрит
сарат.	саратовский
сван.	сванский
свердл.	свердловский
север.	северный
сев.-итал.	североитальянский
сев.-рус.	севернорусский
серб.	сербский
сингал.	сингальский
скиф.	скифский
слав.	славянский
словац.	словацкий
словен.	словенский
словин.	словинский
смол.	смоленский
согд.	согдийский
соликам.	соликамский
ср.-в.нем.	средневерхненемецкий
ср.-ирл.	среднеирландский
ср.-н.-нем.	средненижненемецкий
ср.-перс.	среднеперсидский
ст.-итал.	староитальянский
ст.-польск.	старопольский
стрешин.	стрешинский
ст.-слав.	старославянский
ст.-франц.	старофранцузский
ст.-чеш.	старочешский
с.-хорв.	сербохорватский
табас.	табасаранский
тамб.	тамбовский
твер.	тверской
тох.	тохарский
тув.	тувинский
тул.	тульский
тюрк.	тюркский
удин.	удинский
укр.	украинский
ульян.	ульяновский
умбр.	умбрский
урал.	уральский
франц.	французский
хетт.	хеттский
хинал.	хиналугский
хорв.-кайк.	хорватско-кайкавский
цахур.	цахурский
ц.-слав.	церковнославянский
чакав.	чакавский
череп.	череповецкий
чеш.	чешский
чуваш.	чувашский
шорск.	шорский
шток.	штокавский
ю.-слав.	южнославянский
яросл.	ярославский

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Научное издание

ЭТИМОЛОГИЯ

1991 — 1993

Утверждено к печати Институтом русского языка РАН

Зав. редакцией "Наука — Культура" *А.И. Кучинская*
Редактор издательства *Т.М. Скрипова*. Художественный редактор *Н.Н. Михайлова*
Технический редактор *О.В. Аредова*. Корректор *Н.И. Харламова*

Набор выполнен в издательстве на компьютерной технике

ИБ № 863
ЛР № 020297 от 27 ноября 1991 г.

Подписано к печати 08.11.94. Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 12,0. Усл.кр.-отт. 12,3. Уч.-изд.л. 15,4. Тираж 1000 экз. Тип. зак. 3224.

Издательство "Наука", 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН, 199034, Санкт-Петербург, В-34, 9-я линия, 12